

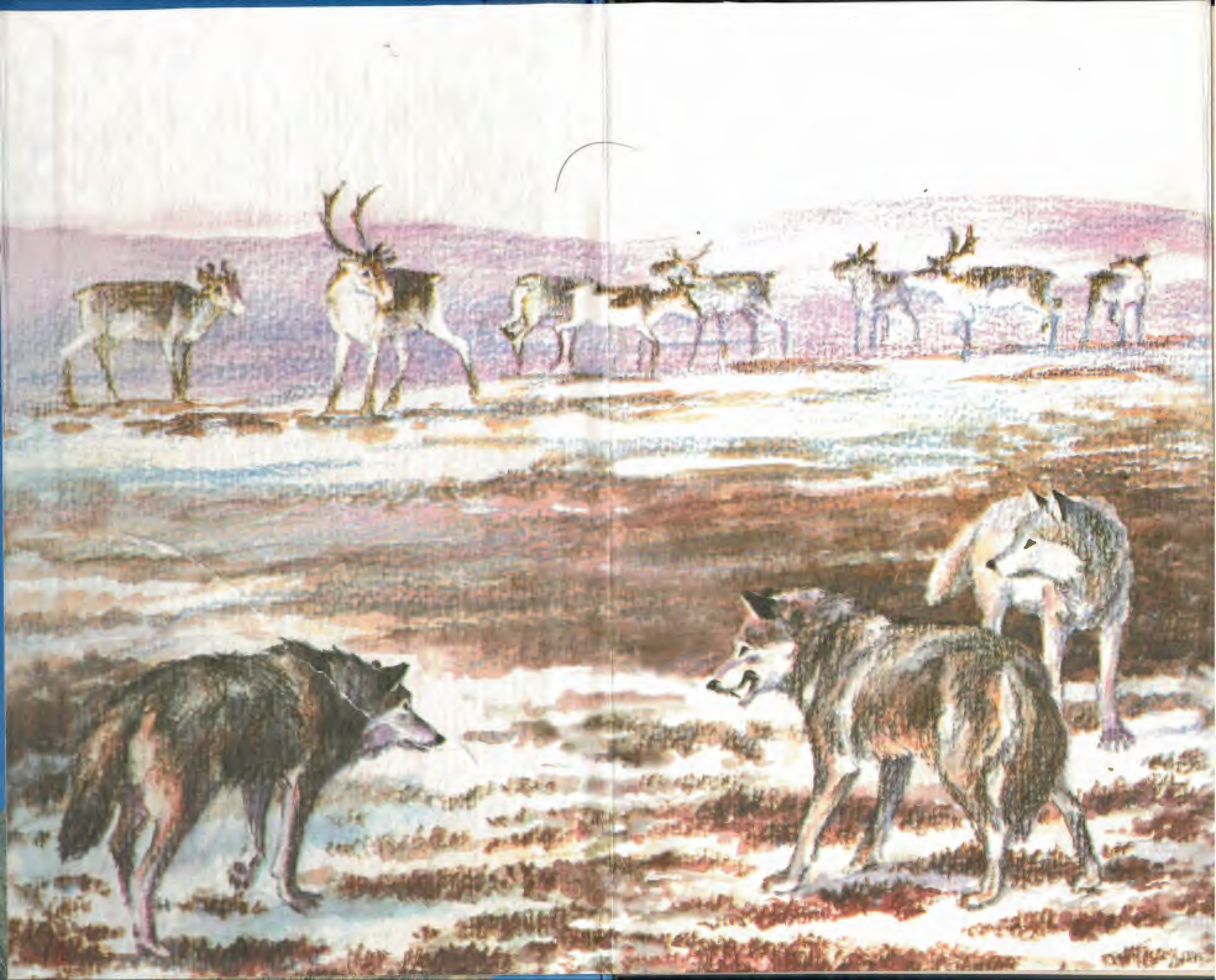
ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ
2001

ФАРЛИ

МОУАТ

Не кричи: «Волки!»

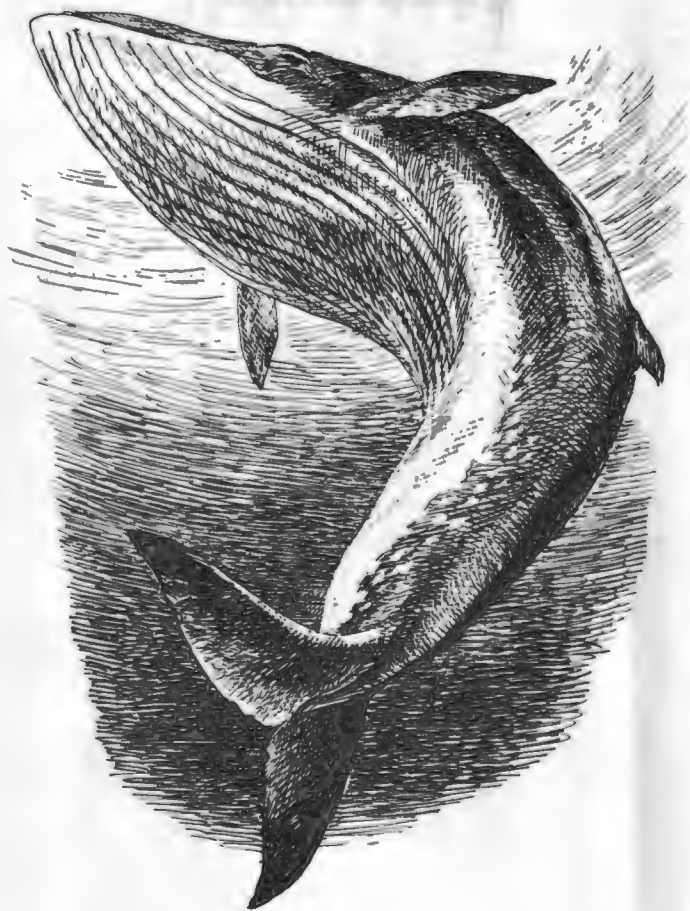

**ФАРЛИ
МОУЭТ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Не кричи: «Волки!»

Кит
на заклание

17 85

ФАРЛИ МОУЭТ

Перевод с английского
Г. ТОПОРКОВА, В. ПАПЕРНО

Москва
Армада-пресс
2001

098219 /

Б. 693.36

10

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Кан)-44я5
М74

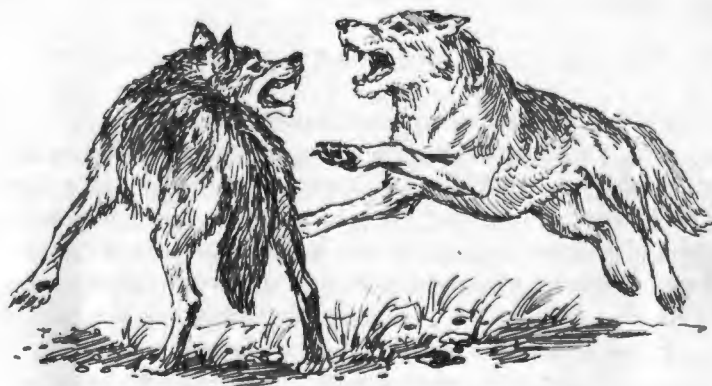
Серия основана в 1994 году

**Иллюстрации
Е. В. Шелкун**

ISBN 5-309-00280-4

© Иллюстрации, Е. В. Шелкун, 1998
© ООО «Дрофа», 2001
© Художественное оформление,
ООО «Армада-пресс», 2001

— Не кричи:
«Волки!» —

Посвящается Ангелине

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Долгие годы и большое расстояние разделяют ванную комнату моей бабушки в Оквилле (Онтарио) и волчье логово в тундре центрального Киватина. В мои намерения не входит описание всего жизненного пути, лежащего между этими крайними точками. Но у всякого рассказа должно быть начало, поэтому историю моего житья-бытья среди волков следует начинать с бабушкиной ванной.

В пятилетнем возрасте я не обнаруживал ни малейших признаков будущего призвания, хотя у большинства одаренных детей они появляются значительно раньше. Возможно, именно огорчение, вызванное моей неспособностью хоть как-то проявить себя, побудило родителей отвезти меня в Оквилль. Там они подкинули незадачливого сына бабушке с дедушкой, а сами укатили отдыхать.

В оквилльском доме, носившем название «Живая изгородь», царил дух необычайной чопорности, и я там чувствовал себя не в своей тарелке. Мой двоюродный брат, постоянный обитатель дома, был немногим старше меня, но он уже твердо выбрал для себя профессию военного — собрал огромную армию оловянных солдатиков и

целестремленно готовился стать вторым Веллингтоном. Моя полная непригодность к роли Наполеона так его разозлила, что последовал разрыв всяких отношений между нами, если не считать самых официальных.

Моя бабушка, валлийская аристократка, так никогда и не простившая мужу его скобяной торговли, относилась ко мне вполне терпимо, но я никак не мог преодолеть страх перед ней. Впрочем, ее боялись все, включая дедушку, который давненько нашел спасение в притворной глухоте. Целые дни дед проводил в большом уютном кожаном кресле, спокойный и невозмутимый, словно Будда, недоступный житейским бурям, пронесившимся по коридорам «Живой изгороди». Однако могу поклясться, что он отлично слышал слово «виски», даже сказанное шепотом за три этажа от его комнаты.

В этом доме для меня не нашлось душевного друга и я стал повсюду бродить один, решительно отказываясь расходовать энергию на что-либо полезное; именно тогда и так неожиданно проявились мои будущие наклонности.

Однажды жарким, летним днем я бесцельно брел вдоль сильно петлявшего ручейка, как вдруг вышел к пересохшей заводи. На дне ее чуть прикрытые зеленым илом лежали при последнем издыхании три вьюна. Рыбки заинтересовали меня. Палкой я вытащил их на берег и с нетерпением стал ждать, когда они заснут, но вьюны никак не хотели умирать. Только я решал, что они уже окончательно мертвы, как вдруг широкие, безобразные рты открывались для еще одного вздоха. Столь упорное нежелание подчиниться судьбе так потрясло меня, что я нашел консервную банку, положил туда вьюнов, прикрыл илом и понес домой.

Рыбки начинали мне нравиться, и я страшно захотел узнать их поближе. Только вот вопрос: где их держать? Стиральных корыт в «Живой изгороди» нет; есть, правда, ванна, но пробка плохо подходит и не держит воду. Настало время ложиться спать, а я все еще не решил проблему, хотя и понимал, что даже такие стойкие рыбы вряд ли выдержат целую ночь в консервной банке. Не найдя приемлемого выхода, подгоняемый отчаянием, я пошел

на все и решил выпустить рыбок в унитаз бабушкиного старомодного туалета.

Я был тогда слишком мал и не мог понимать всех специфических особенностей, которые присущи старости. Одна из них и послужила непосредственной причиной неожиданного и весьма драматического столкновения между бабушкой и рыбами, происшедшего глубокой ночью.

Переживание оказалось слишком сильным и для бабушки, и для меня, и, вероятно, для выюнов тоже. До конца жизни бабушка в рот не брала рыбы и, отправляясь в ночные странствия, неизменно вооружалась электрическим фонариком. Признаться, я так и не знаю, какой эффект произвело это событие на выюнов, так как мой жестокий кузен безжалостно спустил воду, едва тревога улеглась. Что касается меня самого, то это происшествие послужило первым толчком к увлечению малыми тварями, которое сохранилось и поныне. Одним словом, приключение с выюнами положило начало моей карьере натуралиста и биолога.

Так начался путь, который привел меня в волчье логово.

Увлечение животным миром вскоре перешло в настоящую страсть. Мне казалось, что и люди, разделяющие мою любовь к природе, тоже совершенно исключительные личности. Моим первым наставником был шотландец средних лет, который развозил лед и тем самым зарабатывал на жизнь, но страстно увлекался изучением млекопитающих. В раннем детстве бедняга перенес чесотку или какую-то другую болезнь; в результате у него вылезли все волосы. Возможно, именно из-за этой трагедии он ко времени нашей встречи целых пятнадцать лет своей жизни посвятил изучению влияния летней линьки на гоферов. Этот человек сумел настолько приручить пугливых зверьков, что свистом вызывал их из норок и не торопясь осматривал шерсть на спинках.

Не меньший интерес для меня представляли ученые-биологи, с которыми довелось встретиться позже. Когда мне исполнилось восемнадцать, я целое лето вел полевые наблюдения под руководством весьма почтенного специалиста по млекопитающим. Семидесятилетний

ученый казался до отказа набитым всякими учеными степенями, причем высоким положением в мире науки был обязан главным образом неустанным исследованиям маточных рубцов у землероек. Да, этот уважаемый профессор крупного американского университета знал о матке насекомоядных больше чем кто-либо другой. К тому же он мог бесконечно говорить на излюбленную тему. Мне никогда не забыть одного из вечеров, когда маститый ученый перед лицом весьма разнородной аудитории (состоявшей из торговца пушниной, почтенной индейской матроны из племени кри и англиканского миссионера) разразился вдохновенным часовым монологом о половых отклонениях у самок карликового крота. (Торговец в первый момент неправильно понял смысл лекции, но миссионер, привыкший к скучным проповедям, быстро разъяснил ему, в чем дело.)

Первые годы увлечения естествознанием пролетели незаметно. Но вот наступила пора зрелости, и стало ясно, что прежняя забава становится профессией. Кончились беззаботные дни общеобразовательной подготовки, когда можно было интересоваться сразу всеми областями естественной истории. Наступил момент, когда пришлось столкнуться с малоприятной необходимостью специализации. Я все это отлично понимал, и все-таки в начале университетского курса мне было очень трудно выбрать узкую стезю.

Одно время я всерьез собирался пойти по стопам приятеля, который специализировался в области скатологии (раздел биологии, связанный с изучением экскрементов животных) и впоследствии стал весьма уважаемым скатологом Биологической службы США. Предмет казался мне довольно увлекательным, но все же не захватывал настолько, чтобы я мог посвятить ему всю жизнь. А кроме того, в эту область науки стремилось слишком много желающих.

Пожалуй, больше всего меня привлекало изучение животных в естественной среде. Я придерживался буквального смысла слова «биология», что, как известно, означает *изучение жизни*, и был искренне озадачен тем, что мои сверстники бежали как черт от ладана от всего живого, ра-

довались возможности укрыться в стерильной атмосфере лабораторий и корпеть там над мертвым материалом. В самом деле, в мое время в университете считалось немодным возиться с животными — не только с живыми, но и с мертвыми. Ученые-биологи зарылись в статистические и аналитические исследования, в то время как сама жизнь служила лишь пищей для вычислительных машин.

Неумение приспособливаться к новым течениям отрицательно сказалось на моей научной карьере. Все студенты очень рано приобрели различные непонятные специальности, которые они изобретали, исходя из теории, что единственному специалисту в редкостной отрасли нечего бояться конкуренции. Я же по-прежнему не мог переключиться с общего на частное. Приближался выпуск, и оказалось, что большинству однокурсников уже уготованы тепленькие местечки в исследовательских учреждениях. Только я не мог предложить ничего достаточно привлекательного для биологического рынка. Поэтому мне суждено было поступить на государственную службу.

Жребий был брошен в одно прекрасное зимнее утро, когда почтальон вручил мне вызов Службы изучения животного мира Канады. В нем сообщалось, что я принят на «щедрый» оклад в 120 долларов в месяц и должен немедленно явиться в Оттаву.

Пришлось подчиниться властному приказу и подавить в себе остатки мятежного духа. Ведь за годы учебы я превосходно усвоил, что иерархия в науке требует от своих служителей если не подхалимства, то уж во всяком случае полной покорности.

Через два дня я прибыл в открытую всем ветрам серую столицу Канады и в лабиринте темных коридоров вместительного здания отыскал Службу изучения животного мира. Там я представился главному маммологу¹, который оказался моим школьным товарищем. Увы, беззаботные дни детства миновали, и теперь предо мной сидел махро-

¹ Маммолог — специалист по млекопитающим животным. — *Примеч. авт.*

вый чинуша, преисполненный чувства собственного достоинства. Ну его, видно, ничем не проймешь! Я ограничился тем, что воздержался от изъявления своего глубочайшего почтения.

Мне предоставили несколько дней для так называемого ознакомления; по-моему, штука эта придумана специально для того, чтобы довести человека до безнадёжного отчаяния и сделать его уступчивым. Во всяком случае, легионы ученых-педантов, которых я посетил в их мрачных, пропахших формалином каморках — там они бесконечные часы обрабатывают скучнейшие данные или сочиняют никому не нужные доклады, — отнюдь не вдохновили меня. За это время я твердо усвоил лишь одно: в отличие от бюрократической иерархии научная иерархия Оттавы больше смахивает на анархию.

Наконец наступил достопамятный день. Я был признан годным для инспекционного смотра и торжественно препровожден к заместителю министра. Должен признаться, я так растерялся, что назвал его просто «мистер». Сопровождавший начальник, побледнев от страха, мгновенно выставил меня из зала аудиенций и окольными путями провел в мужской туалет. Там он прежде всего присел на корточки и поочередно заглянул под двери всех кабинок, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает, а затем зловеще прошептал: «При обращении к заместителю министра никогда не смейте называть его иначе как «шеф» или, еще лучше, «полковник» в память об англо-бурской войне, в которой ему довелось участвовать!»

К слову сказать, военные звания в этом гражданском ведомстве считаются большим шиком. Все документы подписываются обязательно с указанием чина: капитан такой-то, лейтенант такой-то (если они исходят от младших чинов) или полковник имярек, бригадир имярек (если документ спускается сверху). Сотрудники, которым не представилось случая приобрести хотя бы псевдовоенную профессию, вынуждены были сами сочинять подходящие звания: штаб-офицерские — для пожилых и субалтернские — для молодежи. К сожалению, не все от-

носились к этому с должной серьезностью. Я знал одного новичка из ихтиологического отдела, который вскоре прославился тем, что докладную записку на имя шефа подмахнул следующим образом: «Д. Смит, исполняющий обязанности ефрейтора». Через неделю отчаянный юнец был уже на пути к самой северной оконечности острова Элсмир, где ему предстояло влачить жизнь изгнанника и заниматься изучением биологии девятииглой колючки.

Легкомыслие не встречает благосклонного отношения в аскетически суровых канцеляриях. Мне пришлось убедиться в этом на собственном опыте, когда обсуждались вопросы снабжения моей экспедиции. На совещании присутствовало много важных людей, которым надлежало обсудить и утвердить список необходимого снаряжения. Это был солидный документ, согласно инструкции отпечатанный в пяти экземплярах и внушительно озаглавленный: *«Заявка на материально-техническое снабжение полевых работ по волкам»*.

И без того взвинченный утомительными сборами в дорогу, я окончательно потерял голову, когда почтенное собрание перешло к обсуждению двенадцатого пункта этого ужасающего списка: бумага туалетная, правительственный стандарт — 12 рулонов.

Резкое замечание представителя финансового отдела, что по этой статье возможна экономия, если полевая партия (состоявшая из меня одного) будет проявлять должную воздержанность, вызвало у меня истерический смешок. Правда, я почти моментально подавил его, но, увы, слишком поздно. Двое из присутствующих, старшие по званию — оба «майоры», — молча поднялись, холодно поклонились и вышли из комнаты.

Оттавское испытание подходило к концу, но его кульминационная точка была еще впереди. Как-то рано утром я был вызван в кабинет «непосредственного начальника» для заключительной беседы «перед отъездом в поле».

Шеф восседал за покрытым пылью массивным письменным столом, на котором в беспорядке валялись пожелтевшие черепа сурков (со времени поступления в

отдел — а это было в 1967 году — он занимался определением скорости разрушения зубов у этих грызунов). На стене висел портрет хмурого бородатого ученого; покойный — основоположник школы по изучению млекопитающих — неприязненно взирал на меня. Пахло формалином — этот запах ассоциировался с тошнотворным ароматом задних помещений похоронного бюро.

После длительного молчания, во время которого он рассеянно вертел в руках череп сурка, шеф наконец с чрезвычайной серьезностью приступил к инструктажу:

— Как вам известно, лейтенант Моуэт, проблема *Canis lupus* приобрела общенациональное значение. За один только прошлый год наше министерство получило не менее тридцати семи меморандумов от депутатов парламента, и все они от имени избирателей настойчиво требуют принять меры против волков. В большинстве случаев жалобы исходят от таких мирных и незаинтересованных общественных организаций, как рыболовные и охотничьи клубы. Что же касается деловых кругов, преимущественно крупных фабрикантов по производству боеприпасов, то их поддержка придает особый вес законным протестам избирателей, граждан нашей великой страны. Претензии сводятся к тому, что волки уничтожают оленей, поэтому наши сограждане все реже привозят с охоты богатую добычу.

Вы, очевидно, знаете, — продолжал шеф, — что мой предшественник подготовил для министра справку, в которой резкое сокращение поголовья оленей объяснялось ростом числа охотников (по его данным, на каждого оленя приходится пять человек). Министр, поверив ему на слово, начал было зачитывать этот документ в палате общин, но его быстро заставили замолчать криками: «Лжец!», «Волчий прихвостень!». Через три дня моему злополучному коллеге пришлось оставить государственную службу, а министр выступил в печати со следующим заявлением: «Министерство по делам Севера и ресурсам намерено сделать все возможное, чтобы положить конец кровавой резне оленей, чинимой стаями волков. Предусмотрена широкая программа исследований этой жизненно важ-

ной проблемы с привлечением всех имеющихся в распоряжении министерства сил и средств. Население Канады может быть уверено, что правительство, членом которого я имею честь являться, примет все меры для устранения нетерпимого положения».

С этими словами шеф взял со стола самый крупный череп сурка и начал ритмично пощелкивать его челюстями, как бы подчеркивая значимость заключительных фраз:

— Вам, лейтенант Моуэт, предстоит осуществить этот великий подвиг. Вам надлежит немедленно отправиться в поле и энергично взяться за работу в духе лучших традиций нашего отдела. Помните, лейтенант Моуэт, волки — это ваша проблема!

Собравшись с силами, я встал по стойке «смирно», при этом моя правая рука непроизвольно вскинулась вверх, и, лихо отсалютовав, выскочил из комнаты.

В тот же день я вылетел из Оттавы на транспортном самолете канадских военно-воздушных сил. Местом моего назначения пока был Черчилл на западном побережье Гудзонова залива, но значительно дальше, где-то в пустынных просторах субарктических Бесплодных земель¹, меня ждала конечная цель — встреча с волками.

¹ Бесплодными землями (Barren dands или Barren grounds) в Канаде принято называть районы тундры. — *Примеч. пер.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Двухмоторный транспортный самолет, рассчитанный на тридцать пассажиров, был так забит моим снаряжением, что в нем едва хватило места для меня самого и членов экипажа. Пилот, симпатичный лейтенант с усами, загнутыми, точно велосипедный руль, с изумлением наблюдал за погрузкой. Он знал лишь, что я правительственный агент и направляюсь в Арктику с каким-то специальным заданием. Выражение любопытства на его лице усиливалось по мере того, как в кабину стали закидывать необычный багаж: три большие связки лязгающих волчьих капканов и среднюю секцию разборной лодки, которая походила на ванну с отрезанными концами. (Благодаря существовавшему в отделе «порядкам» носовая и кормовая части каноэ были отгружены другому биологу, который изучал гремучих змей в безводной пустыне южного Саскачевана!)

Затем на борт приняли мое оружие — две винтовки, револьвер с кобурой и поясом-патронташем, два дробовика и ящик со слезоточивыми гранатами; гранаты предназначались для того, чтобы выгонять волков из их логовищ под верный выстрел. Тут же были два больших

генератора дыма с броской надписью: «ОПАСНО!» Предполагалось, что с их помощью я смогу подать сигнал бедствия, в случае если заблужусь или попаду в безвыходное положение (например, буду осажден волками). Грозный арсенал завершался ящиком, в котором находился «истребитель волков» — дьявольское изобретение, посылающее заряд цианистого калия прямо в пасть хищнику, если тот попытается отведать приманку.

Затем последовало научное снаряжение, включающее два двадцатилитровых бидона, при виде которых брови пилота вовсе ушли под козырек фуражки. На бидонах значилось: «Абсолютный спирт для консервирования желудков».

Наконец вереницей потянулись палатки, примусы, спальные мешки, связка из семи топоров (до сих пор не понимаю, почему именно семь? Ведь я ехал в совершенно безлесную страну, где и одного топора более чем достаточно!), лыжи, снегоступы, собачья упряжь, радио (приемопередатчик) и бесчисленное количество ящиков и тюков, содержимое которых даже для меня было совершенной загадкой.

Когда все было уложено и надежно закреплено веревками, пилот, второй пилот и я кое-как перелезли через гору груза и втиснулись в кабину.

Летчик, привыкший по службе к военным тайнам, сумел подавить жгучее любопытство, вызванное непонятным назначением столь странного снаряжения, и ограничился мрачным замечанием:

— Вряд ли эта старая корзина взлетит с такой уймой всякой всячины на борту.

По правде говоря, я тоже сильно сомневался, но самолет с невероятным грохотом и скрипом все же оторвался от земли.

Полет на север продолжался долго и не был богат событиями, если не считать того, что над заливом Джеймса заглох один мотор, и остальной путь мы летели на небольшой высоте в довольно густом тумане. Эти «мелкие» неприятности временно отвлекли пилота от раздумий о

том, кто же я такой и для чего послан. Но едва мы приземлились в Черчилле, как его прорвало.

— Конечно, это не мое собачье дело, — начал он извиняющимся тоном, пока мы шагали к ангару, — но Бога рали, дружище, в чем дело?

— Ничего особенного, — бодро ответил я, — просто мне предстоит провести годик-другой в компании волков, вот и все!

Пилот состроил гримасу — точь-в-точь как мальчишка, которого выбрали за назойливость.

— Виноват, — пробормотал он покаянно, — ведь знаю, что никогда не надо спрашивать.

Но не только экипаж самолета проявлял повышенный интерес к моей персоне. В Черчилле все мои попытки договориться о случайном самолете, который забросил бы меня в глубь тундры, ни к чему не привели. Не помогли ни правдивые объяснения целей экспедиции, ни честные признания того, что я и сам не ведаю места высадки. Ответом было либо настороженное недоверие, либо заговорщицкое подмигивание. А между тем я вовсе не стремился к нарочитой уклончивости. Просто я руководствовался приказом, врученным мне перед отъездом из Оттавы:

§ 3, разд. С, п. III:

Тотчас по прибытии в Черчилл вам надлежит зафрахтовать самолет и следовать дальше в соответствующем направлении на нужное расстояние. Вы должны организовать базу в том месте, где с уверенностью можно рассчитывать на достаточное количество волков и где будут вполне благоприятные условия для работы.

Тон приказа был весьма решительный, однако в нем явно отсутствовали конкретные указания. Ничего удивительного, что добрая половина населения Черчилла решила, что я принадлежу к банде грабителей золота, тогда как другие увидели во мне старателя какого-то неведомого прииска, затерянного в бескрайних просторах тундры. Позднее на смену этим версиям пришла третья, еще более захватывающая. По возвращении в Черчилл после длительного от-

сутствия я с изумлением узнал, что, оказывается, все эти месяцы плавал на льдине вокруг Северного полюса и следил за деятельностью групп русских, дрейфовавших рядом на своем плавучем поле. Оба бидона со спиртом, или, как здесь полагали, с водкой, предназначались якобы для того, чтобы развязать языки томимых жаждой русских и выведать у них самые сокровенные секреты.

После того как эта сногшибательная версия облетела город, я стал местной знаменитостью. Но все это случилось гораздо позже, а сейчас, впервые прилетев в Черчилл, я уныло шагал на пронизывающем ветру по улицам города, доверху засыпанного снегом. Тщетно обивал я пороги в поисках летчика, который согласился бы доставить пассажира в неизвестном направлении. Я еще не стал героем, и никто не хотел помочь незнакомому чудаку.

После долгих поисков мне наконец удалось найти пилота, летавшего на древнем как мир «Фэйрчайлде», поставленном на лыжи. Он зарабатывал на жизнь перевозкой трапперов в дальнюю тундру в уединенные промысловые избушки. Когда я выложил перед ним, что от него требуется, он рассвирепел:

— Послушай, малый, — заорал он, — только психи нанимают самолет неизвестно куда, и только психу может взбрести в голову, что парень вроде меня всерьез поверит, будто ты хочешь пожить бок о бок со стаей волков! Поищи-ка себе другого воздушного извозчика, понял? Мне некогда валять дурака!

Нужно же было такому случиться, что в Черчилле, этом унылом городишке лачут, в тот момент не оказалось других воздушных извозчиков, хотя незадолго до моего приезда их было трое. Один из них немного не рассчитал, когда садился на лед Гудзонова залива в надежде подстрелить белого медведя. В итоге медведь оказался единственным, оставшимся в живых участником охоты. Второй летчик находился в Виннипеге, где надеялся собрать денег на покупку нового самолета — у прежнего при взлете отвалилось крыло. Ну а третьим был, разумеется, тот, которому «некогда валять дурака».

Поскольку я оказался бессильным выполнить приказ, мне не оставалось ничего иного, как запросить по радио

из Оттавы новые распоряжения. Ответ пришел быстро — через каких-нибудь шесть дней.

НЕ МОЖЕМ ПОНЯТЬ ВАШИХ ЗАТРУДНЕНИЙ ТЧК ИНСТРУКЦИИ СОВЕРШЕННО ЯСНЫ ТЧК ПРИ ТОЧНОМ ВЫПОЛНЕНИИ ТРУДНОСТИ ИСКЛЮЧЕНЫ ТЧК ПОСЫЛАТЬ СЛУЖЕБНЫЕ РАДИОГРАММЫ В МИНИСТЕРСТВО ПО ИНСТРУКЦИИ СЛЕДУЕТ ЛИШЬ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯХ И НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ОНИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ТЧК ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ОЖИДАЕМ ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ И РАССЧИТЫВАЕМ ЧТО ЗА ЭТОТ СРОК ВЫ УСТАНОВИТЕ ТЕСНЫЙ КОНТАКТ С КАНИС ЛУПУС ТЧК РАДИОГРАММЫ ЗА СЧЕТ МИНИСТЕРСТВА НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ ДЕСЯТИ СЛОВ ЗПТ СЛЕДУЕТ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ ТОЛЬКО ВАЖНЕЙШИМИ СООБЩЕНИЯМИ ИЗЛОЖЕННЫМИ ПРЕДЕЛЬНО СЖАТО ТЧК КАК ПОНИМАТЬ ЧТО У ВАС ТОЛЬКО ПОЛОВИНА КАНОЭ ТЧК СТОИМОСТЬ ВАШЕЙ РАДИОГРАММЫ БУДЕТ УДЕРЖАНА ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ ТЧК НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ПО РАСТРАТАМ И ХИЩЕНИЯМ ТЧК

Ясно. Делать нечего — оставалось ждать возвращения пилота, уехавшего в Виннипег. Жил я в местном отеле — скрипучем сарае, сквозь его щели в ветреные дни наметало немало снега. Впрочем, других дней в Черчилле не бывает.

И все же я не бездельничал. В то время город был наводнен миссионерами, проститутками, полицейскими, торговцами спиртными напитками, трапперами¹, контрабандистами, скупщиками мехов и прочими весьма занимательными личностями. Все они оказались величайшими знатоками по волчьей части. Я беседовал то с одним, то с другим и старательно записывал все, что мне говорили. Таким путем я узнал совершенно изумительные факты, которые никогда еще не отмечались в научной ли-

¹ Т р а п п е р ы — охотники на пушного зверя. — *Примеч. авт.*

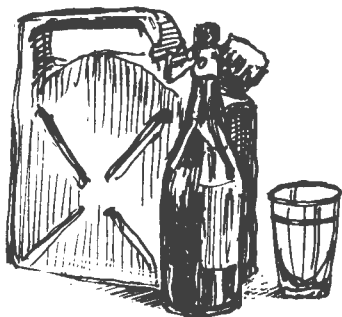
тратуре. Так, например, выяснилось, что, хотя, по единодушному мнению, в арктической зоне от волков ежегодно гибнет несколько сот человек, волки никогда не нападают на беременных эскимосок. (Миссионер, сообщивший мне столь ценные сведения, был твердо убежден, что именно отвращением волков к мясу беременных женщин объясняется высокий коэффициент рождаемости у эскимосов. Впрочем, это обстоятельство является также результатом прискорбной склонности последних заботиться скорее о продлении рода, нежели о спасении души.) Мне рассказывали также, что каждый четвертый год волки подвергаются странной болезни, из-за которой напрочь сбрасывают шкуру. Пока им приходится бегать «голышом», они настолько беспомощны, что немедленно свертываются в клубок, если подойти к ним вплотную. По утверждению охотников, волки вскоре окончательно уничтожат оленьи стада — ведь каждый волк ежегодно режет несколько тысяч карibu просто так, из кровожадности, тогда как ни один траппер и подумать не смеет о том, чтобы застрелить карibu, разве что в порядке самозащиты. А одна женщина обогатила мои знания весьма странным сообщением: по ее словам, с тех пор как здесь создана американская авиационная база, количество волков перешло всякие границы, и теперь остается один выход — если тебя укусят, отвечать тем же.

Как-то один из моих собеседников, старый охотник, предложил мне отведать «волчьего коктейля», если уж я такой энтузиаст волковедения. Я ответил, что выпивка как таковая меня не прельщает, но меня интересует все, что относится к волкам, поэтому я как ученый просто обязан попробовать, что это такое. Тогда старик привел меня в единственный в Черчилле пивной бар (который в обычных условиях я обходил бы стороной) и налил стаканчик. Напиток оказался адской смесью из бурды, известной в здешних местах под названием пива «Лось», и антифриза, добытого у солдат с авиационной базы.

Тотчас после крещения «волчьим коктейлем» я отправил простым письмом свой первый отчет о работе, который (к счастью для моей дальнейшей службы в министерстве) оказался совершенно не поддающимся расшиф-

ровке. Никто в Оттаве не смог в нём разобраться, поэтому отчет был признан верхом научной мысли. Я уверен, что это бредовое сочинение и посейчас хранится в архиве министерства и к нему обращаются правительственные специалисты, когда появляется необходимость проконсультироваться у эрудированного эксперта по волкам. Кстати, всего месяц назад я встретил одного биолога, которому довелось видеть отчет; по его уверениям, многие крупные ученые до сих пор считают, что это — последнее слово науки о *Canis lupus*.

За время вынужденного пребывания в Черчилле мне удалось не только собрать массу интереснейших сведений о волках, но и сделать самостоятельное открытие, которое, с моей точки зрения, имело весьма большое практическое значение: я обнаружил, что если смешать лабораторный спирт с пивом упомянутой марки «Лось» (в равных частях), то получается напиток, который не уступит божественному нектару! Поэтому я спешно добавил к своим продовольственным запасам пятнадцать ящиков пива. Кроме того, я запасся достаточным количеством формалина — в нем, как подтвердит любой препарат, ткани мертвых животных сохраняются ничуть не хуже, чем в чистом спирте. А опущенный мне спирт, право, жаль на это тратить!

к

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В последних числах мая мне наконец удалось выбраться из осточертевшего Черчила. Перед этим в течение трех суток бушевала пурга; на третий день, когда слепящие снежные шквалы свели видимость к нулю, над самой крышей отеля проревели моторы. Самолет плюхнулся на лед ближнего озера. Ветер едва не понес его дальше, но несколько человек, сидевших в пивном баре, в том числе и я, успели вовремя выскочить и ухватиться за крылья.

Это была донельзя изношенная двухмоторная учебная машина образца 1938 года, отработавшая все мыслимые сроки и в конце концов списанная военным ведомством на слом. Теперь эта развалина ожила в руках бывшего английского военного летчика, долговязого малого с ввалившимися глазами, одержимого манией открыть собственную авиалинию на севере Канады. Пилот вылез из своей скрипучей колымаги, которую мы с трудом удерживали на месте, и, разматывая длиннющий светло-вишневый шарф, представился. По его словам, он летел из Йеллоунайфа, что находится в тысяче с лишним километров к северо-западу отсюда, в Пас.

— Ведь это Пас? — с надеждой спросил он.

Мы деликатно намекнули ему, что Пас лежит приблизительно в шестистах километрах к юго-западу. Однако такая неожиданность ничуть не обескуражила летчика.

— А, ладно! Любой добрый старый порт хорош в шторм, — весело сказал он и в сопровождении своего медлительного бортмеханика направился вместе с нами в пивной зал.

За кружкой пива я горько пожаловался ему на свои невзгоды.

— Пустяки, — заявил летчик, внимательно выслушав меня, — завтра же поддадим газу и на старой колымаге доставим вас куда душе угодно. Что, если направиться на северо-запад? Это лучший курс для нас. Видите ли, я не доверяю своему компасу на других румбах. Полетим быстро и низко. Найдем массу волков, тогда — на посадку, и счастливо оставаться!

Он оказался хозяином своего слова. Правда, в ближайшие три дня улететь не удалось: во-первых, из-за очень низкой облачности, во-вторых, самолет, поставленный на лыжи, сильно «хромал» — протекал правый цилиндр гидравлического амортизатора шасси. С погодой мы, разумеется, ничего не могли поделать, но цилиндр-то можно заставить работать. Бортмеханик решил накачать его тюленьим жиром. Честно говоря, тек он по-прежнему, но все же самолет стоял прямо в течение двадцати минут, а затем валился на бок, как подстреленная утка.

На четвертый день собрались в путь. Самолет мог поднять лишь небольшой груз, и мне пришлось пожертвовать частью поклажи, в том числе никому не нужной ванной-каное. Вместо нее удалось выменять за галлон спирта брезентовую лодку, находившуюся в приличном состоянии. Пилот уверял, что сможет ее увезти, привязав под брюхо самолета.

Тогда я решился на дерзкий трюк. Естественно, что ящики с полюбившимся мне пивом «Лось» попали в кучу багажа, который был отложен как несущественный. Но мне пришлось в голову обмануть этого славного парня.

Ночью, посветив себе электрическим фонариком, я убедился, что все пятнадцать ящиков отлично умещаются в брезентовой лодке. Когда я снова крепко притянул ее веревками к фюзеляжу, абсолютно никто не мог заметить, что в ней спрятан жизненно важный груз.

День нашего отлета выдался чудесный. Скорость ветра не превышала шестидесяти километров в час, снегопад прекратился. Взлетев в черном морском тумане, мы сразу потеряли из виду Черчилл и, развернувшись, пошли на северо-запад.

Правда, все произошло не так гладко. Во время недавней оттепели лыжи самолета сантиметров на пять ушли в снежную слякоть, а затем накрепко примерзли ко льду. Первые попытки взять разгон не увенчались успехом; оба мотора надсадно ревели на предельных оборотах, но самолет не трогался с места. Такое упрямство в одинаковой степени озадачило и летчика, и механика. И только после того, как из бара выбежало несколько завсегдатаев, которые, стараясь перекричать адский грохот моторов, показывали на наши лыжи, мы поняли, в чем загвоздка. С помощью добровольцев из пивной нам удалось раскатать и освободить самолет. Но произошла очередная задержка — неисправный цилиндр успел осесть, и потребовалось зарядить его новой порцией тюленьего жира.

Освобожденный для разбега самолет вновь поразил своего хозяина — на этот раз он решительно отказывался подняться в воздух. Мы катили по маленькому озерку на полном газу, но никак не могли оторваться. В последний момент летчик резко рванул руль, самолет описал на лыжах крутую дугу, подняв тучу снега, которая чуть было не погребла нас, и мы, несколько озадаченные, оказались на месте старта.

— Чертовски странно, — пробормотал летчик. — Самолет должен был взлететь, понимаете, должен! А, ладно! Снимем запасное горючее и облегчим вес.

Резервные бочки с бензином были взяты на борт для обеспечения обратного рейса до Черчилла, и, по-моему, выбрасывать их было несколько опрометчиво. Но так как командовал он, то мне оставалось только молчать.

После того как мы выгрузили запасное горючее, летчик с первой же попытки поднял машину в воздух, разумеется предварительно накачав злополучный цилиндр. Но даже родная стихия не доставила самолету особого удовольствия. Скорее наоборот — он упорно отказывался подняться выше ста метров, а указатели оборотов обоих моторов неуклонно показывали примерно три четверти законной нормы.

— Нет никакой нужды забираться выше, — весело прокричал летчик прямо мне в ухо, — тогда не увидим волков! А ну-ка откройте глаза пошире...

Вытянув шею, я тщетно пытался что-нибудь разглядеть сквозь мутный, исцарапанный плексигласовый иллюминатор. Самолет шел в густом сером облаке, порой даже скрывался конец крыла. Волков я не видел, никаких признаков волков.

Мы жужжали уже около трех часов. С таким же успехом можно было провести их на дне бочки с черной патокой — впечатление от мира, расстилавшегося под нами, осталось бы таким же. Но вот летчик перешел в крутое пики и прокричал:

— Иду на посадку! Бензина осталось в обрез на обратную дорогу. Впрочем, под нами чудесная волчья страна. Волки что надо!

Мы вынырнули из-под облака в десяти метрах от земли и обнаружили, что летим над замерзшим озером в долине шириной около полутора километров, окруженной высокими скалистыми холмами. Ни секунды не колеблясь, летчик приземлился. И если раньше я сомневался в его летных способностях, то теперь мог только восхищаться его искусством — ведь он умудрился сесть на одну исправную лыжу! Только когда самолет почти окончательно потерял скорость, пилот осторожно поставил его на «больную» правую «ногу» и не стал глушить моторы.

— Приехали, приятель, — весело сказал он, — вам выходить. И побыстрее. А то стемнеет, прежде чем мы доберемся до Черчилла.

Тут сонный на вид механик воспрянул духом, и мгновенно (во всяком случае, мне так показалось) все мое снаряжение очутилось на льду. Брезентовое каноэ отвязали от фюзеляжа и вновь до отказа накачали цилиндры амортизатора.

Увидев содержимое каноэ, летчик бросил на меня укоризненный взгляд.

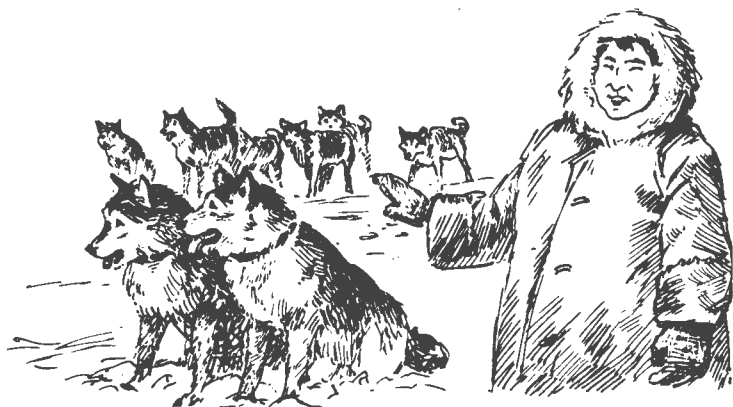
— Не совсем честно, а? — спросил он. — Ну ладно, предположим, что без этого вам не обойтись. Хорошенький подвесок, ничего не скажешь! Как-нибудь осенью вернусь за вами, если эта старая колымага не развалится. Не унывайте! Вокруг полно эскимосов — они в любое время доставят вас в Черчилл.

— Большое спасибо, — смиренно пролепетал я. — Но не можете ли вы сказать, где я все-таки нахожусь — мне это понадобится для отчета.

— Весьма сожалею. Сам не очень-то уверен. Скажем, примерно в пятистах километрах к северо-западу от Черчилла. Достаточная точность? Но как бы то ни было, карты этих мест на существует... Счастливо!

Дверца кабины захлопнулась. Моторы взревели во всю мощь, как им и положено, самолет запрыгал по застругам, нехотя поднялся и исчез в хмуром небе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я огляделся и увидел вокруг промерзшие холмы — их вершины были закрыты тучами, увидел широкую полосу торосистого льда и раскинувшуюся за долиной волнистую тундру, пустынную, без единого деревца. Да, кажется, я и впрямь попал в самую настоящую страну волков. Мне даже померещилось множество волчьих глаз, которые настороженно следят за мной. Я зарылся в гору багажа, отыскал револьвер и постарался критически оценить создавшееся положение.

Оно было не из блестящих. Правда, мне — это бесспорно — удалось проникнуть в самое сердце Киватинской тундры. Кроме того, создано даже некоторое подобие базы, хотя ее местоположение — на льду озера, вдали от берега — оставляет желать лучшего. Как бы то ни было, до сих пор я строго придерживался инструкции. Однако следующий пункт оперативного приказа явно противоречил реальным возможностям:

§ 3, разд. С, п. IV:

Немедленно по организации постоянной базы вам надлежит, используя водные пути, отправиться на каноэ в широкий объезд окружающей территории с целью общего

ознакомления и сбора достаточных статистических сведений о численности *Canis lupus* и области их распространения, а также для установления непосредственного контакта с изучаемым объектом...

Я и рад бы действовать согласно инструкции, но толстый лед под ногами вынуждал отложить плавание на каноэ по крайней мере на несколько недель, а возможно, и навсегда. К тому же лишенный других транспортных средств, я просто не знал, как начать перевозку целой груды снаряжения на твердую землю. Что же касается «установления контакта с объектом изучения», то сейчас я вообще не ставил перед собой этой задачи, если только сами волки не проявят инициативы.

Как быть? Ведь инструкции составлялись специально для меня после консультации с Метеорологической службой. Там клятвенно заверили мое начальство, что к намеченному сроку моего прибытия в центральную тундру озера и реки «обычно» очищаются ото льда.

Еще в Оттаве я твердо усвоил правило: никогда не оспаривать сведений, исходящих от других отделов — ведь если полевые работы срываются из-за неверной информации, то виноватым все равно оказывается полевой работник.

В создавшемся положении оставался только один выход: несмотря на обескураживающий ответ на мою первую радиограмму, просить новых указаний из Оттавы.

Я мгновенно распаковал портативную радиостанцию и водрузил ее на штабель ящиков. Должен признаться, что раньше у меня как-то не хватало времени, чтобы ознакомиться с аппаратурой. Поэтому сейчас, перелистав приложенное руководство, я несколько растерялся: меня снабдили моделью, предназначенной для лесников, радиус ее действия в нормальных условиях не превышал тридцати километров. Тем не менее я присоединил батареи, поднял антенну и согласно наставлению принялся вертеть ручки и нажимать кнопки — словом, вышел в эфир.

По причинам, известным лишь министерству транспорта, которое выдает разрешения на переносные рации такого типа, мои позывные были «Дэзи Мей». Несколько часов кряду несчастная Дэзи посылала отчаянные призывы в темнеющее полярное небо, но — ни шепота в ответ. Я уж совсем было согласился с приведенной в наставлении весьма скептической оценкой рации и собирался прекратить бесплодные попытки, как вдруг уловил слабый человеческий голос, едва слышный сквозь свист и треск в наушниках. Поспешно настроившись на волну, я с трудом разобрал несколько испанских слов.

Я понимаю, что мое дальнейшее повествование может вызвать недоверчивую улыбку читателей, но так как сам я абсолютно не смыслю в радиотехнике, то мне остается лишь привести объяснение, данное позднее одним экспертом. Добавлю также, что ни один рядовой биолог, и я в том числе, ни за что не сумел бы выдумать такой истории. Техническая сторона вопроса сводилась к загадочному явлению, известному под названием «прыжок волны»: в результате определенного сочетания атмосферных условий маломощные радиостанции (особенно на Севере) иногда осуществляют связь на очень большое расстояние. Моя установка побила все рекорды. Станция, которую я поймал, принадлежала радиолюбителю в Перу.

Его английский язык был не лучше моего испанского, и прошло немало времени, прежде чем мы начали понимать друг друга. Но и после этого он остался убежден, что с ним говорят откуда-то неподалеку, с Огненной Земли. Я совершенно вымотался, пока наконец столкнулся с перуанцем. Он записал основной смысл моего сообщения и обещал переслать его в Оттаву по обычным каналам связи. Памятуя недавнее суровое предупреждение, я свел свое послание к десяти словам, которые были неправильно поняты в Перу и в довершение основательно перевернаны при переводе. Во всяком случае, их оказалось вполне достаточно, чтобы, как мне стало известно впоследствии, вызвать переполох в официальных кругах.

Телеграмма пришла из Южной Америки и поэтому поступила не в мое министерство, а в министерство ино-

странных дел. Там лишь установили, что депеша, по-видимому, передана с Огненной Земли и, кажется, зашифрована. Срочно запросили министерство обороны, в котором никак не могли расшифровать код или хотя бы собрать какие-нибудь сведения о таинственном канадском агенте,сланном в район мыса Горн.

Клубок распутался совершенно случайно. Несколько недель спустя один из заместителей министра иностранных дел, завтракая с высокопоставленным чиновником из моего министерства, рассказал ему нашумевшую историю и случайно упомянул, что загадочная депеша подписана каким-то **ВАРЛЕЕМ МОНФЭТОМ**.

С похвальной (хотя почти необъяснимой) проницательностью сановник признал меня наиболее вероятным автором радиограммы. Однако возникла новая, еще более волнующая загадка: кто разрешил мне отправиться на Огненную Землю? В результате полетели срочные радиограммы, адресованные мне через канадского консула в Чили, с требованием немедленно прислать объяснения в Оттаву. Ни одно из этих предписаний до меня не дошло. Даже если бы их направили по прямому пути, я бы их все равно не получил — ведь батареи рациигодились всего на шесть часов работы. До того как они окончательно сели, мне удалось принять только концерт легкой музыки из Москвы.

Но вернемся к моему повествованию.

К тому времени, когда я закончил разговор с Перу, совсем стемнело, и окружающие холмы, казалось, вплотную придвинулись ко мне. Волков пока не было, но они, как легко понять, в сильной степени занимали мое воображение, и, когда вдали промелькнула какая-то тень, я сразу понял: это волки!

Напрягая слух, я уловил слабый, но взволновавший меня звук, который мгновенно узнал. Мне неоднократно приходилось слышать его и раньше, правда не в дикой местности, а в ковбойских фильмах. Тут не могло быть ошибки — это вой волчьей стаи, несущейся в бешеной погоне. Совершенно очевидно, что направляются они в мою сторону. Итак, мне, вероятно, удастся выполнить по

крайней мере одно задание — я вот-вот «установлю контакт с изучаемым объектом».

Но радость от сознания верности долгу омрачилась целым рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимал тот факт, что в моем револьвере всего шесть зарядов, а я, хоть убей, не помню, куда засунул запасные патроны. Вопрос этот имел немаловажное значение: будучи весьма начитан по своей части, я знал, что число волков в стае колеблется от четырех до сорока. Более того, если судить по разнообразию голосов, я склонен был предположить, что эта стая насчитывает не менее четырех сотен хищников.

Полярная ночь вплотную надвинулась на меня, волки тоже вот-вот нагрянут. В темноте я, конечно, не смогу как следует определить ни их численности, ни тем более характера повадок. Поэтому я почел за благо спрятаться под перевернутую лодку, чтобы присутствие человека не слишком бросалось в глаза и не вызвало у животных тенденции к нетипичному поведению.

Как известно, один из основных принципов современной биологии заключается в том, что наблюдатель ни при каких условиях не должен допускать, чтобы его внимание рассеивалось. Вынужден, однако, честно признаться, что в сложившейся обстановке я так и не сумел сконцентрироваться надлежащим образом. Особенно меня беспокоила мысль о каноз. Непрочная парусиновая лодка на тонком кедровом каркасе вряд ли выдержит грубое обращение, и тогда я останусь вовсе без средств передвижения.

Что же касается второго источника беспокойства, то его крайнюю необычность мне бы хотелось подчеркнуть особо как наглядное свидетельство нелогичности человеческого мышления при отсутствии должного дисциплинирующего контроля. Дело в том, что я поймал себя на горячем желании превратиться в беременную эскимоску!

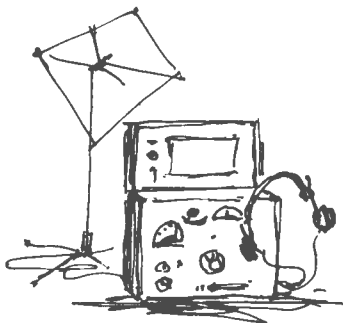
Находясь под лодкой, я, разумеется, не мог видеть, что происходит снаружи, поэтому мне пришлось положиться на другие органы чувств. Я услышал, как стая примчалась полным ходом, описала круг у груди моего снаряжения и кинулась прямо к каноз.

Ужасающий вой, лай и визг почти оглушили меня, от невыносимого шума у меня начались галлюцинации — мне почудился среди общего рева хриплый человеческий голос. Звучал он примерно так:

СТОЙЧЕРТВАСПОБЕРИСУКИНЫДЕТИ!

Затем послышались удары, болезненный визг, и внезапно наступила удивительная тишина.

Я потратил годы, стремясь научиться делать правильные выводы из наблюдаемых явлений, но с подобной ситуацией столкнулся впервые. Это было выше моего понимания. Требовались дополнительные факты. С величайшими предосторожностями я глянул одним глазом в щель между планширом каноэ и льдом. Сперва ничего не было видно, кроме множества волчьих лап, но внезапно мое внимание приковала пара конечностей — единственная пара, которая явно не принадлежала волку. Мобилизовав свои дедуктивные способности, я сразу же отыскал ответ, спокойно приподнял борт каноэ, высунул голову и уставился в смущенное, слегка испуганное лицо молодого человека, закутанного в оленьи меха. Вокруг него, грозно скалясь, сгрудились четырнадцать огромных грозных эскимосских лаек, составлявших упряжку. Что же касается волков, то, признаюсь чистосердечно, их нигде не было видно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Обидно, конечно, что первая встреча с волками вылилась во встречу с собаками, но судьба меня вознаградила.

Как оказалось, хозяин упряжки, сын эскимоски и белого, занимается охотой и живет в промысловой избушке всего в нескольких километрах отсюда. Это же идеальное место для моей постоянной базы!

Майк — так звали молодого охотника — был единственным человеческим существом, обитающим на площади в двадцать пять тысяч квадратных километров, если не считать горстки эскимосов (включая семейство его матери), которые жили в ста километрах к северу. Редкая удача! Можно не опасаться людской назойливости и спокойно проводить наблюдения за волками.

Поначалу Майк отнесся ко мне довольно сдержанно, чтобы не сказать — подозрительно. За все свои восемнадцать лет он не слышал, чтобы самолет сел в этой части полярной пустыни. Ему, правда, доводилось иногда видеть аэроплан, но очень высоко над головой, и каждый раз серебристые птицы пролетали мимо. Неудивительно, что он никак не мог представить, как это самолет, кото-

рого не было ни видно, ни слышно, высадил меня с кучей багажа на лед посреди озера.

С самого начала нашего знакомства Майк был склонен считать мое появление делом рук нечистого. От своего отца-торговца он почерпнул немало сведений об основах христианства и всегда был начеку при виде дьявольских козней. Однако на рискованные действия он так и не отважился.

Первые несколько дней Майк не выпускал из рук своего карабина и выдерживал приличное расстояние. Но стоило угостить его «волчьим коктейлем», как он отложил винтовку в сторону, решив, по-видимому, что, даже если я и в самом деле черт, соблазн слишком велик, чтобы ему противиться.

Вероятно, так и не придумав, что еще со мной можно сделать, Майк в первую же ночь привел меня в свою избушку. Построенная из жердей, крытая гниющими оленьими шкурами, она едва ли могла показаться дворцом, но для моих целей вполне годилась.

Перед отъездом из Оттавы начальство разрешило мне нанимать вспомогательных рабочих из местного населения при условии, однако, чтобы весь расход по этой статье не превышал трех долларов в месяц. Я немедленно заключил сделку с Майком и выдал ему официальную долговую расписку на десять долларов в оплату жилья за три месяца вперед, а также его услуг в качестве проводника и помощника. По сравнению с тем, как в подобных случаях рассчитывались с эскимосами правительственные учреждения, миссии и фактории, это была сказочная плата. Впрочем, я не сомневался, что наш финансовый отдел примирится с подобной расточительностью: должны же они учесть, что, не будь здесь Майка, учреждение потерпело бы убыток в четыре тысячи долларов — такова стоимость экспедиционного снаряжения, которое неминуемо погибнет, едва растает лед на озере.

Правда, в ходе дальнейших событий мне показалось, что сделка с Майком носит несколько односторонний

характер. Очевидно, Майк не совсем точно понял смысл принятых обязательств, но во всяком случае пока он перевез на собачьей упряжке весь мой груз к своему дому.

Последующие дни я был страшно занят распаковкой снаряжения и устройством походной лаборатории и волей-неволей оккупировал почти всю избушку. Мне было совершенно не до Майка, но все же я заметил, что он чем-то угнетен. Поскольку он казался молчаливым от природы (со всеми, кроме своих собак), а познакомились мы совсем недавно и вмешиваться в его личные дела мне было попросту неудобно, я не стал выяснять причину его дурного настроения, а попытался развлечь его и время от времени демонстрировал перед ним то одни, то другие приборы.

Казалось, они подействовали на его воображение, но желанного эффекта не произвели. Майк был по-прежнему озабочен, его удрученность даже усилилась. А после того как я показал ему цианистый «истребитель волков» и объяснил, что отравы убивает мгновенно, причем действует в ничтожном количестве, так что обнаружить ее почти невозможно, поведение Майка сделалось и вовсе не нормальным. Он повсюду стал таскать длинную палку и, прежде чем сесть за стол, весьма странным образом колотил ею по стулу и даже по тарелке с едой. Мало того, по утрам он начал выколачивать свою обувь и одежду.

В другой раз, когда я вытащил четыре сотни мышеловок, которыми собираются ловить мелких млекопитающих, чтобы по ним затем определять содержимое желудков волков, и объяснил, как вываривать скелеты леммингов для коллекции, Майк молча вышел из избушки и с тех пор решительно отказывался разделять со мной трапезу. Должен, однако, признаться, что такое поведение Майка не очень меня беспокоило. Обладая кое-какими познаниями в области психологии, я без труда распознал в нем симптомы замкнутости. Тем не менее я решил вывести его из состояния болезненной самоуглубленности.

Как-то вечером я заманил его в угол, где размещалась моя походная лаборатория, и с гордостью разложил перед ним набор блестящих скальпелей, хирургических ножниц, кюреток и прочих хитроумных инструментов, которыми намеревался пользоваться при вскрытиях трупов волков, оленей и других животных. Объяснять Майку, что такое аутопсия, было довольно сложно, поэтому я взял учебник патологии, открыл его на развороте с цветным изображением вскрытой брюшной полости человека и, пользуясь этим наглядным пособием, увлеченно продолжал лекцию, как вдруг почувствовал, что лишаюсь аудитории: Майк медленно пятился к двери, в его черных глазах нарастал ужас. Нетрудно было догадаться, что все только что мною сказанное он истолковал совершенно превратно. Я вскочил, пытаюсь разуверить его, но испуганный этим движением, он повернулся и опрометью выбежал из избушки.

Я увидел его только на следующий день, когда вернулся из тундры, где ставил мышеловки. Он увязывал свои нехитрые пожитки, видимо готовясь в дальний путь. Сдавленным голосом, торопясь и глотая слова, он пролепетал, что его настоятельно вызывают в становище эскимосов к больной матери, где ему, вероятно, придется задержаться. С этими словами он выбежал к собакам, которые были уже запряжены, и на бешеной скорости умчался в северном направлении.

Меня очень опечалил отъезд Майка — ведь теперь я остался в полном одиночестве, один в окружении волков. С научной точки зрения, пожалуй, это даже неплохо, но жутковатая атмосфера, как при чтении «Собаки Баскервилей», казалось, сгустилась вокруг меня в этой безлюдной, оголенной ветрами тундре.

Нужно сказать, что я еще окончательно не решил, каким образом следует знакомиться с волками. Мне очень хотелось, чтобы при первой встрече Майк представил меня. Но, что ни говори, болезнь матери, безусловно, важнее всех моих научных забот (хотя мне и посейчас

невдомек, откуда Майк мог узнать, что его мать захворала).

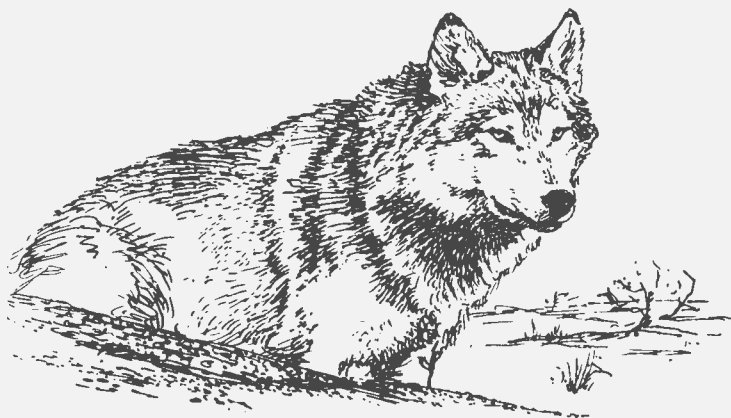
Итак, первоочередную и самую тяжелую задачу — установить контакт с волками — мне пока не удалось решить, и я занялся подготовкой графиков и таблиц полевых работ. Программа их была детализирована до предела. Так, например, только в разделе «Брачные повадки» насчитывалась пятьдесят одна подтема, и каждая требовала глубокого изучения. К концу недели у меня кончилась бумага. Настало время выйти в поле!

Мне, как новичку, следовало, осваиваясь в тундре, соблюдать осторожность. Поэтому на первый раз я удовлетворился кольцевым маршрутом вокруг избушки в радиусе трехсот метров.

Эта экспедиция многого мне не дала, если не считать находки четырех или пяти сотен оленьих скелетов; по существу вся окружающая территория была, точно ковром, покрыта костями карibu. В Черчилле мне удалось выяснить, что трапперы никогда не стреляют в карibu — значит, их зарезали волки. Таков был трезвый научный вывод. Если принять, что норма убыли оленей одинакова во всем районе, то по обнаруженным скелетам можно судить, что только в Киватине волки губят в среднем двадцать миллионов оленей в год!

Прошло три дня после обескураживающей прогулки по кладбищу костей, прежде чем я смог выбрать время для следующей вылазки. Вооруженный винтовкой и револьвером, я прошел около километра, но волков не встретил. Зато с большим удивлением заметил, что плотность покрова из останков карibu уменьшается по мере удаления от промысловой избушки почти в геометрической прогрессии. Меня крайне озадачило, что волки выбирают место для страшной бойни почему-то ближе к человеческому жилью, и я решил расспросить об этом Майка, если, конечно, когда-нибудь его увижу.

Тем временем в тундру пришла дружная, стремительная весна. Снег таял так быстро, что замерзшие

реки не успевали унести талую воду, и она поднялась метра на два над поверхностью льда. Наконец лед с грохотом тронулся, но вскоре образовались заторы, и паводок затопил избушку, принеся с собой нечистоты, скопившиеся за долгую зимовку четырнадцати ездовых собак.

Постепенно заторы прорвало, и вода сошла, но избушка потеряла прежнюю прелесть, так как на полу остался отвратительный осадок. Поэтому я вынужден был разбить палатку на галечной гряде, чуть повыше избушки. Но заснуть мне той ночью помешали какие-то странные звуки. Я мгновенно сел в постели и внимательно прислушался. Звуки доносились с севера, из-за реки — какая-то непонятная смесь воя, хныканья и жалобных стонов.

Вскоре я разжал руку, которой схватил винтовку. Уж если научные работники чем и сильны, так это умением учиться на опыте: меня, например, дважды не одурачишь! Конечно, воеет лайка, и по-видимому молодая, я даже подумал, что это одна из собак Майка (у него, кстати, было три больших, но еще не выезженных щенка, которые бегали за упряжкой). Очевидно, пес заблудился, по следу вернулся домой и теперь молит о внимании и помощи. Я был растроган. Если щенок нуждается

в друге-приятеле, пусть располагает мной! Я быстро оделся, сбежал к реке, вскочил в каноэ и стрелой помчался на другую сторону.

Щенок ни на минуту не прекращал горестных стенаний, и я уж совсем собрался откликнуться, но вовремя сообразил, что чужой человеческий голос спугнет его. Лучше подкрасться вплотную и ласково подманить бедняжку.

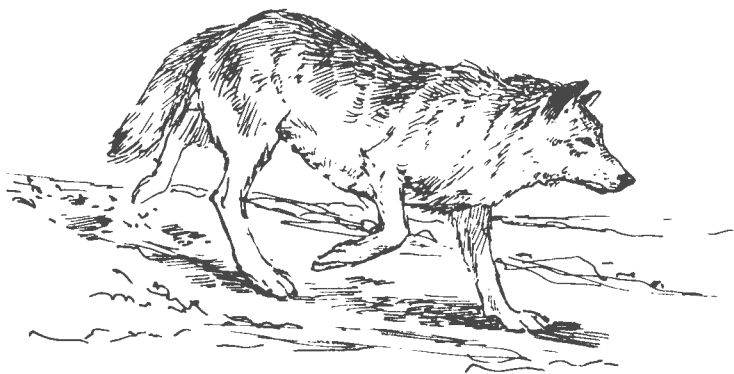
По силе доносившихся звуков можно было судить, что собака находится всего в нескольких шагах от берега. Но когда в тусклом свете я выскочил из лодки, пересек полосу щебня и перебрался через галечные косы, звуки слышались все на том же расстоянии. Ясно — щенок отбегает, вероятно, боится меня. Чтобы не отогнать его, я старался двигаться бесшумно, даже когда жалобный вой прекратился и направление пришлось определять наугад. Впереди замаячила крутая гряда — вот поднимусь на нее и сразу увижу беглеца! Последние метры, оставшиеся до гребня, я прополз на животе (помогло искусство разведчика, приобретенное еще в бойскаутах) и затем осторожно приподнял голову — вот он, мой песик. Мы столкнулись нос к носу. Нас разделяли каких-нибудь два метра. Он лежал, очевидно отдыхая после минорного концерта. Мы молча уставились друг на друга. Не знаю, что происходило в его массивном черепе, но моя голова наполнилась роем тревожных мыслей. Прямо на меня пристально глядели янтарные глаза матерого тундрового волка; по-видимому, он был тяжелее меня и, бесспорно, гораздо лучше владел техникой боя без оружия.

Несколько секунд никто из нас не двигался, мы продолжали взглядом гипнотизировать друг друга. Волк первым разрушил чары. Прыжком, какой сделал бы честь даже русским танцорам, он взвился в воздух почти на метр и пустился наутек. Как утверждают учебники, волки могут развивать скорость до сорока километров в час, но этот волк, казалось, не бежал, а летел на бреющем полете. Через несколько секунд он скрылся из виду.

Моя реакция не была столь динамичной, но и я, несомненно, установил рекорд в беге по пересеченной местности. Переправляясь через реку, я так разогнал каноэ, что оно во всю длину выскочило на сушу, а затем бросился в избушку и запер дверь на засов. Я старался не обращать внимания на зловоние, которое поднималось от залитого нечистотами пола, и устроился на столе в надежде спокойно проспать до рассвета — к счастью, они стали здесь по-весеннему ранними.

Ну и ночка! Зато теперь я имел полное право поздравить себя: наконец-то установлен контакт с изучаемым объектом — не важно, что встреча была мимолетной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уснуть не удалось! Стол оказался слишком коротким и жестким, воздух в избушке чересчур спертый, а впечатления от недавней встречи с волком — необыкновенно яркими. Напрасно пробовал я «считать овец» — они неизменно превращались в волков, а это окончательно прогоняло дремоту. Когда же под полом заскреблась какая-то мышка, мне представилось, будто это волк приюхивается под дверь, и тут уж окончательно стало не до сна. Отказавшись от дальнейших попыток, я зажег фонарь Майка и принялся ждать рассвета.

Перед моим мысленным взором возникли события прошедшего вечера. Удивительно, как много, несмотря на краткость встречи с волком, запомнилось подробностей! Волк предстал передо мной так отчетливо, будто я знал его (или ее) долгие годы. В память навсегда врезались массивная голова с пышным ошейником белой шерсти, короткие торчащие уши, рыжевато-коричневые глаза и седая морда. Живо запечатлелся образ волка, когда он ринулся прочь от меня: стремительный бег могучего хищника, ростом с небольшого пони; от него, казалось, так и веяло смертельной опасностью.

Чем дольше я раздумывал над событием, тем менее доблестным представлялось мне собственное поведение. Отступление было чересчур поспешным и, пожалуй, недостойным. Впрочем, я тут же утешил себя — ведь волк тоже держался не самым блестящим образом! На сердце сразу сделалось веселее; к тому же взошло солнце и бледным светом озарило суровый мир, лежавший за окном. Настроение у меня поднялось.

По мере того как разгорался рассвет, мне даже стало казаться, что я упустил редкий, возможно, неповторимый случай. Видимо, мне следовало бежать за волком и постараться завоевать его доверие или по крайней мере убедить его в том, что я не питаю злобных намерений ни к нему, ни к ему подобным.

Канадские кукши¹, прилетавшие ежедневно, чтобы порыться в отбросах перед домом, уже начали свою болтовню. Я разжег печку и приготовил завтрак. Затем уложил в рюкзак немного еды, проверил запас патронов, повесил на шею бинокль и, преисполненный решимости, отправился исправлять вчерашнюю оплошность. Мой план был прост — я направляюсь прямо к тому месту, где лежал волк, отыщу его след и пойду по нему, пока не обнаружу зверя.

Поначалу дорога была тяжелой, каменистой; неудивительно, что мне понадобилось немало времени, чтобы преодолеть сравнительно небольшое расстояние. Но вот наконец и невысокая гряда, с которой я тогда его увидел. Дальше расстилалась болотистая тундра, там следы должны быть хорошо заметны. И действительно, мне почти сразу посчастливилось обнаружить отпечатки лап на небольшом пространстве, поросшем бурым мхом.

Наверное, мне полагалось испытывать бурную радость, но я почему-то не обрадовался. По правде говоря, эти первые в моей жизни волчьи следы оказались находкой, к которой я был совершенно не подготовлен. Одно дело — прочитать в учебнике, что следы тундрового вол-

¹ К у к ш а — птица семейства вороновых. — *Примеч. авт.*

ка достигают пятнадцати сантиметров в диаметре, а другое — увидеть их непосредственно перед собой во всем их величии. Несомненно, это может охладить любой энтузиазм. Гигантские следы при чуть ли не метровой длине шага свидетельствовали о том, что преследуемое мной животное ростом не уступает серому медведю гризли.

Я внимательно изучал волчьи следы и, возможно, занимался бы этим еще немало времени, как вдруг обнаружил, что забыл свой карманный компас. Без компаса же забираться далеко в бескрайнюю тундру — чистое безрассудство. Огорченный, я вынужден был вернуться в избушку.

На том месте, куда я его положил, компаса не оказалось. В сущности, я хорошенько не помнил, где мог его оставить; не знаю даже, попался ли мне компас после отъезда из Оттавы. Что и говорить, положение не из приятных. Чтобы не терять времени зря, я взял с полки одно из руководств, которыми меня щедро снабдили перед отъездом, и углубился в главу, посвященную волкам. Разумеется, мне не раз случалось заглядывать в нее и прежде, но некоторые важные факты как-то ускользали из памяти. Теперь же, когда мне воочию довелось увидеть волчьи следы, способность восприятия значительно обострилась, и я перечитал главу с особым интересом и глубоким пониманием дела.

Тундровый волк, как сообщал автор руководства, является самым крупным из многочисленных подвидов *Canis lupus*. Максимальный вес измеренных экземпляров 77 килограммов; длина от носа до кончика хвоста 260 сантиметров; высота до холки 105 сантиметров. Взрослый тундровый волк может съесть (а при удобном случае и съедает) 14 килограммов сырого мяса за один присест. Волчьи зубы «отличаются массивностью и с одинаковым успехом рвут и размалывают пищу. Это позволяет их владельцу раздирать на части самых крупных млекопитающих и дробить даже наиболее крепкие кости».

Глава оканчивалась следующим кратким заключением: «Волк — свирепый и опасный хищник. Среди всех зверей, известных человеку, волк занимает одно из первых мест по тому страху и ненависти, которые он, с вполне достаточными основаниями, к себе внушает». Основания, правда, не приводились, впрочем, они оказались бы совершенно излишними.

Остаток дня я провел в размышлениях; надежда завоевать доверие волков порой начинала казаться мне чересчур оптимистической. Разумеется, продемонстрировать отсутствие злой воли с моей стороны несложно, но грош этому цена, если волки не ответят взаимностью!

На следующее утро я занялся чисткой «авгиевых колюшен» в избушке и во время уборки нашел компас. Положив его на подоконник, я продолжал работу, но солнце, отражаясь на медной крышке инструмента, блесело столь призывно, что я решился предпринять еще одну попытку и восстановить утраченный контакт с волками.

На этот раз я продвигался вперед еще медленнее — на мне были винтовка, дробовик, револьвер, патронташ, небольшой топорик и охотничий нож, а также фляга с «волчьим коктейлем» (на случай, если я провалюсь в какой-нибудь ледяной поток).

Стоял жаркий день — весной в Арктике иногда выдаются деньки не менее знойные, чем в тропиках. Первые комары, словно герольды, возвещали о приближении несметных полчищ, которые скоро сделают пребывание в тундре поистине адской мукой. Я отыскал волчью тропу и решительно зашагал навстречу судьбе.

Следы вели прямо через огромное болото, но беда заключалась в том, что волчьи лапы увязали в нем всего на восемь-десять сантиметров, тогда как я проваливался на добрых тридцать сантиметров до мерзлого грунта. С трудом добрался я до галечной гряды; идти стало гораздо легче, но зато там я сразу потерял следы волка.

Попытки обнаружить их вновь ни к чему не привели. Пристально оглядывая холодное царство тундры, безбрежное, как море, я почувствовал себя безмерно одиноким. Ни рокота самолета, который нарушил бы немую тишину пустого неба, ни дальнего грохота проходящего поезда, от которого дрожала бы земля под моими ногами... Мертвое молчание! Только посвистывание невидимой ржанки свидетельствовало о том, что жизнь все-таки существует на этой голой, похожей на поверхность Луны земле.

Я отыскал нишу среди скал, покрытых лишайниками, втиснулся в нее и с аппетитом позавтракал. Затем, взяв бинокль, начал рассматривать пустынный ландшафт в надежде обнаружить хоть что-нибудь живое.

Прямо перед собой я увидел скованную льдом бухточку большого озера, на противоположном берегу — какое-то яркое пятно, выделяющееся среди однообразной окраски тундры. Это был желтый песчаный вал высотой около двадцати метров, который, извиваясь, как гигантская змея, терялся вдаль. Такие узкие, вытянутые холмы (эскеры или озы) есть не что иное, как древние лежа исчезнувших рек, которые некогда (примерно десять тысяч лет назад) пробивали свой путь среди ледников, покрывавших всю область Киватина. Когда толщи льда растаяли, наносы отложились на поверхности земли, и теперь они являются почти единственными заметными чертами рельефа тундры среди однообразной унылой равнины.

Напрягая зрение, я внимательно осматривал оз, пробегал по нему биноклем, пока не заметил наконец какое-то движение. Расстояние было значительным, но мне показалось, будто кто-то, подняв руку над головой, машет из-за кромки вала. В сильном волнении я вскочил на ноги и пустился бежать к берегу залива. Теперь до песчаной насыпи оставалось не более трехсот метров: отдышавшись, я вновь прильнул к биноклю.

Замеченный мной предмет оставался на месте, но теперь он выглядел как боа из белых перьев, которым не-

истово размахивает кто-то, скрытый от меня гребнем. Это было совершенно необъяснимо, и ничто из постигнутого мной при изучении естественных наук сюда не подходило. Пока я изумленно таращил глаза, к первому боа присоединилось второе, тоже яростно махавшее, и вот оба медленно двинулись вдоль оза.

Мне сделалось не по себе — ведь это явление не подавалось научному объяснению. В сущности, я даже утратил интерес к непонятному зрелищу, считая, что оно, скорее всего, относится к компетенции психиатра, как вдруг совершенно неожиданно оба боа повернули ко мне. Они делались все выше и выше, пока не оказались... хвостами двух волков, поднимавшихся на песчаный вал.

Оз значительно возвышался над берегом залива, где я находился, и я чувствовал себя выставленным напоказ, точно полуобнаженная красавица с рекламы нижнего белья. Стремясь сделаться как можно меньше ростом, я присел на корточки и уполз в скалы, где старался держаться скромнее. Но беспокоиться было ни к чему — волки не обращали на меня ни малейшего внимания. Они были слишком увлечены собственными делами, которые, как я с удивлением понял, в данную минуту сводились к игре в салки.

В это трудно поверить, но это так! Они возились, как щенята. Тот из них, что меньше ростом (вскоре появились конкретные доказательства, что это самка), был зачинщиком. Положив голову на вытянутые передние лапы и самым неблаговоспитанным образом подняв зад, волчица внезапно прыгнула на самца, который был много крупнее; я узнал в нем моего позавчерашнего знакомого. Пытаясь увернуться, тот споткнулся и упал. Волчица мгновенно оказалась наверху, больно теребя зубами его загривок, затем вскочила и бешено помчалась, описывая круги. Волк поднялся на ноги и кинулся в погоню, но только ценой больших усилий сумел ее настичь и куснуть в спину. После этого роли вновь переменялись, и самка мчалась за самцом, возглавлявшим дикую гонку то вверх,

то вниз, за насыпь и обратно; в конце концов оба волка потеряли равновесие и, сцепившись, покатались по крутому склону. Внизу они разделились, вытряхнули песок из шерсти и, тяжело дыша, встали морда к морде. Самка поднялась на дыбы, буквально обняла самца передними лапами и, как бы целуя, начала облизывать его своим длинным языком.

Самец с трудом переносил назойливые нежности и все время старался отвернуть голову, но тщетно. Я невольно проникся к нему состраданием: по правде говоря, столь бурное проявление страсти вызывало отвращение. Однако, собрав все свое мужество, волк терпел, пока ей не надоело. Отвернувшись, волчица вскарабкалась примерно до половины песчаного склона... и пропала.

Казалось, даже след ее исчез с лица земли. Я терялся в догадках, пока не навел бинокль на густую тень в складке оза, где видел волчицу в последний миг. Темное пятно оказалось входом в пещеру или логовище; конечно же волчица забралась туда.

Я был счастлив — ведь удалось не только установить местонахождение пары волков, но и, по милости судьбы, отыскать их логово! Позабыв о всякой осторожности, я бросился к ближнему бугорку, чтобы оттуда получше разглядеть вход. После ухода подружки волк слонялся у подошвы оза и тотчас заметил меня. В три-четыре прыжка он взлетел наверх, остановился и с грозной настороженностью уставился на меня. Стоило мне только глянуть на него, и вся радость встречи мгновенно улетучилась. Нет, он больше не походил на игривого щенка, а превратился в великолепнейший механизм разрушения! Эта метаморфоза была столь устрашающей, что у меня застучали зубы о флягу, когда я собрался хлебнуть для успокоения нервов.

На сегодня хватит, решил я, не следует надоедать волчьему семейству, иначе, чего доброго, спугнешь их с насиженного места. Я счел за благо удалиться. Возвращение было нелегким — что может быть тягостнее, чем тащиться обратно по осыпающемуся под ногами щеб-

ню, да еще с полной выкладкой различных металлических изделий, принятых на вооружение в научных экспедициях!

Достигнув гряды, с которой впервые увидел волков, я бросил прощальный взгляд в бинокль. Самки по-прежнему не было видно, самец же спокойно лежал на песчаном гребне, вся его настороженность исчезла. Вот он встал, несколько раз покрутился на месте, как делают собаки, и улегся поудобнее, упрятав нос под хвост и явно намереваясь вздремнуть.

Убедившись, что он больше не интересуется моей скромной особой, я с облегчением вздохнул. Было бы настоящей трагедией, если бы мое нечаянное вторжение напугало волков и лишило меня замечательной возможности наблюдать за животными, ради которых я так далеко забрался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Явная индифферентность, которую проявил волк к моей особе, подхлестнула меня на дальнейшие действия — я решил на следующее утро вновь наведаться в волчье логово. На сей раз взял с собой винтовку, револьвер и охотничий нож, а вместо дробовика и топорика прихватил сильную перископическую стереотрубу с треногой.

Стояло прекрасное солнечное утро; дул ветерок, прогнавший комаров. Добравшись до залива перед озом, я заметил примерно в четырехстах шагах от логовища торчащий обломок скалы; это позволяло установить стереотрубу таким образом, что объектив будет направлен вверх гребня, а меня не будет видно. Используя военный опыт, я незаметно прокрался к наблюдательному пункту; ветер дул со стороны волков, значит, можно ручаться — они даже не подозревают о моем присутствии.

Ну вот все в порядке, труба установлена, и я навел фокус, но, к моему глубокому огорчению, волков нигде не видно. Прибор давал такое увеличение, что можно было различить отдельные песчинки в насыпи, но,

хотя я очень внимательно проверил каждый сантиметр полуторакилометрового расстояния по обе стороны от логова, волки исчезли. К полудню от сильного напряжения у меня разболелись глаза и, что еще хуже, начались судороги. Невольно стал напрашиваться вывод: вчерашнее открытие — печальная ошибка, и то, что я принял за логово, — просто обыкновенная дыра в песке.

Какая досада — ведь без активного участия волков грош цена всем сложным исследовательским планам и графикам, которые я поторопился составить! В необозримых просторах тундры вероятность визуального наблюдения волков крайне невелика, разве что случайно повезет (а на мою долю счастливых случаев и так уже выпало больше чем положено). Я отлично понимал — мне так же трудно отыскать в этой безликой пустыне волчье логовище, как алмазные копи.

Огорченный неудачей, я продолжал бесплодные наблюдения: оз оставался пустым. От горячего песка начал подниматься нагретый воздух, потребовалось еще больше напрягать зрение. К двум часам дня я потерял всякую надежду. Скрываться дальше было бессмысленно, и я поднялся, разминая затекшие ноги.

Странное создание — человек. Даже один-одинешенек, в углу челноке в безбрежном океане или в дебрях дремучего леса, он, оправляясь, делается необычайно чувствительным к тому, что его могут увидеть. В этот весьма деликатный момент только очень самоуверенные люди (степень надежности уединения роли не играет) способны не оглянуться.

Сказать, будто я ощутил только смущение, когда убедился, что нахожусь не один, было бы явным преуменьшением, так как прямо позади меня, в каких-нибудь двадцати шагах, сидели... исчезнувшие волки.

Они расположились покойно и удобно, словно уже несколько часов провели за моей спиной. Самец, по видимому, немного скучал, но устремленный на меня

взгляд самки был полон беззастенчивого, можно сказать, похотливого любопытства.

Человеческая психика — забавная штука. При других обстоятельствах я, вероятно, остолбенел бы от страха, и вряд ли бы кто меня осудил. Но в этой необычной ситуации первой моей реакцией было сильное возмущение. Я повернулся к волкам спиной и дрожащими от досады пальцами стал торопливо приводить в порядок свой туалет. Когда пристойность (если уж не достоинство!) была восстановлена, я закричал на волков со злобой, изумившей даже меня самого:

— Кш-ш! Какого черта вам здесь нужно, вы... вы... бесстыжие, наглые твари! А ну — убирайтесь прочь!

Волки испуганно вскочили, переглянулись, а затем пустились бежать вниз по склону к озу и вскоре исчезли, ни разу не оглянувшись.

С их уходом у меня наступила реакция. Сознание, что Бог знает сколько времени волки сидели на расстоянии прыжка от моей незащищенной спины, вызвало такое потрясение, что мне не удалось закончить неожиданно прерванное дело. Страдая от морального и телесного перенапряжения, я поспешно собрал вещи и отправился домой.

В тот вечер я долго не мог собраться с мыслями. Казалось бы, можно радоваться — молитва моя услышана, волки выразили несомненную готовность сотрудничать. С другой стороны, меня преследовала назойливая мысль: *кто же все-таки за кем наблюдает?* Мне представлялось, что в силу видового превосходства, как представитель *Homo sapiens*, к тому же получивший солидную специальную подготовку, я имею законное право на пальму первенства. Но где-то в глубине души шевелилась смутная догадка, что превосходство это чрезвычайно шаткое и фактически это я нахожусь под наблюдением. Надо ли говорить, что подобные сомнения не способствовали моему самоутверждению.

Чтобы установить свою власть раз и навсегда, я решил наутро отправиться прямо на волчий вал и вни-

мательно осмотреть предполагаемое логовище. Добраться туда можно на каноэ — река уже очистилась, а на озере лед отогнало от берега сильным северным ветром.

Каким чудесным было неторопливое плавание в залив Волчьего Дома — так я назвал это место! Ежегодный весенний переход оленей из лесов Манитобы в далекие равнины тундры, к озеру Дубонт, в полном разгаре. Из лодки я видел бесчисленные стада карибу, пересекавшие болота и холмы. Когда я подплыл к озу, волков там не было — очевидно, они отправились промышлять оленя на завтрак.

Я подвел каноэ к берегу и, обвешанный фото- и киноаппаратами, оружием, биноклями и прочим снаряжением, старательно полез вверх по осыпающемуся песку, к тому месту на склоне, где в прошлый раз исчезла волчица. Попутно мне удалось обнаружить неопровержимые доказательства того, что оз является если не пристанищем волков, то, во всяком случае, любимым местом их прогулок. Поверхность всюду была густо усыпана калом и покрыта волчьими следами, которые во многих местах образовали хорошо проторенные тропинки.

Логовище находилось в маленькой ложбинке и было так замаскировано, что я бы прошел мимо, не заметив его, если бы не слабый писк, который привлек мое внимание. Я остановился и увидел чуть ниже, в нескольких шагах, четырех небольших зверьков, с увлечением занимавшихся вольной борьбой.

Я не сразу сообразил, кто они такие. Толстые лисьи мордочки с маленькими ушками, туловища круглые, как тыквы; короткие кривые лапки и крошечные, торчащие вверх зачатки хвостиков — все это было так не похоже на волка.

Внезапно один из волчат почуял мой запах. Он прекратил попытку откусить хвост брата и поднял на меня дымчато-голубые глазки. Увиденное его заинтересовало. Волчонок вразвалку заковылял ко мне, но по до-

роге его укусила блоха — пришлось сесть, чтобы почесаться.

В этот момент не далее чем в сотне шагах послышался громкий, вибрирующий вой взрослого волка — сигнал тревоги.

Идиллия сменилась драмой.

Словно серые молнии, волчата исчезли в темном провале логова. Обернувшись, я оказался лицом к лицу с взрослым волком, от неожиданности потерял опору и начал сползать вниз по осыпающемуся склону, прямо к логовищу. Чтобы удержать равновесие, пришлось воткнуть винтовку дулом в песок. Она ушла глубоко и держалась довольно прочно, но выскочила, когда я, ухватившись за ее ремень, опустился еще ниже. Я лихорадочно нащупывал кобуру с револьвером, но был так опутан ремнями от фотокамер и приборов, что никак не мог извлечь оружие. Вместе с растущей лавиной песка я промчался мимо входа в логовище, перемахнул через выступ, отходивший от главного гребня, и скатился по склону оза. Чудом — только благодаря сверхчеловеческой акробатике — мне удалось устоять на ногах. Я то нагибался вперед, как лыжник на трамплине, то откидывался назад под таким углом, что, казалось, позвоночник вот-вот не выдержит.

Да, это было зрелище! Когда я наконец остановился и смог оглянуться, то увидел на валу трех взрослых волков, чинно восседавших в ряд, словно в королевской ложе. Они внимательно смотрели на меня с выражением восхищения, смешанного с иронией.

И тут, признаюсь, я потерял самообладание. С учеными это случается нечасто, но я ничего не мог с собой поделать! Моему чувству собственного достоинства за последнее время были нанесены слишком тяжкие удары, и моя выдержка больше не соответствовала нагрузке. В порыве гнева я вскинул винтовку, но, к счастью, она была так забита песком, что выстрела не последовало.

Волки не проявляли никаких признаков беспокойства до тех пор, пока я не заплясал в бессильной ярости, тряся бесполезной винтовкой и посылая проклятия в их насто-роженные уши. Тут они обменялись насмешливыми взглядами и неслышно удалились.

Я тоже последовал их примеру — мое душевное состояние исключало возможность аккуратного выполнения научных обязанностей. Откровенно говоря, я вообще был ни на что не способен. Оставалось только поскорее вернуться в домик Майка и постараться найти забвение в бутылке «волчьего коктейля».

В ту ночь я долго и весьма плодотворно «совещался» с упомянутым напитком. По мере того как мои душевные раны затягивались под его исцеляющим влиянием, я пересмотрел события последних дней. Несмотря на предвзятость, я вынужден был прийти к убеждению, что освященное веками общечеловеческое представление о характере волка — чистая ложь. Трижды на протяжении недели моя жизнь целиком зависела от милости этих «беспощадных убийц». И что же? Вместо того чтобы разорвать меня на куски, волки каждый раз проявляли сдержанность, граничащую с презрением, даже когда я вторгся в их дом и, казалось, являл собой прямую угрозу детенышам.

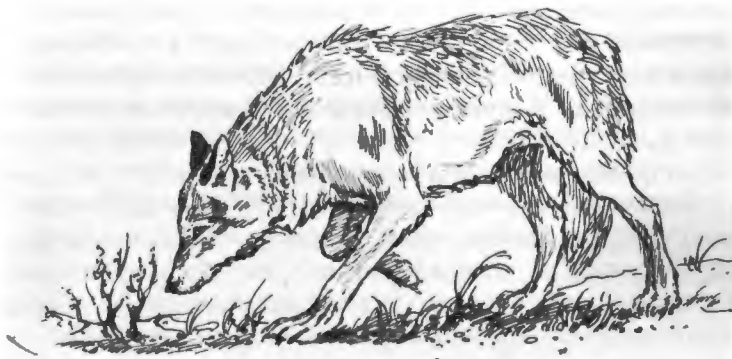
Все это было совершенно очевидно, но, как ни странно, я весьма неохотно расставался с дряхлым мифом. У меня не было желания его развеять — отчасти потому, что, став на новую точку зрения относительно волчьей природы, я боялся прослыть отступником. Признаюсь, немалую роль сыграло и следующее соображение: если моя правда восторжествует, то эта экспедиция лишится лестной славы предприятия опасного, полного жутких приключений. И наконец, не последнюю роль в моем упорстве сыграло еще одно обстоятельство: очень трудно было примириться с тем фактом, что тебя признают окончательным идиотом, причем не собратья люди, а какие-то дикие звери.

Однако я устоял.

Наутро после ночного «собеседования» я чувствовал себя отвратительно физически, но духовно очистился — вступил в борьбу с дьяволом-искусителем и победил.

Я принял твердое решение: с этого часа пойду в волчье царство с открытым сердцем и научусь видеть и познавать волков не такими, какими их принято считать, а такими, какие они есть на самом деле.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вскоре с присущей мне основательностью я начал осуществлять принятое решение и перебрался к волкам. Для начала устроил собственное логово неподалеку от волчьего, однако не настолько близко, чтобы мешать мирному течению их жизни. Ведь как-никак это я, чужак, к тому же не волкоподобный, вторгся к ним, и мне казалось, что не следует слишком торопить события.

Покинув избушку Майка без всяких сожалений (чем теплее становились дни, тем сильнее в ней пахло), я разбил небольшую палатку на берегу залива, прямо против логовища. Лагерный инвентарь пришлось сократить до минимума: примус, котелок, чайник и спальный мешок — вот и все хозяйство. Никакого оружия я не взял (о чем иногда случалось пожалеть). У входа в палатку установил большую стереотрубу: это позволило днем и ночью обозревать логовище, даже не вылезая из спального мешка.

В первые дни я отсиживался в палатке и лишь ненадолго выходил в случае крайней необходимости, да и то когда волков не было видно. Добровольное «одиночное заключение» понадобилось для того, чтобы звери при-

выкли к палатке и воспринимали её просто как еще один бугор на весьма холмистой местности. Позже, когда от комаров не стало житья, я и вовсе перестал выходить из своего убежища (если не дул сильный ветер) — ведь самыми кровожадными созданиями в Арктике оказались вовсе не волки, а несносные комары.

Предосторожности, принятые мной для сохранения покоя волков, оказались излишними. Если мне понадобилась неделя, чтобы трезво оценить характер волков, то они меня раскусили с первой же встречи. Не скажу, чтобы с их стороны наблюдалось явное неуважение к моей особе, но звери как-то умудрялись не только игнорировать меня, но и не обращать внимания на сам факт моего существования — признаться, это все-таки обидно.

По чистой случайности я раскинул палатку шагах в двадцати от одной из главных троп, по которой волки уходили на охоту и возвращались со своих угодий, лежащих на западе. Через несколько часов после моего переезда на тропе показался волк, державший путь к себе домой. Он возвращался с ночной работы, устал и стремился поскорее добраться до постели. Волк поднимался по тропинке, шедшей в гору, и находился от меня не более чем в сотне шагов; голова его была опущена, глаза полузакрыты, казалось, он глубоко задумался. Ничто в нем не напоминало то на редкость чуткое и осторожное существо, каким рисует волка вымысел. Напротив, он был настолько чем-то поглощен, что, вероятно, так и не заметил бы палатку, хотя проходил совсем рядом с ней. Но я вдруг задел локтем чайник, и тот звякнул. Волк поднял голову и широко открыл глаза, однако не остановился и не прибавил шагу. Быстрый взгляд искося — вот и все, чем он меня удостоил.

Правда, я не стремился привлекать особого внимания, но от такого полного пренебрежения мне просто становилось неловко. На протяжении двух недель волки почти каждую ночь пользовались тропой, проходящей возле палатки, но никогда, если не считать одного памятного случая, они не проявляли ни малейшего интереса ко мне.

К тому времени, когда произошло упомянутое событие, я уже немало узнал о своих соседях. Выяснилось, например, что они вовсе не бродяги-кочевники, какими их принято считать, а оседлые звери, и к тому же хозяева обширных владений с очень точными границами.

Территория, составлявшая собственность наблюдаемой мной семьи волков, занимала свыше двухсот пятидесяти квадратных километров; с одной стороны она была отделена рекой, но в остальных направлениях не имела четких географических рубежей. Тем не менее границы существовали, и очень ясно обозначенные — разумеется, на волчий манер.

Тот, кто наблюдал, как собака на прогулке оставляет свои визитные карточки на каждом подходящем столбе, уже догадался, каким способом волки отмечают свои владения. Примерно раз в неделю стая совершает обход «фамильных земель» и освежает межевые знаки. Подобная заботливость в данном случае, очевидно, объяснялась наличием еще двух волчьих семейств, чьи «поместья» примыкали к нашему. Впрочем, мне ни разу не пришлось быть свидетелем разногласий или драки между соседями. Поэтому все дело, по-видимому, сводится просто к традиции.

Так или иначе, но, убедившись в наличии у волков сильно развитого чувства собственности, я решил воспользоваться этим и заставить их признать факт моего существования. Как-то вечером, когда волки ушли на ночную охоту, я сделал заявку на собственный земельный участок площадью около трехсот квадратных метров с палаткой в центре, который *захватил отрезок волчьей тропы длиной примерно в сотню метров*. Чтобы гарантировать действенность заявки, я счел необходимым через каждые пять метров оставлять знаки владельца на камнях, покрытых мхом кочках и на клочках растительности — по всей окружности захваченной территории.

Застолбить участок оказалось труднее, чем я предполагал. На это ушла большая часть ночи; пришлось часто возвращаться в палатку и выпить неимоверное количест-

во чая. Но к утру, когда охотники обычно возвращались, все было готово. Чувствуя себя несколько изнуренным, я прилег в палатке в надежде немного отдохнуть и одновременно проследить за результатом.

Долго ждать не пришлось. В 8. 14, как значится в моем дневнике наблюдений, из-за увала появился вожак стаи. Как всегда сосредоточенный, он по своему обыкновению даже не соизволил взглянуть в сторону палатки. Но, поравнявшись с местом, где граница моих владений пересекала его путь, волк резко остановился, словно наткнулся на невидимую преграду.

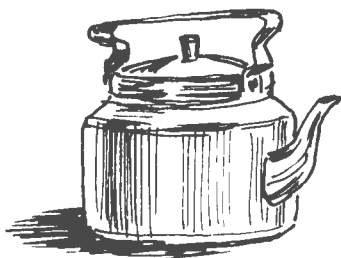
Нас разделяли каких-нибудь пятьдесят метров, и в бинокль мне было отлично видно, как выражение усталости сменилось у зверя сильнейшим замешательством. Осторожно вытянув нос, волк принюхался к одному из помеченных мною кустиков. Он, казалось, никак не мог сообразить, что следует предпринять. После минутной растерянности волк отошел на несколько шагов и только тогда наконец взглянул на палатку и на меня. Это был долгий, изучающий, очень внимательный взгляд.

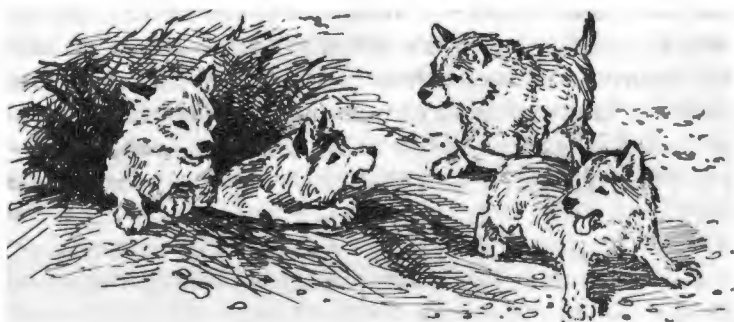
Но после того как я добился своей цели и заставил волка обратить на себя внимание, мне в голову пришла тревожная мысль: не нарушил ли я по неведению какой-нибудь важный волчий закон и не придется ли теперь расплачиваться за собственную опрометчивость? Вот когда я пожалел, что не захватил с собой оружия — взгляд волка становился все более пристальным, глубоким и жестким.

Меня это начинало нервировать. Я и раньше-то не любил игры в гляделки, а тут еще против меня выступал такой мастер. Взгляд желтых глаз становился все свирепее, все злее; тщетно старался я принудить волка потупить. Положение — хуже некуда. В отчаянной попытке выйти из создавшегося тупика я громко откашлялся и на какую-то долю секунды повернулся спиной к противнику, давая ему понять, что нахожу его бесцеремонную манеру — глазеть на незнакомого человека — по меньшей мере невежливой, если не оскорбительной.

Волк, казалось, понял намек и немедленно перестал на меня тарашиться. Встав на ноги, он еще раз принюхался к моему знаку и, очевидно, принял решение. Быстро, с уверенным видом он начал систематический обход участка, который я застолбил для себя. Подойдя к очередному «пограничному» знаку, он обнюхивал его разок-другой, затем старательно делал свою отметку на том же пучке травы или на камне, но с наружной стороны. Наблюдая за ним, я понял, в чем заключалась моя ошибка, вызванная невежеством: волк ставил свои знаки крайне экономно и смог проделать весь круг, ни разу не заправляясь, или, если слегка изменить сравнение, на одном баке горючего.

Через каких-нибудь пятнадцать минут операция была закончена. Затем волк вышел на тропу там, где кончались мои владения, и рысцой пустился к дому, предоставив мне пищу для самых серьезных размышлений.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Моя небольшая территория, окруженная чужими владениями, была выделена с соблюдением существующих правил; волки признали ее самостоятельность и ни разу не нарушали границ. Иногда кто-нибудь из них мимоходом останавливался у демаркационной линии и освещал свою сторону пограничного знака. В свою очередь я, в меру сил и способностей, старался не отставать от соседей. Опасения за личную безопасность постепенно исчезли, и я смог все внимание уделять изучению зверей.

Очень скоро наблюдения показали, что волки ведут размеренный образ жизни, однако не являются рабами твердого режима. Во второй половине дня самцы отправляются на ночной промысел. Порой это происходит в четыре часа, но они могут и промедлить — до шести или семи часов вечера. В поисках добычи волки рыскают довольно далеко от логова, хотя, по-видимому, всегда остаются в пределах угодий, занятых семьей. По моим подсчетам, охотясь в нормальных условиях, волки до зари успевают сделать около шестидесяти километров. В трудные же времена им приходится покрывать еще

большее расстояние — мне доводилось видеть, как самцы возвращались домой только после полудня. Остаток дня они спят, но на свой особый, волчий манер, то есть свертываются калачиком на пять—десять минут, после чего быстро встают, оглядываются и, повернувшись на месте разок-другой, снова ложатся.

Волчица и волчата обычно ведут дневную жизнь. Едва самец отправляется на вечернюю охоту, как самка скрывается в логове и почти не показывается, разве только чтобы глотнуть свежего воздуха, попить воды или навестись в мясной тайник.

Склады провианта заслуживают упоминания. Вблизи от логовища волки никогда не хранят пищи: сюда доставляется только такое ее количество, какое необходимо для немедленного потребления. Все излишки, добытые на охоте, волки сносят в тайник, расположенный метрах в восьмистах от логова, среди нагромождения валунов, и прячут мясо в расщелинах. Запасы предназначаются, главным образом, для питания кормящей волчицы, которая лишена возможности сопровождать самца в далекие охотничьи походы.

Я заметил, что тайником исподтишка пользовалась пара песцов, чья нора находилась неподалеку. Волки, разумеется, знали место расположения норы и наверняка замечали «утечку» продуктов, но ничего не предпринимали против воришек, хотя им не составляло труда выкопать и уничтожить их выводок. Песцы, в свою очередь, совершенно не боялись волков, и мне неоднократно доводилось видеть песца, тенью кравшегося по пятам волка, который никак на это не реагировал.

Позже я пришел к выводу, что почти все волчьи логовища в тундре представляют собой заброшенные песцовые норы, впоследствии занятые и расширенные новыми хозяевами. Возможно, именно полезность песцов как землекопов и обеспечивает им неприкосновенность, но, скорее всего, терпимость волков — просто проявление присущего им дружелюбия.

В течение дня, когда волки-самцы относятся к этому снисходительно, волчица довольно рьяно занимается домашним хозяйством. Волчата с визгом вырываются из опостылевшего заточения и тоже проявляют бурную активность, доводящую их до полного изнеможения. Круглые сутки что-нибудь да происходит; неудивительно, что мне почти не удавалось оторваться от стереотрубы.

После двух суток непрерывных наблюдений я дошел до предела. Создалось безвыходное положение: спать я не решался, боясь пропустить что-нибудь важное, с другой стороны, я буквально валился с ног, в глазах двоилось, временами даже троилось. Впрочем, последнее обстоятельство, возможно, зависело от внушительного количества «волчьего коктейля», к которому я усердно прибегал, чтобы не заснуть.

Требовалось что-то предпринять, иначе рухнет намеченная программа исследований. Мне долго не приходило в голову ничего путного, но как-то, глядя на одного из волков, мирно дремавшего на холмике у логова, я неожиданно нашел исключительно простое решение проблемы: мне следовало научиться спать, как волки.

Однако выполнить задуманное удалось не сразу, сказывалось отсутствие сноровки. Я пробовал закрыть глаза и приказывал себе проснуться через пять минут — ничего не вышло. Раз-другой мне действительно удавалось задремать на короткое время, но затем я засыпал по-настоящему и спал несколько часов кряду.

Вскоре я понял, в чем ошибка. Оказывается, необходимо было точно повторять все действия дремлющего волка. В конце концов я убедился, что свертывание клубком в начале и кружение в конце каждого периода дремоты — совершенно необходимое условие успеха. Чем это объясняется, я так и не знаю. Возможно, изменение положения тела усиливает кровообращение. Но зато я знаю совершенно точно, что серия коротких, но правильно, по волчьим правилам проведенных отрезков сна освежает

куда лучше, чем то бесчувственное состояние, длящееся семь или восемь часов, которое у человека призвано удовлетворять потребность в отдыхе.

К сожалению, волчья дрема совершенно не подходит к условиям нашего общества, в чем мне пришлось убедиться на собственном опыте после возвращения в цивилизованный мир.

По мере того как я все глубже вовлекался в круговорот повседневных занятий волчьей семьи, мне становилось труднее сохранять к волкам безразличное отношение. Несмотря на все старания подходить к ним с чисто научной объективностью, мне так и не удалось избежать влияния их индивидуальностей. Главу семейства я назвал Георгом в честь Царственного Джентльмена, за которого я сражался в годы войны в качестве простого солдата и которого он мне очень напоминал. Правда, в полевых дневниках Георг значился просто как волк А.

Это был массивный серебристо-белый зверь с на редкость величественной осанкой. Он был на добрую треть крупнее своей подруги, но едва ли нуждался в таком большом росте, который лишь подчеркивал его властную уверенность. Георг умел держаться внушительно. Он обладал врожденным чувством собственного достоинства, однако ни в коей мере не чурался других. Снисходительный к ошибкам, заботливый и в меру любящий, он казался тем идеальным отцом семейства, какие нередко встречаются на страницах скучнейших семейных мемуаров, но чей реальный прототип редко ступает по земле на двух ногах. Короче говоря, Георг относился к тому типу отца, которого охотно признал бы любой сын.

Его подруга также произвела на меня неизгладимое впечатление. Это была стройная, почти чисто-белая волчица с густым меховым боа вокруг шеи. Широко расставленные, слегка раскосые глаза придавали ей сходство с плутоватой девчонкой. Красивая, кипучая, страстная, суший дьявол, если разозлится, — казалось бы, ее не назовешь воплощением материнства. И все же лучшей матери не сы-

шесть. Я поймал себя на том, что называю ее Ангелиной, хотя так и не отыскал в глубинах собственного подсознания никаких следов, объясняющих, откуда возникло это имя. Мне очень нравился Георг, я уважал его, но к Ангелине проникся глубокой любовью и до сих пор лелею надежду когда-нибудь встретить женщину, в которой воплотились бы все ее достоинства.

Ангелина и Георг — нежнейшая супружеская пара, какую редко можно встретить. Насколько я знаю, они никогда не ссорились и с неподдельной радостью встречались даже после короткой разлуки. Они были страшно привязаны друг к другу, но, увы, страницы моих дневников, предусмотрительно отведенные для детальных описаний брачных повадок волков, так и остались пустыми, насколько это касалось Георга и Ангелины.

Вопреки ожиданиям я обнаружил, что физическая любовь занимает в жизни волков каких-нибудь две или три недели. Происходит это ранней весной, обычно в марте. Самки-девственницы (а все волчицы сохраняют невинность до двухлетнего возраста) спариваются в это время и в отличие от собак, которые многое переняли от своих хозяев, сходятся только с одним волком, которому остаются верны всю жизнь.

Если фраза «только смерть разлучит нас» для большинства людей не более как жалкий обман в брачном договоре, то у волков это непреложный закон. Волки строго придерживаются единобрачия, и хотя восхищаться подобной добродетелью не обязательно, однако приписывать волкам крайнюю распущенность в половых связях по меньшей мере ханжество.

Я так и не смог установить, давно ли Георг и Ангелина составили супружескую пару, но позднее Майк рассказал, что видит их вместе по крайней мере лет пять (при пересчете на сравнительную продолжительность жизни волков и людей это равносильно тридцати годам). Майк и эскимосы легко, как старых знакомых, узнавали «в лицо» волков своего района, причем эскимосы (но не Майк) были о них столь высокого мнения, что и в мыс-

лях не допускали убить волка или причинить ему какой-нибудь вред. Эскимосы хорошо знали не только Георга и Ангелину, но и остальных членов их семейства; место же, где находится их логово, известно охотникам свыше сорока, а то и пятидесяти лет, на протяжении которых многие поколения волков выращивали там свое потомство.

Поначалу меня совершенно сбивала с толку одна особенность, относящаяся к организации волчьей семьи. Во время прежних посещений логова я видел там трех взрослых волков. После того как я установил постоянное наблюдение за логовищем, мне вновь довелось несколько раз видеть «лишнего» волка. Он представлял абсолютную загадку, так как в то время мне казалось, что нормальная волчья семья состоит из самца, самки и детенышей. Я еще не успел в достаточной степени проникнуть в волчий мир; мне и в голову не могла прийти возможность существования у них извечного треугольника.

Третий волк, кем бы он ни был, внешностью и характером отличался от Георга — он был ниже ростом, менее подвижен и энергичен, с серым чепраком на белой шкуре. Едва я увидел его играющим с волчатами, как тотчас окрестил «дядюшкой Альбертом».

Шестое утро моего бодрствования выдалось ясным и солнечным. Ангелина с потомством не преминула воспользоваться хорошей погодой. С восходом солнца (в три часа утра) вся компания перебралась из логовища на ближайший песчаный холмик. Там волчата принялись обрабатывать мать с таким энтузиазмом, который любую женщину непременно довел бы до истерики. Правда, они хотели есть, но и резвость была в них ключом. Двое волчат пытались оторвать материнский хвост, они рвали и драли его с такой яростью, что шерсть летела клочьями; двое других делали все, что только могли, чтобы оттащить мать без уха.

Около часа Ангелина героически терпела пытку, затем, вся взъерошенная, попробовала защищаться: села

на собственный хвост и спрятала истерзанную голову между лапами. Но где там — волчата накинулись на ее ноги, по одному на каждую. Моим глазам предстало жалостное зрелище: Ангелина, словно шаман, отгоняющий злых духов, изо всех сил пыталась одновременно прикрыть лапы, хвост и голову.

Наконец волчица не выдержала. Она отпрыгнула в сторону от своих мучителей и убежала на высокую песчаную гряду за логовищем. Четверо волчат весело помчались за ней, и тут Ангелина издала своеобразный жалобный крик.

Проблема общения волков между собой впоследствии чрезвычайно меня интересовала, но в данном случае я еще находился под влиянием широко распространенного заблуждения, что ни у одного живого существа, кроме человека, не существует развитой системы звуков для связи между собой. Пронзительному и тоскливому вою Ангелины трудно было дать определенное толкование. И все же я уловил в нем мольбу и почувствовал невольное сострадание к ней. Оказалось, не я один. Через счи-

таннные секунды после ее *cri de coeur*¹, раньше чем налетела банда волчат, появился спаситель.

Им оказался тот самый, третий волк; он спал в ямке, вырытой в песке на южном склоне оза в том месте, где насыпь уходит под воду залива. Я и не подозревал, что он там, пока волк не поднял голову. Вскочив на ноги и отряхнувшись, он рысью пустился наперерез волчатам, которых отделяла от матери последняя ступень склона. С захватывающим интересом следил я за тем, как он своим плечом опрокинул ближайшего волчонка на спину и спустил его вниз по откосу, легонько куснул другого за толстенький задок и погнал их всех к тому месту, которое, как мне удалось выяснить позднее, служило волкам площадкой для игр.

Не решаюсь вложить человеческую речь в уста волка, но все происходившее затем было настолько красноречиво, словно он сказал: «Если хотите потренироваться, ребята, то вот он я — ваш волк!»

И в самом деле в течение последующего часа он с таким азартом возился с волчатами, будто сам был одним из них. Игры часто менялись, многие очень напоминали игры ребятишек, например пятнашки, которые особенно полюбились волчатам, причем Альберт всегда «водил». Прыгая, катаясь и носясь между волчатами, он умудрялся никогда не выскакивать за пределы детской площадки, но при этом задал малышам такую гонку, что они выдохлись.

Альберт мельком глянул на них, кинул быстрый взгляд на гребень эскера, где спокойно отдыхала Ангелина, бросился на землю посреди усталых волчат и перевернулся на спину, как бы приглашая малышей потренироваться в нанесении увечий. Волчата не заставили себя просить. Один за другим они поднимались и шли в бой. На сей раз воодушевление было полным, запрещенных приемов не существовало — во всяком случае, для них.

¹ Крик сердца (фр.). — Примеч. пер.

Волчата пытались задушить Альберта, но их маленькие, хоть и острые зубки не могли справиться с густой шерстью на груди старого волка. Охваченный приступом детского садизма, один волчонок повернулся задом к лежащему и принялся лапами швырять ему в морду тучи песка. Другие подпрыгивали вверх, насколько позволяли их маленькие кривые лапки, и с глухим ударом шлепались на незащищенное брюхо Альберта. В промежутках между прыжками они пытались жевать любую уязвимую часть тела волка, какая только попадалась им на зубы.

Меня заинтересовало, сколько же он в состоянии выдержать. Очевидно, волк оказался чрезвычайно выносливым, во всяком случае, он дождался, пока волчата в полном изнеможении не свалились в крепком сне. Только тогда он поднялся и отошел от них, шагая осторожно, чтобы не наступить на маленькие тельца, раскинувшиеся на песке. Но и после этого он не вернулся в свою уютную постель (хотя, несомненно, заслужил отдых после нелегкой ночной охоты). Он уселся на краю детской площадки, задремал, как дремлют волки, и часто поглядывал на спящих — тут ли они, не грозит ли им опасность.

Его подлинное место в волчьей семье по-прежнему оставалось загадочным, но с той поры в моих глазах он стал добрым старым «дядюшкой Альбертом».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прошло несколько недель с начала полевых наблюдений, а я по-прежнему был далек от решения краеугольной проблемы: чем же питаются волки? А ведь это моя основная задача, так как получение ответа, нужного моим нанимателям, являлось, в сущности, целью экспедиции.

Карибу — единственные крупные травоядные, которые в значительном количестве встречаются в арктической тундре. В прошлом они были здесь так же многочисленны, как некогда бизоны в прериях, но за последние три-четыре десятилетия их поголовье катастрофически сократилось. По данным различных правительственных учреждений, полученным от охотников, трапперов и торговцев, главной причиной постепенного исчезновения карибу является их уничтожение волками. Поэтому деятелям министерства вкупе с учеными, организовавшими эту экспедицию, представлялось наиболее безопасным произвести на месте исследование взаимоотношения «волк — олень». В результате предполагалось получить неопровержимые научные доказательства виновности волков, достаточные для широкой кампании по их истреблению.

Я занимался порученным делом, старательно искал улики, угодные начальству, но пока не нашел ни одной. И не было никакой уверенности, что найду.

К концу июня последние стада карибу прошли мимо залива Волчьего Дома, направляясь в дальнюю тундру, примерно за триста—пятьсот километров к северу, где они проводят лето.

Чем же будут питаться мои волки в течение долгих месяцев и чем они собираются кормить своих вечно голодных волчат? Во всяком случае, не оленьим мясом. Ведь карибу ушли! А если не олениной, то чем же?

Перебрав в уме все возможности, я так и не сумел найти источника пищи, который был бы в состоянии удовлетворить аппетиты трех взрослых волков и четырех волчат. Кроме меня самого (а эта мысль неоднократно приходила мне в голову), вокруг не осталось подходящей дичи для волка. Правда, здесь водятся полярные зайцы, но в ничтожно малом количестве, а кроме того, они так быстры на ногу, что волку их не поймать, разве что на редкость повезет. Тундрянок и других птиц множество, но они умеют летать, а волки нет. Озера и речки изобилуют гольцом, хариусом и сигом, но волки не выдры.

Дни шли, а тайна все сгущалась. Волки выглядели хорошо упитанными, и это делало загадку еще более непостижимой. Но окончательно сбивало меня с толку, доводя чуть не до умопомешательства, следующее обстоятельство: каждый вечер оба самца уходили на охоту и возвращались под утро, но никогда ничего не приносили.

Насколько можно было судить, все семейство жило на диете, состоящей из воды и воздуха. Движимый растущей тревогой за их благополучие, я отправился в избушку, испек пять караваев хлеба, притащил их на берег залива и положил возле одной из волчьих охотничьих троп. Но мой дар отвергли. Более того — осквернили. А возможно, «дядюшка» Альберт, который нашел хлеб, принял каравай за новые пограничные знаки, поставленные мной, и просто обошелся с ними соответствующим образом.

Примерно тогда же начались неприятности с мышами. Огромные просторы топких торфяных болот служи-

ли идеальным обиталищем для нескольких видов мелких грызунов, которые могли вволю рыть там норы и устраивать гнезда в готовой моховой подстилке.

Они занимались также другими вещами, и, по-видимому, очень усердно, и, когда июнь сменился июлем, вся тундра, казалось, ожила — так густо она покрылась маленькими зверьками. Среди грызунов преобладали лемминги, широко известные своей склонностью к самоубийству¹, но которых скорее следовало бы прославлять за совершенно *невероятную* способность размножаться. Нашествия грызунов — красных полевок и полевков-экономок — в избушку Майка вскоре приобрели такие масштабы, что, судя по всему, мне грозил голод, если не положить этому конец. Вот уж кто не побрезговал моим хлебом! И моей постелью тоже: проснувшись в одно прекрасное утро, я обнаружил на подушке спального мешка одиннадцать голых полевок. Тут-то я понял, что должен был чувствовать египетский фараон, когда воспротивился Богу Израилеву.

Видимо, только из-за твердо установившейся доктрины о волках, такой логичной и такой неверной, мне потребовалось длительное время, чтобы объяснить благополучное состояние волков при полном отсутствии дичи (сколько-нибудь соответствующей их репутации и физическим данным). Сама мысль о том, что волки не только едят полевок, но даже процветают и выращивают потомство на этой «диете», настолько противоречила общепринятой, но вымышленной характеристике волка, что казалась совершенно нелепой. И все же именно в этом заключался ответ на мучивший меня вопрос: чем волки ухитряются набивать свою утробу?

Ключом к разгадке послужило непонятное на первый взгляд поведение Ангелины.

Как-то под вечер, когда самцы отдыхали перед ночной охотой, волчица вышла из логова и принялась обню-

¹ Автор намекает здесь на массовые миграции леммингов, во время которых они тысячами тонут в реках, озерах и морских проливах. А. Миддендорф назвал их миграции «путешествиями до смерти». Лемминги родственны полевкам. — *Примеч. пер.*

хивать Альберта до тех пор, пока он не зевнул, потянулся и нехотя поднялся. Тогда она побежала по направлению ко мне через заросшее травой болото, оставив волчат на попечении Альберта.

В этом не было ничего нового. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как верный Альберт (а иногда и Георг) исполняет обязанности няньки, когда сама Ангелина убегает к заливу напиться или, как я ошибочно полагал, просто размять ноги. Обычно в таких странствиях волчица забиралась в самую дальнюю от палатки часть побережья и скрывалась за невысокой галечной косой. Но на этот раз она направилась прямо в мою сторону и оказалась вся на виду, поэтому я навел стереотрубу и стал наблюдать.

Волчица выбежала на каменистый берег, вошла по грудь в ледяную воду и долго пила. В это время небольшая стайка уток вылетела из-за мыса и села в сотне шагов от волчицы. Та подняла голову, внимательно глянула на уток, выбралась на берег и... внезапно сошла с ума.

Тявкая, как щенок, она ловила себя за хвост, каталась по камням, ложилась на спину, неистово махала в воздухе всеми четырьмя лапами — в общем, вела себя так, словно начисто лишилась рассудка.

Я повернул трубу и навел ее на логово, где среди волчат сидел Альберт, чтобы убедиться, видит ли он сцену безумия и как на нее реагирует. Он, конечно, видел все и следил за Ангелиной с живым интересом, но без малейшего признака тревоги.

Ангелиной же овладел приступ маниакального возбуждения, она яростно прыгала вверх, хватала пустоту и при этом пронзительно визжала. Страшное зрелище, которое, как я заметил, захватило не только нас с Альбертом. Любопытство буквально загипнотизировало уток. Они так заинтересовались происходящим, что поспешили к берегу, желая получше все рассмотреть. Вот они подплыли, вытянув шеи и настороженно перекликаясь между собой. Но чем ближе подплывали птицы, тем безумнее становилась Ангелина.

Когда до ближайшей утки оставалось менее пяти метров, волчица сделала гигантский прыжок. Сильный

всплеск — и охваченные паникой утки, беспорядочно хлопая крыльями, поднялись и улетели. Ангелина упустила свой обед, промахнувшись всего на каких-нибудь десять сантиметров.

Этот случай открыл мне глаза на многое: он свидетельствовал о такой многосторонней изобретательности в добывании пищи, какая в пору разве что человеку. Однако вскоре Ангелина доказала, что приманивание уток — всего лишь побочное занятие.

Отряхнувшись несколько раз, да так энергично, что временами она совсем исчезала в голубом облаке брызг, волчица направилась к дому через болотистую низину. Но теперь ее движения стали совсем другими. И без того не маленького роста, она вдруг вытянулась и пошла буквально на цыпочках, подняв шею, как верблюд, так что казалась выше, по крайней мере, на десяток сантиметров. Она медленно пересекала болото, держась против ветра и наострив уши, чтобы не пропустить малейшего шороха; мне было видно, как она морщила нос, втягивая воздух, напоенный неуловимыми запахами.

Внезапно она прыгнула. Подкинув задние ноги, словно лошадь, стремящаяся скинуть всадника, волчица перенесла всю тяжесть тела на передние лапы. Мгновение — и голова ее опустилась, она что-то схватила, проглотила и вновь начала свой странный семенящий балет на болоте. В течение десяти минут Ангелина шесть раз повторяла меткий прыжок и что-то проглатывала, но я не успевал разобрать, что именно. На седьмой раз она упустила добычу, завертелась волчком и начала бешено хватать ее в зарослях пушицы. Когда наконец волчица подняла голову, я смог разглядеть хвост и заднюю часть полевки, бьющейся в ее челюстях. Глоток — и все исчезло.

Признаться, меня немало позабавило это зрелище — подумать только, один из крупнейших хищников континента охотится за полевыми! — и я не отнесся к нему достаточно серьезно. Мне казалось, что Ангелина попросту развлекается, закусывая на ходу. Но когда она съела около двадцати трех полевок, я был поражен. Конечно, гры-

зуны не Бог весть какая еда, но два десятка составляют солидную порцию даже для волка.

Только позднее, сопоставив факты, я вынужден был воспринять очевидное: волки залива Волчьего Дома и, надо полагать, все волки Канадской тундры, которые выращивают потомство за пределами района летних пастбищ карибу, питаются преимущественно (если не исключительно) полевками.

Оставалось выяснить лишь один вопрос: как волки перетаскивают всю добычу к дому, чтобы накормить волчат (если за ночь наловят внушительное количество полевок)? Решить этого я не мог, пока не встретился с родственниками Майка. Один из них, обаятельный молодой эскимос по имени Утек, впоследствии ставший моим другом (он оказался первоклассным, правда необученным, натуралистом), раскрыл мне секрет.

Так как таскать мышей по одной волки не станут, то им не остается ничего другого, как доставлять добычу в собственном брюхе. В самом деле, мне приходилось видеть, как Георг или Альберт, возвращаясь с охоты, направлялись прямо к логовищу и вползали в него. Мог ли я предположить, что там они извергают дневной рацион, уже частично переваренный?!

В конце лета, когда волчата уже покинули логовище, я наблюдал, как взрослый волк отрывает для них пищу. Не знаю я, что происходит, вряд ли мне были бы понятны их действия; верно, и по сей день я не догадался бы, как волки ухитряются доставлять добычу в логово.

То обстоятельство, что полевки составляют основу волчьего рациона, пробудило во мне интерес к самим грызунам. И я тут же приступил к исследованиям. Прежде всего, мне пришлось установить около полутора сотен мышеловок — для обеспечения материала в целях изучения популяции мышей по полу, возрасту, видовому составу и численности. С этой целью я выбрал часть болота в непосредственной близости от палатки. Я исходил из следующих соображений: во-первых, условия там типичны для всех болот, на которых обычно охотятся волки; во-вторых, близкое расстояние позволит мне часто ос-

матривать ловушки. Как оказалось, я совершил ошибку. На следующий же день после того, как были установлены мышеловки, появился Георг.

Я тут же заметил его приближение, но не сразу сообразил, как быть. Поскольку мы по-прежнему строго соблюдали неприкосновенность границ, я не решался выбежать за пределы моего анклава и преградить ему путь. С другой стороны, абсолютно неизвестно, что он предпримет, когда обнаружит браконьерство в своих владениях.

Подойдя к краю болота, волк некоторое время принюхивался, потом бросил подозрительный взгляд в мою сторону. Очевидно, он сразу обнаружил, что я нарушил границу, но не знал, с какой целью. Не приступая к охоте, Георг двинулся сквозь пушицу, росшую по краю болота, и я с ужасом увидел, как он направился прямо к норкам колонии леммингов.

Предчувствуя, что сейчас произойдет, я вскочил на ноги и заорал что было силы:

— Георг! Ради Бога, СТОЙ!

Поздно. Мой крик только спугнул его и заставил перейти на рысь. Но, не пробежав и десятка шагов, волк взвился в небо, будто по невидимой лестнице.

Когда позже я обследовал злополучное место, то убедился, что он умудрился попасть в шесть ловушек из десяти возможных. Правда, они не причинили ему серьезного вреда, но, когда неведомые тиски сжали сразу несколько пальцев на волчьих лапах, страх и боль оказались довольно сильными. В первый и последний раз за время нашего знакомства Георг утратил чувство собственного достоинства. Как собачонка, которой дверью прищемили хвост, он с визгом помчался домой, разбрасывая по дороге мышеловки, точно конфетти.

Я очень переживал это неприятное событие — ведь оно легко могло привести к разрыву наших отношений. Этого не произошло только благодаря хорошо развитому чувству юмора у Георга. Он принял все за грубую шутку весьма сомнительного сорта, — чего всегда следует ожидать от людей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Я установил, что летом волки питаются главным образом полевками, но этим моя работа в области диететики не исчерпывалась. Я прекрасно понимал, что сообщение об открытии взаимоотношений «полевка — волк» произведет настоящий переворот в науке и будет встречена с недоверием, возможно, даже подвергнется осмеянию, если не будет подкреплено солидными обоснованиями.

Итак, я выяснил два важных обстоятельства: во-первых, волки ловят и едят полевков, во-вторых, мелкие грызуны водятся в тундре в таких количествах, что обеспечивают сохранение поголовья волков.

Оставался, однако, третий момент, исключительно важный для окончательного подтверждения правоты моей теории: вопрос о питательной ценности полевков. Необходимо было доказать, что рацион, состоящий из мелких грызунов, вполне достаточен для нормальной жизнедеятельности крупного плотоядного.

Провести нужные эксперименты в полевых условиях оказалось занятием нелегким. Требовались тщательные

наблюдения над подопытными и контрольными животными, но на волках не поэкспериментируешь! Где искать выход? Вот если бы вернулся Майк, можно было бы одолжить у него двух собак: одну кормить мышами, а другую — оленьим мясом (только удастся ли его достать?). Подвергнув затем собак одинаковым испытаниям, я смог бы сравнить результаты и окончательно доказать правильность выдвинутой гипотезы. Но от Майка ни слуху ни духу, кто знает, вернется ли он?

В поисках решения прошло несколько дней, и вот как-то утром, когда я препарировал леммингов и полевок, меня вдруг осенило — почему бы мне самому не стать «подопытным кроликом»? Правда, человек не относится к числу чисто плотоядных животных, однако это недостаточно веское возражение. Другое дело, что я «имелся в единственном экземпляре» и поэтому нельзя было одновременно получить материалы для сравнения. Но это препятствие легко устранить, нужно только установить два периода: вначале я буду сидеть на одних мышах, а затем ровно столько же времени мой рацион будет состоять из мяса и свежей рыбы. Достаточно в конце каждого периода провести ряд психологических тестов и сравнить полученные результаты. Разумеется, выводы нельзя будет полностью применить к волкам, но уже одно то, что в моем процессе обмена веществ не произойдет серьезных изменений, если я буду питаться только мышами, несомненно, послужит убедительным аргументом в пользу выдвигаемой мною теории, что волки сохраняют нормальную жизнедеятельность, находясь на такой диете.

Потерянного времени не воротишь, и я решил не откладывая в долгий ящик приступить к делу. Начистив целую миску маленьких тушек, которые остались после того, как я утром снимал с них шкурки, я наполнил ими котелок и поставил на примус. Едва вода закипела, как

распространился чрезвычайно соблазнительный тонкий запах, и, пока готовилось кушанье, мой аппетит разыгрался не на шутку.

Поначалу есть такую мелюзгу — с массой мельчайших костей — показалось мне чистой мукой, но вскоре я убедился, что кости можно разжевывать и глотать. Вкус «мышей» — чисто субъективное восприятие, не имеющее ни малейшего отношения к эксперименту. На мой взгляд, он оказался весьма приятным, разве что мясо было чересчур нежное. Со временем, однако, «мышы» мне приелись, аппетит пропал, пришлось разнообразить способы приготовления.

Из нескольких приготовленных мною блюд наиболее удачным, бесспорно, следует считать «мышь под соусом». На случай, если кто-либо из читателей проявит интерес и захочет использовать в личном хозяйстве этот несправедливо обойденный источник ценнейших белков животного происхождения, привожу рецепт полностью. Для приготовления этого деликатеса требуются: дюжина упитанных мышей, чашка муки, кусок бекона, соль, перец, чеснок, этиловый спирт. (Следует заметить, что бекон вполне можно заменить обычной соленой свиной.)

СПОСОБ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Обдерите шкурки и выпотрошите мышей, но не удаляйте голов; затем вымойте, положите в кастрюлю и залейте спиртом так, чтобы тушки были покрыты, и отставьте примерно на два часа. Нарезьте бекон маленькими кусочками и поджаривайте до тех пор, пока не вытопится жир. После этого выньте тушки и обвалите в муке с солью и перцем, бросьте на горячую сковороду и поставьте на огонь минут на пять (не перегревайте сковороду, иначе нежное мясо пересохнет, станет жестким и волокнистым). Теперь влейте чашку спирта и добавьте по вкусу шесть или восемь зубков чеснока. Накройте и слегка прокипятите в течение пятнадцати минут. Крем-соус готовится по одному из стандартных рецептов. Когда соус будет готов,

полейте им тушки, плотно закройте кастрюлю и дайте постоять минут десять в теплом месте, прежде чем подавать на стол.

В течение первой недели я не заметил в себе никаких изменений — по-прежнему был полон энергии и абсолютно не ощущал вредного действия диеты. Правда, меня страшно потянуло на жиры. И тут я понял, что допустил оплошность, не делавшую чести моей научной подготовке: ведь волки едят целых зверьков! Мелкие же грызуны, как легко можно убедиться при вскрытиях, откладывают большую часть жиров в брюшной полости, на брыжейке кишечника, а не подкожно и не в мускульных тканях. Следовательно, я совершил непростительную ошибку, которую надлежало немедленно исправить. Начиная с этого дня и до самого конца экспериментального периода я стал есть мышей целиком, только снимал шкурку — и в результате перестал ощущать недостаток в жирах.

Когда эксперимент с мышами подходил к концу, возвратился Майк. Вместе с ним прибыл его двоюродный брат, молодой эскимос по имени Утек, который вскоре стал моим собутыльником, а главное — совершенно бесценным помощником в научных исследованиях. Однако при первой встрече он показался мне таким же замкнутым и неприступным, как Майк.

Я пришел в избушку, чтобы пополнить кое-какие припасы; при виде дымка, поднимавшегося из трубы, я обрадовался — по правде говоря, временами мне все-таки не хватало человеческого общества. Когда я вошел, Майк жарил полную сковороду оленины. Как оказалось, им посчастливилось убить отбившееся от стада животное примерно в сотне километров к северу. После нескольких тягостных минут, в течение которых Майк делал вид, будто меня не замечает, я попробовал сломать лед и заговорил с Утеком. В ответ тот бочком-бочком перебрался на другую сторону стола, стараясь держаться

от меня подальше. Вскоре они приступили к еде. В конце концов Майк предложил и мне отведать жареного мяса.

В другое время я бы принял его приглашение — но не сейчас, когда эксперимент еще не окончен. Я отказался и, как мог, объяснил Майку причину. Он встретил извинения с непроницаемым видом, унаследованным им от предков-эскимосов, хотя и перевел мои слова Утеку. Уж не знаю, что подумал обо всем этом Утек, но отнесся он ко мне чисто по-эскимосски. Поздно вечером, когда я направлялся к себе в палатку, Утек подкараулил меня и, застенчиво улыбаясь, протянул небольшой сверток, обернутый оленьей шкурой. Бережно развязав стягивавшую его жилу, я увидел пять маленьких голубых яичек — по-видимому, дрозда, хотя за точность определения не ручаюсь.

Я был глубоко тронут этим подарком (а это, безусловно, был подарок), но никак не мог постичь его значения и вынужден был вернуться в избушку, чтобы спросить у Майка.

— Эскимосы думают, что если человек ест мышей, то у него все становится маленьким, как у мыши, — нехотя объяснил Майк, — но, если съесть яйца, тогда все в порядке. Утек за тебя испугался.

Вот так положение! Вначале я растерялся, не зная, как отнестись к этому предрассудку, но потом решил, что излишняя предосторожность не помешает, к тому же вряд ли миниатюрные яйца как-нибудь скажутся на результатах проводимого опыта. И я тут же приготовил из них яичницу. Сезон кладки яиц давно прошел, что весьма сказалось на их свежести, тем не менее я съел все, а так как Утек внимательно наблюдал за мной, пришлось сделать вид, будто получил при этом огромное удовольствие.

Надо было видеть, какой восторг отразился на широкой, расплывшейся в улыбке физиономии эскимоса! Он,

несомненно, решил, что спас меня от судьбы, худшей, чем смерть.

Мне так и не удалось втолковать Майку суть и всю важность проводимой мной исследовательской работы. Зато с Утеком дело обстояло неизмеримо проще. Правильнее будет сказать, что, не совсем понимая смысл работы, он сразу же проникся уверенностью в ее необходимости. Как потом выяснилось, сам Утек был второразрядным шаманом в своем племени. Из рассказов Майка и из того, что ему довелось увидеть собственными глазами, он заключил, что я тоже шаман, правда, другого, неизвестного сорта. Именно этим, с его точки зрения, и объяснялись многие мои поступки, иначе совершенно непонятные. Мне бы не хотелось приписывать Утеку эгоистических побуждений, но, возможно, общаясь со мной, он надеялся расширить собственные познания в общей для нас профессии.

Так или иначе, Утек решил «водиться» со мной. На другой же день он заявился ко мне в палатку, захватив с собой спальные принадлежности, и, очевидно, собирался остаться надолго. Мои опасения, что парень будет обузой, скоро рассеялись. От Майка Утек знал несколько английских слов, а так как он был поразительно понятлив, то уже вскоре мы могли вести с ним элементарные разговоры. Утека ничуть не удивило, что все свое время я посвятил изучению волков. Напротив, он сумел растолковать мне, что и сам интересуется ими — ведь его личным тотемом, духом-покровителем, является Аморак — Волчье существо.

Утек оказался неопенимым помощником. Прежде всего, ему были неизвестны ложные представления, совокупность которых составляет основу Писания о волках, принятого в нашем обществе. А кроме того, он по-настоящему знал зверей и считал их себе сродни. Позже, когда я немного научился его языку, а Утек улучшил свои

знания английского, он рассказал мне, что ему не было пяти лет, когда отец, знаменитый шаман, отнес его в волчье логово и оставил на сутки. Там Утек подружился с волчатами и играл с ними на равных правах; взрослые волки его обнюхивали, но не трогали.

Конечно, принимать все рассказы Утека о волках без фактических доказательств было бы по меньшей мере антинаучно. Но я убедился, что всякий раз, когда доказательства находились, он неизменно оказывался прав.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

То, что Утек признал меня, благотворно повлияло и на Майка. Тот начал явно сдавать позиции. Правда, он по-прежнему не сомневался, что у меня «в голове не все дома» и без соответствующего надзора я могу быть даже опасен. Тем не менее Майк стал обходительнее (насколько позволяла его замкнутая натура) и по возможности старался быть мне полезным. Последнее обстоятельство было весьма кстати — появилась возможность использовать его в качестве переводчика во время бесед с Утеком.

Благодаря Утеку я пополнил свои знания о гастрономических повадках волков. Подтвердив, что полевки действительно занимают очень большое место в их рационе, он добавил, что волки поедают великое множество длиннохвостых сусликов (евражек) и временами отдают им предпочтение даже перед карибу. Евражки чрезвычайно распространены почти по всей Арктике, но залив Волчьего Дома расположен хотя и не далеко, однако южнее границы их распространения. Эти грызуны доводятся ближайшими родственниками сусликам западных равнин, но отличаются от них слабо развитым инстинк-

том самосохранения. В результате они становятся легкой добычей волков и песцов. Летом, когда евражки отъедаются, они очень жирны и весят почти килограмм. Неудивительно, что их так любят волки — ведь они с легкостью добывают себе на обед достаточное количество евражек с неизмеримо меньшей затратой энергии, чем нужно для поимки карибу.

Мне казалось, что рыба не занимает существенного места в волчьем меню, но Утек уверил меня в противном. По его словам, ему неоднократно доводилось видеть, как волки охотятся на щурят и даже на взрослых полярных щук, которые весят пятнадцать—двадцать килограммов. Весной, в период икрометания, эти крупные рыбы входят в бесчисленные узкие протоки, густой сетью покрывающие болотистую тундру в районе озер.

Когда волк хочет полакомиться рыбой, он прыгает за ней в воду и с шумом гонит вверх по течению пока еще довольно широкого протока. Постепенно русло сужается и мелеет; почуяв опасность, рыба кидается назад к глубокой воде, но волк преграждает ей путь. Одного быстрого удара мощных челюстей достаточно, чтобы сломать хребет даже самой крупной щуке. Утек рассказывал, что однажды видел, как волк меньше чем за час поймал семь больших щук.

Волки не брезгают и прилипалами, когда эти медлительные рыбы входят метать икру в тундровые речки. Но по отношению к ним они применяют иную тактику: притаясь на мелком месте у какого-нибудь камня, они хватают проплывающих мимо рыб (этот способ похож на то, как медведи ловят лососей).

Еще одним источником пропитания, правда имеющим меньшее значение, являются полярные бычки — маленькие рыбки, которые прячутся под камнями на мелководье. Чтобы поймать их, волки бродят вдоль берега и лапами или носом переворачивают камни.

Позднее, летом, я воочию убедился в верности сообщения Утека о промысле бычков — я наблюдал, как этим

занимался Альберт. К сожалению, я не видел, как волки добывают щук, но, узнав от Утеха, в чем заключается их метод, с не меньшим успехом последовал их примеру. Я во всем подражал действиям волков, только для нанесения *coup de grace*¹ вместо собственных зубов воспользовался коротким копьём.

Разумеется, такие дополнительные сведения, проливающие свет на характерные особенности биологии волков, представляли для меня немалый интерес, но все же, когда Утек рассказал, какую роль играют карибу в жизни волков, у меня по-настоящему открылись глаза.

По словам Утека, волки и карибу настолько связаны между собой, что представляют как бы единое целое. И в доказательство он поведал предание, которое, на мой взгляд, несколько смахивало на Ветхий Завет, но которое (во всяком случае, по заверению Майка) относится к полурелигиозному фольклору эскимосов дальней тундры (которые, увы, горе их бессмертным душам, все еще беспечно пребывают в язычестве!).

Вот пересказ легенды Утека:

«В начале начал была Женщина и был Мужчина; никто больше не ходил, не плавал и не летал в этом мире. Потом Женщина выкопала большую яму и стала выуживать из нее поочередно всех животных. Напоследок она вытащила карибу, и тогда Кейла, бог Неба, сказал: «Вот величайший из всех даров, ибо карибу даст пропитание человеку».

Женщина отпустила карибу на все четыре стороны, велев плодиться и размножаться; и карибу поступили, как та сказала. Прошло время, земля наполнилась стадами, и сыновья Женщины охотились счастливо; они были сыты, одеты и укрыты шатрами из шкур — все это от карибу.

Сыновья Женщины выбирали больших, жирных карибу, так как не хотели убивать слабых и тощих, чье мясо

¹ Смертельный удар (фр.). — Примеч. пер.

негодно в пищу, а шкуры плохи. И наступило время, когда больных и слабых карибу стало больше, чем жирных и сильных. Сыновья, увидев такое, смутились духом и пожаловались Женщине.

Та, свершив заклинание, обратилась к Кейле и сказала: «Твоя работа — плохая работа: ведь карибу сделались слабыми и больными; если мы будем их есть, то тоже станем слабыми и больными».

Кейла, выслушав ее, ответил: «Моя работа хорошая. Я накажу Амораку (духу Волка), а тот накажет своим детям — пусть едят больных, слабых и мелких карибу, тогда пастбища останутся для жирных и здоровых».

Так и произошло, вот почему карибу и волк — одно целое: ведь карибу кормит волка, зато волк делает оленя сильным».

Признаюсь, рассказ изрядно меня изумил. Меньше всего я ожидал услышать от неграмотного и невежественного эскимоса целую лекцию — да еще в виде притчи! — о борьбе за существование и значении естественного отбора. И все-таки я скептически отнесся к словам Утека, будто между карибу и волками существуют идеальные взаимоотношения. Правда, за последнее время я на собственном опыте разубедился во многих научно обоснованных поверьях, но тем не менее не мог себе представить, что, нападая на олени стада, могучий и смышленный волк ограничивается отбраковкой больных и слабых, хотя может выбрать любого самого крупного и жирного оленя. К тому же у меня имелся превосходный аргумент, которым я намеревался сразить Утека.

— Спроси-ка его, — обратился я к Майку, — откуда в таком случае взялось столько скелетов крупных и, очевидно, здоровых карибу, которыми усыпана вся тундра вокруг твоей избушки и на несколько километров к северу от нее?

— Незачем его спрашивать, — невозмутимо ответил Майк, — я сам убил этих оленей. У меня четырнадцать ездовых собак, всех их нужно кормить, на это требуется

не меньше двух-трех оленей в неделю. Самому мне тоже хочется есть. А кроме того, я убиваю уйму оленей в районе промысла пушнины. У каждой оленьей туши ставлю четыре-пять капканов и на эту приманку ловлю немало песцов. Мне не годятся тощие карибу, а нужны только большие, жирные.

Потрясенный, я мог только спросить:

— И сколько оленей ты добываешь в год?

Майк горделиво усмехнулся:

— Я меткий стрелок. Две-три сотни, а может, и больше.

Немного оправившись, я поинтересовался, обычная ли это вещь и как поступают другие трапперы.

— Каждый, кто ставит капканы, делает то же самое, — ответил Майк. — Индейцы и белые бьют оленей по всей тундре, куда доходят карибу на зимние выпасы. Конечно, не всегда посчастливится добыть достаточно оленей; тогда приходится кормить собак рыбой. Но рыба не идет им впрок — они становятся слабыми, болеют и совсем не тянут груженные сани. Карибу лучше!

Из фолиантов, проштудированных в Оттаве, мне было известно, что в тех частях Саскачевана, Манитобы и южного Киватина, которые составляют рацион зимних пастбищ киватинского стада карибу, насчитывается тысяча восемьсот охотников, ставящих капканы. Я знал также, что многие из них были опрошены столичными властями через агентов пушных компаний о причинах катастрофического сокращения поголовья оленей. Мне самому пришлось читать их показания. Охотники и торговцы пушшиной с поразительным единодушием утверждали, что сами они убивают не больше одного, от силы двух карибу в год, а волки режут оленей несчетными тысячами. И хотя я никогда не был силен в математике, все же я подвел итог данным, которыми располагал. Будучи от природы человеком осторожным, я вдвое уменьшил число охотников и наполовину скостил отстрел оленей против количества, указанного Майком. Но сколько бы я ни перемножал цифры, результат получался фантасти-

ческий: в этом районе трапперы ежегодно убивают 112 000 оленей!

Я отлично понимал, что эта цифра не для моих отчетов — если только я не добиваюсь назначения на десять лет на Галапагосские острова изучать клещей у черепах.

Во всяком случае все то, что рассказали Майк и Утек, принято считать информацией, основанной на слухах, а меня наняли не для этого. Выкинув из головы тревожные сомнения, я вернулся на тернистый путь научных поисков истины.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Утек как натуралист обладал множеством редких качеств; из них не последним было его бесспорное умение понимать язык волков.

Еще до встречи с Утеком я обратил внимание, что разнообразие и диапазон голосовых средств Георга, Ангелины и Альберта значительно превосходят возможности всех известных мне животных, за исключением человека.

В моих полевых дневниках зарегистрированы следующие категории звуков: вой, завывание, хныканье, ворчанье, рычание, тьяканье, лай. В каждой из этих категорий я различал бесчисленные вариации, но был бессилен дать им точное определение и описание. Более того, не сомневаюсь, что все представители семейства собачьих способны слышать и, вероятно, издавать звуки как выше, так и ниже регистра частот, воспринимаемых человеком. Так называемые «беззвучные» свистки для собак, имеющиеся в продаже, лучше всего подтверждают сказанное. Я установил также, что все члены моей волчьей семьи сознательно реагируют на звуки, издаваемые другими волками, хотя у меня и не было надежных доказательств, что это нечто большее, чем простые сигналы.

По-настоящему мое образование в области волчьей «лингвистики» началось с появлением Утека.

Как-то мы вдвоем долго наблюдали за логовом, но безрезультатно — ничего достойного внимания обнаружить не удавалось. Денек выдался безветренный, и проклятые насекомые навалились тучей, хуже всякой чумы. Спасаясь от них, Ангелина с волчатами укрылась в логове. Оба самца, утомленные охотой, затянувшейся до позднего утра, спали неподалеку. Становилось скучно, и мной начала овладевать сонливость, как вдруг Утек приложил руки к ушам и внимательно прислушался. Я ничего не слышал и никак не мог понять, что привлекло его внимание, пока он не шепнул: «Слушай, волки разговаривают», и показал на гряде холмов километрах в восьми к северу от нас¹.

Я напряг слух, но если волк и вел «радиопередачу» с далеких холмов, то работал не на моей волне. Казалось, в эфире нет ничего, кроме зловещего стога комаров, но Георг, спавший на гребне эскера, внезапно сел, наострил уши и повернул длинную морду к северу. Спустя минуту он откинул голову назад и завыл. Это был вибрирующий вой; низкий вначале, он закончился на самой высокой ноте, какую только способно воспринять человеческое ухо.

Утек схватил меня за руку и расплылся в довольной улыбке.

— Волки говорят: «Карибу пошли!»

Я с трудом понял, о чем идет речь, и, только когда мы вернулись в избушку, с помощью Майка уточнил подробности.

Оказывается, волк с соседнего участка, лежащего к северу, не только сообщил, что давно ожидаемые карибу

¹ За два года моего общения с Утеком его английский язык значительно улучшился, а я, в свою очередь, достиг неплохих результатов в изучении эскимосского языка; таким образом, мы получили возможность свободно разговаривать. Но это произошло гораздо позже описываемых событий. Здесь же я привел наши ранние, весьма путаные попытки объясниться в форму, доступную читателю. — *Примеч. авт.*

двинулись на юг, но и указал, где они сейчас находятся. Более того — и это было совсем невероятно, — выяснилось, что сосед сам оленей не видел, а просто передал информацию, полученную им от волка, живущего еще дальше. Георг, который ее услышал и понял, в свою очередь, передал добрую весть другим.

От природы (и по воспитанию) я скептик и поэтому не нашел нужным скрывать, как насмешила меня наивная попытка Утека произвести впечатление пустой болтовней. Но, не обращая внимания на мой скепсис, Майк без проволоочки стал собираться на охоту.

Меня ничуть не удивило его желание убить оленя — ведь к тому времени я уже знал, что он, как, впрочем, и все коренные жители тундры, питается почти исключительно олениной, если только можно ее добыть. Меня поразило другое: его готовность предпринять двух- или даже трехдневную прогулку по тундре из-за нелепой выдумки Утека. Все это я не преминул высказать Майку, но тот только замкнулся в себе и отбыл, не проронив ни слова.

Через три дня, когда мы встретились вновь, мне были презентованы целый окорок мяса и горшок оленьих языков. Из рассказа Майка выходило, что он нашел карibu в том самом месте, на которое, поняв речь волков, указал Утек, — на берегах озера Куиак, примерно в шестидесяти километрах на северо-восток от нашей избушки.

Я-то не сомневался, что это простое совпадение, но было любопытно, долго ли Майк намерен морочить мне голову, и я, притворившись, будто поверил, принялся расспрашивать о необыкновенном искусстве Утека.

Майк попался на крючок и разговорился. По его словам, волки не только обладают способностью поддерживать связь на огромном расстоянии, но даже могут «говорить» не хуже людей. Правда, он признался, что сам не может ни слышать всех издаваемых волками звуков, ни понимать их значения, но некоторые эскимосы, в частности Утек, настолько хорошо понимают волков, что в состоянии буквально разговаривать с ними.

После этого я окончательно укрепился в своем решении не особенно верить рассказам этой пары. Но все-таки меня не оставляла шальная мысль: а вдруг во всем этом что-то есть? На всякий случай я попросил переводчицу Утеку: пусть он следит за «разговорами» наших волков и через Майку передает мне их содержание.

На следующее утро, когда мы добрались к логовищу, самцов не было и в помине. Ангелина и волчата уже встали и крутились поблизости, но волчице было явно не по себе. Она то и дело взбегала на гребень, к чему-то прислушивалась и, постояв несколько минут, вновь спускалась к волчатам. Время шло, Георг и «дядюшка» Альберт сильно запаздывали. Наконец, в пятый раз поднявшись наверх, Ангелина, видимо, что-то услышала. Утек тоже. Он повторил свое театральное представление, приставив к ушам сложенные лодочками ладони. Послушав немного, он попытался объяснить мне происходящее. Увы, мы тогда еще плохо понимали друг друга, и я не уловил даже смысла его слов.

Я продолжал обычные наблюдения, а Утек забрался в палатку и заснул. В 12. 17 пополудни я отметил в журнале возвращение Георга и Альберта; волки пришли вместе. В два часа дня Утек проснулся и, стремясь загладить невольный прогул, вскипятил чайник.

При первой же встрече с Майком я напомнил ему о своей просьбе, и тот принялся расспрашивать Утека.

— Вчера, — переводил Майк, — волк, которого ты зовешь Георгом, послал своей жене весточку. Так говорит Утек, который хорошо слышал. Волк сказал жене, что охота идет плохо, придется задержаться. Вероятно, не удастся вернуться раньше полудня.

Я вспомнил, что Утек не мог знать, когда вернулись волки, так как в то время он крепко спал в палатке. А 12. 17 — время, практически близкое к полудню.

Несмотря на эти, казалось бы, весьма очевидные доказательства, мой скептицизм снова взял верх. Через два дня, в полдень, Георг опять появился на гребне, наострив уши на север. То, что он услышал (если вообще что-нибудь слышал), видимо, его не заинтересовало, так как он не завыл в свою очередь, а спустился к логову.

Утек, напротив, был захвачен полученной новостью. На лице его отразилось глубокое волнение. Он буквально утопил меня в потоке слов, но я смог уловить немного. *Иннуит* (эскимос) и *кийэи* (приходить) — неоднократно повторял Утек, терпеливо добиваясь понимания. Не одолев моей тупости, он сердито взглянул на меня и без разрешения зашагал через тундру, на северо-запад от избушки Майка.

Такой бесцеремонный уход был мне не по душе, но я быстро забыл об этом, так как день склонялся к вечеру и волки забеспокоились: приближалось время ночной охоты.

У волков существовал определенный ритуал сборов. Георг обычно начинал с визита к логову. Если Ангелина и волчата сидели дома, они выбегали навстречу. Если же семья находилась снаружи, то озабоченность Ангелины домашними делами тут же сменялась радостным возбуждением. Она начинала возню, прыгала перед Георгом, толкала его плечом, обнимала передними лапами. В такие веселые минуты Георг был полон добродушия и порой затевал шуточный бой со своей подругой. С моего наблюдательного пункта их схватки выглядели весьма свирепыми, но плавное помахивание хвостами свидетельствовало о самых добрых намерениях противников.

Потревоженный шумом, на сцене появлялся «дядюшка» Альберт и принимал участие в игре. В дневные часы он предпочитал спать где-нибудь подальше от логова, стремясь по возможности уклониться от роли няньки.

С его приходом взрослые волки вставали в круг нос к носу, энергично виляли хвостами и «поднимали шум». Бесспорно, выражение «поднимали шум» — не очень образное описание, но на лучшее я не способен. Из-за дальности расстояния до меня долетали только громкие

звуки, которые более всего походили на ворчанье. Знание их мне так и не удалось выяснить, но в них, несомненно, нашли отражение чувство дружбы, ожидание удачи и превосходное настроение.

Бурное веселье длится минут двадцать, а то и целый час, причем волчата принимают в нем самое деятельное участие: они путаются под ногами и без разбора кусают все хвосты, какие попадутся. Затем трое волков поднимаются на гребень оза, обычно под предводительством Ангелины. Они вновь становятся в круг и, высоко задрав головы, начинают «петь». Это один из самых радостных и светлых моментов в их повседневной жизни; для меня он также является кульминационным. Правда, на первых порах от древнего, глубоко укоренившегося страха перед волками у меня волосы поднимались дыбом, стоило этой троице «запеть». Не берусь утверждать, что сразу стал получать удовольствие. Но с течением времени я полюбил волчий хор и с нетерпением ждал его очередного выступления. К сожалению, описать все это совершенно невозможно: ведь я могу пользоваться только терминологией, относящейся к человеческой музыке, а к этому случаю она абсолютно неприменима и может ввести читателя в заблуждение. Ограничусь тем, что просто скажу: это громкоголосый и задушевный ансамбль по-настоящему трогал; пожалуй, редко меня так волновало даже самое проникновенное исполнение органных произведений.

Волчья «Пассионата» всегда казалась мне до обидного краткой. Каких-нибудь три-четыре минуты — и все. Волки расходятся, напоследок помахав хвостами, потеревшись носами и вообще выказав все знаки дружелюбия, взаимного расположения и полного удовлетворения. Ангелина неохотно направляется к логову, то и дело оглядываясь на Георга и Альберта, которые уже трусят по одной из охотничьих троп. По всему видно, что ей безумно хочется присоединиться к охотникам, но вместо этого она идет к волчатам, чтобы сдаться на их милость — горят ли они желанием обедать или играть.

Однако в эту ночь самцы нарушили заведенный порядок и вместо троп, ведущих на север или северо-запад, направились на восток, в противоположную сторону от избушки Майка и моего наблюдательного пункта.

Я не придавал этому особого значения, как вдруг чей-то крик заставил меня обернуться. Это возвратился Утек, но он был не один. С ним шли три эскимоса; они застенчиво улыбались, смущенные предстоящей встречей со странным *каблунаком*, которого интересуют волки.

Появление целой толпы исключало возможность продуктивных наблюдений нынешней ночью, и я поспешил присоединиться к пришельцам на марше к избушке. Майк был дома и приветствовал прибывших как старых друзей. Спустя некоторое время я уллучил минутку и задал ему несколько вопросов.

— Да, — сказал он, — Утек действительно знал, что люди в пути и скоро придут сюда.

— Откуда он знал?

— Глупый вопрос. Он знал потому, что слышал, как волк с холмов Пятой Мили сообщил о проходе эскимосов через его территорию. Утек пытался все объяснить, но ты его не понял: в конце концов он вынужден был уйти, чтобы встретить друзей.

Так-то вот!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Всю третью неделю июня Ангелина была беспокойна. Видимо, домашний образ жизни ей надоел. Когда Георг и Альберт по вечерам отправлялись на охоту, она провожала их — вначале не дальше сотни шагов от логова, но однажды пробежала свыше четырехсот метров, а затем нехотя повернула к дому.

Георг был в явном восторге от такой перемены настроения волчицы. Он давно соблазнял Ангелину принять участие в ночных скитаниях по тундре. Как-то раз он даже задержал выход на охоту на битый час, стараясь увлечь подругу за собой, так что Альберт потерял терпение и ушел один.

За этот час Георг раз восемь спускался с гребня на детскую площадку, где в окружении волчат лежала Ангелина, нежно ее обнюхивал, неистово размахивая хвостом, и с надеждой устремлялся к одной из охотничьих тропок. И каждый раз, видя, что она не идет за ним, волк возвращался на бугор и понуро выжидал несколько минут, после чего возобновлял попытку. Когда же он наконец решился уйти, то являл собой печальную картину глубочайшего разочарования и уныния: голова и хвост

были опущены так низко, что казалось — зверь не уходит, а уползает.

Желание провести в тундре ночь, несомненно, было обоюдным, но для Ангелины благополучие волчат было превыше всего, хотя они уже повзрослели, приобрели некоторую самостоятельность и требовали гораздо меньше внимания.

Вечер 23 июня я коротал в палатке один — Утек отлучился на несколько дней по своим делам. Волки, как обычно, начали традиционный концерт перед уходом на охоту. На этот раз Ангелина превзошла самое себя: в ее высоком голосе прозвучала такая жажда свободы, что я готов был предложить собственные услуги для присмотра за волчатами на время ее отсутствия. Однако мне не стоило беспокоиться. Призыв, а возможно, непосредственный приказ дошел и до Альберта; так или иначе, по окончании пения Ангелина и Георг весело убежали, а Альберт угрюмо поплелся вниз, к логову, и покорно принес себя в жертву неистовым волчатам.

Через несколько часов начался проливной дождь, и наблюдения пришлось прервать.

Утром разведрилось, туман рассеялся, но волков пока не было видно. Лишь к девяти часам на гребне показались Георг и Альберт.

Оба нервничали и суетились. После нетерпеливой беготни, долгого вынюхивания и коротких остановок, во время которых они внимательно разглядывали окрестности, волки разошлись. Георг взобрался на самое высокое место песчаного вала и пристально всматривался в тундру с востока и с юга, а Альберт побежал к северному концу оза, лег на каменистом бугре и устремил взор на запад.

Волчица по-прежнему не появлялась, и это наряду с необычным поведением самцов крайне меня встревожило. Мысль о том, что с Ангелиной что-то случилось, болезненно отозвалась во мне. Я даже не подозревал, насколько к ней привязан, и теперь, когда она, видимо, пропала, искренне переживал ее гибель.

Я совсем уже собрался выйти из палатки, чтобы поглядеть, нет ли где Ангелины, но она опередила меня. Взглянув напоследок в подзорную трубу, я вдруг увидел, что волчица вылезла из логова и побежала через оз. В первый момент мне не удалось определить, что она тащит в зубах, но затем я с удивлением разглядел, что это волчонок.

Несмотря на тяжесть ноши (волчонок весил не меньше пяти килограммов), волчица довольно быстро пересекла склон по диагонали и скрылась в низких зарослях стланцевой ели. Минут через пятнадцать она вернулась за следующим волчком, потом еще за одним, а около десяти часов утра унесла последнего.

Как только волчица скрылась, на этот раз окончательно, оба волка покинули сторожевые посты — они, очевидно, охраняли переезд семьи — и поспешили за ней, оставив меня мрачно созерцать опустевший ландшафт. Происшедшее совершенно меня обескуражило: вероятно, я чем-то настолько досадил волкам, что вынудил их покинуть логово. (Другое объяснение этому массовому исходу попросту не приходило мне в голову.) В таком случае следовать за ними бессмысленно. Не зная, что делать, я поспешил в избушку, чтобы посоветоваться с Утеком.

Утек сразу же успокоил меня. По его словам, переселение волчат в это время года — явление, нормальное для каждой волчьей семьи. Он объяснил это несколькими причинами. Во-первых, волчат «отняли от груди», а в непосредственной близости от логова нет воды. Поэтому необходимо перевести их в такое место, где можно утолить жажду не из материнских сосков. Во-вторых — и это, пожалуй, самое важное, — молодняку пора прощаться с детством и начинать учение.

— Им не годится жить в яме, они уже взрослые, но еще не настолько, чтобы всюду сопровождать родителей, — так переводил Майк объяснения Утека. — Поэтому старые волки отыскивали для них новое место, и теперь волчатам достаточно простора, пусть спокойно бегают и познают мир.

Утек и Майк знали, где находится летнее логовище, и на следующий день мы перенесли туда палатку, выбрав для нее место, откуда частично просматривалось обиталище волков.

Новый дом волчат находился примерно в километре от старого. Это было узкое ущелье с отвесными стенами, заваленное огромными валунами. Внизу раскинулось поросшее травой болотце, оно кишело полевками — лучшего места для обучения волчат охотничьей азбуке не сыскать. Чтобы выбраться из ущелья, нужно ловко лазать, а этого волчата еще не умели, поэтому их можно было спокойно оставлять одних, не опасаясь, что они убегут и заблудятся. В случае нападения других хищников, водящихся в тундре, — песцов и ястребов — волчата смогут постоять за себя: они уже достаточно сильны.

На первых порах я решил не возобновлять постоянных наблюдений за волками — пусть привыкнут к новому месту. Поэтому следующую ночь я провел в избушке Майка, где подводил итоги работы. Утек рассказал мне немало интересного: например, что волки живут дольше собак. Он лично знал нескольких волков наверняка старше шестнадцати лет, а его отцу довелось встречаться с волком-патриархом, жившим у реки Казан, — тому перевалило за двадцать.

По словам Утека, волки придерживаются того же взгляда на волчат, что и эскимосы на детей, — фактическое отцовство для них не имеет большого значения, и сирот (в нашем понимании) у них нет. И он привел убедительный пример.

Несколько лет назад белый охотник, проплывавший в каноэ, убил волчицу, которая поселилась со своим выводком всего километрах в трех от становища эскимосов, где тогда жил Утек. Утек, который считал, что он магически связан со всеми волками, был очень этим расстроен. В то время в становище ошенилась сука, и он решил подложить волчат собаке. Но отец отговорил: волки-де сами решат, как быть.

Отец был великим шаманом, ему следовало верить, тем не менее юноша не мог успокоиться и организовал дежурство у логова. Ему не пришлось долго ждать: вскоре появился чужой волк в сопровождении овдовевшего самца. Оба вползли в логово, а когда вылезли обратно, каждый нес в зубах по волчонку.

Утек неотступно следовал за ними несколько километров, пока не убедился, что волки направляются к известному ему логовищу. Тогда он пустился бегом и, срезая путь, добрался до места раньше волков.

Когда те наконец явились, волчица, у которой было собственное потомство, высунула голову, схватила принесенных волчат за шиворот и по очереди втащила внутрь, а оба волка убежали за оставшейся парой осиротевших волчат.

Переселение благополучно закончилось, и теперь в логове оказалось десять волчат — все примерно одного роста и возраста. К ним с равной заботливостью и добротой относились взрослые волки, в том числе и овдовевший самец.

Трогательная история; боюсь, правда, что я тогда в нее не очень-то поверил. Но несколько лет спустя мне довелось услышать почти о таком же случае усыновления волчат, лишившихся матери. На этот раз историю рассказал известнейший ученый-естествоиспытатель. Его репутация была настолько безупречна, что в достоверности рассказа нельзя было усомниться. Впрочем, если вдуматься, то почему его слово должно иметь больший вес, чем слово Утека, который (духовно) сам почти волк?

Кстати, я спросил Утека, правда ли, как утверждает освященное веками поверье, что волки иногда вскармливают человеческих детенышей? Он улыбнулся, видимо расценив мой вопрос как проявление своеобразного юмора. Я понял его ответ так: выдумка, мол, славная, но в ней нет и доли истины. Столь категорический отказ признать реальность существования мальчика-волка меня несколько озадачил. Но окончательно сразили дальнейшие объяснения Утека.

По его словам, человеческое дитя, попав в волчье логово, непременно погибнет, причем повинны будут не волки — просто ребенок лишен врожденной способности жить по-волчьи. Но с другой стороны, женщина в состоянии выкормить щенка. Такие случаи нередки в эскимосских поселениях, когда подыхает сука. Более того, Утек знал, по крайней мере, два случая, когда женщина, потерявшая ребенка и страдавшая от обилия молока, кормила грудью волчонка, так как щенка лайки взять было негде.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Место нового логовища было идеальным с волчьей точки зрения, но я этого не находил — нагромождение валунов мешало моим наблюдениям. К тому же карibu начали понемногу возвращаться с севера, и охотничий азарт полностью овладел тремя моими волками. И хотя они по-прежнему проводили большую часть дня в летнем логове или поблизости от него, ночные походы так изнуряли их, что они только и делали, что спали.

Время тянулось убийственно медленно, но «дядюшка» Альберт спас меня от скуки — он влюбился.

Я уже рассказывал, что вскоре после моего первого появления в избушке Майк поспешно уехал к своим и взял всех собак — не из страха, что они попадут под скальпели, которых у меня было великое множество (как я тогда подумал), а по той простой причине, что их нечем кормить, когда нет карibu. Весь июнь упряжка оставалась у эскимосов, чье стойбище находилось на территории летнего выпаса оленей. Теперь, когда карibu возвращались на юг, эскимос, державший у себя собак, привел их обратно.

Собаки Майка — великолепные животные местной породы. Вопреки легенде эскимосские лайки отнюдь не являются полуприрученными волками, хотя вполне возможно, что оба вида произошли от одних предков. Уступая волкам в росте, лайки значительно коренастее, у них широченная грудь и короткая шея; пушистый, как султан, хвост кольцом завит над крестцом. Они разнятся от волков и в других отношениях. Так, в отличие от своих диких родственниц, самки лаек не считаются с сезоном, и течка у них может наступить в любое время года.

В только что возвратившейся упряжке Майка была сука, у которой как раз начался такой период. Темпераментная от природы и любвеобильная по личной склонности, она перебудоражила всю упряжку и доставила Майку массу хлопот. Как-то вечером он разворчался, и тут меня осенило.

Целомудренный нрав волков не позволил мне расширить свои познания относительно их половой жизни, хотя минувшей весной я готовился наблюдать за их повадками в течение короткого мартовского сезона спаривания, когда они бродят за стадами карibu. Но до сих пор мне не удалось заполнить этот пробел в моем образовании.

Из рассказов Майка и Утека я знал, что волки не против смешанных браков. Они спариваются с собаками при первой же благоприятной возможности, что, впрочем, случается редко, так как собаки обычно либо привязаны, либо работают. Но бывает, что и случается. Вспомнив об этом, я выдвинул предложение, за которое Майк тотчас ухватился, чем доставил мне большую радость. Он и сам был доволен не меньше моего — ему давно хотелось узнать, что за ездовая собака получится от скрещивания волка с лайкой.

Теперь, когда шар был запущен, оставалось провести игру по всем правилам. Надо было обеспечить строго научную постановку эксперимента. Я решил произвести опыт по этапам. Первый из них заключался в том, что я и Куа (так звали собаку) отправились на прогулку вокруг нового наблюдательного пункта — нужно, чтобы волки

узнали о ее существовании и состоянии, в котором она находилась.

Куа отнеслась к этому с величайшей готовностью. Стоило нам пересечь одну из волчьих троп, как она пришла в такой раж, что я еле удержал ее за крепкую цепь. Она тянула меня по следу, нетерпеливо обнюхивала каждую пометку. Мне стоило большого труда отбуксировать ее обратно к избушке. Там, на крепкой привязи, она в полнейшем расстройстве чувств провела всю ночь напролет.

А может, она пела не с горя. Когда я проснулся на следующее утро, Утек доложил, что у нас был гость. И верно, на мокром песке, менее чем в ста метрах от привязи для собак, отчетливо виднелись следы крупного волка. Очевидно, только присутствие ревнивых псов помешало роману завершиться в ту же ночь.

Я не ожидал, что события развернутся с такой быстротой, хотя и предвидел, что либо Георг, либо Альберт в первый же вечер наверняка найдут соблазнительно «надушенные» *billets doux*¹, оставленные Куа.

Теперь следовало привести в исполнение вторую часть задуманного плана. Вдвоем с Утеком мы отправились к палатке и в ста метрах от нее натянули толстую проволоку, привязав концы к двум скальным обломкам (расстояние между ними составляло около пятнадцати метров).

На следующее утро мы отвели туда Куа (вернее, Куа отвела нас). Несмотря на ее решительные попытки вырваться и самостоятельно начать поиски волка, нам удалось защелкнуть на проволоку карабин ее цепи. Тем самым лайка получила достаточную свободу движения, а мы заняли командное положение, сидя в палатке, откуда могли открыть огонь из винтовки, если что-нибудь пойдет не так, как надо.

К моему удивлению, Куа моментально успокоилась и проспала большую часть дня. Взрослых волков около

¹ Любовные записки (фр.). — Примеч. пер.

летнего логовища не было, но иногда мы замечали в траве на болотце волчат, которые охотились за мышами.

Было уже около половины девятого вечера, когда из-за скалистого хребта, ограждавшего логово с юга, внезапно послышалась охотничья песня волков.

При первых же звуках Куа вскочила на ноги и присоединила свой голос к хору. Как она выла! Даже во мне, хотя в моих жилах нет ни собачьей, ни волчьей крови, манящее, призывное пение Куа пробудило мечты о былых днях и прежних радостях.

Нам не пришлось долго сомневаться, что волки ее поняли. Хор оборвался на полутакте, и через несколько секунд вся тройка показалась на хребте. И хотя Куа находилась от них на расстоянии по меньшей мере четырехсот метров, волки отлично ее разглядели. После минутного колебания Георг и Альберт со всех ног кинулись к собаке.

Однако Георг не ушел далеко. Не успел он сделать полсотни шагов, как его догнала Ангелина и — не берусь утверждать определенно, но у меня сложилось такое впечатление — подставила ему ногу. Георг неуклюже свалился на мокрую землю, а когда поднялся, то интерес к Куа у него совершенно пропал. Правда, я даже не допускал мысли, что Куа заинтересовала его в сексуальном отношении, вероятно, он просто хотел выяснить, кто это вторгся в их владения. Как бы то ни было, Георг и Ангелина вернулись к летнему логову и улеглись у входа в ущелье, откуда наблюдали за происходящим, предоставив Альберту возможность выйти из создавшегося положения по собственному усмотрению.

Я не знаю, сколько времени Альберт прожил холостяком, но, несомненно, долго. Волк на такой скорости подлетел к привязанной Куа, что проскочил мимо. На какую-то долю секунды мне показалось, что он принял нас за соперников и мчится к палатке, чтобы разделаться с нами, но он повернул обратно и снизил скорость. До Куа, охваченной экстазом ожидания, оставалось всего два-три метра, как вдруг в поведении Альберта про-

изошла удивительная метаморфоза. Он с ходу остановился, опустил свою большую голову и превратился... в шута.

Это было тяжкое зрелище. Плотно прижав уши к широкому черепу и растянув губы в безобразную гримасу, волк начал извиваться, как шенок, — возможно, он хотел изобразить безумную страсть, но, на мой взгляд, это скорее смахивало на симптомы старческого слабоумия. В довершение всего он заскулил отвратительным льстивым фальцетом — совсем как китайский мопс.

От такого необыкновенного поведения Куа пришла в замешательство. Очевидно, за ней еще никогда не ухаживали столь удивительным образом. С негромким ворчаньем она попятилась от Альберта, насколько позволяла цепь, чем вызвала у волка новый приступ безумного унижения. Он пополз за ней на брюхе с выражением полнейшего идиотизма на расплывшейся морде.

Я начал разделять опасения Куа и, решив, что Альберт окончательно спятил, поднял винтовку, чтобы спасти собаку. Но Утек с откровенно непристойной улыбкой остановил меня и дал понять, что это обычная волчья манера ухаживания.

Внезапно Альберт непостижимым образом изменился: вскочив на ноги, он превратился в величавого самца. Шерсть на шее поднялась дыбом, образовав пышный серебристый воротник, обрамляющий морду, все тело напряглось, он казался отлитым из чистой стали. Хвост вскинулся высоко вверх и свился в крутое кольцо, как у настоящей лайки. Осторожно, шаг за шагом, он начал приближаться к собаке.

Куа больше ни в чем не сомневалась. Такое она могла понять. Несколько застенчиво она повернулась к нему спиной, а когда волк потянулся к ней своим большим носом для первой ласки, она обернулась и слегка куснула его плечо...

Я вел подробнейшие записи происходящего, но, боюсь, они излишне техничны и перегружены научной терминологией, и им не место в этой книге. Поэтому я огра-

ничусь лишь итоговым замечанием — как показали наблюдения, Альберт, несомненно, знал толк в любви.

...Моя научная любознательность была полностью удовлетворена, но страсть Альберта не иссякла. Создалась весьма щекотливая ситуация. Мы с Утеком терпеливо прождали два часа, но Альберт, как видно, и не помышлял расстаться с вновь обретенной подругой. Давно пора было возвращаться, не могли же мы ждать собаку вечно! И, не найдя другого выхода, мы произвели вылазку по направлению к влюбленной паре.

Альберт по-прежнему не отходил от Куа, вернее, он совершенно не обратил на нас внимания. Даже Утек, казалось, несколько растерялся и не знал, как поступить: мы подошли к ним почти вплотную, но Альберт не обнаруживал ни малейшего желания уходить. Пришлось выстрелить в землю. Выстрел вывел волка из транса. Он высоко подпрыгнул в воздух и отбежал метров на десять, но тут же вновь обрел самообладание и повернул прямо на нас. Тем временем мы успели освободить цепь, и Утек как на аркане потянул к дому упиравшуюся Куа, а я с винтовкой наготове прикрывал отступление.

Альберт держался поблизости, в пятнадцати—двадцати шагах, то позади, то сбоку, то забегал вперед, но не оставлял нас. Придя домой, мы вновь попытались охладить его пыл и дали залп в воздух, но безуспешно: волк только отбежал на несколько шагов. Очевидно, не оставалось ничего другого, как взять Куа на ночь в избушку — ведь если привязать ее вместе с остальными собаками, то произойдет настоящее побоище между Альбертом и псами.

Да, ночь выдалась кошмарная. Не успели мы закрыть за собой дверь, как Альберт завыл. Он вопил, причитал и голосил, не делая ни малейшей паузы. Собаки отвечали ему оскорбительным лаем и воем. К этой душераздирающей какофонии Куа присоединила пронзительные заверения в вечной любви. Суший ад! К утру взбешенный Майк принял решение стрелять, на этот раз по-настоящему.

Положение, а может быть, и жизнь Альберта спас Утек. Ему удалось убедить Майка, что все образуется, стоит только освободить Куа. Она не убежит, а будет крутиться вместе со своим волком в окрестностях становища. Как только период течки закончится, собака вернется домой, а волк отправится восвояси.

Как всегда, он оказался прав. В течение недели мы иногда мельком видели, как любовники, плечом к плечу, проходили по далекому гребню. Они никогда не приближались ни к озу, где было логовище, ни к избушке. Они жили в собственном мире, чуждые всему, за исключением друг друга.

Они не думали о нас, но я постоянно их помнил и искренне обрадовался, обнаружив как-то утром, что на своем старом месте, среди привязанных собак, лежит Куа, утомленная, но довольная.

На следующий вечер Альберт вновь присоединился к традиционному волчьему хору. Только теперь в его голосе появились самодовольные нотки, звучал он сильно и сочно.

Я невольно стиснул зубы — терпеть не могу бахвальства, даже у волков.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После переселения волчат в ущелье я их почти не видел. Поэтому как-то утром, когда Ангелина и оба волка еще не вернулись с ночной охоты, я взобрался на скалы, покрытые порослью стелющегося ельника и почти вплотную нависшие над обрывом. Дул легкий северо-восточный ветерок, это облегчало задачу — волки в логове или на подходе к нему вряд ли почуют мой запах. Я расположился в ельнике и стал внимательно разглядывать дно ущелья. Передо мной находилась небольшая площадка примерно метров тридцати в длину и десяти в ширину, сплошь усеянная волчьими следами. Внезапно у стены ущелья, на осыпи битого камня, появились два волчонка и быстро побежали по тропинке к небольшому ручью. Встав рядышком на берегу, они тянули к воде свои тупые мордочки и весело помахивали куцыми хвостиками.

За последние недели волчата порядком подросли и теперь размерами, да, пожалуй, и формой напоминали взрослых сурков. Они так растолстели, что по сравнению с туловищем их лапы казались просто карликовыми, а пу-

шистые серые шубки только усугубляли полноту. Ничто, казалось, не предвещало, что со временем они превратятся в таких же стройных и мощных зверей, как их родители.

Откуда-то из глубины показался третий волчонок; он тащил начисто обглоданную оленью лопатку и рычал на нее, будто это был живой и грозный противник. Волчата у ручья, услышав шум, подняли мокрые мордочки и устремились навстречу братцу.

Началась свалка, воздух наполнился урчанием, которое прерывалось пронзительным визгом — так волчата выражали свое негодование, стоило кому-нибудь вонзить острые зубы в чью-либо лапу. Откуда-то выскочил четвертый волчонок и с восторженным воплем ринулся в самую гущу схватки.

Через несколько минут после начала этой междоусобной войны над ущельем низко пролетел ворон. Едва его тень накрыла волчат, как те бросили кость и удрали в укрытие. Но это, очевидно, тоже было частью игры, ибо они тут же вылезли обратно. Двое из них возобновили бой за кость, а двое других нырнули в траву в поисках полевков.

Но грызуны, чудом уцелевшие на этом клочке земли, стали, казалось, необыкновенно увертливыми. И после недолгих, довольно небрежных поисков, покопавшись в грязи, волчата бросили охоту и принялись играть друг с другом.

В это время вернулась Ангелина.

Я так увлекся волчатами, что пропустил ее появление, пока неподалеку от себя не услышал низкий вой. Все мы — я и волчата — разом повернули головы и увидели Ангелину, стоявшую на краю ущелья. Волчата моментально прекратили игру и, не в силах сдержать волнения, залились пронзительным лаем, а один из них даже встал на короткие задние лапы и в радостном ожидании замал передними.

Какое-то мгновение Ангелина горделиво любовалась потомством, а затем перепрыгнула через край обрыва и спустилась в ущелье, где ее тотчас окружили волчата. Она обнюхала каждого, кое-кого опрокинула на спину и, только покончив с осмотром, сторбилась и начала отрывать пищу.

Мне, разумеется, следовало это предвидеть, но я оказался застигнутым врасплох и вначале испугался, что она съела отраву. Ничуть не бывало — после нескольких конвульсивных движений волчица выложила на землю килограммов пять полупереваренного мяса, после чего спокойно отошла в сторону и улеглась, наблюдая за волчатами.

И если подобный способ утренней раздачи мяса вызвал у меня легкую тошноту, то волчат он ничуть не смутил. В едином порыве они с жадностью набросились на еду, в то время как мать снисходительно взирала на них и даже не пыталась исправить их ужасные манеры.

Завтрак окончен — и ни крошки не осталось на ленч. Волчата, где стояли, там и повалились пузом кверху, перемазанные и совершенно неспособные ни на какие шалости.

Теплое летнее утро всех разморило. Вскоре бодрствовал я один, впрочем, и мне это давалось нелегко. Я бы видоизменил позу и на что-нибудь оперся, но боялся пошевелиться: волки совсем рядом, а тишина такая, что до них донесется малейший звук.

Может, и неделикатно упоминать об этом, но у меня в желудке от рождения имеется нечто вроде резонатора. В это трудно поверить, но стоит только проголодаться (впрочем, случается, и в сытом состоянии), как эта часть моего организма приобретает самостоятельность и независимо от меня начинает урчать. Я был бессилен с этим бороться, но со временем научился владеть собой и довольно искусно притворялся, будто я тут ни при

чем, а звуки, которые люди слышат, исходят вовсе не от меня.

И надо же, чтобы адский барабанщик в глубине моего чрева выбрал самый неподходящий момент для своих шуточек! Среди утреннего безмолвия, будто отдаленные раскаты грома, по ущелью прокатились рулады.

Ангелина тут же встрепенулась и подняла голову, внимательно прислушиваясь. При новых звуках (несмотря на все мои старания заглушить их!) волчица поднялась на ноги и взглянула на волчат, как бы желая убедиться, что это не они являются виновниками шума, а затем устремила испытующий взор в безоблачное небо, однако и там не нашла разгадки. Всерьез обеспокоенная, она пыталась установить, откуда идут звуки.

Это оказалось нелегкой задачей — ведь любые звуки в брюшной полости несколько сродни чревовещанию, мои же — в особенности. Дважды пробежав ущелье из конца в конец, Ангелина не смогла удовлетворить растущего любопытства.

Я никак не мог решить — отступить мне или оставаться на месте в надежде, что мой внутренний оркестр выдохнется сам по себе; но оркестр был по-прежнему полон сил и энергии и в доказательство этого издал гул, подобный гулу при землетрясении. И тотчас над кромкой обрыва, в каких-нибудь десяти шагах от меня, показалась голова Ангелины.

Мы молча уставились друг на друга. По крайней мере она не нарушала тишины. Что до меня, то я прилагал к этому все усилия, но не особенно преуспел. Досаднейшее положение: чем дольше я смотрел на волчицу, тем больше восхищался ею; я очень дорожил ее добрым мнением и вовсе не хотел показаться идиотом.

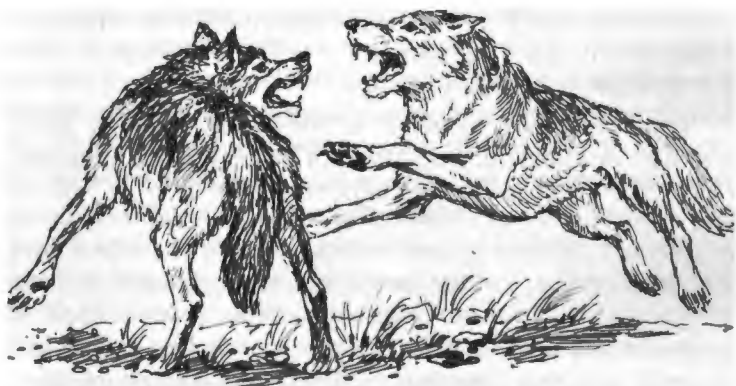
Но независимо от желания я понял, что окончательно погиб.

Внезапное появление волчицы как бы вдохновило «музыкантов» в моем желудке, и они заиграли с новой

силой. Не успел я придумать оправдания, как Ангелина сморщила нос и, обнажив в холодной насмешке белоснежные зубы, скрылась из глаз.

Я выскочил из убежища и помчался за ней к краю ущелья, но, разумеется, опоздал даже с извинениями. Презрительный взмах великолепного хвоста — вот и все, что мне удалось увидеть, прежде чем волчица исчезла среди расщелин, которые образовали в дальнем краю ложбины нечто вроде садка. В него-то Ангелина и загнала своих волчат.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мои наблюдения в палатке продолжались добрую часть июля, но мало что прибавили к уже имеющимся сведениям о волках. Волчата быстро росли и требовали все большего количества пищи. Поэтому Георг, Ангелина и Альберт вынуждены были тратить много времени и сил на охоту вдальеке, а те немногие часы, которые им удавалось провести в логове, они спали непробудным сном — добывание корма для волчат превратилось в изнурительное занятие. И тем не менее волки по-прежнему продолжали изумлять меня.

Как-то им довелось поймать карибу неподалеку от дома, и этот запас продовольствия позволил им устроить себе кратковременный отдых. Вечером они не пошли, как обычно, на охоту, а остались у логова.

Следующее утро выдалось ясное и теплое; атмосфера сладостного безделья, казалось, охватила всех троих. Ангелина удобно развалилась на скале над летним логовом, а Георг и Альберт спали, вырыв ямки в песке, на гребне вала. Единственным проявлением жизни было изменение позы спящих да порой ленивый взгляд, которым они обводили окрестности.

Около полудня Альберт встал и поплелся к берегу напиться. Там он час или два лениво ловил бычков, а затем направился к покинутому ложу. На полпути он остановился по нужде, но это усилие так его утомило, что он отказался от первоначального намерения добраться до гребня, а растянулся прямо там, где стоял. Голова его опустилась, и вскоре он заснул.

Все эти действия не остались незамеченными. Георг, который лежал, уткнув морду в передние лапы, внимательно наблюдал за тем, как его приятель ловил рыбу. И когда Альберта сморил сон, Георг поднялся, потянулся, широко зевнул и с праздным, беззаботным видом, осторожно ступая, стал подбираться к спящему. Трудно было заподозрить, что у него есть какая-то цель; время от времени он останавливался, обнюхивая кусты и мышиные норы, дважды садился, чтобы почесаться. Однако при этом он ни на минуту не спускал глаз с Альберта и, когда почти вплотную приблизился к нему, резко изменил поведение.

Прижавшись к земле, он, как кошка, начал красться к Альберту с явно недобрым намерением. Напряжение нарастало, я схватил подозрную трубу, ожидая трагической развязки и лихорадочно гадая, чем вызвана в Георге такая молниеносная перемена. Что это — свидетельство семейной драмы? Или Альберт нарушил волчий закон и теперь должен заплатить за это собственной кровью? Похоже на то.

С величайшей осторожностью Георг подкрадывался все ближе к ничего не подозревающему волку. Оказавшись шагах в десяти от Альберта, который по-прежнему оставался глух ко всему на свете, Георг поджал задние ноги и после паузы, позволившей ему полностью насладиться моментом, со страшным рычанием взвился в чудовищном прыжке.

Казалось бы, неожиданный удар, нанесенный волком весом свыше семидесяти килограммов, должен был начисто вышибить дух из Альберта; но тот еще дышал и даже издал в ответ какой-то звук, до тех пор не числивший-

ся в моем каталоге волчьих криков. Это был высокий, полный ярости и боли, пронзительный рев (мне пришлось как-то слышать нечто подобное в переполненном вагоне метро — так вопила разъяренная дама, которую кто-то ущипнул).

Георг тотчас умчался прочь. Альберт, с трудом поднявшись на ноги, бросился за ним.

Началась погоня не на жизнь, а на смерть. Георг взлетел вверх по склону, словно его преследовал цербер. Альберт гнался за ним со зловещей и яростной решимостью. Оба, напрягая последние силы, то мчались вперед, то кидались назад или в сторону.

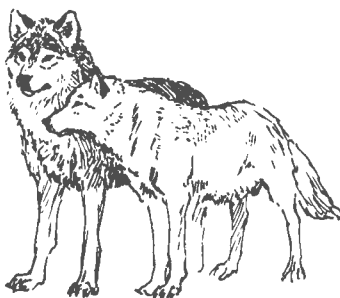
Когда они пронеслись мимо летнего логова, Ангелина привстала, бросила быстрый взгляд на бегущих и с азартом включилась в погоню. Теперь шансы свелись к двум против одного, не в пользу Георга; ему пришлось положиться на скорость в беге по прямой — он потерял возможность увертываться и поскакал вниз по морене через болото и вдоль берега залива. Там, у самой воды, стояла огромная расколотая надвое скала; Георг с ходу проскочил узкую щель между камнями и свернул так круто, что песок и щебень полетели из-под ног; волк обогнул скалу в обратном направлении как раз вовремя, чтобы ударить в бок Ангелину. Не колеблясь ни минуты, он с силой врезался в нее и буквально сбил с ног, заставив метров пять проехать по земле.

Итак, один из преследователей временно вышел из строя, но и сам Георг потерял скорость. Прежде чем ему удалось вырваться вперед, Альберт уже оседлал его, и оба покатались по земле, сцепившись в яростной схватке. Подоспевшая Ангелина не замедлила ввязаться в драку.

Свалка закончилась так же внезапно, как и началась, волки разошлись, отряхнулись, ткнулись носами, дружно помахали хвостами и рысцой направились к логову, всем своим видом показывая, что славно провели время.

Шутки вроде только что описанной редки среди волков, хотя мне несколько раз приходилось видеть, как Ан-

гелина устраивала засаду Георгу, когда издали замечала, что тот возвращается с охоты. В этих случаях она пряталась, но, стоило ему поравняться с ней, выпрыгивала прямо на него. Георг всегда делал вид, что напуган внезапным нападением, но, конечно, это было притворство, ибо он должен был почуять ее присутствие. Как только проходило первое изумление, Ангелина начинала обнюхивать супруга, обнимала его передними лапами, валилась перед ним на землю, подняв задние лапы, или нежно подталкивала плечом. Вся эта картина являла собой интимный ритуал встречи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В середине июля я твердо решил: довольно пассивных наблюдений, пора приступить к изучению охотничьей деятельности волков по-настоящему.

Столь благое намерение отчасти объяснялось тем, что под грудой грязных носков, скопившихся за неделю, я наткнулся на давным-давно затерянный оперативный приказ. Откровенно говоря, я почти совсем забыл не только о приказе, но и о самой Оттаве, а когда вновь перелистал строгие и детальные инструкции, то понял, что повинен в невыполнении служебного долга.

Приказ ясно гласил: первейшая моя задача — провести перепись поголовья и изучить размещение волков, что, в свою очередь, должно сопровождаться подробными исследованиями взаимоотношений между волком и карибу, то есть между хищником и добычей. Это означало, что наблюдения за поведением и общественными инстинктами волков решительно выходили за рамки порученной мне работы. Поэтому в одно прекрасное утро я свернул палатку, упаковал стереотрубу и закрыл наблюдательный пункт. На другой день мы с Утеком погрузили лагерное снаряжение в канюэ и

поплыли на север в длительный рейс по водным просторам тундры.

В течение нескольких недель мы прошли сотни километров и собрали множество данных относительно численности и размещения волков; попутно накопился и другой обширный материал, хотя и не предусмотренный заданиями министерства, но тем не менее представляющий немалый интерес.

Согласно полуофициальным данным, полученным от трапперов и торговцев, поголовье волков Киватина составляет примерно тридцать тысяч. Даже при моих весьма скромных математических познаниях нетрудно подсчитать, что в среднем на каждые пятнадцать квадратных километров приходится один волк. Если учесть, что треть тундры покрыта водой, а другую треть занимают бесплодные скалистые холмы и хребты, на которых не могут жить ни карibu, ни волки, ни большинство других животных, то плотность возрастет примерно до одного волка на каждые пять квадратных километров.

Пожалуй, многовато. Будь это в действительности так, нам с Утеком пришлось бы туго.

К огорчению для теоретиков, мы обнаружили, что волки широко рассеяны по тундре. Обычно они селятся семьями, причем каждая семья занимает территорию 250—800 квадратных километров. Следует, однако, заметить, что подобное рассредоточение не отличается единообразием. Так, например, в одном месте мы встретили две семьи волков, логова которых отстояли друг от друга всего на каких-нибудь восемьсот метров. А однажды на моренной гряде близ реки Казан Утек наткнулся сразу на три семьи, причем у всех были волчата; их логова разделяли несколько шагов. С другой стороны, мы три дня плыли по реке Тлевиаса по местности, которая казалась настоящим волчьим царством, и ни разу не видели ни следа, ни помета, ни клочка волчьей шерсти. Крайне неохотно, понимая, что этим не завоеую авторитета у аниматоров, я был вынужден скостить поголовье волков до

трех тысяч, но и эта цифра, вероятно, сильно преувеличена.

Мы встречали волчьи семейства самых разных размеров: от одной пары взрослых волков с тремя волчатами до группы, состоящей из семи взрослых и десяти детенышей. Поскольку во всех случаях кроме одного налицо оказались «лишние» волки, а сам я был бессилен выяснить их статус в семье (и мог лишь пристрелить их, что, впрочем, позволило бы только определить пол и возраст), то не оставалось ничего иного, как вновь обратиться к Утеку.

Как сообщил Утек, самки волков становятся половозрелыми в двухлетнем возрасте, а самцы — с трех лет. До получения способности размножаться большинство молодняка остается при родителях, но, даже достигнув брачного возраста, многие не могут обзавестись семьей из-за недостатка свободных участков. Это значит — не хватает охотничьих угодий, позволяющих обеспечить каждую волчицу всем необходимым для выращивания потомства. Из-за избытка волков «производительная способность» тундры оказывается недостаточной, то есть численность животных, служащих объектом их охоты, быстро сокращается, а это означает голод и для самих волков. Поэтому рождаемость регулируется путем воздержания. В поисках подходящего участка тундры многие взрослые волки долгие годы остаются безбрачными. К счастью, период обостренного полового влечения у волков весьма недолог (всего около трех недель в году), поэтому «холостяки» и «старые девы» не особенно страдают от сексуальной неудовлетворенности. Кроме того, их потребность в домашнем уюте, компании взрослых и волчат отчасти получает удовлетворение благодаря общинному характеру семейных групп. Утек даже предполагает, что некоторые особи предпочитают положение «дядюшки» или «тетушки» — оно дает им радости, связанные с семейной жизнью, и в то же время не возлагает ответственности, которая падает на родителей.

Старые волки, особенно те, кто потерял свою пару, обычно сохраняют вдовство. Утек припомнил волка, с которым ему пришлось встречаться на протяжении шестнадцати лет. Первые шесть лет волк ежегодно был отцом приплода. На седьмую зиму его подруга исчезла (возможно, была отравлена охотниками, которые в погоне за премиями пришли с юга). Весной волк вернулся в старое логово. Но хотя в нем и в этом сезоне рос выводок волчат, они принадлежали другой паре: вероятно, полагал Утек, сыну вдовца и его подруге. Во всяком случае, весь остаток жизни старый волк провел в логове «третьим лишним», но продолжал участвовать в заботах по воспитанию волчат.

Численность волков зависит не только от ограниченности пригодных для жизни участков, но и от особого природного механизма, контролирующего рождаемость. Поэтому, когда виды животных, которые служат им пищей, встречаются в изобилии (или самих волков мало), волчицы рожают помногу, в некоторых случаях по восьми волчат. Но если наблюдается «избыток» волков или не хватает корма, количество волчат в помете сокращается до одного или двух. Это справедливо и в отношении других представителей арктической фауны, таких, например, как мохноногие канюки¹. В годы, «урожайные» на мелких грызунов, канюки несут по пять или шесть яиц; когда же полевок и леммингов мало, они кладут лишь одно яйцо, а то и вовсе не несутся.

Но если даже перечисленные контролирующие факторы не срабатывают, эпизоотии² служат гарантией того, что волчье поголовье не превысит количества, которое сможет прокормиться. В тех редких случаях, когда общее равновесие нарушается (часто в результате вмешательства человека) или животных становится чересчур много, а пища скудная и недоедание переходит в настоящий го-

¹ К а н ю к — птица семейства ястребиных. — *Примеч. авт.*

² Э п и з о о т и я — широкое распространение инфекционной болезни среди животных. — *Примеч. пер.*

лод, волки начинают вырождаться физически. Среди волков то и дело вспыхивают опустошающие заболевания, такие, как бешенство, собачья чума и чесотка, и тогда их поголовье быстро сокращается до минимума, едва обеспечивающего воспроизводство.

На Канадском Севере лемминги представлены разнообразностью, отличающейся цикличностью размножения, причем наиболее «урожайным» оказывается каждый четвертый год, за которым следует падение численности зверьков почти до полного их исчезновения. На 1946 год пришлась самая низкая точка цикла. К тому же по случайному совпадению и без того резко сократившееся оленье стадо Киватина именно в том же году изменило вековым путям миграции, и основная масса оленей обошла стороной юг и центральную часть района. Наступило время бедствий для эскимосов, песцов и волков. В тундру пришел страшный голод. Латентный вирус бешенства дал вспышку среди голодающих песцов, заболевание охватило и волков.

Нужно сказать, что взбесившиеся животные не «сходят с ума» в буквальном смысле слова. Поражается нервная система, поступки становятся сумасбродными, возникает постоянное стремление куда-то бежать, исчезает спасительное чувство страха. Бешеные волки слепо натываются на мчащиеся поезда и автомобили; они могут случайно затесаться в гущу ездовых собак, и в результате их разрывают на куски; нередко бешеный волк забегает на улицу поселка или даже в палатки и дома, в которых находятся люди. Больные, стоящие на грани смерти волки достойны жалости, но в человеке они вызывают только необузданный страх — не перед болезнью, которую редко удается распознать как бешенство, а просто перед самими волками. Происходят нелепейшие случаи, подтверждающие общепризнанную легенду о злобном и опасном нраве волков.

Как-то волк, больной и умирающий (дело произошло во время эпизоотии 1946 года), забежал в Черчилл. Первым на него наткнулся капрал канадской армии, воз-

вращавшийся из пивного бара в казарму. Согласно рапорту храброго вояки, на него набросился гигантский волк, и ему едва удалось спастись бегством. Пробежав добрых два километра, он скрылся под кровом караульного помещения. Правда, капрал не мог продемонстрировать физических доказательств выдержанного испытания, но психическая травма была, несомненно, глубокой. Поднятая тревога вызвала в лагере панику, близкую к истерике. На борьбу с волком были двинуты американские и канадские воинские подразделения. Отряды людей, вооруженных винтовками и электрическими фонариками, с выражением непреклонности на лицах прочесывали окрестности, готовые отразить угрозу, которая за несколько часов успела разрастись до нескольких стай голодных волков.

Во время переполоха было убито и ранено одиннадцать ездовых собак; пострадали также американский капрал и индеец из племени чиппевеев, которые поздно возвращались домой. Все они потерпели урон не от волка, а от самих стражей порядка.

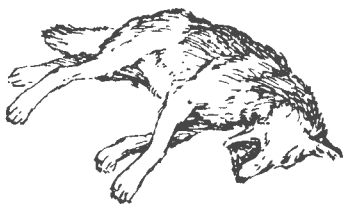
Двое суток дети и женщины не выходили из дому. Военный лагерь как бы вымер: ординарцы, которых посылали с поручениями, отправлялись на задание хорошо вооруженными, на джипах или вовсе отказывались выходить из помещения.

Волка удалось обнаружить на второй день с небольшого военного самолета, приданного частям, которые проводили облаву. В указанное место был послан эскадрон конной полиции. Но волк оказался... коккер-спаниелем, принадлежащим управляющему отделением компании Гудзонова залива.

Паника прекратилась только на третий день. Уже под вечер водитель шеститонного армейского грузовика, возвращавшийся в лагерь из аэропорта, заметил впереди на дороге что-то мохнатое. Он нажал на тормоза, но слишком поздно: волк, который совсем ослабел и не мог даже ползти, был раздавлен.

Интересны последствия. И поныне можно встретить жителей Черчилла (а также изрядное количество солдат,

разбросанных по всему континенту), которые охотно, со всеми подробностями опишут вам нашествие волков на Черчилл в 1946 году. Они поведают об ужасах, которые им пришлось лично пережить, об искусанных женщинах и детях, о собачьих упряжках, изорванных в клочья, и о целом городке, выдержавшем ужасную осаду. Единственное, чего не хватает в рассказах «очевидцев», — это драматического описания североамериканского эквивалента русской тройки, летящей по замерзшей равнине: путников неминуемо должна настичь лавина волков, и тогда полярная ночь огласится хрустом человеческих костей, разгрызаемых волчьими зубами.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Несколько недель, проведенных в плавании по рекам равнины, показались нам сущим раем. Почти все время стояла чудесная погода; бескрайние просторы, полная свобода и дикая, беспорядочная жизнь, которую мы вели, — все наполняло нас бодростью.

Попадая в новые места, на территорию, занятую какой-нибудь волчьей семьей, мы всякий раз останавливались лагерем и не ограничивали себя временем — вели самые подробные исследования, необходимые для достаточно близкого знакомства со всей группой волков. Несмотря на необъятность и безлюдье тундры, мы совершенно не чувствовали одиночества — рядом с нами всегда были карibu. Олени, сопровождаемые стаями серебристых чаек и ворон, оживляли неподвижный пейзаж.

Эта страна принадлежала оленям, волкам, птицам и мелким зверькам. Мы двое — всего лишь случайные, незваные и маловажные гости. Человек никогда не занимал в тундре господствующего положения. Даже эскимосы, чьей территорией некогда являлась Бесплодная земля, жили в согласии с природой. Теперь в

центральной части тундры эскимосы исчезли. Горстка людей, едва насчитывающая сорок душ — к ним принадлежал и Утек, — вот и все, что осталось от народа, некогда заселявшего внутреннюю часть страны. Ныне эта крохотная группка совсем затерялась в бескрайней суровой пустыне.

За все время человеческие существа встретились нам один-единственный раз. Как-то утром, в самом начале путешествия, мы огибали излучину реки. Вдруг Утек поднял весло и закричал. Впереди, на береговой косе, показался приземистый чум из оленьих шкур. На зов Утека из него вывалились двое мужчин, женщина и трое мальчиков-подростков; все они подбежали к самой воде, встречая нас.

Мы причалили, и Утек представил меня одной из семей своего племени. Всю вторую половину дня мы распивали чай, сплетничали, смеялись и пели, а также съели гору вареной оленины. Когда мы ложились спать, Утек объяснил, что мужчины, мои новые знакомцы, разбили здесь лагерь в надежде подстеречь карибу, которые обычно переплывают реку в узком месте, километрах в восьми отсюда ниже по течению. На одноместных гребных каяках, вооруженные только короткими острыми копьями, эскимосы надеялись добыть на переправе такое количество нагульных оленей, чтобы мяса хватило на всю зиму. Утеку страшно хотелось участвовать в охоте, и он начал уговаривать меня остаться на несколько дней, с тем чтобы помочь друзьям.

Я не возражал, и на следующее утро три эскимоса ушли, оставив меня наслаждаться великолепием августовского дня.

Сезон несносных комаров окончился. Жарко, ни ветерка. Я решил воспользоваться погодой — поплавать и позагорать, а то моя кожа стала до неприличия бледной. Отойдя на несколько сот метров от эскимосского становища (ибо стыдливость — последний из пороков цивилизации, который человек сбрасывает в

пустыне), я разделся и искупался, потом взобрался на ближнюю грядку, где улегся и стал принимать солнечную ванну.

Подобно волкам, я время от времени поднимал голову и осматривался. Около полудня я вдруг увидел волков — они пересекали гребень следующей гряды, к северу от меня.

Всего три волка — один белый, два других почти черные, очень редкой окраски. Все трое — матерые волки, но один из черных меньше ростом и изящнее других, вероятно волчица.

Да, положение весьма пикантное... Моя одежда осталась на берегу довольно далеко отсюда, у меня были только резиновые туфли и бинокль. Если бежать за одеждой, то след волков будет безвозвратно потерян. «А, — подумал я, — кому нужна одежда в такой день?» Тем временем волки скрылись за гребнем, и, схватив бинокль, я бросился за ними вдогонку.

Местность вокруг представляла собой настоящий лабиринт из невысоких гряд, разделенных узкими, покрытыми травой низинами; на низинах, медленно продвигаясь на юг, паслись олени. Лучшей обстановки не придумать: с гребня мне будет удобно следить, как волки пересекают низины одну за другой, а чуть скроются за очередной грядой, можно без опаски следовать за ними. И так до следующей гряды, пока я не окажусь достаточно высоко, чтобы спокойно наблюдать, как волки пересекают долину.

Вспотев от волнения и затраченных усилий, я одолел первую грядку и уже предвкушал драматичную сцену: вот сейчас волки внезапно нападут на ничего не подозревающих оленей там, внизу, и я увижу борьбу не на жизнь, а на смерть. Но то, что я увидел, привело меня в полнейшее замешательство: моему изумленному взору предстала поистине идиллическая картина. В долине паслось небольшими группами около полусотни оленей-быков. Волки шествовали мимо них с таким видом,

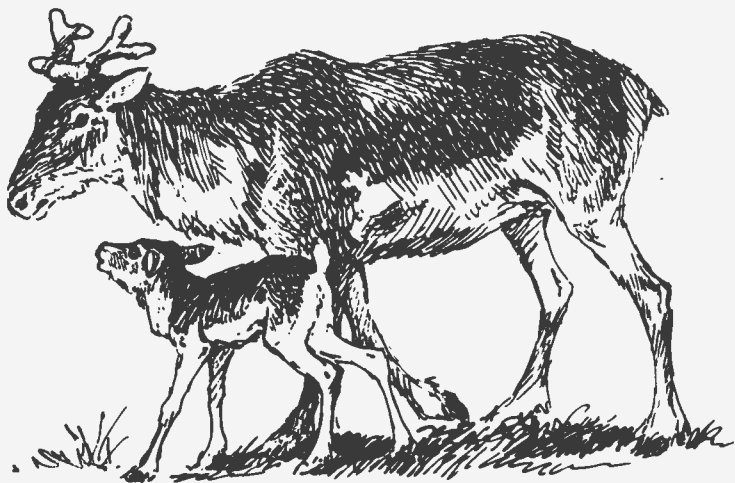
словно олени интересовали их не больше, чем камни. Карибу, в свою очередь, видимо, и не подозревали об опасности. Создавалось впечатление, будто это не волки и их желанная добыча, а собаки, пасущие домашний скот.

Невероятно — стая волков, окруженная оленями! При этом как одни, так и другие ничуть не волнуются.

Не веря собственным глазам, я увидел, как волки рысцой пробежали метрах в пятидесяти от пары лежащих оленят, беспечно жующих жвачку. Оленята повернули головы и лениво следили за волками, но даже не удосужились встать на ноги, а их челюсти не прекратили работу. Какое презрение к волкам!

Но представьте себе мое изумление, когда в погоне за волками, которые поднялись по склону и скрылись, я попал в ту же долину — два самых апатичных олененка, которые только что с таким безразличием отнеслись к волкам, тотчас вскочили на ноги и уставились на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Когда я пробежал мимо, они выставили головы вперед, испуганно фыркнули, повернулись на задних копытах и умчались галопом, будто за ними гнался сам черт. Но это же несправедливо — так испугаться *меня* и спокойно относиться *к волкам*! Правда, я постарался утешить себя мыслью, что их паника вызвана непривычным зрелищем: белый человек, на котором надеты только туфли да бинокль, сломя голову летит по тундре!

За следующим увалом я едва не наскочил на волков. Они собрались в кучку на противоположном склоне и, видимо, совещались, при этом они усердно обнюхивали носы друг друга и махали хвостами. Я растянулся плашмя за камнями и замер в ожидании. Вскоре белый волк снова двинулся в путь, а остальные последовали за ним. Они не спешили и, прежде чем спуститься в долину, где паслось несколько десятков оленей, немало покрутились по склону. Временами то один из них, то другой останавливался, принюхивался к кочке мха или

отбегал в сторону, ведя разведку. Когда же они наконец спустились, то рассыпались в цепь с интервалами в сотню шагов и в таком порядке рысью побежали вдоль низины.

На появление волков реагировали только те олени, которые оказывались непосредственно перед фронтом наступления. Стоило волкам приблизиться к ним на расстояние пятидесяти—шестидесяти метров, как олени с фырканием поднимались на дыбы и отскакивали в сторону.

Те, что храбрее, затем поворачивали обратно и с любопытством смотрели на проходящих волков, однако большинство, не удостоив волков ни единым взглядом, снова принимались за пастьбу.

За час волки, а с ними и я, прошли не менее шести километров в непосредственной близости от четырехсот оленей, и во всех случаях реакция карibu была неизменной: полнейшее безразличие, пока волки далеко, некоторый интерес, когда они подходят совсем близко, и отступление, если столкновение кажется неизбежным. Ни панического бегства, ни страха!

До сих пор нам встречались преимущественно быки, но вскоре стало попадаться много важенок¹ и од-нолеток; и вот тут-то поведение волков резко изменилось.

Один из волков выгнал теленка из зарослей ивняка, тот выскочил на открытое место в каких-нибудь двадца-ти шагах от волка; волк на мгновение замер, а затем ки-нулся за олененком. У меня учащенно забилось сердце: сейчас я наконец увижу, как волк режет оленя.

Не тут-то было. Волк жал изо всех сил, но не смог вы-играть в скорости: пробежав с полсотни метров, он пре-кратил погоню, затрусил обратно и присоединился к то-варищам.

Я не верил своим глазам: по всем законам олененок обречен и должен погибнуть, если хоть десятая доля ре-путации волков ими действительно заслужена! Однако на протяжении последующего часа волки предпринима-ли по меньшей мере двенадцать атак против телят-оди-ночек, против важеньки с теленком, а то и против целых групп важенок и однолеток, и каждый раз преследование прекращалось, едва успев начаться.

Меня охватило сильнейшее раздражение — я пробе-жал десяток километров по тундре и совершенно вымотался не для того, чтобы полюбоваться, как свора волков валяет дурака!

Когда (в который раз!) волки оставили долину и по-брели через гряду, я воинственно двинулся следом. Уж не знаю, что я в тот момент намеревался сделать, возможно, сам хотел добыть оленя, чтобы показать этим неучам, как это делается. Как бы то ни было, преисполненный отва-ги, я перемахнул через гребень... и попал прямо к вол-кам.

Они, по всей вероятности, остановились перевести дух, и мое неожиданное появление было подобно разор-вавшейся бомбе. Волки бросились врассыпную. Прижав

¹ В а ж е н к а — самка северного оленя. — *Примеч. пер.*

уши и вытянув хвосты прямо за собой, они мчались, насмерть перепуганные. Их панический бег сквозь разрозненные стада оленей вызвал ответную реакцию. Массовая паника, которую я ожидал весь день, охватила теперь по-настоящему перепуганных животных. Только (мне с горечью пришлось констатировать этот факт) уstraшили их не волки — их напугал я.

Конечно, с меня хватит, и я решительно повернул к дому. Когда до становища оставалось несколько километров, я заметил бегущих навстречу людей. Это была эскимоска и ее три мальчугана. Они были чем-то крайне взволнованы. Все кричали, женщина размахивала тяжелым костяным ножом, а сыновья потрясали копьями для охоты на оленей и ножами для снятия шкур.

Я в растерянности остановился. И тут до меня впервые дошел весь трагикомизм моего положения — я был не только безоружен, но и абсолютно наг. Где уж тут отразить атаку! А атака казалась неотвратимой, хотя я понятия не имел, что могло привести эскимосов в такое бешенство. Но, как говорится, осторожность — лучшая доблесть, и я из последних сил устремился вперед, стараясь во что бы то ни стало обойти эскимосов. Это мне удалось, но они продолжали преследование и не отставали от меня почти всю дорогу до лагеря.

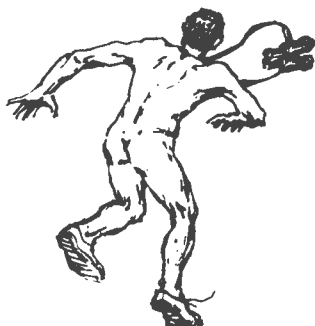
Там я наскоро влез в брюки, схватил винтовку и приготовился дорого продать свою жизнь. К счастью, Утек и остальные мужчины вернулись как раз в тот момент, когда разъяренная женщина со своей дьявольской командой устремилась на меня; сражение было предотвращено.

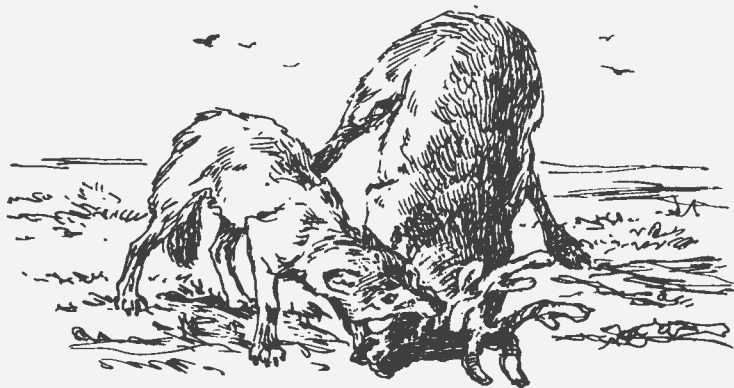
Когда страсти улеглись, Утек рассказал, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Один мальчуган, собирая ягоды, неожиданно увидел, как я, голый, скачу по холмам вслед за волками. С круглыми от изумления глазами он поспешил к матери и рассказал о необыкновенном явлении. Она, эта храбрая душа, решила, что я не иначе как сошел с ума (эскимосы вообще считают, что все белые

весьма близки к этому) и собираюсь, безоружный, в голлом виде, напасть на стаю волков. Кликнув свой выводок и вооружившись чем попало, она помчалась на выручку. До конца нашего пребывания в становище добрая женщина относилась ко мне с такой заботой, смешанной с опаской, что я почувствовал безмерное облегчение, когда распрощался с ней.

Не очень-то меня позабавило и замечание Утека, когда мы поплыли вниз по реке и маленькое становище скрылось из виду.

— Очень жаль, — мрачно сказал он, — что ты снял штаны. По-моему, в штанах ты бы ей больше понравился.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Меня крайне заинтересовало совершенно необъяснимое поведение стаи волков на охоте за карибу возле эскимосского становища. И я по обыкновению спросил об этом Утека. В своей терпеливой, мягкой манере он еще раз попытался наставить меня на путь истинный.

Прежде всего, объяснил он, здоровый взрослый олень легко обгоняет волка; даже трехнедельный теленок способен обскákat почти любого волка, разве что за исключением самого быстрого. Карибу это отлично знают и в нормальных условиях не боятся волков. Волки тоже все прекрасно понимают и, будучи очень смышленными, редко пытаются догнать здорового карибу — они заранее уверены, что такое занятие окажется бессмысленной тратой сил.

Вместо этого, рассказал Утек, волки предпринимают систематическую проверку состояния оленей, с тем чтобы выявить неполноценных. В больших стадах такого рода испытания сводятся к тому, что волки вспугивают оленей и гонят их достаточно долго, стараясь определить больных, раненых или вообще слабых животных. Коль скоро такой инвалид обнаружен — все волки устремля-

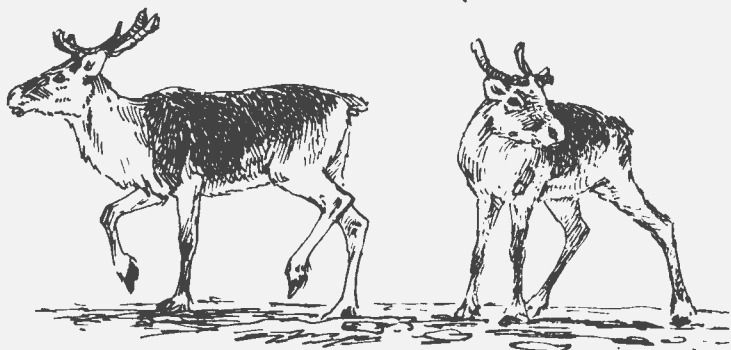
ются за ним, стремясь зарезать. Если же в стаде не удалось обнаружить слабых, преследование прекращается и волки пробуют счастье на другом стаде.

В тех случаях, когда олени встречаются довольно редко, хищники используют иной прием: несколько волков сообща гонят небольшое стадо карibu в засаду, где их поджидают другие волки из той же стаи. Если же попадаются одиночки, волки применяют своеобразную эстафету, то есть один волк гонит оленя по направлению к другому волку, находящемуся на некотором расстоянии, а тот, в свою очередь, продолжает преследование. Оба этих приема во многом сводят на нет упомянутые преимущества в беге, тем не менее жертвами волков, как правило, оказываются все же наименее крепкие и выносливые олени.

— Я же тебе говорил, — пояснил Утек, — карibu кормят волков, а волки делают карibu сильными. Кабы не волки, карibu совсем вымерли бы от болезней.

Утек утверждал, что, убив оленя, волки прекращают охоту, пока не кончится все мясо и голод не заставит их снова приняться за дело. Признаться, эти его слова были для меня совершенной новостью — ведь я, как и все другие, привык считать, что волки не только способны поймать почти любое живое существо, но, движимые ненасытной кровожадностью, убивают все находящееся в пределах достижимого.

Все волчьи охоты, которые мне впоследствии довелось наблюдать, как правило, проходили по тому же образцу, что и первая из увиденных. Картина выглядит так: волки (числом от одного до восьми) рысцой трусят между рассредоточенными группами оленей, которые будто и не подозревают о присутствии своих «смертельных врагов». Время от времени волк (а иногда два-три волка) выходит из цепи наступающих и делает неожиданный бросок в сторону ближайшего оленя, а тот выжидает, когда противник окажется в сотне метров, и затем, презрительно вскинув голову, спокойно скачет прочь. Волк останавливается и смотрит ему вслед. Если олень бежит

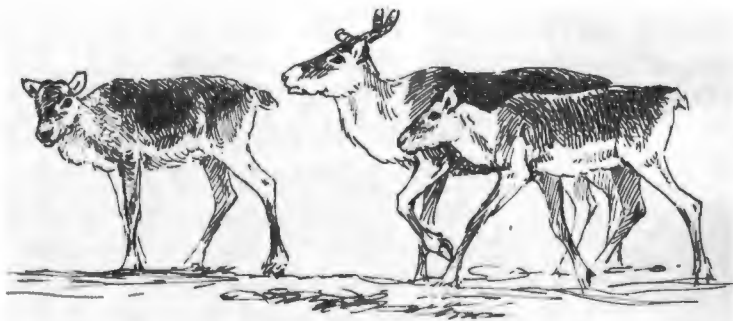
резво и, следовательно, находится в хорошем состоянии, хищник поворачивает обратно.

Такого рода испытания ведутся волками систематизированно. Мне вскоре удалось выяснить принятую систему отбора. В самом деле, волки чрезвычайно редко обременяют себя «выбраковкой» стад сытых взрослых быков, которые в это время года находятся в наилучшей форме — все лето они только и делали, что ели и спали. Волки не трогают их не потому, что быки — опасные противники (к слову сказать, их раскидистые рога — никуда не годное оружие), просто они не в состоянии догнать оленей и великолепно это знают.

Гораздо больший интерес для волков представляют смешанные стада, состоящие из важенок с телятами, ибо процент раненых, уродливых и болезненных особей, разумеется, гораздо выше среди молодняка, еще не прошедшего сурового естественного отбора.

Излюбленной мишенью для волчьей проверки являются также группы старых и яловых важенок. Случается, что ослабевший перестарок замешается в середину стада превосходных, сильных оленей, но волков не обманешь, они знают карибу как самих себя и непременно его заметят, а затем начнут, на мой взгляд, совершенно безнадежную проверку здорового и полного энергии стада.

Молодняк они обычно испытывают упорнее, чем взрослых оленей: иногда волк преследует однолетка на

расстоянии до трехсот метров, но, если на этой дистанции молодой олень не обнаружит признаков слабости или усталости, погоня прекращается.

Я обратил внимание, что волки вообще очень экономно затрачивают усилия и, по-моему, поступают в высшей степени мудро — ведь процесс отборки иногда длится часами, прежде чем волки встретят достаточно слабого оленя, которого есть надежда поймать.

Когда многократные попытки увенчаются успехом и такой олень наконец обнаружен, охота вступает в новую фазу. Атакующий волк не задумываясь пускает в ход всю энергию, которую приберегал в течение длительного поиска, и на невероятной скорости бросается в погоню за добычей. В случае удачи он вплотную приближается к стремительно скачущему оленю. Жертва, охваченная паникой, начинает делать отчаянные зигзаги, что, по-моему, просто глупо, так как позволяет волку срезать углы и еще быстрее достичь цели.

Вопреки еще одному догмату из широко распространенного мифа о волках мне ни разу не приходилось видеть, чтобы волк подрезал оленю поджилки. На самом деле все происходит так. Напрягая последние силы, волк постепенно обходит карibu и прыгает ему на плечо. Обычно толчка достаточно, чтобы олень упал; прежде чем ему удастся вскочить, волк успевает схватить его сзади за шею и прижать к земле; при этом он всячески уклоняется от бе-

шено машущих копыт — одного удара их достаточно, чтобы пробить грудную клетку волка.

Смерть наступает мгновенно и обычно бывает бескровной; я сомневаюсь, чтобы олени страдали больше, чем свиньи, которых забивают люди для собственного потребления.

В отличие от человека волк никогда не убивает ради забавы. Поймать и убить крупное животное ему нелегко. Случается, он охотится всю ночь напролет, пробежит около сотни километров по тундре, прежде чем добьется успеха (если вообще сумеет добиться). Это его дело, его работа, и если ему удастся добыть достаточное количество мяса для себя и своей семьи, то он предпочитает остальное время посвятить отдыху, дружеским встречам с сородичами или играм.

О «кровожадности» волков слагают легенды. Но я не знаю ни одного веского доказательства в пользу того, что волки режут больше оленей, чем могут использовать. Напротив, зимой, убив оленя, они посещают свою «кладовую» до тех пор, пока со скелета не сдерут последний кусок мяса. Если в тундре много чаек, ворон, песцов и других любителей поживиться падалью, волки нередко расчленяют тушу убитого животного и прячут в разных местах, подальше от места поимки. В летние месяцы, когда все семейство, включая волчат, вольно скитается по тундре, волки становятся лагерем у каждого добытого оленя, пока не уничтожат его полностью.

От шестидесяти семи убитых волками карибу, которых я обследовал уже после того, как волки съели все, что могли, в основном остались лишь кости, связки, шерсть и отбросы. В большинстве случаев крупные кости также были разгрызены и из них высосан костный мозг. А иногда даже череп оказывался вскрытым — грандиозная задача для волка.

Но вот что интересно: в подавляющем большинстве даже эти весьма скромные останки позволяли судить о перенесенных оленями болезнях или повреждениях. Чаще всего наблюдались деформации костей черепа,

вызванные некрозом. Стертые зубы свидетельствовали о принадлежности к старым и, следовательно, слабым животным. Свежеубитые олени туши, которые можно было бы исследовать еще целыми, встречались редко; но иногда мне удавалось оказаться на месте почти в самый момент умерщвления оленя волками, и я с редким нахальством прогонял законных хозяев. Они довольно робко, хотя и неохотно, удалялись. И вот что я обнаружил: некоторые олени оказались настолько зараженными паразитами (наружными и внутренними), что так или иначе должны были подохнуть в ближайшее время.

По мере того как бежали недели и лето близилось к концу, я все больше убеждался в справедливости слов Утека. Лично мне было абсолютно ясно, что в жизни оленей волки играют первостепенную роль, способствуют скорее сохранению оленьего поголовья, нежели его уничтожению, однако поверят ли в это мои наниматели? Да, чтобы их убедить, требовались незыблемые доказательства, предпочтительно материального характера.

С этой целью я начал собирать паразитов, которых находил на зарезанных волками карибу. Утек по обыкновению живо заинтересовался этой новой стороной моей деятельности, но радовался он недолго.

На всем протяжении истории соплеменники Утека питались почти исключительно олениной, причем преимущественно сырой или недоваренной (что объясняется нехваткой топлива для костров). Сам Утек был вскормлен на оленьем мясе, которое предварительно прожевывала для него мать: это была основная пища с тех пор, как его отняли от материнской груди. Неудивительно, что молодой эскимос считал мясо даром провидения, и ему не приходило в голову критическим оком взглянуть на «хлеб насущный». Когда же он увидел, как я извлекаю из тела карибу тысячи глистов и цист различных видов, то несказанно удивился.

Как-то утром Утек хмуро следил за тем, как я вскрываю старого оленя, особенно сильно зараженного паразитами. Я всегда старался подробно объяснить ему, чем занимаюсь. И сейчас, как мне показалось, было самое время, чтобы ознакомить его с основами паразитологии. Я извлек из печени карибу пузырь цисты размером с мяч для игры в гольф и объяснил, что это инертная стадия солитера: если его яйца будут съедены плотоядным животным, они постепенно превратятся в сегментированных паразитов длиной около десяти метров, которые аккурратно свернутся в клубок где-нибудь в кишечнике нового хозяина.

Утеку сделалось не по себе.

— Ты хочешь сказать, когда это съест волк? — с надеждой спросил он.

— *Наак*, — ответил я, щеголяя знанием эскимосского языка, — не только волк, но и песец, и даже человек. Солитер разовьется в любом из них, хотя в человеке, пожалуй, несколько хуже.

Утек вздрогнул и поскреб живот, будто почувствовал болезненное ощущение в этом месте.

— К счастью, я не люблю печенку, — с облегчением вздохнул он, уцепившись за этот спасительный факт.

— Ну глисты в теле карибу встречаются повсюду, — сказал я с энтузиазмом эксперта, просвещающего профана. — Смотри. Видишь точки в мясе огузка? Белые люди называют такое мясо «финнозным». Это покоящаяся форма другого паразитического червя. Правда, я не знаю, развивается ли он в человеке. Но вот такие, — и я ловко извлек из рассеченного легкого нитеобразные нематоды длиной свыше двадцати сантиметров каждая, — такие встречаются и у людей; они способны удушить человека.

Утек зашелся в припадке кашля, и его кирпичное лицо побледнело.

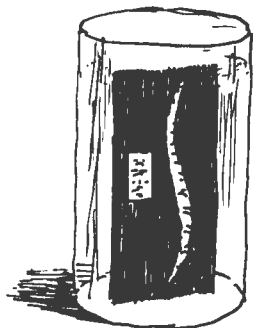
— Довольно, — взмолился он, — замолчи! Я сейчас же вернусь в лагерь и стану думать о других вещах, пока не забуду все сказанное тобой. Нет, ты недобрый! Ведь если

это правда, то мне остается только питаться рыбой, как выдре, или умереть с голоду. Но, может, это только шутка белого человека?

И он с такой трогательной надеждой взглянул на меня, что я сразу отказался от менторского тона, так как понял, в какой ужас поверг человека.

Я деланно рассмеялся.

— *Еема*, Утек. Ну, конечно, я пошутил. Это только шутка. А теперь ступай в лагерь и приготовь на ужин бифштексы. Только, — я не смог удержаться от невольной мольбы, — прожарь их как следует!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В середине сентября выгоревшая тундра угрюмо побурела; лишь там, где ранние заморозки тронули низкие ягодники, ее оживлял красновато-коричневый оттенок. Болотистые пастбища вокруг Волчьего Дома покрылись сетью свежих троп, проложенных идущими на юг стадами карибу, и жизненный уклад волков изменился.

Волчата покинули летнее логовище и хотя еще не могли сопровождать Ангелину и двух самцов на большую охоту, но уже принимали участие в ближних вылазках. Они начали познавать мир, и эти осенние месяцы были счастливейшими в их жизни.

Когда мы с Утеком возвратились домой после путешествия по центральной тундре, то обнаружили, что наша семья волков бродит широко по своему участку и проводит дни там, где увлечется охотой.

В меру своих сил и возможностей я делил с ними бродячую жизнь и безмерно наслаждался. Комары исчезли. По ночам иногда подмораживало, но дни стояли теплые и ясные.

В один из таких ласковых, солнечных деньков я направился на север от оза, вдоль гряды холмов, которые

возвышались над обширной долиной. Долина была богата кормами и служила оленям излюбленной магистралью, ведущей на юг.

На белесом небе тучей сажи висели вороньи стаи, сопровождающие стада оленей. Выводки тундрянок-куропаток кричали в зарослях стелющегося кустарника. Стайки морянок, готовых к дальнему перелету, бороздили озерки тундры.

В долине подо мной медленно катился поток карибу — стадо за стадом. Продолжая пастись, они бездумно двигались на юг; их направлял инстинкт, более древний, чем наши познания.

В нескольких километрах от оза, где находилось волчье логово, мне посчастливилось найти нишу на вершине утеса, и я устроился весьма удобно: спиной уперся в шероховатую, нагретую солнцем скалу, колени подтянул к подбородку и навел бинокль на живой поток внизу в надежде увидеть волков.

И я не обманулся в своих ожиданиях. Около полудня на гребне поперечной гряды, чуть к северу от меня, появились два волка. Через некоторое время к ним присоединились еще два взрослых волка и четверо волчат. После обычного ритуала — прыжков, взаимного обнюхивания и помахивания хвостами — большинство волков улеглось, но некоторые продолжали сидеть и лениво наблюдали за оленями, которые двигались по обеим сторонам долины, в нескольких сотнях шагов от волков.

Я сразу узнал Ангелину и Георга. Что же касается другой пары волков, то один из них смахивал на «дядюшку» Альберта, а другого — стройного темно-серого зверя — мне прежде не доводилось встречать. Я так и не узнал, кто он и откуда, но до конца моего пребывания в тундре он неизменно оставался в стае.

Среди волков, точнее, среди всего живого вокруг, включая оленей и меня самого, только Георг проявлял некоторую активность. В то время как остальные блаженно грелись на солнышке, Георг неугомонно сновал взад и вперед по гребню хребта. Разок-другой он

останавливался перед Ангелиной, но та не обращала на него никакого внимания и только лениво помахивала хвостом.

Сквозь дремоту я заметил, как на склон гряды, где отдыхали волки, поднялась важенка — очевидно, наткнулась на участок, густо поросший лишайником. Она, несомненно, видела волков, но продолжала двигаться в их направлении и вскоре оказалась метрах в двадцати от одного из волчат. Волчонок, внимательно следивший за ней, поднялся на ноги и, к моему великому удовольствию, стыдливо оглянулся через плечо на остальных волков, а затем, повернувшись, пополз к ним с поджатым хвостом.

Даже Георг, этот матерый хищник, который медленно приближался к важенке, вытянув нос и приплюсываясь, не смог нарушить ее безмятежного спокойствия. И только когда он, оскорбленный в своих лучших чувствах, сделал ложный выпад в ее сторону, важенка высоко вскинула голову, повернулась на задних ногах и галопом помчалась в долину — скорее возмущенная, нежели испуганная.

Время шло, живой поток продолжал двигаться, и я уже потерял всякую надежду на захватывающее зрелище — видимо, придется удовлетвориться коротенькой интермедией, разыгранной между волком и важенкой; очевидно, волки сыты и наслаждаются послеобеденной сиестой. Но я ошибся — Георг что-то задумал.

Он в третий раз подошел к Ангелине, лениво разлегшейся на боку, и на этот раз не принял отказа. Право, не знаю, что уж он ей сказал, но, верно, что-то дельное — волчица поднялась, отряхнулась и послушно двинулась за ним. А Георг тем временем направился к другой паре — Альберту и Незнакомцу — и принялся их обнюхивать. Выслушав его предложение, те в свою очередь поднялись на ноги. Волчата, всегда готовые принять участие в любом мероприятии, с восторгом присоединились к взрослым. Встав в круг, вся стая подняла морды и завывала —

точь-в-точь как они это делали у логова перед ночной охотой.

По правде говоря, меня удивило, что они готовятся к охоте так рано, среди белого дня, но, пожалуй, больше всего меня поразило, что олени никак не отреагировали на волчий хор. Лишь некоторые из них лениво подняли головы и равнодушно взглянули в сторону волков, а затем снова принялись за мирную пастьбу. Я не успел осмыслить происходящее, как Ангелина, Альберт и Незнакомец убежали, оставив волчат сидеть рядком на самом гребне; прямо перед ними расположился Георг. Один из волчат кинулся было вслед за волками, но Георг двинулся на него, и тот поспешно вернулся на место.

С юга тянул слабый ветер, и трое волков тесной кучкой пошли ему навстречу. В долине они побежали рысцой, растянувшись цепью и неторопливо минуя группы мирно пасущихся карибу. Оленей по обыкновению это ничуть не встревожило: ни один из них не отбежал в сторону — разве только когда возникала прямая угроза столкновения.

Волки, в свою очередь, не обращали внимания на оленей и равнодушно пробегали мимо небольших табунков, среди которых было немало однолеток. Они не тронули никого, а целеустремленно продолжали свой путь и вскоре оказались почти против моей ниши. Тут Ангелина остановилась и села, остальные последовали ее примеру. Вновь началось обнюхивание, затем волчица встала и повернулась к гребню, где все еще маячили волчата и Георг.

Между двумя группами волков оказалось, по крайней мере, сотни две оленей, к тому же из-за восточного отрога поперечного хребта непрерывно подходили новые стада. Волчица охватила их всех внимательным взглядом и вместе с компаньонами двинулась дальше. Развернувшись в одну линию, с интервалом в двести—триста метров, так что захватили почти всю долину, волки побежали на север.

Они не очень спешили, но в их маневре появилась целеустремленность, которую олени разгадали; впрочем, возможно, такое построение волков просто-напросто мешало оленям использовать свою привычную тактику — отбегать в сторону. Так или иначе, но стадо за стадом поворачивало на север, и в конце концов большинство оленей двинулись обратно той дорогой, по которой пришли.

Оленям не нравилось, что их куда-то гонят, и несколько стад пытались прорвать линию наступления, но каждый раз два ближайших волка сходились и заставляли непокорных идти на север. Однако трем волкам было не под силу контролировать всю долину; олени вскоре сообразили, что можно прорваться на открытых флангах и продолжать движение на юг. И все же, когда волки приблизились к гряде, где их ждала группа Георга, они гнали перед собой не менее ста оленей.

Теперь карibu по-настоящему забеспокоились. Почти сплошная живая масса распалась на небольшие стада, которые галопом помчались в разные стороны. Группа за группой уходила в сторону, а волки даже не пытались этому воспрепятствовать. Как только преследователи проскакивали мимо какого-нибудь табуна, карibu останавливались и выжидали момент, чтобы возобновить прерванный бег на юг.

Я начал понимать замысел волков. Они сконцентрировали все внимание на небольшом стаде, состоящем из дюжины важенок и семи однолеток. Любая попытка стада свернуть влево или вправо немедленно пресекалась. Олени вскоре вынуждены были отказаться от маневрирования и положились на быстроту, стремясь уйти от преследователей по прямой. И это им, очевидно, удалось бы, но, когда они пронеслись мимо ивняка, что рос в конце гряды, с фланга ударила лавина волков.

Из-за дальности расстояния не все удалось разобрать, но я разглядел Георга, который гнался за важенкой с двумя телятами. Вот он настиг их... и вдруг свернул в сторону. За ними, словно серые пули, летели двое волчат. Они

кинулись за ближайшим олененком, но тот начал быстро увертываться. Один из волчат, стремясь срезать угол, поскользнулся и покатился через голову, но тут же вскочил и продолжил погоню.

Остальные волчата замешкались между оленями, и я не понял, что там произошло; когда же стадо во весь карьер помчалось дальше, волчата неслись по пятам, но не выдержали темпа и отстали.

Отбившийся от стада олененок тоже начал уходить от погони. Все четыре волчонка продолжали скакать изо всех сил, хотя догнать оленей уже не было ни малейшего шанса.

Ну а что же взрослые волки? Когда я обернулся и навел бинокль, то увидел Георга — он стоял на том же месте, где я видел его в последний раз; медленно поводя хвостом, он следил за охотой. Тем временем остальные волки поднялись на гряде. Альберт и Незнакомец тут же улеглись, но Ангелина продолжала наблюдать за бегущими оленями.

Волчата вернулись только через полчаса. Они так устали, что едва взобрались на гребень к старшим, которые теперь лежали спокойно и отдыхали. Волчата, тяжело дыша, плюхнулись рядом, но никто из взрослых не обратил на них ни малейшего внимания.

На сегодня занятия в школе были окончены.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сентябрь сменился октябрем, морозные ночи сковали болота, покрыли льдом озера, но я с удовольствием проводил все время в тундре, продолжая вести псевдovolчий образ жизни. Однако мне не хватало свободы волков — меня призывали в избушку Майка будни исследовательской работы. Увы, следуя теории (моей собственной, но не моих работодателей), что все время необходимо посвящать наблюдениям за жизнью и повадками волков, я пренебрег бесчисленными побочными исследованиями, предписанными Оттавой. Теперь, когда времени оставалось в обрез, я почувствовал, что должен (хотя бы для проформы) как-то угодить начальству.

Помимо непосредственных заданий, мне вменялось в обязанность проводить ботанические наблюдения: во-первых, собрать гербарий местной флоры, во-вторых, провести исследование плотности растительного покрова и определить процентное отношение входящих в него различных растений и, в-третьих, произвести качественный анализ их состава и питательной ценности (с точки зрения оленей).

Времени на все это не оставалось, и в качестве компромисса я взялся за исследования плотности покрова.

Обычно для этого пользуются кругом Раункиера — инструментом, придуманным не иначе как самим дьяволом. С виду это невинная вещица, обыкновенный металлический обруч; но на деле это дьявольский механизм, предназначенный сводить с ума нормальных людей. Пользуются им так: нужно встать на открытом участке болота, закрыть глаза, повернуться несколько раз, словно волчок, и бросить круг как можно *дальше*. Вся эта сложная процедура, якобы обеспечивающая бросок «наугад», на самом деле неизбежно приводила к тому, что я каждый раз терял круг и тратил уйму времени на поиски.

Но это еще полбеды. Настоящая беда начиналась, как только он отыскивался. Я, видите ли, должен был собрать все, даже самые крошечные, растения, попавшие в пределы этого заколдованного круга, определить, что это за растения, и установить количество видов, а затем подсчитать общее число растений каждого вида.

Кажется, просто? Отнюдь. Все растения в тундре мелкие, иногда почти микроскопические. Первая же попытка стоила мне доброй половины дня, сильного перенапряжения зрения и приступа люмбаго — таков результат многочасовой работы, которую пришлось выполнять с пинцетом в руках, скорчившись над обручем.

На первых порах мне удалось отговорить Утека от намерения сопровождать меня в эти экспедиции — я просто был бессилён объяснить ему цель проводимых работ. Тем не менее на третий день моих мучений он внезапно появился на ближайшей гряде и радостно устремился ко мне. Я приветствовал его весьма сухо — сердечность не входит в число моих добродетелей — и, с трудом выпрямившись, произвел очередной бросок. Эскимос наблюдал за мной с большим интересом.

Но я устал, был расстроен, во мне не осталось силы, и поэтому круг отлетел недалеко.

— *Швианак!* Плоховато, — пренебрежительно заметил Утек.

— Будь оно проклято, — вспыхнул я. — Посмотрим, сможешь ли ты кинуть лучше.

Видимо, сам ангел-хранитель подсказал мне этот спасительный вызов. Утек снисходительно усмехнулся. Сбегал за обручем, поднял его, затем отвел руку, словно метатель диска, и бросил. Круг взлетел, подобно вспугнутой куропатке, сверкнул в лучах солнца, достигнув вершины своей траектории, плавно опустился над ближайшим тундровым озерком, почти без всплеска врезался в воду и исчез.

Утек был сражен неудачей. Лицо его вытянулось, он ждал взрыва моего гнева. Бьюсь об заклад, добрый малый так и не понял, почему я заключил его в объятия и принялся весело отплясывать с ним джигу. Затем мы вернулись в избушку и вдвоем распили последнюю драгоценную бутылку «волчьего коктейля». Но, несомненно, этот случай укрепил Утека во мнении, что пути белого человека поистине неисповедимы.

После того как с изучением флоры было невольно покончено, передо мной встала следующая неприятная задача — завершить исследования волчьих экскрементов.

Поскольку в Оттаве скатологии придавали исключительно важное значение, мне было предписано уделить часть времени на сбор и анализ волчьего кала. Не скажу, чтобы я был поглощен этим занятием, но, бродя по тундре, я при случае не оставлял помёт без внимания. С помощью длинных хирургических щипцов я собирал его в небольшие брезентовые мешочки и на каждый вешал ярлык с указанием места и времени сбора кала. Мешочки эти хранились в избушке, под моей койкой; к концу сентября удалось собрать такую

внушительную коллекцию, что из-за недостатка места образцы сыпались на пол и растаскивались по всей избушке.

По различным причинам я откладывал анализ находок; не последним поводом для этого послужило присутствие Утека и Майка — я мысленно представил себе, какую физиономию они скорчат, когда узнают, чем я занимаюсь. Поэтому сборы кала я постарался всячески засекретить; Майк и Утек могли, разумеется, заинтересоваться содержимым мешочков, но были слишком деликатны (а возможно, попросту боялись моего ответа — мало ли что я мог сказать) и не спрашивали меня ни о чем. Несмотря на то что они притерпелись к неприятным сторонам моей профессии, мне не хотелось быть излишне бесцеремонным, и я все откладывал анализы, пока одним октябрьским утром они не ушли вдвоем охотиться на карибу, предоставив лагерь в мое единоличное распоряжение. Я воспользовался этим и взялся за выполнение малоприятного задания.

От долгого хранения собранный помет стал твердым как камень, и, прежде чем приступить к обработке, его требовалось размочить. Поэтому я перетащил мешочки на берег реки и, сложив в два оцинкованных ведра, залил водой. Пока они размокали, я приготовил инструменты, блокноты и прочее снаряжение и разложил все на большом плоском камне, пригреваемом солнцем и обдуваемом ветерком. Мне казалось, что предстоящую работу лучше всего проводить на воздухе.

Теперь оставалось только надеть противогаз. Да, да, я не обмолвился, именно противогаз. Меня снабдили не только противогазом, но и ящиком слезоточивых гранат — с их помощью я должен был выгонять волков из логова, чтобы пристрелить, когда мне понадобятся образцы для анатомирования. Но, само собой разумеется, так низко я ни разу не пал, даже когда еще не успел узнать волков и не подружился с ними. Гранаты я давным-давно утопил в ближайшем озере, но противогаз

сохранил, так как он за мной числился. И вот предмет, долгое время бывший обузой, теперь пригодился — ведь иногда в волчьем кале содержатся яйца исключительно опасного паразита: стоит им попасть в организм человека (случайно при вдохе), как там из них развиваются мельчайшие личинки, которые попадают в мозг и инцистируются, обычно с роковым исходом — как для себя, так и для человека.

Убедившись, что первая порция кала размокла, я напялил маску, выложил помет на белое эмалированное блюдо, позаимствованное в хозяйстве Майка, и принялся орудовать щипцами и скальпелем. С помощью лупы я определял составные части и результаты заносил в записную книжку.

Процесс был весьма трудоемкий, но любопытный. И вскоре я так погрузился в работу, что совершенно забыл обо всем окружающем. Когда же часа через два я с трудом выпрямился, чтобы размяться, и случайно глянул в сторону избушки, то неожиданно увидел перед собой человек двенадцать незнакомых эскимосов, которые с выражением несказанного удивления и испуга уставились на меня.

Ну и положение! Я пришел в такое замешательство, что совершенно забыл о противогазе с его хоботом и стеклянными выпученными глазами и попытался приветствовать незнакомцев. Но мой голос, пройдя через прессованный уголь и резиновую трубку, прозвучал глухо и печально, словно ветер над могилой, и это окончательно повергло эскимосов в ужас. Стремясь исправить впечатление, я поспешно сорвал маску и шагнул вперед, но эскимосы с четкостью, сделавшей бы честь любому слаженному опереточному кордебалету, быстро отступили и продолжали глядеть на меня с диким изумлением.

Отчаянно пытаюсь показать свои добрые намерения, я заулыбался во весь рот и оскалил зубы, что было принято за дьявольскую усмешку. Гости отступили еще

на два шага, некоторые из них с опаской перевели взгляд на блестящий скальпель, зажатый в моей правой руке.

Они явно готовились к бегству. Мне едва удалось спасти положение. Вспомнив соответствующие иннуитские¹ слова, я выпалил нечто вроде официального приветствия. После долгой паузы один из эскимосов собрался с духом и робко ответил; постепенно они перестали смотреть на меня, словно выводок цыплят на гремучую змею.

Правда, оживленной беседы не получилось, но из последовавшего высокопарного разговора выяснилось: эти люди — часть племени Утека, они провели все лето далеко на востоке и только что вернулись в родное становище, где им рассказали о странном белом человеке, который поселился в избушке Майка. Тогда они решили взглянуть на необыкновенного чужестранца собственными глазами, но все ранее услышанное не шло ни в какое сравнение с тем, что им довелось увидеть.

Во время разговора я заметил, что кое-кто из ребятишек и взрослых украдкой бросает взгляд на ведра с пометом и на эмалированное блюдо, заваленное шерстью и костями полевков. У всякого другого народа это могло быть проявлением праздного любопытства, но я уже достаточно долго прожил среди эскимосов и научился понимать их мысли, даже весьма уклончивые. Проявленный ими интерес я воспринял как тонкий намек на то, что после долгого пути они не прочь попить чайку и закусить.

В отсутствие Майка я остался за хозяина: памятуя, что гостеприимство — высшая добродетель на Севере, я пригласил эскимосов на ужин к себе в избушку. Они, по-видимому, все поняли, приняли предложение и оставили меня заканчивать анализ последней кучки помета,

¹ Эскимосы называют себя иннуитами, что на их родном языке означает «люди». — *Примеч. пер.*

а сами поднялись на соседнюю грядку, чтобы разбить там походный лагерь.

Результаты анализов оказались очень интересными. Примерно на 48 процентов помет содержал остатки грызунов, преимущественно зубы (резцы) и шерсть. Остальные определяемые пищевые остатки включали кусочки костей и шерсть оленей, немного птичьих перьев и, как ни странно, медную пуговицу, сильно пострадавшую от действия желудочного сока, но сохранившую изображение якоря и каната, — такие обычно носят служащие торгового флота. Не представляю, каким образом пуговица могла закончить свой путь там, где оказалась, но, разумеется, ее никак нельзя считать вещественным доказательством того, что волк сожрал какого-то заблудившегося матроса¹.

Я тщательно вымыл ведра и наполнил их чистой водой, которая потребуется, чтобы приготовить несколько галлонов чая. За этой процедурой серьезно наблюдали два маленьких эскимосских мальчугана. Когда я с ведрами зашагал к избушке, они помчались на грядку с великой новостью, которой им, видимо, не терпелось поделиться со взрослыми: их энтузиазм вызвал у меня улыбку.

Однако мое веселое настроение вскоре улетучилось. Через три часа ужин был готов (он состоял из рыбных тефтелей по-полинезийски с кисло-сладким соусом собственного изобретения), а гости не показывались. Стемнело, и я начал беспокоиться, не произошло ли какого недоразумения относительно времени ужина. В конце концов я надел парку, взял электрический фонарик и пошел на поиски эскимосов.

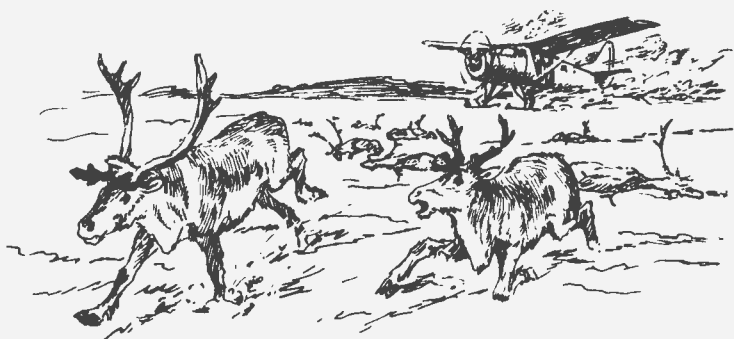
Я их не нашел. Чтобы не томить читателя, скажу сразу: никогда в жизни я их больше не встречал. Место сто-

¹ Достоверных сведений об убийстве людей волками на Канадском Севере не существует, но соблазн обвинить хищников и в этом времени оказывается почти непреодолимым. — *Примеч. авт.*

янки было покинуто, а люди исчезли, будто их поглотила тундра.

Меня это очень озадачило и, по правде, немного обидело. На следующий день вернулся Утек, и я рассказал ему всю историю и потребовал объяснения. Он задал множество вопросов о ведрах, помете и других вещах, по-моему, не имеющих ровно никакого отношения к происходившему. В результате он обманул мои ожидания — впервые за все наше знакомство. Он заявил, что сейчас просто не может объяснить, почему мое радушие так грубо отвергли... Он не объяснил этого и позже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Приближалось время расставания с Волчьим Домом — не потому, что мне этого хотелось, но потому, что, так или иначе, волки скоро уйдут отсюда на свои зимние квартиры.

В конце октября, когда зима вступила в свои права на открытой тундре, карибу устремились в чужой, но защищенный от ветра мир лесов. И куда бы они ни шли, волки следовали за ними, потому что, когда мороз скует бескрайние голые равнины, там больше нечего будет есть.

С начала ноября до апреля волки и олени странствуют совместно по редкой тайге¹, состоящей из низкорослых елей и сосен и лежащей севернее границы леса. В годы изобилия зайцев волки охотятся главным образом на них, но всегда предпочитают держаться рядом с оленями — ведь только карибу могут спасти их в случае голода.

Обычно каждая волчья семья держится обособленно, однако не редкость, если два, а то и три семейства объединяются в стаю. По-моему, здесь нет твердых правил, и каждая стая может в любое время распаться на состав-

¹ Автор употребил этот русский термин для обозначения лесотундры. — *Примеч. пер.*

ные части. Однако существует граница максимальной численности. Зимняя охота требует совместных дружных действий нескольких волков — иначе успеха не будет; но если охотников слишком много, то добытого мяса на всех не хватит. Пять—десять волков — вот идеальный размер стаи.

По-видимому, зимой не существует закрепленных территорий, и каждая группа охотится, где и как ей заблагорассудится. Когда встречаются две стаи, они приветствуют друг друга и расходятся по своим путям-дорогам.

Сосредоточенность нескольких стай в одном месте — случай весьма редкий. Но я так и не сумел выяснить, как они ухитряются держаться разрозненно и тем самым избегают опасности скопления в районах, где мало пищи. Индейцы из племени чиппевеев утверждают, будто волки достигают этого посредством пахучих пометок: они оставляют своеобразные весточки на всех видных местах, камнях или деревьях, вокруг озер и вдоль проторенных троп. Факт остается фактом: зимой кочующие стаи волков следуют за такими же кочующими стадами оленей и не наступают друг другу на пятки (если только сильный голод не опустошит землю).

Для тундровых волков зима — время смерти.

В лесах они подвергаются дружному, умелому и свирепому нападению человека. Трапперы терпеть не могут волков не только как конкурентов в охоте за оленями, но и потому, что волки выводят из строя целые линии ловушек, захлопывают легкие капканы, поставленные на лисиц и песцов, а сами благополучно уходят. Кроме того, большинство белых охотников боятся волков, некоторые испытывают буквально смертельный страх, а, как известно, ничто так не возбуждает в человеке ненависть, как страх.

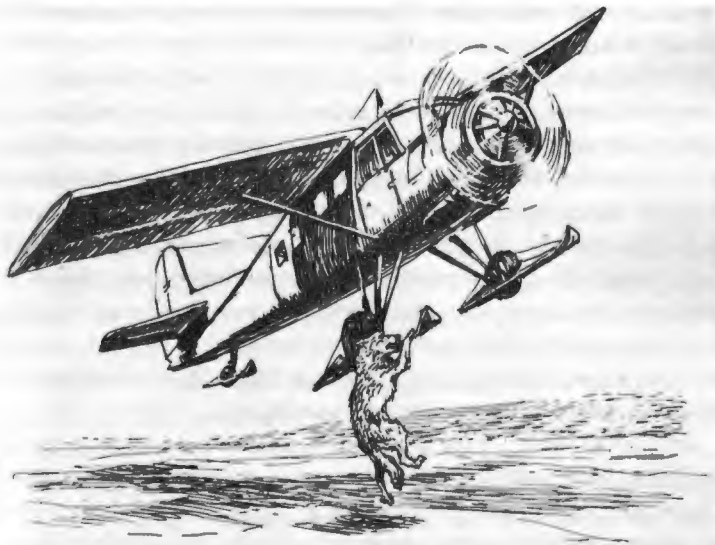
Самиими действиями федеральное правительство и власти в провинциях усугубляют эту злобу: устанавливают премии от десяти до тридцати долларов за каждого убитого волка; в годы низких цен на песцов и другую

пушнину эти премии превращаются, по существу, в субсидии, выплачиваемые трапперам и торговцам пушной.

Сколько сказано и написано об оленях, истребляемых волками! И как мало говорится об оленях, убиваемых человеком. В первом случае ложь получает широкую и официальную поддержку, во втором — правда замалчивается. А между тем в первую зиму моих исследований один траппер, промышлявший на границе между Манитобой и Киватином, получил премии за уничтожение ста восемнадцати волков, из которых сто семь были молодняком, родившимся минувшей весной. По закону он был обязан поймать их капканами или взять на ружье. Фактически же (так поступали и поступают все, пользуясь попустительством властей) он просто разбросал на огромном пространстве тундры невероятное количество приманок со стрихнином, в результате чего почти все песцы, лисицы, россомахи и более мелкие хищники были уничтожены. Но это не важно: песцы в тот год ничего не стоили. Зато за каждого убитого волка выплачивалась премия в двадцать долларов!

Волчьи капканы и отравы — основные средства истребления волков, но существуют и другие широко применяемые способы. К их числу относится охота с самолета, популярная среди спортсменов с высокоразвитым чувством гражданского долга — они готовы служить обществу, жертвуя своим временем и деньгами ради уничтожения хищников. Экипаж самолета, идущего на значительной высоте, внимательно высматривает волков на открытых местах, предпочтительно на льду озера. Обнаружив волка, самолет снижается и упорно гонит зверя до тех пор, пока тот в изнеможении не упадет; иногда зверь умирает раньше, чем в него влепят заряд картечи.

Но мне известен случай, когда такой способ охоты не принес желаемого успеха. Два джентльмена вылетели на собственном спортивном самолете, чтобы помочь миру избавиться от опасных хищников. В прошлые разы (а они охотились так не впервые) они убивали помногу, и пилот

стал почти виртуозом — он научился летать так низко, что почти касался волков лыжами самолета. Однако на сей раз он подлетел слишком близко. Загнанный волк повернулся, высоко подпрыгнул и вцепился в одну из лыж. Он погиб в последовавшей катастрофе, но вместе с ним погибли и охотники. Этот трагический случай был описан в популярнейшем спортивном журнале как пример коварства волков и безграничного мужества людей, идущих на бой с ними. Это, конечно, классический прием: когда бы и где бы люди бездумно ни убивали живое существо (это относится и к человеку), они стремятся всячески оправдывать свои действия и приписывают жертвам все мыслимые пороки. И чем меньше поводов для убийства, тем шире кампания, направленная на поношение убитого.

В Броше (Северная Манитоба), куда я переехал с залива Волчьего Дома на свою зимнюю базу, население было в высшей степени предубеждено против волков. Местные ревнители охоты с огорчением обрисовали мне

создавшееся положение: еще каких-нибудь двадцать лет назад жители городка убивали за зиму до пятидесяти тысяч оленей, а сейчас они счастливы, если удастся добыть хотя бы две-три тысячи. Карибу осталось мало, они становятся буквально музейной редкостью, и, по единодушному мнению всех, в этом повинны волки. Я пытался им возразить, ссылаясь на то, что волки резали оленей задолго до появления в Броше белых людей, и тем не менее поголовье их не сокращалось. Но собеседники обычно либо пропускали этот довод мимо ушей, либо, наоборот, приходили в совершенное неистовство.

Как-то в начале зимы ко мне в страшнейшем возбуждении ворвался торговец пушниной.

— Ну вот что, — вызывающе заявил он, — вы тут разоряетесь, будто нужно еще доказать, что волки истребляют стада. Так запрягайте собак и отправляйтесь на озеро Фишдак. Вы получите доказательства! Не прошло и часа, как мой траппер видел там пятьдесят оленей, зарезанных волками, причем едва ли тронут хотя бы кусочек мяса!

Сказано — сделано, и к концу дня в сопровождении индейца из племени кри я добрался до озера. Перед нами открылась картина отвратительной бойни: на льду валялись трупы двадцати трех карибу; снег вокруг превратился в темно-красную от крови кашу.

Траппер оказался прав — трупы действительно не были тронуты. Если не считать небольших повреждений, нанесенных песцами, кукшами и воронами, все убитые животные были целы, за исключением трех. У двух быков отсутствовали головы, а у важенки не хватало задней части.

К сожалению, это никак не могло служить доказательством работы волков. Волчьих следов на озере не было. Но зато имелись другие: четкие тройные полосы, оставленные лыжами и хвостовым костылем самолета, который во все стороны рулил по льду и оставил на снегу сеть пересекающихся извилистых линий.

Олени не были зарезаны волками, их застрелили: на некоторых трупах виднелось по несколько огнестрель-

ных ран. Один олень пробежал сотню метров, волоча по льду кишки, которые вывалились из раны в животе. У многих животных пулями были перебиты конечности или кости.

Объяснить трагедию оказалось делом несложным. Два года назад местные власти решили, что северные олени — неотразимая приманка для богатых американцев — любителей охотничьих трофеев.

Управление по туризму разработало специальную программу полного обслуживания сафари. Группы спортсменов, заплатив по тысяче долларов каждый, отправлялись в субарктические районы, иногда на правительственных самолетах, где им были гарантированы первоклассные олени рога.

Во время зимовки в лесотундре карибу обычно пасутся в лесу на заре и в сумерки, а светлое время дня проводят на льду озер. Поэтому пилоту охотничьего самолета остается только выбрать озеро, на котором отдыхает большое стадо карибу, и, полетав низко над ним, согнать оленей в тесную, кружащуюся на месте кучу. Затем самолет идет на посадку и, не выключая моторов, начинает рулить по льду вокруг обезумевшего от страха стада, не давая ему прорваться. Через открытые двери и иллюминаторы охотники ведут беглый огонь, пока не наколотят достаточное количество оленей, из которых можно будет выбрать действительно отличные трофеи. Они считают, что, коль скоро увеселительная прогулка стоит бешеных денег, им принадлежит незыблемое право добиваться успеха любой ценой. Остается предположить, что соответствующие правительственные органы вполне разделяют такую точку зрения.

По окончании стрельбы убитых оленей осматривают, и каждый охотник выбирает себе лучшую голову — полученная лицензия дает право «на отстрел только одного оленя». Любители оленины (если таковые окажутся среди охотников) отрезают задние ноги у нескольких карибу, а туши бросают на льду. Самолет берет курс на юг, и

через два дня спортсмены победителями возвращаются домой.

Мой проводник-индеец прошлую зиму работал гидом и видел, как творятся такого рода дела. Они не доставляли ему удовольствия, но он хорошо знал положение индейцев в мире белых и понимал, что лучше помалкивать.

Я оказался наивнее. На следующий день я подробно радировал куда следует о случившемся. Ответа не последовало, если не считать того, что власти провинции спустя несколько недель увеличили премию за каждого убитого волка до двадцати долларов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Выбраться с залива Волчьего Дома на юг, в Броше, было весьма сложно, но эта задача неожиданно решилась благополучно. Как-то утром Утек ворвался в избушку и объявил, что видел самолет. Действительно, к востоку от нас, над тундрой, лениво кружил «Норсмен» на поплавках.

Я уже давно потерял надежду, что пилот, который в свое время доставил меня к заливу Волчьего Дома, когда-нибудь вернется за мной, поэтому появление самолета привело меня в сильное волнение. Вспомнив о генераторах дыма, которыми меня предусмотрительно снабдили в Оттаве, я кинулся за ними. К моему удивлению, они работали. Мощная спираль густого черного дыма поднялась высоко в небо, и «Норсмен», который успел скрыться на западе, вернулся и теперь держал курс на мой сигнальный столб.

Он сел в заливе, и я на каноэ отправился к летчику, узколицему бесстрастному молодому человеку, усердно жующему жвачку. Ему было что мне рассказать. После того как долгие месяцы от меня не было вестей, мое ведомство не на шутку встревожилось: нет не только отчетов о

волках, но и казенное снаряжение стоимостью около четырех тысяч долларов кануло в безмолвной пустыне тундры. Положение не из приятных — стоит какому-нибудь дотошному представителю оппозиции об этом узнать, и он может раздуть дело и поставить вопрос в палате общин. А перспектива обвинения в халатном отношении к общественному имуществу пугает любое государственное учреждение.

Поэтому Королевская канадская конная полиция получила строгое предписание отыскать меня, но нити оказались ничтожно малыми. Пилот, доставивший меня в тундру, пропал без вести во время полета над районом реки Маккензи, и так как полиция не нашла никаких его следов, то, естественно, не смогла установить, куда он девал меня. После длительных поисков удалось выяснить, что в Черчилле ходят слухи, будто я являюсь тайным агентом, посланным со шпионскими заданиями на русские плавучие базы на полюсе. Полиция так и донесла в Оттаву, добавив, что подобные шутки ей не по душе; впредь, когда министерству потребуется что-нибудь отыскать, лучше говорить обо всем прямо и честно.

Летчик, который сел в тундре по моему сигналу, не был участником розысков, а занимался геологической разведкой и обнаружил меня совершенно случайно. Тем не менее он согласился отвезти на базу сообщение, которым министерство будет уведомлено, где находится государственное имущество, с добрым советом немедленно прислать самолет для его вывоза, пока реки и озера еще не замерзли.

С помощью Майка летчик подвел самолет к берегу, чтобы залить баки горючим из запасных бочек, находившихся в фюзеляже. А я тем временем, стремясь закончить некоторые недоделки, отправился на оз, к логову волков. Для завершения исследований жизни волчьей семьи мне оставалось выяснить, что же представляет собой логово внутри — надо установить его глубину, диаметр прохода, устроено ли гнездо и еще ряд вопросов. По вполне понятным причинам я не мог провести таких обмеров, пока ло-

гово было занято, а затем у меня оказалось слишком много работы, и я просто не успел за это взяться. Теперь, когда время поджимало, пришлось поторопиться.

Я побежал через тундру к логову и был от него примерно в километре, как вдруг позади послышался громopodobный рев. Это было так неожиданно, что я невольно бросился на мох. «Норсмен» пролетел надо мной в каких-нибудь пятнадцати метрах! Самолет весело качнул крыльями, посылая прощальный привет, и взмыл над гребнем волчьего оза, подняв пропеллером целое облако песка. Я поднялся, стараясь унять сердцебиение, и недобрый словом помянул весельчака.

На песчаном валу, у логова, как я и ожидал, волков не оказалось (да и не могло быть после трюка, выкинутого пилотом!). У входа в нору я снял толстые штаны, китель и свитер, взял электрический фонарик (батарейки в нем почти окончательно сели), а также мерную ленту и с трудом полез вниз по узкому наклонному туннелю.

Фонарик горел так тускло, что при его красноватом свете едва можно было различить цифры на мерной ленте. Я прополз меньше трех метров, опускаясь под углом в сорок пять градусов. Рот и глаза наполнились песком, и я начал страдать от приступа клаустрофобии¹, так как проход едва вмещал меня.

На трехметровой отметке ход круто повернул под прямым углом влево. Я направил фонарик в новом направлении и нажал кнопку. Под тусклым лучом впереди во мраке вспыхнули четыре зеленых огонька.

При виде их я буквально застыл на месте, а в голове забилась страшная мысль: в логове, помимо меня, находятся, по крайней мере, два волка!

И хотя, казалось, я был весьма близко знаком с волчьим семейством, в сложившейся ситуации бессмысленные, но, увы, прочно укоренившиеся предрассудки решительно взяли верх над разумом и опытом. Короче,

¹ Клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства. — *Примеч. пер.*

я так испугался, что прямо остолбенел. Оружия при мне не было, кроме того, в этой тесной темнице я мог действовать только одной рукой, чтобы отразить нападение. А что волки должны напасть, у меня сомнений не было — ведь даже суслик яростно защищается, когда его прижмут в угол норы.

Волки даже не заворчали.

Если бы не две пары неярко горящих глаз, можно было подумать, что их тут вовсе нет.

Состояние временного паралича начало проходить, и, несмотря на холодный день, я весь покрылся потом. В порыве безрассудной храбрости я сунул фонарик как можно дальше вперед, насколько позволяла рука.

Света едва хватило, чтобы узнать Ангелину и одного из волчат. Они тесно прижались к задней стенке логова и сидели неподвижно, точно мертвые.

К этому времени я вышел из шокового состояния, и инстинкт самосохранения вступил в силу. С быстротой, на какую только был способен, я пополз обратно, вверх по наклонному ходу, все время ожидая, что волки меня схватят. Но мне удалось благополучно добраться до выхода и выкарабкаться наружу, а волки все еще не подавали ни малейших признаков жизни.

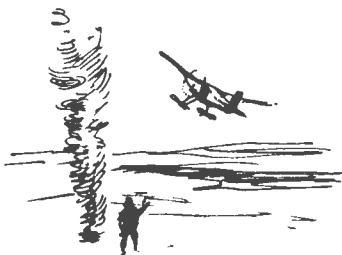
Я сел на камень, трясущимися руками достал сигарету и закурил — как бы доказывая самому себе, что, раз я курю, значит, не трушу. И тут меня охватила слепая ярость. Ей-богу, будь у меня винтовка, я мог бы поддаться животному инстинкту и убить обоих волков.

Сигарета догорела. С севера, где мрачнело свинцовое небо, подул ветер. Меня снова затрясло, на сей раз от холода, а не от злости. Гнев прошел, и я попытался в нем разобраться. Да, моя ярость была вызвана обидой, родившейся из страха: обидой на зверей, которые возбудили во мне неприкрытый ужас и тем самым нестерпимо оскорбили мое человеческое достоинство.

Но, подумать только, как быстро я все забыл, с какой готовностью отрекся от того, что за лето жизнь с волками позволила узнать о них... и о себе самом! Я подумал об

Ангелине и волчонке, прижавшихся друг к другу в глубине логова, где они искали убежища от грохота самолета, и мне стало стыдно.

Где-то на востоке завыл волк, негромко, вопрошающе. Я сразу узнал голос, слышанный много-много раз. Это Георг взывал в пустыне и ждал ответа от исчезнувших близких. Но для меня голос зверя говорил об утерянном мире, который некогда был и нашим, пока мы, люди, не выбрали иной путь; о мире, в который я заглянул, почти проник... лишь для того, чтобы в конечном итоге быть изгнанным самим собой.

ЭПИЛОГ

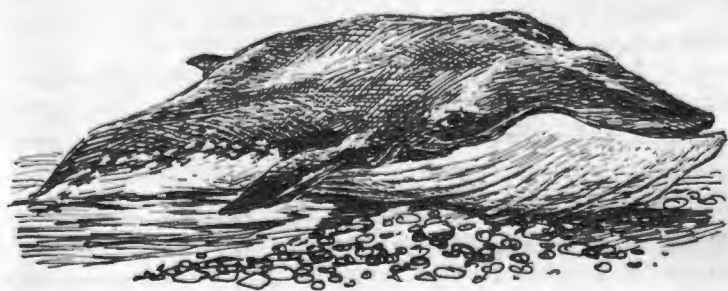
Зимой 1959 года канадская Служба охраны природы, продолжая борьбу с волками, направила в тундру Киватина специалистов по истреблению хищников. Прилетев на самолете, они разбросали в определенных пунктах приманки с ядом.

В начале мая один из них был высажен на лед в заливе Волчьего Дома. Он провел там несколько часов и повсюду оставил «подарки» со стрихнином, а у логова, которое оказалось занятым, расставил «истребители волков».

Ранняя весна помешала ему вернуться в Волчий Дом для проверки этой «научной акции».

Результаты ее неизвестны.

Кит
на заклание

Гадаем мы и водим хоровод,
А Истина безмолвно в центре ждет.

*Роберт Фрост.
Истина внутри круга*

Человек потерял контакт с природой планеты, построил свою жизнь на хитроумии и изобретательности и потому рассматривает животных сквозь лупу человеческих знаний, а она увеличивает пёрышко или шерстинку, но образ в целом лишь искажает. Мы относимся к животным свысока, полагая, что судьба их достойна сожаления, — ведь по сравнению с нами они весьма несовершенны. Но мы заблуждаемся, жестоко заблуждаемся. Ибо нельзя к животным подходить с человеческой меркой. Их мир старше нашего и совершеннее, и сами они — существа более законченные и совершенные, чем мы с вами. Они сохранили многие из чувств, которые человек растерял, и живут, прислушиваясь к голосам, которые недоступны нашему слуху. Животные — не меньшие братья наши и не бедные родственники: они — иные народы, вместе с нами угодившие в сеть жизни, в сеть времени; такие же, как и мы, пленники земного великолепия и земных страданий.

*Генри Бестон.
Дом на краю*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Над гористыми бесплодными землями Ньюфаундленда вздымались черные, как сажа, облака. Злобный норд-ост обрушивал вихри колючего снега на Порт-о-Баск — горстку малопривлекательных деревянных строений, беспорядочно разбросанных среди холодных скал и ледяных болот. Морозный пар поднимался над гаванью и сливался с клочьями облаков, летевших через пролив Кабота к холмам мыса Бретон и дальше, в сторону материка Северной Америки.

Сурово обходится январь с островом Ньюфаундленд. Сурово обошелся он и с нами — со мной, моей женой Клэр и еще сотней пассажиров высокого, похожего на гигантский амбар парома «Вильям Карсон». Обычно переход от порта Сидни на полуострове Новая Шотландия до Порт-о-Баска занимает шесть часов, но на сей раз из-за шторма он растянулся на целый день, и «Карсон», измученный борьбой с волнами и ветром, жестоко отыгрался на пассажирах за все свои обиды. Досталось и неживому грузу: десятитонный бульдозер, прикрепленный к палубе полудюймовыми тросами, сорвался с места и, пробив стальной фальшборт, исчез в зеленоватых водах пролива.

Пассажиры, бледные и несчастные, беспомощно лежали в пахнувших рвотой каютах.

Наконец «Карсон» пересек гавань, не без труда пришвартовался, и обрадованные, но все еще едва держащиеся на ногах мужчины, женщины и дети сошли на берег. Большинство из них тут же направилось к допотопным вагонам узкоколейки, которая не спеша повезет их за шестьсот миль отсюда, в Сент-Джонс, столицу острова, расположенную на его восточном побережье. Однако для целой группы пассажиров, в том числе и для нас с Клэр, попытка морским транспортом не кончалась в Порт-о-Баске. Наш путь лежал к разбросанным по всему юго-западному побережью рыбацким поселкам, которые тут называют «аутпортами».

Юго-западное побережье представляет собой сотни миль скалистых, обрывистых мысов и фиордов, и добраться до аутпортов можно только на борту каботажного судна, уходящего в рейс раз в неделю. Оно уже ожидало нас. Неказистый, неряшливый пароходик «Бюржо» ничем не походил на «Вильяма Карсона» с его показным величием. Но, несмотря на свою заурядную внешность, «Бюржо» отлично умел ладить с неподкупной морской стихией. Это было настоящее рабочее судно, а не плавучий мотель. Больше двадцати лет «Бюржо» без устали сновал вдоль сурового берега, оставаясь единственным связующим звеном между рыбацкими поселками. Для аутпортов, прилепившихся к скалам этого негостеприимного побережья и повисших буквально между небом и водой, каботажка — основное средство связи с внешним миром.

Когда-то «Бюржо» обслуживал около сорока поселков, но к 1967 году добрая половина из них опустела. «Нас ликвидировали», — говорили жители аутпортов, насильственно согнанные со своих мест. Поселения с вековой историей стали жертвой культа «прогресса», а затем на тот же алтарь был принесен и сам «Бюржо»: в 1969 году еще вполне работоспособный пароход продали на слом как никому не нужный анахронизм минувшего

века. Оставленный у причала в порту Сент-Джонс, он был ободран любителями сувениров; в трюмы его проник ледяной холод, царящий на всех погибших кораблях.

Однако в «Бюржо» еще теплилась жизнь. Темной зимней ночью, не дожидаясь, пока ацетиленовые горелки начнут вгрызаться в добрую шотландскую сталь его остова, «Бюржо» вернулся в родную стихию. Так тихо, что этого не заметил даже портовый сторож, пароход опустился на дно гавани, где покоится и поныне, — вечный укор портовым властям, незабвенный герой для многих тысяч рыбаков, знавших и любивших «Бюржо» в течение всей его долгой жизни.

Но в январе 1967 года «Бюржо» был еще в расцвете сил. Подгоняемые ветром и мокрым снегом, мы поднялись на палубу, где нас приветствовал капитан «Бюржо» Ро Пенней. Невысокий, ладный, подтянутый Пенней стеснялся женщин, и при виде Клэр он покраснел и опустил глаза.

— А! Вот вы и вернулись, — пробормотал он, обращаясь к палубе у себя под ногами. — Спускайтесь в каюту, обсушитесь. Ну и ненастье нынче, ну и ненастье...

Разговаривать со мной ему было куда легче.

— Поднимайтесь на мостик, шкипер Моуэт, — сказал он. — Будем отчаливать, пока норд-ост не разыгрался еще пуще.

С тех пор как мы с Клэр поселились на юго-западном побережье, мы совершили, по крайней мере, дюжину переходов на каботажке капитана Пеннея. Познакомились мы с ним в сумрачных фиордах залива Бей-Деспэр в 1961 году, когда, не справившись с починкой допотопного двигателя моей старенькой шхуны, я подвел ее к борту «Бюржо». На помощь мне пришел старший механик; больше того, сам капитан Пенней посетил мое скромное судно, предварительно испросив на то разрешение. Он оказал мне большую честь, назвав меня шкипером, и с тех пор постоянно величал меня так.

Я относился к нему с неизменным почтением; но, увы, Ро Пеннея, как и его судна, уже нет на свете. Весной

1970 года, во время жестокого шторма — можно сказать, настоящего урагана, — он, находясь в Сидни, получил сигнал бедствия от сейнера, тонувшего в проливе Каботта, и вышел спасать его на железнодорожном пароме «Патрик Моррис». Сейнер пошел ко дну, прежде чем «Патрик Моррис» до него добрался. В то время как капитан Пенней пытался выловить тело одного из погибших рыбаков, на «Моррисе» открылся люк в кормовой части, и паром начал тонуть. Капитан приказал команде покинуть судно, но, поскольку троих членов экипажа парома никак не удавалось разыскать, сам капитан отказался сойти в спасательную шлюпку. Этот тихий, скромный человек до последней минуты остался верен себе.

Капитан Пенней потянул за фал пароходного гудка; над беспокойными водами гавани печально разнесся густой и хриплый голос «Бюржо». Матросы отдали швартовы, и мы, пятясь, медленно отошли от причала. Миновав фарватерный буй, наш пароходик взял курс на восток, кренясь под напором сильного ветра и стараясь держаться поближе к маячившей сквозь снежную завесу земле, служившей нам хоть каким-то укрытием.

Я спустился в старомодный салон со старинными окошечками из оплетенных свинцом стеклянных ромбиков, с потертыми белыми скатертями и выдавшим виды, но отлично вычищенным столовым серебром. Там собралось большинство пассажиров — они подкреплялись чаем с бутербродами и дружелюбно болтали: на юго-западном побережье все знают друг друга, хотя бы понаслышке. Клэр сидела между пожилым рыбаком и его коренастой, говорливой женой. Наверху свистел в снастях норд-ост, под нами глухо билось сердце старенькой поршневой машины; нам докладывали последние новости побережья.

Слыхали ли мы, что правительство решило «ликвидировать» поселок Грей-Ривер?

— А я говорю, — насмешливо фыркнул рыбак, владелец небольшого траулера, — ничего из этого не выйдет. Чтоб ликвидировать Грей-Ривер, нужна баржа динамита,

не меньше. И то еще неизвестно — тамошнему народу и динамит нипочем. Уловы в последнее время никудышные.

— Уж больно штормило всю осень. Которые с лодок ловят, так почти ни разу и в море не выходили. Даже мы на траулерах больше от ветра бегали, чем промышляли.

Но нет худа без добра.

— Зато карibu — видимо-невидимо. К самой воде подходят, водоросли едят. Да, мяса в этом году — ешь, не хочу.

Он сочно причмокнул и подмигнул жене, которая поспешила вставить словечко.

— На острове Рамеа новую школу открыли, — затараторила она. — А Люси Финли, что из Москито-Харбор, опять родила, а, между прочим, муж ее уже десятый месяц на материке, на заработках. Помните студента, проповедника-то нового, которого как раз перед вашим отъездом назначили? Так вот он окрестил ребеночка, да и был таков. Но я его, кстати, не виню. У этой Люси теперь тринадцать, и ни один на мужа ее не похож, с какой стороны ни гляди.

Опустошив две чашки чаю и принявшись за третью, владелец траулера из вежливости поинтересовался, где мы были.

— В Европе, — сказал я и с законной гордостью бывалого путешественника добавил: — И в России. Сперва в Москве, потом всю Сибирь проехали, до самого Тихого океана. И на Северном Ледовитом побывали.

— В России! Да, далеко забрались... Что ж, небось приятно теперь домой в Бюржо возвратиться... Да, уловы у нас в этом году — дрянь. Но зато сельди — хоть руками бери! Пятьдесят лет такого не бывало!

Бюржо, конечный пункт нашего путешествия, давший название и пароходнику, на котором мы плыли, был самым крупным поселением на всем побережье. Последние пять лет мы считали Бюржо своим домом; и теперь, после шести месяцев самых разных переживаний и при-

ключений нам не терпелось вернуться домой и отдохнуть от треволнений современной цивилизации.

Бюржо расположен в девяноста милях восточнее Порт-о-Баска, в столь неприятном районе побережья, что, кроме живущих там рыбаков и моряков, о Бюржо мало кто знает.

К юго-западному побережью Ньюфаундленда примыкает бескрайняя водная равнина, простирающаяся вплоть до Южной Атлантики. Океанские воды редко бывают спокойны. Большую часть года штормовые ветры гонят гигантские волны на прибрежные гранитные утесы, за которыми поднимается высокое бесплодное плато, обиталище карибу, полярного зайца, белой куропатки — вот, в сущности, почти весь животный мир здешних мест.

Вдоль изрезанного фиордами побережья лежат скопления низких островов, многие из которых во время прилива скрываются под водой. Дно между островами усеяно бесчисленными подводными рифами, острыми, точно зубы дракона; местные рыбаки называют их «потопилками» — от одного этого слова пробирает озноб. В прошлом они погубили великое множество судов, и даже при нынешних чудесах электронной техники рифы внушают капитанам ужас, когда темной ночью на море обрушивается шторм или когда непроницаемый саван тумана покрывает и море и сушу.

Архипелаг Бюржо — одно из таких скоплений островов. Для западного мира их «открыл» в 1520 году португальский мореплаватель Хоаз Альварес Фагундес. Он назвал этот архипелаг «островами одиннадцати тысяч девственниц» в честь войска святой Урсулы Колонской, которая в XIV веке с небывалым в истории человечества простодушием повела одиннадцать тысяч девственниц в поход против язычников Святой Земли. Фагундес был, очевидно, великим циником, ибо эти оголенные ветрами, каменные острова абсолютно бесплодны, и к тому же их едва ли можно назвать девственным уголком земного шара.

Но зато море, омывавшее острова, было в те времена далеко не бесплодно. В нем кишела жизнь. Многочисленные стада тюленей, китов и моржей обитали в богатых планктоном водах вдоль обрывистых берегов и на прибрежных отмелях. А рыба! Лососья, трески, палтуса, пикши, морского языка водилось тут столько, что, даже стоя на берегу, охотники, вооруженные острогами, добывали множество рыбы — хватало, чтобы наполнить лодки до краев. В ненастье юго-западное побережье превращалось в сущий ад, но зато тут имелось немало удобных бухт; храбрецов, умеющих собирать жатву с морских угодий, здесь ждал богатый урожай — надо было только не бояться риска.

И начиная со времен Фагундеса, а скорее всего, и раньше, европейцы отважно шли на риск. Баскские китобои промышляли в этом районе еще в начале XVI века; туши загарпуненных левиафанов они вытаскивали на берег, где и перетапливали китовый жир. Следы баскских жироварен сохранились и поныне. За басками не замедлили последовать французы. Они ловили треску и строили на побережье летние базы, самые отдаленные из которых потом служили убежищем для беглецов с английских кораблей. Французские поселенцы вели весьма примитивное существование, почти как индейцы племени микмак, перебравшиеся на остров из Новой Шотландии, когда коренное население Ньюфаундленда, беотуки, было уничтожено европейскими завоевателями. Французы вступали в брак с микмаками, а позже к ним стали присоединяться беглые англичане и ирландцы, не вынесшие рабских условий на английских рыболовных судах, которые ежегодно посещали восточные и северо-восточные берега Ньюфаундленда; так на острове возникли люди новой, особой породы.

Это был народ суровый и независимый — иначе он бы просто не выжил. Будучи изгоями, ньюфаундлендцы не решались селиться большими деревнями. К тому же для промысла они располагали лишь гребными лодками и уходить далеко от дома не отваживались; в таких условиях

небольшие аутпорты избавляли рыбаков от борьбы за районы лова.

Поселения в одну-две семьи лепились, точно моллюски, к нависшим над морем скалам. Рыбакам достаточно было крохотной площадки, чтобы поставить хижины, и небольшой бухты неподалеку, чтобы укрыть лодки от непогоды. К концу XIX века на юго-западном побережье насчитывалось больше восьмидесяти рыбацких поселков. Каждый из них состоял из нескольких двухэтажных каркасных домов, окаймлявших бухточку, в которой, точно отдыхающие на воде птицы, плавали на привязи выводки поджарых плоскодонок и пузатых яликов.

Эти редкие крохотные вкрапления человеческой цивилизации, прилепившиеся к узкой береговой полосе, часто у подножия отвесных утесов, были отделены друг от друга многими милями беспокойного моря; но оно же и объединяло аутпорты, ибо они жили исключительно морем; море заменяло им дороги, оно любило их и повелевало ими, оно кормило их и убивало.

В глубине острова рыбаки находили лишь безлесные гранитные холмы, округлые голые громады, но в устьях нескольких рек росли ели и лиственницы, и, когда наступали зимние морозы, люди шли под прикрытие деревьев и жили там в примитивных бревенчатых хижинах, пока весна снова не посылала их к морю.

Тверда как гранит эта земля, а море холодно как лед; поколения здешних рыбаков прошли долгую череду испытаний, которые выдержали лишь те, кто сумел перенять у гранита и океана их первобытную мощь.

Сейчас жизнь стала легче, и все же ньюфаундлендцы — народ совершенно особый. Вплоть до 1950 года они не знали и знать не желали о том, что наша планета перешла в руки нового племени — в руки носителей технического прогресса. Ньюфаундлендцы продолжали жить, как жили их отцы и деды, в едином ритме с окружающей природой.

В 1957 году, когда я впервые попал на юго-западное побережье, мужчины и подростки там все еще рыбачили в открытых пятиметровых плоскодонках и выходили на

промысел даже зимой, в такой холод, что у них рукавицы примерзали к веслам. Некоторые из рыбаков владели более крупными лодками и ставили на них допотопные одноцилиндровые двигатели; но и эти суденышки были беспалубными. Ловили здесь треску, и, как правило, рыбаки доставляли улов к своим собственным причалам, построенным из еловых бревен, и сами разделявали треску под специальными навесами. Женщины и девушки расстилали выпотрошенную и посоленную рыбу на деревянных сушилках, сколоченных из жердей. Как и триста лет назад, соленая треска оставалась здесь основным продуктом питания.

Воистину ньюфаундлендцев не коснулась современная цивилизация! Но не только это привлекало меня в них. При всей суровости их повседневного существования ньюфаундлендцы относились и друг к другу, и к приезжим с удивительной доброжелательностью и щедростью, которые превосходят все, что я когда-либо встречал у других народов, за исключением, пожалуй, эскимосов. Ньюфаундлендцы — лучшие люди на земле, решил я тогда и дал себе слово, что когда-нибудь перееду на этот остров и навсегда покину материк с его стремлением механизировать все на свете, с его идиотской страстью к бессмысленному производству ради столь же бессмысленного потребления, с его губительной погоней за новизной исключительно ради новизны, с его бездумным поклонением двуликому «прогрессу».

В 1961 году я вернулся к неприятным берегам Ньюфаундленда на своей ветхой шхуне и с Божьей помощью не утонул и не разбился; только помогал мне, конечно, не Бог, а рыбаки: с большим тактом, благодаря которому вместе с моей жизнью было спасено и мое самолюбие, они позаботились о том, чтобы я избежал участи, обычно постигающей дураков и дилетантов, когда они попадают в суровые условия.

Следующим летом мы с Клэр двинулись вдоль побережья на запад, начав с залива Бей-Деспэр. Когда же лету

пришел конец, выяснилось, что особого желания возвращаться на материк у нас нет. Мы начали подумывать о том, чтобы остаться зимовать в одном из рыбацких поселков юго-западного побережья, но к исходу августа все еще не решили, на каком из них остановить выбор.

Продолжая без всякой цели продвигаться к западу, мы достигли Бюржо. Мы не собирались устраиваться в Бюржо на зиму, поскольку нам рассказывали, что построенный там современный рыбозавод в корне изменил прежний характер этого городка. Нет, мы держали путь к крошечной деревушке под названием Гран-Брюи, лежавшей в нескольких милях западнее Бюржо. Однако когда мы были на траверзе острова Боар-Айленд, у входа в сложный лабиринт проливов между островами Бюржо, у нас заглох двигатель. Идти проливами под одними парусами было рискованно, и мы неохотно свернули к Бюржо. К тому времени, когда шхуна была готова продолжить плавание, погода испортилась. Мы застряли в гавани.

Бюржо, во всяком случае восточная его часть, где находилась пристань, оказалось местом малопривлекательным. Главенствующим элементом здешнего пейзажа был рыбозавод. Над гаванью разносился оглушительный рев дизельных генераторов и омерзительный запах гниющей рыбы. Однако, судя по людям, с которыми нам довелось познакомиться, наступление индустриальной эпохи в Бюржо не изменило характера местных жителей — они были приветливы и дружелюбны. Когда мы ненароком обмолвились о том, что собираемся зимовать где-нибудь на побережье, нас тотчас повели на западную окраину этого растянутого городка, в небольшой, почти изолированный от основной части Бюржо район под названием Мессерс-Ков.

С первого взгляда нам стало ясно, что это типичный, классический аутпорт. В ярко крашенных домиках Мессерса, стоявших по берегу небольшой уютной бухты, жили рыбаки, всего четырнадцать семей. Нам показали недостроенный деревянный домик на гранитном утесе,

глядевший окнами на юг, где за грядой островов прости-
ралась бескрайняя равнина океана.

Домик продавался.

Мы хотели снять его на сезон, но хозяин, молодой
рыбак, мечтавший сделаться наемным рабочим на рыбо-
заводе, сдать свой дом отказался. Он желал непременно
продать его. Осень была уже на носу, и в сущности искать
какое-то другое место нам вовсе не хотелось. Мес-
серс-Ков и тамошний народ нам понравились. И мы ку-
пили этот домик.

Капитан Пенней аккуратно подвел свое судно к запо-
рошенной снегом официальной пристани Бюржо. Стоя
на мостике, он на прощание помахал нам рукой. Мы со-
шли по трапу и увидели горстку людей, пришедших на
пристань, как это делали их отцы и деды, чтобы встре-
тить каботажку, совершающую очередной рейс. Подвиж-
ный невысокий человек лет сорока отделился от группы
горожан и поспешил нам навстречу. Его загорелое, ре-
шительное лицо сияло приветливой улыбкой.

— Получил вашу телеграмму, вот и пришел вас встре-
тить, — объяснил он. — На той неделе был шторм с дож-
дем, и по дороге теперь только на коньках ездить. Так что
я на лодке — повезу вас домой через залив. Где тут ваши
снасти? Я сам снесу.

Это был наш ближайший сосед и, пожалуй, наш бли-
жайший друг — Симеон Спенсер, владелец крошечной
лавки, помещавшейся прямо у него на кухне. Он с вели-
чайшей заботливостью усадил нас в свою плоскодонку с
мотором, погрузил наш багаж и отчалил от пристани.

Был морозный вечер, и, несмотря на легкое волнение,
тонкий беловатый ледок покрывал воду в проливах; наш
путь лежал между островами, мимо причалов Фир-
би-Харбора, Шип-Дока, Мади-Хоула. Мы шли на запад,
в родную гавань — Мессерс. В спину нам летели брызги,
тотчас превращавшиеся в ледяную корку на одежде; мы,
съезжившись, сидели на носовой банке и смотрели на
крохотную фигурку Сима, стоявшего на корме и чем-то
напоминавшего птицу. Неожиданно он круто положил

руль на борт, и плоскодонка так резко накренилась, что мы с Клэр заскользили по своей банке, Сим замахал рукой в сторону моря и, с трудом перекрывая рокот мотора, прокричал:

— Кит!

Я обернулся к Лонгбоут-Роксу — гряде черных рифов, блестящих в волнах, и увидел, как за рифами мелькнуло что-то черное и гладкое, стремительно поднялось из воды, а потом снова плавно исчезло из виду; над волнами осталось лишь облачко легкого тумана, быстро уносимое норд-остом.

Мимолетное появление океанского исполина было прекрасным подарком к возвращению из странствий. Тайны животного мира, с которым мы делим нашу планету, всегда интриговали меня, но до знакомства с юго-западным побережьем я никогда не сталкивался с непостижимым миром китов — а ведь он, пожалуй, таит в себе величайшие загадки на земле. Жизнь в Бюржо свела меня с китами, ибо каждую зиму небольшие стада финвалов проводили несколько месяцев в тамошних водах.

Мы вошли в бухту Мессерс-Ков. Приблизившись к своему причалу, Сим заглушил мотор.

— Давно киты вернулись? — спросил я в наступившей тишине.

— Как всегда. В начале декабря, вместе с сельдью. Штук пять или шесть все время ходят между островами. Большущие! Осторожно, миссис, тут скользко!

Мы помогли Клэр подняться на обледеневший причал и, обрадованные долгожданным возвращением домой, на время забыли о китах. Никто из нас тогда и не подозревал, сколь серьезно повлияют эти киты на ход нашей жизни.

Все окна нашего дома светились. Мы отряхнулись на заднем крыльце и вошли в кухню. Во всех печках жарко пылал огонь. Дороти, четырнадцатилетняя дочь Сима, вымела и вычистила весь дом. На столе красовались две буханки теплого домашнего хлеба, который прислала нам миссис Харви, соседка. На керосиновой плите сто-

яла кастрюля, и из нее доносилось благоухание приготовленного для нас обеда: капуста, репа, картошка с луком, солонина и лосиное мясо.

Простоявший полгода пустым и холодным, дом встретил нас теплом и уютom, словно мы и не уезжали. Скромно сидя у печки со стаканом рома в руке, Сим наслаждался нашим счастьем. Ему осталось исполнить последнюю из добровольно взятых на себя обязанностей — рассказать нам обо всем, что случилось в Бюржо за время нашего отсутствия.

— На рыбозаводе хотели было бастовать, но хозяин им живо рты заткнул: сказал, что, если, мол, не желаете работать по-моему, так я закрою завод и уеду из Бюржо, а вы что хотите, то и делайте. Не знаю, куда он собирался уехать. По-нашему, чем дальше, тем лучше... Курт Бангей купил себе в Парсанс-Харборе новый баркас. Шхуну вашу вытащили на берег, и Джо нашел, где она течет... во всяком случае одну течь он нашел. В больнице новая сестра, говорят, китайка, но хорошая: даже в самое ненастье ходит к больным... Рыбы много, да цены никудышные...

Короткими очередями Сим выпаливал новости. Чуть позже, дав нам время поесть и отдышаться с дороги, стали появляться и другие соседи. Потопав на крыльце, они запросто заходили на кухню и присаживались. Сперва явилась стайка девчонок. Они рядком уселись на диване и в ответ на наши попытки завязать разговор только кивали, хихикали и улыбались. Потом со знакомым шумом в дом влетел наш пес Альберт, здоровенный черный водолаз; в зубах он нес подарок — сушеную треску. Следом за Альбертом появился наш с ним общий друг дядя Джоб — похожий на гнома восьмидесятилетний старичок, полный кипучих страстей. Увидев на столе бутылку рома, он сладострастно ухмыльнулся. Во время нашего отсутствия Альберт жил с дядей Джобом и его женой, и, как рассказал нам потом Сим, старик и пес проводили время в ожесточенных спорах относительно того, стоит или не стоит отправляться на рыбалку, идти купаться, ло-

житься спать или вставать с постели. Оба они были не-исправимые спорщики.

— Скучно ему будет без вашего пса, — сказал Сим. — Он бы охотнее расстался со своей старухой. Она-то ему слова поперек не скажет, а что за интерес спорить, когда тебе не возражают?

Альберт неохотно отдал нам треску, между прочим превосходно приготовленную, потому что дядя Джоб — один из немногих жителей Буржо, кто еще хранит старинные секреты настоящей засолки и сушки рыбы. Затем пес небрежно обнюхал наши чемоданы с наклейками гостиниц Иркутска, Омска, Тбилиси и других не менее экзотических городов, толкнул дверь в гостиную, возвратился там на диван и, пофыркав немного, заснул.

Мы почувствовали, что действительно вернулись домой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

К утру пурга улеглась, и яркое зимнее солнце осветило снежные шапки на прибрежных островах. Неподвижное море отливало черным блеском. Обледеневший берег тоже сверкал на солнце. Зная, что долго ясная погода не продержится, и спеша воспользоваться ею, рыбаки, живущие прибрежным ловом, еще на рассвете вышли в море со ставными неводами и ручной снастью. Их лодки казались пылинками на гладкой, как металл, поверхности моря.

Оставив Клэр распаковывать чемоданы под наблюдением соседских ребятишек, появлявшихся и исчезающих, точно безмолвные духи, мы с Альбертом отправились на почту. В восточную часть Буржо вела тропинка, все еще покрытая льдом (дорогой ее можно было назвать только из вежливости), и, одолжив у Сима его плоскодонку, мы пошли морем.

Отчалив от пристани, я почувствовал прилив восторга. Стоял штиль, небо ослепительно сияло. Альберт, как всегда, залез на нос лодки и застыл, упираясь передними лапами в борт. Фигура его напоминала языческое изваяние. Гагарок и глупышей, тяжело поднимавшихся в воз-

дух при нашем приближении, он провожал надменным взглядом.

Мы шли вдоль самого берега, так что до нас доносился специфический йодистый запах прибрежных водорослей, обнаженных отливом; шли так близко, что я узнавал соседей и они узнавали меня. Жена Сима Спенсера, вешавшая белье, приветственно помахала нам рукой. Джембо, собака Джоша Харви, нагло облаяла Альберта со своего причала, и Альберт ответил ей тем же. Я поздоровался с дядей Маттом Фаджем, девяностолетним, но еще крепким стариком; в это зимнее утро он сидел на солнышке у принадлежавшего внуку навеса для сушки рыбы и чинил сеть. Когда человеку за пятьдесят, в аутпортах его называют не иначе как «дядя».

Берег, вдоль которого мы шли от Мессерса до острова Фрэнк, был окаймлен вереницей крепких, надежных домов, служивших жилищем многим поколениям рыбаков. Это был старый Бюржо, и глядеть на него было любо-дорого. Дома, обступившие заливы и бухты, выглядели внушительно и в то же время скромно. Они, казалось, срослись со скалами. При этом каждый дом был как бы сам по себе. Каждый смотрел в свою сторону. Каждый стоял или чуть выше своих соседей, или чуть ниже и непременно хоть чем-то отличался в архитектуре, хотя все они принадлежали к испытанному типу двухэтажной постройки с низким коньком, типичной для ньюфаундлендских аутпортов. Вид у домов был миролюбивый и ненавязчивый, но независимый. Однако стоило выйти из пролива севернее острова Фрэнк, как картина резко переменялась. Здесь начинался новый Бюржо, порождение современности.

В 1949 году, когда Ньюфаундленд не без колебаний присоединился к Канаде, Бюржо не был единым центром — он представлял собой совокупность разрозненных поселков. По берегу острова Грэнди, который возвышается над остальными островами архипелага Бюржо, как стоящий на рейде линкор возвышается над соседними малыми судами, располагались деревушки Мессерс-Ков,

Мади-Хоул, Фирби-Ков, Сэмвейз, Харбор и Рич. На лежащих поодаль более мелких островах, а также вдоль побережья самого острова Ньюфаундленд лепились поселки Сил-Брук, Кингс-Харбор, Ауэр-Харбор, Хантс-Айленд, Сэндбэнкс и Верхний Бюржо. В поселках этих проживало семей по двадцать, не больше, и все же каждый из них отличался своим индивидуальным характером, складывавшимся на протяжении более чем ста лет.

Объединение с Канадой оборвало вековые традиции. В 1948 году Ньюфаундленд официально был самоуправляемым доминионом Британской империи; но Бог (иные говорили — дьявол) послал Ньюфаундленду человека по имени Джозеф Смолвуд, который взялся за островитян с такой бешеной энергией, что уже в 1949 году заставил их проголосовать за присоединение к Канаде. Смолвуду удалось обеспечить лишь весьма незначительный перевес голосов, потому что ньюфаундлендцы всех классов и рангов отчаянно пытались сохранить независимость, пусть даже ценой нищеты. Раскольники по натуре, они ценили свободу выше сомнительного процветания. Смолвуду же независимость была отвратительна, ибо он считал, что она преграждает путь прогрессу. Большинство ньюфаундлендцев, сказал он однажды с презрением, сами не понимают своего блага и их надо силком тащить в двадцатый век. Чтобы повернуть эту операцию, нужен был как раз такой человек, как Смолвуд.

Он стал премьер-министром провинции Ньюфаундленд и в течение последующих двадцати двух лет управлял провинцией и островом почти единовластно, руководствуясь своими собственными представлениями о благе островитян. Представления эти сводились к тому, что Ньюфаундленд надо индустриализировать любой ценой. А это означало, что минеральные, лесные и людские ресурсы острова следовало практически бесплатно предоставить первым же иностранным промышленникам, которые согласятся их эксплуатировать. Смолвуд требовал, чтобы Ньюфаундленд забыл об океане, кормившем островитян на протяжении столетий.

— Тащите лодки на берег! Жгите свои сети! — провозгласил он в одной страстной речи, обращенной к рыбакам аутпортов. — На ваш век работы хватит и на берегу. Зачем вам ловить рыбу? Вы будете от этого избавлены!

Многие верили ему, потому что он был талантливый демагог и язык у него был подвешен неплохо.

Одной из первых задач Смолвуда стала концентрация «людских ресурсов» — так он называл рыбаков из тысячи трехсот поселков, рассеянных по побережью общей протяженностью около пяти тысяч миль. Для решения этой проблемы Смолвуд изобрел так называемую «централизацию», которая фактически сводилась к насильственному уничтожению и слиянию поселков по заранее разработанному плану, с тем чтобы переселенные рыбаки составили готовые резервы рабочей силы. Средства, которыми проводилась централизация, — лицемерие, обман, иногда грубая сила — почти всегда приводили к желаемому результату.

Скоро по юго-западному побережью распространилась «переселенческая лихорадка», занесенная и распространяемая подручными Смолвуда. Аутпорты чахли и умирали один за другим. Даже на островах Бюржо, где поселки отстояли один от другого не более чем на четыре мили, «лихорадка» свирепствовала с такой силой, что не прошло и нескольких лет, как все окрестные рыбаки переселились на остров Грэнди.

Хотя Смолвуд и отвергал океан, а рыбный промысел считал занятием презренным, но быть в этом вопросе последовательным до конца он все же не решался. Очевидно, предаваясь даже самым розовым мечтам, он понимал, что некоторые районы Ньюфаундленда невозможно превратить в копии Детройта или Гамильтона. Одним из таких районов было юго-западное побережье. Чтобы оптимально использовать его трудовые ресурсы, Смолвуд финансировал постройку рыбоморозильного завода в Шорт-Рич, на западной оконечности острова Грэнди. Завод этот был «продан» (по смехотворно низкой цене) сыну сент-джонского торгового магната, — и таким образом тот получил завидную возможность контролировать од-

новременно и заработную плату жителей побережья, и цены на рыбу, которую он у них покупал.

Поначалу не обошлось без трудностей. Мало кто из рыбаков соглашался порвать с традиционным образом жизни ради того, чтобы трудиться на заводе за каких-то десять—двадцать долларов в неделю. Однако по мере того как жители соседних поселков съезжались в «растущий центр» — Бюржо, там образовался некоторый излишек рабочей силы, состоявший из людей, которым ненавистна сама мысль о пособии по безработице; они скорее станут работать почти даром, чем согласятся получать подачки.

Гуще всего приезжие селились в непосредственной близости к заводу. После того как была занята вся прибрежная полоса, строиться пришлось вдали от моря, на бесплодных каменистых холмах и торфяных болотах. Строили второпях, и многие, вопреки традиции, строили плохо. Денег на покупку строительных материалов не было, а идти в глубь острова рубить лес на постройку, как делали отцы, не хватало времени — ведь эти рыбаки себе не принадлежали. Подавляющее большинство переселенцев, покинувших удобные, отлично построенные дома в опустевших аутпортах, было вынуждено жить в отвратительных лачугах. Число их быстро росло, и наконец «централизация» принесла свой первый плод — первые трущобы на юго-западном побережье.

Восточная оконечность острова Грэнди превратилась в сплошную свалку — ржавеющие консервные банки, битые бутылки, помои, нечистоты. Омывающие остров воды загрязнялись еще и мощным потоком вонючей массы, извергаемой рыбозаводом, который отправлял рыбы потроха и прочие отходы производства напрямик в залив Шорт-Рич. Значительная часть берега была теперь окаймлена полосой липкой черной грязи толщиной в несколько сантиметров и шириной в несколько метров, которая невыносимо смердела, особенно во время отлива.

Централизация губила не только природу этого некогда здорового уголка планеты; она пагубно сказалась и на

людях, разрушив систему взаимной поддержки, на которой строились человеческие отношения. Как объяснил мне однажды Сим Спенсер, «раньше, до рыбозавода, каждый поселок был сам по себе, и каждый был как одна большая семья. И все эти семьи, по всему побережью, отлично ладили между собой. Каждый занимался своим делом, а когда попадал в беду, не боялся обратиться к соседу. И сам был всегда готов прийти другому на помощь. Ну а теперь этому конец. Как свалили всех в один котел, так сразу переменялся народ. Хуже сделался. Друг на дружку злятся, грызутся, рычат, точно свора собак, когда их прилив загонит на какой-нибудь маленький островок. Всякий другому завидует, ревнует. Раньше такого не было. Ведь сами себя покою лишили. Только и глядят — а не заимел ли сосед что-нибудь такого, чего у меня нет? Правду сказать, дряннь теперь народ в Бюржо».

Бюржо продолжал наводняться людьми, покинувшими «ликвидированные» аутпорты; прежний образ жизни, основанный на независимости и равноправии, не выдерживал натиска перемен. Работы на всех не хватало. Кормиться рыбным промыслом пришельцы не могли, потому что не знали здешних вод, которые к тому же были уже порядком обезрыблены — слишком много рыбаков собралось в Бюржо. В результате десятки мужчин, и старых, и молодых, вынуждены были расставаться с семьями и отправляться на заработки не только за пределы Бюржо, но и за пределы Ньюфаундленда, потому что Смолвудов грандиозный план индустриализации провалился. Одни шли в Новую Шотландию на сезонные работы. Другие нанимались на грузовые суда на Великих озерах и по восемь месяцев в году проводили вдали от дома.

В довершение всех бед согнанные со своих мест жители аутпортов заразились страстью к потреблению, этой распространенной болезнью современного общества. Мужчины, женщины и дети, никогда прежде не делавшие из вещей культа, превратились в оголтелых приобретателей. Зашуршали под жадными пальцами сверкающие краской страницы иллюстрированных каталогов. Прочная мебель

ручной работы, которую рыбаки привезли с собой, полетела с причалов в море. Ее заменили изделия из прессованных опилок и хромированной стали.

Стремясь разжечь у людей новые аппетиты, хозяин рыбозавода, которому потребительская лихорадка была только на руку, открыл в городе супермаркет. Некоторые из горожан оказались настолько одурманенными, что купили телевизоры, хотя принимать в Бюржо нечего — поблизости нет ни одного телецентра.

Непрестанно уплотнявшийся городок опутала сеть электрических проводов. В скалах грубо вырубали некое подобие мостовых общей протяженностью в две мили, и в 1962 году каботажное судно доставило в Бюржо два первых в истории города автомобиля. Несколько дней спустя они благополучно окончили свое существование, столкнувшись друг с другом и превратившись в груды ни на что не годного металла.

Мы с Клэр прожили в Бюржо пять лет, и все это время город шел по пути прогресса поистине семимильными шагами. К 1967 году здесь было уже тридцать девять легковых и грузовых автомашин, громыхавших по козлиным тропам, которые никуда не вели и никуда не поведут. С мощным ревом вышли из Бюржо первые аэросани — и провалились в расщелину; но на следующую зиму каботажка доставила пять новых саней. Появились пиво и легкие напитки в бутылках разового употребления, и в летние дни скалы, составляющие основу пригородного пейзажа, сверкали всеми цветами радуги: толстый слой битого стекла покрыл гранит. В 1961 году в Бюржо не было агентства, выдающего пособие, потому что здесь не было безработицы. К 1967 году горожане обзавелись и этими новинками. Вырос и комбинат по производству рыбной муки, и над городом повисло маслянистое облако зловонного дыма.

Обзавелся Бюржо и муниципалитетом. И мэром — им стал владелец рыбозавода. Человек этот был скроен по образу и подобию Смолвуда. Девиз его, по-видимому, был таков: «Городу полезно то, что полезно мне». Сколь-

ко-нибудь заметной оппозиции со стороны членов муниципального совета он не встречал, поскольку этот орган был сформирован в основном из служащих рыбозавода.

Выросла в городе и превосходная новая школа, построенная по современным стандартам и укомплектованная «современными» педагогами, обученными порочить старые традиции, отвергать достижения прошлого и пробуждать в своих воспитанниках стремление вкушать золотых плодов индустриального века.

Жителей юго-западного побережья, а в особенности жителей Буржо, «втащили в двадцатый век» с такой поспешностью, что многие из них не имели времени даже задуматься о том, что с ними происходит. Не успели они оглянуться, как вековой уклад жизни канул в Лету. Та внутренняя уверенность в себе, которая поддерживала поколения рыбаков, исчезла на глазах, точно капли воды, пролитой на раскаленную плиту. И все же были в Буржо люди, сумевшие оценить значение происшедших перемен.

Дядя Берт например. Он жил со своей «старухой» (так он величал свою жену) в крохотном, но безукоризненно чистом домике в двух шагах от нас с Клэр. Вечерами дядя Берт садился за покрытый клеенкой кухонный стол, включал визгливый транзистор и с отвращением слушал ежедневную повесть о ненависти и насилии, страданиях и несчастьях, называемую теперь новостями дня.

Выслушав все до конца, дядя Берт выключал приемник, наливал в стакан чистого спирта (переправленного с французского острова Сен-Пьер), доливал кипятку, направлял все это ложкой сахарного песку и в два приема выпивал, а затем, сверкая вспотевшей лысиной и разгоряченно жестикулируя, давал выход своему презрению.

— Господи Иисусе, да они там совсем сдурели на материке! Ни на грош ума у людей не осталось! А самое-то смешное, что они этого не понимают!.. За что ни возьмутся — все у них вкривь и вкось, и все-таки не успокоятся, покамест все на свете не перекорежат!.. И это, до рогуша ты мой, теперь называется прогресс! Послушать

их, так они строят рай на земле. Как же! Да мы летим прямо в ад, на всех парусах и кратчайшим путем! Тоже мне умники! Они и правители, и ученые... красавцы, богачи... видно, считают, что умнее их нет никого на свете. А я тебе скажу, дружок, что у трески и карибу соображения в сто раз больше, чем у них. Ведь они же сами рубят сук, на котором сидят. Кто, спрашивается, выдумал бомбы взрывать — треска, что ли? Нет, милый, видно, наша песенка спета. Они нас всех на тот свет отправят... И так уже земля на ладан дышит...

Сам дядя Берт на ладан не дышал. Когда рыба «шла», он, несмотря на свои семьдесят три года, в одиночку выходил в море на плоскодонке и зимой и летом, хотя им со «старухой» вполне хватало пенсии по старости, которую они получали.

— Я иду в море, потому что я должен ловить рыбу, — говорил он. — Хочу ловить рыбу и буду! Мое место в море. Уж там-то я знаю, кто я такой и на что я годен... А что? Я человек хороший и горжусь этим!

Излагая свое мнение о современном Бюржо, дядя Берт не стеснялся в выражениях:

— Несчастные они сукины дети — эти рабочие с рыбозавода! Надрываются за какие-то вшивые деньги да еще считают, что им повезло. Но ты, сынок, послушай, что я тебе скажу: они же настоящие рабы, и больше ничего. Даже еще хуже рабов, потому что они, видишь ли, благодарны хозяину этой вонючей помойки и за счастье считают всю свою жизнь работать, чтобы закупить в магазине всякой дряни, которая нужна им, как рыбе ноги. Машины им понадобились, телевизоры! Канализация, подвесные моторы!.. А ты спроси у них, кто они такие? Да они и сами не знают! Они только знают, чего им хочется. А хочется им столько, что и свинье за год не сожрать. Они теперь стали не лучше, чем те скоты из Канады и из Америки! Весь мир готовы проглотить, только бы случай вышел. Вот тут-то они и подавятся, Господи, прости, своей же блевотиной захлебнутся! Я иной раз думаю — может, им самое место в сумасшедшем доме? Ведь что им хозяин

скажет, то они и делают, как дети малые! А ему-то на них наплевать с высокой мачты. Помяни мое слово — все барахло, что они накупили, прахом пойдет, и в один прекрасный день они увидят, что им только и осталось глотки себе перерезать...¹

Предпочитая держаться подальше от распространявшей зловоние пристани Фирби-Кова, я причалил в Шип-Доке и, отпустив Альберта охотиться на крыс среди сваленных на берегу отбросов, пошел меж неопрятными лачугами и хибарками по направлению к новенькому зданию почты, этакому олицетворению нового пути города Бюржо: квадратное, ультрасовременное, из кирпича, стекла и стали, оно пока не имело себе равных на всем юго-западном побережье. Построили здание во время нашего отсутствия, и почтовое отделение переехало сюда из уютной, заставленной комнатки в одном из старых деревянных домов, где в течение тридцати лет все письма и посылки разбирали дядя Тед Бэнфилд.

Я понимал, что буду скучать по дяде Теду, которого заставили уйти на пенсию, когда открылась новая почта. Он знал о юго-западном побережье больше чем кто бы то ни было и охотно делился своими знаниями. В холодные зимние дни я не раз пользовался его гостеприимством. Под натиском ледяного ветра путешествие от Мессерса до почты могло бы превратить в сосульку даже эскимоса, но зато старина Тед никогда не забывал пригласить гостя на кухню и сперва наливал ему стаканчик рома, а уж потом выдавал письма. У Теда всегда было приятно посидеть, потолковать с друзьями, узнать последние местные новости.

А современное ультрастерильное почтовое отделение, залитое светом флуоресцентных ламп и увешанное табличками вроде: «Вход с собаками воспрещен», «Вы-

¹ В конце лета 1971 года рабочие наконец забастовали, требуя организации профсоюза и передачи ему определенных прав. Им было отказано. Но поскольку рабочие настаивали, владелец завода попросту свернул производство и отбыл, покинув пост мэра и завод и Бюржо на произвол судьбы. — *Примеч. авт.*

тирайте ноги» и т. п., — казалось местом малогостеприимным. Мне сразу захотелось поскорее убраться отсюда. Я с трудом узнал бледного, нервного юношу, молча выдавшего мне мою корреспонденцию. Это был сын Теда Бэнфида.

Я вернулся в лодку и направился домой вокруг острова Эклипс — глубоким проливом, называемым Стимер-Ран. Я надеялся поглядеть на китов, но, очевидно, в этот ясный, тихий день они, как и двуногие рыболовы, ушли на промысел в море; во всяком случае, я их не видел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Время от времени мы с Клэр ходили на почту, но вообще-то старались пореже бывать в восточных районах Бюржо. Мы считали, что живем в Мессерсе, и в Мессерсе нам было очень хорошо. Соседи — простые рыбаки, их жены и дети, жившие в аккуратных, тщательно отремонтированных домах на каменистом берегу небольшой, чистенькой бухточки, относились к нам по-дружески. Эти люди, как и поколения их предков, прожили здесь всю свою жизнь. На них пока почти не повлияли события, так резко изменившие характер жителей других районов Бюржо.

В первую же неделю после нашего возвращения большинство соседей пришли повидать нас — пришли с самыми теплыми чувствами.

Одним из первых навестил нас Оуни Стиклэнд — одинокий, вечно грустный рыбак средних лет, один из немногих на побережье, кто все еще в одиночку выходит в море на плоскодонке. Оуни принес нам ведро свежей сельди. Он сообщил, что в прибрежных водах появились крупные косяки сельди и он с удовольствием будет приносить нам немного рыбы каждый день. Этим, в суш-

ности, беседа и ограничилась. Оуни охотнее слушал, чем говорил. Он был добр, застенчив, мягок, до ужаса боялся нам помешать и довольствовался тем, что часами сидел у нас, не произнося ни слова и лишь изредка украдкой поглядывая на Клэр с выражением смиренного обожания.

Частым гостем у нас был и Симеон Баллар, моряк до мозга костей, наделенный грубоватыми чертами лица и мощным телосложением и в противоположность Оуни чрезвычайно разговорчивый. В былые времена Симеон объездил весь свет — с грузом соленой трески ходил на трехмачтовых шхунах в Карибское море, доставляя оттуда соль, черную патоку и ром, водил парусные и паровые суда в порты Южной Америки, Средиземного моря, бывал и на Балтике. На берегу ему тоже не приходилось сидеть без дела, ибо в семье у него было девятнадцать детей, и, за исключением двоих, всех их он вырастил и воспитал. Во время присоединения Ньюфаундленда к Канаде Баллар был еще в расцвете сил, но ходить в море ему с тех пор почти не доводилось.

Он был вежливый, обходительный человек и упорно величал меня «шкипером», потому что мне принадлежала последняя, кажется, парусная шхуна в Ньюфаундленде.

— В старое время, — говорил он, имея в виду эпоху «до присоединения», — в Бюржо всегда было восемь—десять больших шхун. Весной и осенью мы брали рыбу на отмелях, а летом шли за границу. Пожалуй, нелегкая была жизнь, но мне и в голову не приходило жаловаться. В Бюржо тогда жило, наверное, с дюжину шкиперов, суда они водили по всему свету и всегда благополучно возвращались домой. Но после присоединения всему этому пришел конец. Канаде мы были просто ни к чему. Шхуны погнили, лежа на берегу, а паровые суда пошли на продажу. Поначалу мы пытались рыбу ловить, но и это дело зачахло, так что почти все шкиперы осели на берегу. Вот это действительно было нелегко: капитанам с нашей квалификацией и в наши-то годы — мне тогда

только-только сорок исполнилось — сидеть без работы. А нам еще говорили — это, мол, к лучшему. Гораздо, мол, лучше вам работать на фабрике. Может быть, может быть... Но я благодарю Бога за те годы, что я прожил в море.

Однажды вечером, когда тьма за окнами сгустилась настолько, что едва ли кто сумел бы разглядеть нашего гостя, нас навестил дядя Сэмюель, сухой и жилистый человек, чье смуглое лицо, сморщенное, как печеное яблоко, выдавало индейскую кровь. Рыбак он был никудашный, да и не любил моря. И все же искусство дяди Сэмюеля принесло ему громкую славу — дурную славу, по мнению констебля канадской полиции, представлявшего в Буржо закон.

Дядя Сэмюель охотился на суше. Оружием ему служили ружье и капкан, а угождая его простирались на сотню миль к северу от побережья — это были «бэрренсы», бесплодная каменистая канадская тундра, открытая всем ветрам. В подарок нам он принес огромный, на несколько обедов, кусок «деревенского» мяса, завернутый в промокшую бумагу; «деревенским» здесь называют мясо незаконно убитого карибу.

Не забывая подливать себе рому, дядя Сэмюель в течение нескольких часов говорил о себе и о том мире, в котором жил. Он рассказал нам, что в бэрренсах в этом году бродят десятки рысей, покинувших свои обычные убежища в дальних лесах и пришедших сюда охотиться на зайцев; а по берегам рек встречаются лоси. Говоря о лосях, он сокрушался по поводу нашествия «стрелков» — так он с презрением называл охотников-любителей из Шорт-Рича, накупивших магазинных винтовок и убивавших лосей без разбора.

— Я не против охоты, — заявлял Сэмюель. — Но ведь надо же понимать, какого зверя можно бить, а какого нельзя! А им все равно, они и самок стреляют и детенышей — всех подряд. И большинство даже мяса не берет, бросает туши неразделанными. Раньше такого не бывало. Большой удачей считалось иметь ружье с патронами,

а уж если кому посчастливится убить оленя, так он все мясо до последнего кусочка домой нес, жене и детям...

Дядя Сэмюель помолчал и с осуждением покачал головой:

— Худые, видно, времена настали, если взрослые люди такое творят. Нет, раньше ничего похожего не было. Никто из наших не стал бы убивать больше, чем ему надо. А этим, с завода, им лишь бы стрельнуть. Им что зверя бить, что птицу — все равно. На прошлой неделе двух орланов убили, забавы ради. Чтоб на орланов охотиться — такого я в жизни своей не слыхал. Это уже преступление против природы, и больше ничего!

Большинство наших гостей были из Мессерса, но иной раз приходили и с «того конца» — так наши соседи называли Харбор и Рич. Однажды днем, привлеченный зычным лаем Альберта, я подошел к окну и увидел пятерых всадников на здоровенных скакунах, неуверенно ступавших по пешеходному мостику, который соединяет Мессерс с остальными районами Бюржо. Впереди ехали врачи городской больницы, муж и жена, за ними — их дети, пятым был симпатичный парень, которого они любили называть своим «грумом». Все кроме «грума» были одеты в настоящие английские костюмы для верховой езды, включая кепи и хлыстики. За всадниками следовали два громадных, кудлатых пса, так называемые ньюфаундленды; в действительности же порода эта была выведена в прошлом столетии в Англии.

Врачи были одним из двух семейств, составлявших «аристократию» Бюржо. Лишь недавно переехав сюда из Европы, врачи, очевидно, считали, что они — верхушка городской знати, ибо вторую аристократическую фамилию возглавлял всего-навсего владелец рыбозавода. Оба семейства объединяло упорное стремление стать для городка образцом поместного дворянства, и они безудержно соперничали между собой, используя в качестве орудия борьбы наиболее броские предметы роскоши. Так, например, когда врачи купили себе катер с реактивным двигателем, развивающий скорость до тридцати

узлов, владелец рыбозавода тотчас ответил на это приобретением прогулочной яхты поистине королевской красоты. Это была неравная борьба, потому что врачи могли рассчитывать только на свое жалованье, а оно едва превышало тридцать пять тысяч долларов в год — жалкие гроши по сравнению с доходами, которые давали владельцу завода и его жене принадлежавшие им предприятия.

В своем соперничестве они доходили до смешного и немало позабавили жителей Бюржо. Решив развлечься верховой ездой, врачи выписали из-за границы двух скакунов; семья заводчика парировала выпад, приобретя четырех чистокровок. В ответ на это врачи привезли еще двух лошадей и шотландского пони. Тогда владелец рыбозавода заказал еще четырех лошадей и... мексиканского ослика. А потом, чтобы закрепить свою победу, добавил к ним еще пару лам из Перу! Врачи сдались, и состязание пошло по другим каналам.

— Дело могло бы пойти еще дальше, — язвительно комментировал события Сим Спенсер. — Не сомневаюсь, что следующими на очереди были жирафы, а за ними последовали бы слоны, так что для нас в городе уже просто не осталось бы места!

Прошла неделя, и мы втянулись в присущий Мессерсу ритм жизни и снова начали ощущать тот покой, который составляет одну из приятнейших сторон жизни в аутпорте. У нас оставалось время на то, чтобы подолгу гулять вдоль берега, разглядывая всякую всячину, выброшенную океанским прибоем; и на то, чтобы изредка предпринимать пешие походы в глубь острова, где иногда нам удавалось увидеть стада карибу; ходили мы и к Бэрэсвею, соленой лагуне с песчаными пляжами, где летом местная ребятня купается и собирает съедобных моллюсков.

Однажды солнечным днем мы с Альбертом дошли до западной оконечности острова Грэнди и по шаткому

подвесному мостику — он меньше метра шириной и в шторм раскачивается, как качели, — перебрались на берег собственно Ньюфаундленда. Вскрабавшись по крутому склону массивного гранитного холма Хэд, мы оказались на высоте шестидесяти метров над бившимися в обледенелые скалы волнами.

Достигнув вершины, мы обнаружили, что не нам одним пришло в голову воспользоваться этим великолепным наблюдательным пунктом, с которого открывается вид на океан и все близлежащие острова.

На краю гранитного выступа, неподвижный, словно и сам он был высечен из скалы, сидел худой, поджарый, жилистый человек с ястребиным профилем — Артур Пинк, один из старейших жителей Мессерса.

Дядя Арт смотрел на остров Ранконтр в большую медную подзорную трубу, которая была, наверное, даже старше, чем он сам. Семидесятивосьмилетний дядя Арт был еще одним представителем рыбаков старшего поколения, упорно не желавших менять свой образ жизни. Когда-то он сам построил себе изящный прочный ялик, поставил на нем оглушительный двигатель допотопной конструкции и на этом судне в любую погоду все еще ходил в море — даже в самые отдаленные районы лова. В Бюржо говорили, что «дядю Арта ничем не остановишь; он самому дьяволу в пасть заплывет, если увидит там рыбу».

Но дядя Арт был не просто искусным рыбаком. Он отличался поразительно острым и любознательным умом. Ничто не ускользало от его внимания — от его зрения, слуха, обоняния, даже осязания, и ни одно наблюдение не пропадало у него даром: дядя Арт все помнил, повсюду находил пищу для размышлений. Всю свою жизнь он пристально наблюдал за тем, что происходит в море — и на поверхности, и в глубине.

— Добрый вечер, дядя Арт, — сказал я, потому что на юго-западном побережье любое время после полудня называется «вечер». — Китов ищите?

Он неторопливо опустил подзорную трубу и улыбнулся.

— Китов, шкипер, китов. И до чего же умные они твари... Видишь, вон там сейнер? Новехонькая посудина, вся стальная... тонн двести, не меньше. И уж оборудована — по последнему слову техники. Я тут глядел, как она сельдь промышляет. А в полумиле от сейнера стадо китов пасется, тоже сельдь ловят. И вот смотрю я на них — ведь они вдвое умнее сейнера со всеми его хитрыми устройствами, к которым еще и человек двадцать матросов приставлено.

И он восторженно расхохотался, хотя по всем законам промысла дядя Арт должен был болеть за рыбаков, а не за их соперников. Но я знал, что он давний поклонник китов. Десятилетним мальчишкой Артур Пинк начал ходить с отцом на четырехвесельной плоскодонке в опасные районы возле Пингвиновых островов, и там, ловя треску, он впервые встретился с китами.

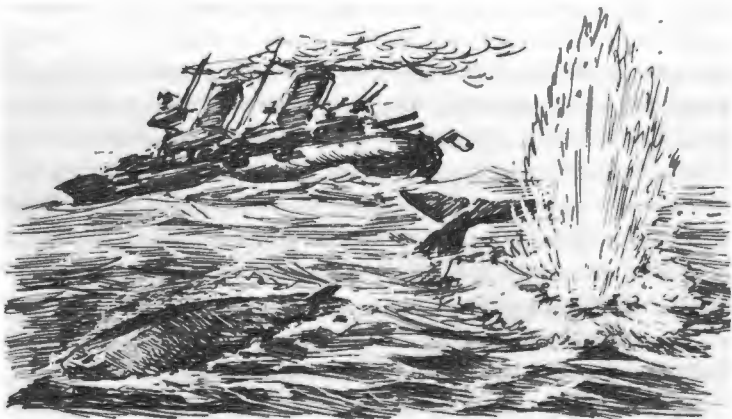
— Была зима, и довольно суровая, — рассказывал он. — Пингвиновы острова лежат в двадцати милях от берега, а вокруг них — сплошные рифы и потопилки, и вода там даже от легкого ветерка вся белая делается. Но треску ловить — лучшего места не найти, да и сельди там тоже было видимо-невидимо. Обыкновенно мы отправлялись в понедельник и рыбачили, пока у нас не выходила вся еда... иногда дней по десять. А ночью или в ненастье выбирались на берег и прятались под куском парусины. Китов тогда вдоль побережья были тысячи. И у Пингвиновых тоже. Бывало, мы себе треску ловим, а они тут же рядом — сельдь промышляют. Иной день ни одной лодки не видать кругом, зато китов столько, что мы будто в центре целой флотилии плаваем. Но они нам мешали, и мы их тоже не трогали. Другой раз какой-нибудь здоровенный самец, в пять раз больше нашей лодки, всплывет возле самого борта, рукой можно достать, и фонтан в нас пускает. Отец говорил, что они это нарочно — ради шутки. Но мы не обижались, мы все равно в дождевиках сидели. И вот ведь что я тебе скажу: пока

они были рядом, я ничего на свете не боялся, мне даже одиноко никогда не бывало. Зато после, когда китов всех поубивали и мне приходилось ходить на Пингвиновы острова и в одиночку там рыбачить, — ох, худо бывало. Посмотришь кругом — ни живой души, и такое чувство, будто весь мир опустел. Да, сынок, скучно мне без китов, скучно. Вот странно: многие считают, что кит — все равно что рыба. Ну нет! Слишком уж он умен. Если хочешь знать мое мнение, так умнее кита никого нет во всем океане...

Помолчав, он снова поднял к глазам подзорную трубу и добавил:

— Так-то... а может, не только в океане, но и на всей земле.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Киты, безусловно, не рыбы, хотя немногим более ста лет назад таково было общепринятое мнение, и даже большинство китобоев, знавших китов лучше чем кто бы то ни было, считали их рыбами. Родословные кита и человека восходят к общим прапредкам — существам, когда-то покинувшим теплые воды первородного океана и рискнувшим выбраться на полную опасностей сушу. Общие прапредки были у нас и позже, среди животных, претерпевших долгую и медленную эволюцию от земноводных к млекопитающим. Но в то время как предки человека остались жить на суше, предки китов около ста миллионов лет назад предпочли вернуться в океан, первоисточник жизни на земле. Потомки тех китов насчитывают сейчас около сотни видов, которые человек, великий классификатор, делит на китов зубатых и китов усатых.

Зубатые киты — подотряд более примитивный, но и более разнообразный, ибо в него входят все виды дельфинов, а также и несколько других семейств зубатых китообразных. К зубатым относятся, например, кашалот, косатка, белуха и морской единорог — нарвал. За исключением кашалота, который иногда достигает восемнад-

цати метров в длину, зубатые киты отличаются сравнительно скромными размерами.

В подотряде усатых китов только одиннадцать видов, но зато все они, на мой взгляд, — на вершине эволюционного древа китообразных: примерно восемнадцать миллионов лет назад, когда наши предки неуверенно покидали леса, чтобы уже в качестве двуногих начать новую жизнь в африканских саваннах, некоторые виды китообразных стали потихоньку менять зубы на свисающие с нёба роговые пластины. Края этих пластин, расщепленные на тонкие щетинки, образуют густую бахрому; пользуясь ею как ситом, кит отфильтровывает огромное количество крошечных планктонных рачков, а иногда и целые косяки мелких рыбешек. Казалось бы, парадокс: крупнейшее на земле животное кормится такой мелюзгой! Однако результаты этой диеты говорят сами за себя: усатые киты — самые громадные существа, известные человеку. К усатым китам относятся пятнадцатиметровые сейвал и серый кит; восемнадцатиметровые горбач и настоящий кит; двадцатипятиметровый финвал и непревзойденный синий кит, который достигает тридцати пяти метров в длину и весит почти двести тонн.

Хотя внешне киты и рыбы действительно схожи, по сути между ними очень мало общего. Вернувшись в океан, предки китов принесли с собой разум совершенно нового типа — разум, достигший наивысшего развития у млекопитающих и явившийся прямым следствием тех неимоверных трудностей, которые сухопутным животным приходится преодолевать в борьбе за существование. Достался он и основателям рода человеческого.

У наших с вами предков разум и дальше развивался под воздействием факторов, его породивших, — конкуренции и суровых природных условий. Человек вышел из этой ожесточенной борьбы вооруженный самым совершенным на суше мозгом, с помощью которого он создал самую безжалостную и разрушительную форму жизни, когда-либо существовавшую на земле.

Интеллектуальное превосходство позволило человеку подчинить себе все прочие формы жизни, и оно же помогло ему обойти ограничения, налагаемые природой на все живое ради сохранения равновесия; именно эти ограничения и не дали ни одному из предшествовавших видов превратиться в необузданных потребителей и стать угрозой самой жизни на планете.

С китами же все получилось совсем иначе. Вернувшись в океан, киты-родоначальники обнаружили, что он куда гостеприимнее суши. И вместо того чтобы сражаться за существование в двухмерном мире засушливых, не общающихся между собой материков, они вернулись в трехмерный безграничный океан, где их ожидала полная свобода передвижения. Киты снова оказались в породившей их среде, где климат был гораздо устойчивее, недостатка в пище не было и вовсе не требовалось отвоевывать себе территорию и потом защищать ее. А поскольку предки современных китов вернулись в водную стихию, вооруженные навыками, приобретенными в суровой схватке с опасностями суши, они были несравненно совершеннее холоднокровных, никогда не покидавших океан; так герои фантастических романов, переселяясь в наше время из будущих тысячелетий, оказываются совершеннее нас с вами.

С тех пор преимущества китов перед другими обитателями океана умножились, ибо за прошедшие миллионы лет киты без особой спешки прошли длинный путь эволюционного развития и превосходно приспособились к морской среде.

Человек же, напротив, жил в среде, настроенной к нему враждебно, да к тому же ему пришлось отчаянно сражаться за свою жизнь не только с полчищами других животных, часто более сильных и лучше приспособленных, но и против воинственных, хорошо организованных отрядов себе подобных. Человеческий род наверняка погиб бы в этой борьбе, но при помощи быстро развивающегося интеллекта он научился добиваться равновесия сил. Страдая от неблагоприятного климата, он научился строить

жилища, разжигать огонь и носить одежду. Страдая от физически более сильных животных и смертельных врагов в лице конкурирующих собратьев, человек научился изготавливать оружие и пользоваться им. Страдая от постоянной угрозы голода, человек научился производить продукты питания. Для того чтобы выжить и сохранить свой род, ему уже не надо было опираться на достижения естественной эволюции: опорой ему стали творения его рук. Человек создал технику и сделался ее рабом.

А киты прекрасно обходились и без техники. Вернувшись в море, киты отлично приспособились к окружающей среде — и выжили. Но ведь и они, подобно прачеловеку, были наделены незаурядными интеллектуальными способностями. Как же киты их использовали? На что употребили они свою долю нашего общего наследства? Этого мы попросту не знаем. При всем нашем хваленном умении разгадывать тайны Вселенной мы пока не сумели проникнуть в тайну китового мышления.

Проведенные исследования показали, что по строению и объему мозг наиболее развитых видов китообразных вполне сопоставим с человеческим, а может быть, и превосходит его. Ясно, что мыслительные способности кита, как и человека, последовательно развивались в течение тысячелетий. Естественно напрашивается логический вывод: киты используют свой мыслительный аппарат, используют его широко и постоянно, но как и для чего — нам с вами неизвестно. Согласно непреложному закону природы, если какие-то органы, навыки, способности не находят регулярного применения, они атрофируются и исчезают. Между тем с мозгом кита этого вовсе не произошло.

Так разошлись пути кита и человека: один стал самым великим из обитателей океана, другой подчинил себе животный мир суши. Настал день, когда кит и человек встретились. Встреча эта не была мирной — они сразу поняли, чего им ждать друг от друга. Дальнейшее, как обычно, зависело от человека — и он выбрал войну. Войну одностороннюю: человек в ней был убийцей, а кит — жертвой.

Кровавая история взаимоотношений кита и человека началась в незапамятные времена, когда на обшитых шкурами пирогах или на выдолбленных из бревен челноках прибрежные племена начали выходить в море, чтобы померяться силами с морскими чудовищами. Видеть их людям случалось и раньше: прибой не раз выносил на берег туши мертвых китов — горы мяса и жира.

У берегов Португалии первобытные племена, жившие за две тысячи лет до нашей эры, охотились на бискайского кита и серого кита. В Северной Америке эскимосские племена туле охотились на полярного, или, как его еще называли, гренландского кита; а из индейских племен Тихоокеанского побережья одни били только серого кита, а другие еще и горбача.

Приемы охоты у всех были примерно одинаковы. Охотники подгребали поближе к киту, и один из них метал гарпун с зазубренным костяным или кремневым наконечником. К гарпуну сыромятным ремнем привязывали кожаный поплавок. Неглубоко вонзавшийся гарпун чаще всего, наверное, вываливался из раны. Нередко кит, ныряя, переворачивал лодку; часто, наверное, рвался ремень или кит с поплавком уходил за пределы досягаемости охотников. Но иногда — хотя, по-видимому, очень и очень редко — охотникам удавалось продолжить преследование загарпуненного кита, и они всаживали в него все больше гарпунов с поплавками, пока наконец кит не выбивался из сил. Тогда они подплывали к нему и пытались убить его при помощи довольно непрочных острог. Едва ли они могли поразить какой-нибудь жизненно важный орган кита: скорее всего, им приходилось наносить ему такое количество ран, чтобы он умер от потери крови. Во время этой длительной процедуры киту ничего не стоило пустить ко дну и лодки, и охотников. Но если верх все-таки брали люди, то им надо было еще отбуксировать тушу к ближайшему удобному побережью, а эта задача, особенно при неблагоприятном ветре и во время отлива, могла потребовать многих часов

или даже дней упорного труда, а могла и вообще оказаться невыполнимой.

Судя по устным преданиям и по тому, как редко встречается китовая кость среди пищевых отходов древнего человека, в удачный год китобоям первобытного поселения удавалось добыть двух-трех китов. Больше им, собственно, и не требовалось. Они били китов только для пропитания, и даже одного кита горстке семей хватало надолго. Так что в доисторические времена человек не был реальной угрозой благополучию китового племени.

Не слишком опасен для китов был человек и в новые времена — пока в XIII и XIV веках европейцы не начали строить морские суда. Их почти сразу стали применять для пелагического китобойного промысла, то есть охоты на китов в открытом океане. По-видимому, первыми, кто на это решился, были баски, ловившие бискайских китов и атлантических серых китов, которые, во-первых, во множестве водились в тамошних водах, во-вторых, были неторопливы и сравнительно неосторожны, а главное — туши их не тонули. Баскский корабль, если ему сопутствовала удача, приближался к животному, и гарпунщик, стоявший на носу, метал тяжелый кованый гарпун, прикрепленный к кораблю прочным линем, разорвать который было нелегко даже киту. Некоторое время кит таскал за собой корабль, потом он уставал, и тогда его можно было без большого риска прикончить острогой.

Для разделки туш баски, как и первобытные китобои, буксировали их к берегу; а вот цели промысла были у басков совсем другие. Китовое мясо уже не употребляли в пищу. С туши срезали подкожные слои жира и китовый ус, а остальное — огромные плавучие горы мертвой плоти — отправляли обратно в море. Перетопленный жир шел на заправку светильников в быстро растущих европейских городах, а из китового уса делали «роговые» окна и посуду. Так из съедобной дичи кит превратился в предмет торговли. Изменилась и роль человека в судьбе китового племени: из надоедливой букашки человек превратился в смертельного врага. Начиная с этого времени

киты подвергались беспощадному уничтожению весьма разнообразными методами. В ход шло самое эффективное оружие, какое только удавалось изобрести человеку — самому изощренному убийце на земле.

Баски свое дело знали. К концу XV века бискайский кит встречался уже так редко, что охотиться на него просто не имело смысла. Уничтожили они, по-видимому, и стада серого кита в восточных районах Атлантики. Однако в северных водах оставалось гораздо более мощное поголовье полярного, или гренландского, кита. Баски начали охоту на этот чрезвычайно многочисленный вид (подсчитано, что до начала массового истребления гренландских китов было около полумиллиона) и к 1410 году вполне освоили гренландские воды, а к 1440 году промыслили и в районах Лабрадора и Ньюфаундленда. В те времена китобой все еще были связаны с береговыми базами, где срезали и перетапливали жир; строились эти базы на официально еще «не открытых» побережьях. Однако к концу XV века баски сделали новый гигантский скачок вперед — для вытапливания жира они изобрели и усовершенствовали плавучие жироварни, размещенные на баржах; теперь туши убитых китов можно было «перерабатывать» прямо в море.

Пелагический промысел превратился в массовое истребление всех видов китов, которые оказались недостаточно проворными для того, чтобы уйти от парусного судна, и в то же время достаточно жирными для того, чтобы, погибнув, не утонуть. Это были в первую очередь кашалоты, горбачи, серые киты и гренландские киты. В середине XIX века не меньше двух тысяч китобойных судов, приписанных к портам Новой Англии, Голландии, прибалтийских государств, Норвегии, Франции, Англии и десятков других стран, занимались безжалостным опустошением Северной и Южной Атлантики, а также Тихого и Индийского океанов. Огромные состояния сколачивались на китобойном промысле, и уже к 1880 году в районах промысла осталась лишь ничтожная часть некогда громадных популяций крупных видов китов.

Истребление их шло с большим успехом: к исходу XIX столетия выяснилось, что охоту придется прекратить за неимением зверя, точнее — за неимением китов, доступных тогдашним китобоям.

Китов в океане было еще полно, и это приводило в ярость и китобоев и предпринимателей; нетронутыми остались так называемые полосатики — семейство, включающее самые крупные, быстрые и, безусловно, самые развитые виды китобразных: синие киты, сейвалы, финвалы и некоторые другие менее крупные виды.

Во-первых, полосатики очень осторожны, а во-вторых, большинство из них способно развивать скорость порядка двадцати узлов; но главное — подкожный слой жира у них сравнительно тонок и не обеспечивает убитым полосатикам положительной плавучести, сыгравшей столь роковую роль в судьбе их собратьев — серых китов, горбачей, гренландских китов и кашалотов. Так что даже если волей счастливого случая китобоям удавалось загарпунить и убить полосатика, туша его тут же тоннула, чем и кончалась охота.

Какое-то время казалось, что полосатикам человек не страшен. Но вот за дело взялись норвежцы, промысловики безжалостные и решительные, достигшие непревзойденных высот в искусстве опустошения морей. В шестидесятых годах прошлого века эти потомки викингов обратили внимание на китов-полосатиков; и не прошло и десяти лет, как они разработали способ уничтожения не только полосатиков, но и всех остальных видов крупных китов, сохранившихся к тому времени в Мировом океане.

Норвежцы вооружились сразу тремя новыми орудиями убийства. Первым была гарпунная пушка, всаживающая в тело кита гарпун с гранатой и линем. Взрываясь, граната раздирала внутренние органы кита и, кроме того, раскрывала широкие лапы гарпуна, чтобы он не вырвался из раны. Вторым стал китобоец с паровым двигателем — небольшое, чрезвычайно быстроходное и маневренное судно, способное развивать такую же скорость, как кит-полосатик. Третьим изобретением норвежцев

была полая пика, которую загоняли глубоко в тело убитого кита, чтобы накачать тушу сжатым воздухом и таким образом придать ей положительную плавучесть. Вооруженная этими тремя новинками, Норвегия стала страной самого интенсивного в мире китобойного промысла.

К началу XX века норвежские береговые базы по переработке добытых китов распространились, как холера, по всем побережьям мира, поблизости от которых водились киты. В 1904 году на одних только берегах Ньюфаундленда работало восемнадцать таких баз, перерабатывавших в среднем тысячу двести китов в год, в основном полосатиков!¹

Это была чудовищная бойня в мировом масштабе — и она приносила чудовищные барыши. К 1912 году в Северной Атлантике не осталось почти ни одного из крупных видов китообразных: ни финвалов, ни кашалотов, ни горбачей, ни гренландских китов. Из северной части Тихого океана исчезли, кроме того, и серые киты².

Вероятно, некоторые из этих видов в северном полушарии были бы истреблены полностью, но тут разразилась Первая мировая война, и северные киты получили передышку, слишком, впрочем, недолгую для того, чтобы действительно пополнить поредевшие ряды. Оставшиеся в живых особи были бы быстро уничтожены по окончании мировой войны, однако норвежские китобой не возобновили атаку на них.

Причина этого заключалась в том, что примерно в 1904 году норвежцы обнаружили огромную и до той по-

¹ Норвежцы не везде охотились на полосатиков при помощи гарпунной пушки. В течение первого десятилетия XX века в одном фиорде близ Бергена они добывали сейвалов и финвалов способом столь варварским, что в это просто трудно поверить. Суда загоняли китов в длинный узкий фиорд, устье которого затем блокировалось сетями. После этого животных кололи острогами, смоченными в разложившемся мясе китов, убитых ранее. Зараженные таким образом киты умирали мучительной смертью от сепсиса или гангрены. — *Примеч. авт.*

² В атлантических водах серые киты были полностью истреблены еще к концу восемнадцатого века. — *Примеч. авт.*

ры не тронутую популяцию китов в Антарктике. Многие десятилетия китобой опустошали остальные океаны планеты, а Антарктика все эти годы служила своеобразным китовым заповедником. Но вот норвежцы обнаружили его, и флотилии быстроходных, безжалостных китобойцев ринулись на юг. Опираясь на береговые базы, построенные на Фолклендских островах и на острове Южная Георгия, они начали новое, еще более планомерное истребление китового племени.

Полного совершенства достиг китобойный промысел лишь после 1922 года. Событие это связано с деятельностью норвежца Карла Антона Ларсена, чье имя достойно занять место в позорных списках рядом с именем Свена Фойна, изобретателя гарпунной пушки. Ларсен придумал то, что мы теперь называем плавучей китобазой. Грубо говоря, это большое грузовое судно, в корме которого устроен слип — широкий проем с наклонной площадкой, спускающейся к воде и позволяющей втащить стотонную китовую тушу в размещенные на судне разделочный цех и жироварни. Теперь китобой уже совсем не зависели от береговых баз; отпала необходимость тратить время на буксировку туш к побережью. Сопровождаемый флотилией китобойцев, вспомогательных судов и буксировщиков и обеспеченный запасами на шесть месяцев и более, плавучий комбинат получил возможность проникать далеко на юг — вплоть до антарктических льдов — и прочесывать в поисках китов всю Антарктику.

Начавшаяся бойня не имеет себе равных в истории взаимоотношений человеческого общества и животного царства. Объединенные усилия человеческого гения и могучей техники окрасили холодные воды Антарктики китовой кровью. Истребление достигло апогея в начале тридцатых годов, когда от руки человека ежегодно гибло 80 000 китов.

Разразившаяся Вторая мировая война приостановила планомерное истребление китов в Антарктике, но она же обрушила новые напасти на медленно приходящие в себя популяции китов в других океанах. Война на море

сводилась в основном к сражениям между подводным и надводным флотами, и чем дольше шла война, тем более изощренной и решительной становилась охота на подводные лодки — на этих, так сказать, «механических китов».

Было усовершенствовано такое чудо техники, как сонар¹, предназначенный для обнаружения подводных объектов, слежения за ними и нацеливания глубинных бомб и прочих смертоносных снарядов на невидимый глазу объект. Вопрос этот, насколько я знаю, никогда не подвергался специальному исследованию или хотя бы широкому обсуждению, однако не может быть сомнений в том, что десятки тысяч китов были убиты с кораблей и самолетов, охотившихся за подводными лодками.

Офицер канадского военно-морского флота, прослуживший четыре года на эсминцах, миноносцах и сторожевых катерах в Северной Атлантике, говорил мне, что, по его мнению, значительная часть глубинных бомб, сброшенных с его кораблей, была нацелена не на подводные лодки, а на плывущих под водой китов. Вахтенные военных и торговых кораблей рассказывали, что дрейфующие туши китов, убитых глубинными бомбами, были в те годы обычным зрелищем. Войны несут смерть не только их прямым участникам — людям, но и ни в чем не повинным свидетелям — животным, которые делят с нами планету.

Здесь, я думаю, будет уместно ответить на вопрос, который мне иногда задают: почему киты, наделенные таким большим и развитым мозгом, не научились защищаться от несущего смерть человека? Ответ, по-моему, очевиден. Киты никогда не баловались черной магией техники и потому не умели обороняться от этой напасти. Со временем они, наверное, выучились бы. Но времени мы им не дали. И тут напрашивается встречный вопрос:

¹ С о н а р — система подводной звуковой локации. — *Примеч. пер.*

почему человек, наделенный такими удивительными мыслительными способностями, до сих пор не сумел остановить непрерывно нарастающий процесс уничтожения человеческой расы? Почему человек, наиболее развитое существо на земле, стал угрозой самой жизни на планете?

По окончании Второй мировой войны китобои вооружились еще более эффективной техникой и с новой энергией взялись за промысел, хотя антарктическое поголовье китов не возросло за годы передышки. Сложное локационное оборудование, служба обнаружения китов с воздуха, сверхмощные плавучие базы (водоизмещением до тридцати тысяч тонн) и китобойцы, с легкостью развивающие скорость в двадцать узлов, практически не оставляли киту, попавшему в обширное поле зрения электронных глаз флотилии, никакой надежды на спасение.

К началу пятидесятых годов синие киты стали встречаться так редко, что охотиться на них уже не имело смысла, и китобои сосредоточили главный удар на финвалах, причем удар этот был настолько основательным, что от популяции финвалов, составлявшей в начале века около 1 000 000 особей, к началу 1956 года осталось не более 100 000 китов, из коих 25 289 — то есть четверть! — были уничтожены в течение одного только 1956 года. В 1960 году в Мировом океане насчитывалось, возможно, около 2500 синих китов, а в начале семидесятых годов их осталось меньше 1000. В Антарктике к 1960 году оставалось всего около 40 000 финвалов, разбросанных на весьма обширной акватории, так что добыча их сделалась почти нерентабельной. Китобойные флотилии обратились к менее крупным видам полосатиков — началось уничтожение сейвалов.

Хотя уже в конце пятидесятых годов, по данным добычи китов, было ясно, что их смертный час недалек, никаких серьезных попыток приостановить бойню принято не было. Некоторые биологи встревоженно за-

говорили о необходимости ограничить китобойный промысел разумными рамками, чтобы, с одной стороны, обеспечить китобоям возможность и в будущем регулярно добывать определенное количество китов, а с другой — позволить животным восполнить понесенные потери. На биологов не обратили внимания. Владельцы китобойных флотилий откровенно дали понять, что они намерены бить китов до полного уничтожения. Пусть неудачник плачет!

Эта политика планомерного истребления не вызвала со стороны общественности практически никакого протеста. Наоборот, рынок наводнился романами, научно-популярными книгами и кинофильмами, многие из которых прославляли великую бойню в океане, превознося стойкость и мужество китобоев.

Правда, в 1946 году была создана организация, публично заявившая, что ее цель — защитить вымирающие виды китов и упорядочить масштабы китобойного промысла. Назвали эту организацию Международной комиссией по китобойному промыслу, а штаб-квартира ее была (и осталась) в Норвегии, где, между прочим, находилась и штаб-квартира самого мощного в мире промысла. Среди членов Комиссии было немало благородных, преданных своему делу людей, но заправляли ею владельцы китобойных флотилий, и руководствовались они прежде всего личными интересами. В результате, вместо того чтобы заботиться об охране и поддержании исчезающих видов китов, Комиссия лишь скрывала от общественности истинное положение вещей, маскируя ненасытную алчность, лежащую в основе бойни, мудрыми циркулярами, которые на вид казались весьма гуманными, а на деле были бесполезны, а иногда и вредны.

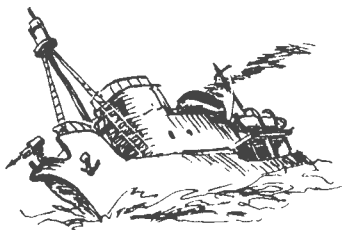
Одним из первых мероприятий Комиссии стало установление квоты, согласно которой каждая страна имела право ежегодно добывать определенное количество китов каждого вида. Это был красивый, но совершенно бессмысленный жест, потому что установленные (и впослед-

ствии не раз пересматривавшиеся) нормы были и остались невероятно завышенными. Комиссия объявила незаконной охоту на китовый молодец и самок, сопровождаемых детенышами, но китобой решили, что закон этот вилами на воде писан. Самым лицемерным из всех установлений Комиссии было объявленное с большой помпой запрещение бить синих китов, горбачей и все виды настоящих китов — запрещение, вошедшее в силу лишь после того, как перечисленные виды стали настолько редки, что охота на них не имела никакого смысла; больше того, всем этим видам уже угрожало биологическое вымирание.

Таковы были распоряжения Международной комиссии, но и их не соблюдали! Японцы, например, обошли их, сделав вид, что обнаружили в Антарктике новый вид кита. Они назвали его «карликовым» (!) синим китом и, поскольку в циркулярах Комиссии такой вид не упоминался, быстро уничтожили эту последнюю жизнеспособную популяцию, которая могла бы обеспечить воспроизведение обреченного синего кита. Почти все океанские китобойные флотилии время от времени убивали китов, находившихся под охраной, оправдываясь тем, что якобы принимали их за другие виды. Хуже того, многие страны разрешали своим китобоям убивать значительные количества охраняемых видов для «научных исследований». В период с 1953-го по 1969 год китобой убили под этим предлогом около 500 серых китов (а их всего-то меньше 10 000 особей, и они находятся под охраной), причем из этих пятисот 316 забили американцы. За последние три года китобой восточного побережья Канады убили во имя науки 43 горбача, хотя этот некогда многочисленный вид насчитывает сейчас меньше 2000 особей и встречается чрезвычайно редко. Ученые действительно осмотрели останки большинства принесенных в жертву животных, узнав, по-видимому, что-то новое об анатомическом строении горбачей; но ведь после этого туши были переданы китобойным ком-

паниям, которые не преминули обратить их в звонкую монету!

В заключение мне остается лишь еще раз подчеркнуть, что Международная комиссия по китобойному промыслу, делая вид, что осуществляет охрану китов, и снискав таким образом доверие мировой общественности, на деле наносит китам непоправимый вред и лишь ускоряет гибель большинства видов, скрывая от человечества чудовищные размеры преступления против природы, совершенного и все еще совершаемого китобоями с согласия власть имущих и, в конечном счете, с нашего с вами общего согласия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Зимой 1911 года дядя Арт стал свидетелем исчезновения китов из района юго-западного побережья.

— Примерно в девятьсот третьем году норвежцы построили завод в заливе, лежащем к западу от мыса Ла-Ун, — рассказывал он мне. — И страшнее этого места, сынок, не было ничего на всем побережье. При заводе имелось три или четыре китобойца с гарпунными пушками, и без дела они не стояли. Как правило, каждый привозил пару финвалов или желтобрюхих¹ в день, а на берегу с них мигом срезали жир. Вонь от завода стояла на десять миль против ветра. И вечно кругом гниющие туши плавали! Норвежцы срезали с них жир, а все остальное оттаскивали в море и бросали. Раздувало туши так, что они совсем вылезали из воды. Другой раз смотришь с моря — точно новая гряда островов за ночь поднялась, штук пять—десять сразу, а над ними тысячи чаек, как тучи. В ту зиму сильно штормило, и я редко выбирался на Пингвиновы острова, но, когда и бывал там, китов почти не видал. В феврале, помню, прояснилось, и я сразу отправил-

¹ Желтобрюхими (sulphur bottoms) рыбаки называют блювалов. — *Примеч. авт.*

ся; рыба шла хорошо, и я провел на островах с неделю. Однажды утром — морозно было, но тихо-тихо, ни ветерка — я тралил возле Офер-Рока и вдруг слышу — гудит! Аж лодка вся задрожала. Я повернулся, гляжу — финвал, да такой здоровенный, какого я в жизни своей не видел — не меньше каботажки. Весь поднялся на поверхность и фонтаны пускает, и с каждым фонтаном — кровь метров на шесть бьет. От меня до него было метров пятьдесят, и я видел у него на спине огромную рану — бочка бы в нее влезла. Должно быть, этого финвала загарпунили и граната разорвалась, но он оборвал литье и ушел. Между нами говоря, сынок, я немного струхнул. Разве угадаешь, что взбредет на ум раненому зверю? Вставляю я потихоньку весла в ключины, а он — прямо ко мне. Ну что тут сделаешь? Держу весло наготове, думаю — в случае чего шаррахну его покрепче. Но он свернул в сторону, а потом нырнул, и больше я его не видел. Да и вообще китов я после этого не видел лет пятьдесят.

У южных берегов Ньюфаундленда киты почти не появлялись вплоть до окончания Второй мировой войны. Лишь в конце сороковых годов с самолетов военно-морской авиации США, базировавшихся в Ардженшии, на юго-востоке Ньюфаундленда, стали иногда замечать одиноких крупных китов. Выяснилось это, впрочем, только в середине пятидесятых годов, когда стало известно, что американский военно-морской флот использовал китов при проведении учебных противолодочных атак. Экипажи патрульных бомбардировщиков получали инструкцию считать всех замеченных ими китов вражескими подводными лодками. Китов обстреливали из орудий, ракетных установок, сбрасывали на них бомбы!

В 1957 году в ответ на возмущенное выступление Гарольда Хорвуда, беспокойного журналиста из газеты «Сент-Джонс ивнинг телеграм», руководство военной базы пообещало, что больше киты в качестве мишеней использоваться не будут. Однако количество китов, атакованных, раненых и убитых за десять лет военных уче-

ний, обнародовано не было. По-видимому, это считается секретной информацией.

Думаю, что не только американские военные убивали китов для поддержания своей «боеспособности». Вероятно, подобным же образом обходились с китами и многие другие страны, имеющие водные рубежи, для охраны которых приходится постоянно тренировать экипажи судов и самолетов; вполне возможно, что и сейчас еще киты гибнут на морских полигонах.

Несмотря на суровый прием, оказанный им американским военно-морским флотом, киты продолжали понемногу проникать в район южного Ньюфаундленда, опустошенный норвежцами еще пятьдесят лет назад. Возможно, это были киты, спасавшиеся из прибрежных вод северного Ньюфаундленда и южного Лабрадора, где в 1945 году норвежские китобои, решив возобновить атаку, построили береговые базы в Вильямспорте и Хокс-Харборе. За тридцать лет сравнительного покоя популяция финвалов в этом районе вполне оправилась от потерь. Но ненадолго. За шесть лет — с 1945-го по 1951-й — китобои обеих баз уничтожили в общей сложности 3721 финвала, после чего киты стали встречаться так редко, что эксплуатировать эти базы стало «нерентабельно», и они были ликвидированы.

Итак, в конце пятидесятых годов южнее Ньюфаундленда и восточнее Новой Шотландии стали появляться небольшие стада финвалов и сейвалов, отдельные горбачи и кашалоты и даже один чудом сохранившийся синий кит. В декабре 1961 года дядя Арт и дядя Джоб, ловившие сельдь недалеко от острова Хантс, увидели, как возле их сетей всплыли два огромных финвала.

— До чего же я обрадовался, что они вернулись, сынок, — вспоминал потом дядя Арт. — И они нас совсем не боялись. Сельди в тот месяц было видимо-невидимо, а киты были голодные, как волки. Они прошлись кругами возле наших сетей, и сельдь перед ними прямо в воздух выскакивала. В одну нашу сеть они столько рыбы нагна-

ли, что нам ее было не вытащить — пришлось грести к берегу и звать людей на подмогу.

К этим китам вскоре присоединился еще один, тоже взрослый финвал, и вся троица оставалась в районе Бюржо до апреля 1961 года; затем и сельдь и киты исчезли.

Присутствие их поначалу беспокоило рыбаков помоложе, знавших о китах только понаслышке и опасавшихся за свои снасти, особенно после инцидента, происшедшего в этих водах предыдущим летом, когда шестиметровая гренландская акула зашла в узкие проливы между островами и, пробиваясь на запад, изорвала множество сетей, поставленных на лосося, и в конце концов утонула, потому что даже ее мощные плавники не справились с весом веревок и якорей.

Эта крупная акула наделала рыбакам немало хлопот, но она была сущим карликом по сравнению с финвалами, обладавшими огромным разрушительным потенциалом. Однако киты им не воспользовались. Они не порвали ни единой сети, не тронули ни одного швартова, ничуть не мешали рыбачьим лодкам. Прошло несколько недель, и рыбаки стали относиться к китам с тем же доверием, какое сами киты оказывали рыбакам. Насколько я знаю, никто из рыбаков не высказывался в том смысле, что, мол, насчет китов надо «принять меры». Терпимость рыбаков можно было отчасти объяснить тем, что у них просто не нашлось оружия против таких гигантов, но у меня имеется другое объяснение. В их реакции на китов проявилось здоровое отношение охотника к животным, которые ему не нужны, не опасны и не создают для него неудобств. Живи сам и не мешай жить другим — такова была позиция рыбаков Бюржо.

К несчастью, не все в Ньюфаундленде ее разделяли. Вести о возвращении китов достигли чуткого слуха премьер-министра Смолвуда, а он был не такой человек, чтобы упустить возможность извлечь пользу из природных богатств страны.

Еще раньше Смолвуд пытался нажиться на водившихся в ньюфаундлендских водах гриндах — небольших,

но чрезвычайно многочисленных зубатых китах, которые редко бывают крупнее пяти с половиной метров в длину, но зато держатся стадами иногда по несколько сотен голов. Их излюбленная пища — кальмары, в погоне за которыми гринды часто заходят в узкие и длинные ньюфаундлендские фиорды, где их не так уж сложно поймать.

План Смолвуда заключался в том, чтобы основать в провинции Ньюфаундленд норковые фермы, а кормить норку мясом гринд. Быстро построили несколько ферм (причем одна из самых крупных принадлежала лично премьер-министру) и начали массовое истребление гринд. Чаще всего побоища устраивали в фиорде Дильдо. Стоило стаду войти в фиорд, как несколько лодок блокировали вход в него, а в это время охотники на других лодках, поднимая невероятный шум, пугали китов и загоняли на мелководе в конце фиорда, где их убивали топорами, дубинами и острогами. К 1965 году на корм ньюфаундлендским норкам уничтожили таким способом более 50 000 гринд, после чего они стали встречаться так редко, что владельцам ферм пришлось нанять три норвежских китобойца для добычи малых полосатиков, самых мелких усатых китов, которые сейчас впервые в истории промысла подвергаются энергичной атаке; раньше китобои ими пренебрегали.

Смолвуд замахнулся и на крупных китов. Он предложил иностранным капиталовладельцам возобновить китобойный промысел в районе северного побережья Ньюфаундленда, пообещав им полную свободу действий плюс значительные субсидии. Японцы с радостью откликнулись на его предложения и расконсервировали базу в Вильямспорте; одновременно (объединенными усилиями японских и норвежских предпринимателей) были расширены операции в фиорде Дильдо: здесь началась охота и на крупных китов-полосатиков. Очень скоро китобойцы обеих баз принялись бороздить воды к северу от Ньюфаундленда, проходя проливом Белл-Айл

к побережью Лабрадора и убивая ежегодно 300—400 финвалов.

Промысел этот продолжается и поныне; на счету его 2114 финвалов (а также несколько сот сейвалов, кашалотов и малых полосатиков), добытых в период между 1965 и 1971 годом. Согласно квотам, санкционированным канадским правительством, в 1972 году базам в Вильямспорте, Дильдо и Новой Шотландии было разрешено добывать в общей сложности 360 финвалов, что составляет почти предел их технических возможностей. 360 особей быстро вымирающей североатлантической популяции финвалов, поголовье которой — по данным занимающегося этим вопросом биолога — уже сократилось до 3000 китов или даже меньше! Вполне возможно, что китобоям этих трех баз просто не удастся найти 360 финвалов. Но ведь ограничений по добыче китов других видов на них не наложено, так что владельцы баз едва ли лишатся своих ежегодных прибылей. Зато если они действительно полностью используют щедрую норму по финвалам, можно будет считать, что вкупе с канадским правительством этим китопромышленникам удалось внести крупный вклад в дело скорейшего уничтожения редкого вида животных, которых осталось на планете всего каких-то 60 000.

Прямой противоположностью безмятежному приему, оказанному финвалам в Бюржо, был инцидент, который я примерно в это же время наблюдал в Сен-Пьере, столице и единственном порту французских островов Микелон и Сен-Пьер, лежащих в нескольких милях от южного побережья Ньюфаундленда. Большинство тамошних жителей — рыбаки, но сам город Сен-Пьер представляет собой скопление магазинов, туристских отелей, кемпингов, судоремонтных мастерских, и население его — в основном люди, воспитанные современным индустриализированным обществом.

Темной ночью в августе 1961 года моя шхуна стояла у подгнившего причала в Сен-Пьерской гавани. Около полуночи я поднялся на палубу, чтобы посидеть в тишине и спокойно выкурить трубку-другую. Но очень скоро ти-

шину нарушил странный звук, похожий на чье-то шумное дыхание. Донесся он откуда-то снизу, совсем рядом. Я схватил фонарь и осветил им черную воду возле шхуны. По гладкой поверхности расходились большие круги. Я тщетно пытался объяснить себе природу этого явления, как вдруг немного в стороне снова раздались шумные вздохи. Переметнув луч фонаря, я успел заметить, как из маслянистой воды одна за другой поднялись гладкие черные спины, потом взметнулись фонтаны, и животные снова исчезли в глубине.

Оказывается, в загаженные воды внутренней гавани проникло стадо гринд. На это у них, очевидно, имелась особая причина, потому что ни одно здоровое животное не полезет в эту клоаку по доброй воле. Шкипер одного местного траулера рассказывал мне потом, что в тот день он видел небольшую группу косаток поблизости от начала фарватера. У людей этот вид китов приобрел дурную славу, не вполне, кстати, заслуженную; однако косатки, или, как их еще называют, киты-убийцы, действительно иногда нападают на молодых гринд, а в стаде, вошедшем в гавань Сен-Пьера, было несколько детенышей.

Когда я отправился спать, гринды все еще лениво кружили поблизости. Проснулся я поздно. Меня разбудил рев подвесных моторов, возбужденные крики и топот ног. Высунувшись из люка, я увидел на причалах и набережной столь многочисленную толпу, словно сюда явилась по меньшей мере половина мужского населения Сен-Пьера. В толпе было также немало женщин и детей.

Над гаванью лежал легкий туман. Сквозь него я увидел два летящих на полной скорости катера с непомерно мощными моторами. На носу одного из них стоял молодой человек с самодельным копьём — охотничьим ножом, привязанным к веслу. Во втором катере сидел парень, державший на коленях ружье. Обе лодки яростно преследовали стадо гринд, состоявшее примерно из пятнадцати взрослых животных и шести или семи детенышей.

Гринды были перепуганы до смерти. Стоило одной из них появиться на поверхности, как катера устремлялись

прямо к ней, а стоявшие на берегу мужчины принимались палить по ней из ружей. Животные не успевали надышаться: едва сделав вдох, они вынуждены были снова погружаться. Детеныши, которым явно не хватало кислорода, то и дело задерживались на поверхности. Пользуясь этим, вооруженный копьем юноша старался подойти к ним вплотную и, когда ему это удавалось, резал им спины.

По грязной воде гавани расходились кровавые полосы. Было очевидно, что ни огнем из малокалиберных ружей, ни копьем охотникам не удастся перебить стадо; но это, кажется, и не являлось их целью. Я скоро понял, что они не охотятся, а просто развлекаются.

Я был вне себя от бешенства и отвращения, но ничего не мог сделать, чтобы прекратить кровопролитную забаву. На борт шхуны поднялся мой приятель, рыбак по имени Теофиль Дечевери, и я излил ему свои чувства. Он пожал плечами.

— Тот, что сидит в моторке с ружьем, — сын самого крупного в городе торговца, — сказал он. — А второй, с копьем, приехал из Франции и торчит здесь уже года два. Собирается пересечь Атлантику на плоту, но пока что не вылезает из пивных баров. Оба порядочные сволочи. Но не думайте, что у нас тут все такие. Сами видите — ни один рыбак в этой пакости не участвует.

Китам, конечно, от этого было не легче, но Дечевери говорил правду: рыбаки Сен-Пьера еще на рассвете ушли в море за треской. Когда к исходу дня нагруженные рыбой плоскодонки начали возвращаться в гавань, веселье было в самом разгаре. Все прогулочные катера Сен-Пьера включились в игру. Толпа на берегу стояла сплошной стеной, так что протолкнуться к воде было просто невозможно. Десятки людей пытались забраться ко мне на шхуну, чтобы любоваться спектаклем с палубы, и, когда я гневно гнал их прочь, отвечали насмешливой бранью. Десять часов подряд катера, сменяя друг друга, гоняли стадо по гавани. Группы вооруженных людей усеяли пирс у входа в гавань, и каждый раз, как гринды пыта-

лись вырваться на свободу, их встречал град пуль, в том числе и крупного калибра. Животные неизменно отступали и наконец оставили всякую надежду уйти в единственно доступное им убежище — открытое море.

К вечеру истекающие кровью гринды так вымотались, что стали выбираться на мелководье в глубине гавани; само по себе мелководье было для них опасно, но зато лодки там не могли вплотную приблизиться к животным. Гринды ложились на дно, сопя и задыхаясь, перекатывались с боку на бок, а отдохнув немного, снова уходили в глубину. Не раз проплывали они прямо у меня под килем, и я любовался их прекрасными телами... Владыки морей были совершенны в своей красоте. И угораздило же их оказаться во власти двуногих убийц!

С наступлением темноты участники травли решили, что на сегодня довольно, и объявили отбой; разошлась и честная публика. Я снова уселся на палубе, слушая странное, свистящее дыхание гринд. Я знал, что ожидает их на рассвете, и не мог заставить себя лечь спать. Наконец я отвязал свой ялик и поплыл в темноту затянутой туманом гавани. У меня была смутная надежда выгнать стадо в море прежде, чем новый день принесет им новые пытки.

Ялик был неустойчивый, точно скорлупка; двигаясь на нем сквозь густой туман и даже не зная, где сейчас находятся киты, я чувствовал себя весьма неуверенно. Нервы мои были напряжены. Гринды могли в любую секунду неожиданно появиться рядом; размеры их — самая крупная была длиной метров шесть, — признаться, пугали меня. Я вдруг остро почувствовал свою уязвимость: ведь я покинул надежную, привычную сушу и ступил на порог мира, мне совершенно чуждого. Я подумал — как, наверное, подумали бы на моем месте и многие другие, — что если гринды способны мстить, то месть их, конечно, обрушится на меня.

И вдруг с такой внезапностью, что у меня замерло сердце, стадо всплыло прямо подо мной. Там, где только что погружалось мое весло, появился и выдохнул детеныш гринды, и от его движения ялик закачался на воде. Я

должен был бы страшно испугаться — но этого не произошло. Наоборот, я сразу успокоился. И принялся тихонько уговаривать китов, внушая им, что они должны уйти в море. Плыли они очень медленно — по-видимому, они все еще были без сил — и оставались на поверхности или ненадолго погружались в воду, так что следовать за ними не составляло труда. Всплывая, киты окружали меня со всех сторон. Любому из них ничего не стоило опрокинуть мой ялик, но они к нему даже не прикасались. Меня охватила пронзительная жалость и одновременно — неопишное отчаяние. Как мне спасти гринд от завтрашной пытки?

Этакой странной флотилией — ялик с гребцом, окруженный стадом китов, — мы медленно кружили по гавани, но приближаться к выходу в море гринды не желали: то ли чувствовали присутствие косаток неподалеку, то ли еще не забыли, как днем всякая попытка выйти из гавани натыкалась на стену пуль.

Наконец я решился на крайние меры. Когда мы в очередной раз очутились недалеко от выхода, я принялся громко орать на китов и бить веслами по воде. Гринды мгновенно и надолго ушли в глубину, потом всплыли где-то в дальнем конце гавани и больше ко мне не приближались. Я сделал глупость — причем типично человеческую глупость — и уже не заслуживал доверия.

Когда забрезжил рассвет, киты все еще были в гавани. За долгие вечерние часы, проведенные в пивных и барах Сен-Пьера, изобретательные любители развлечений тщательно продумали утреннюю операцию.

На заре, лишь только начался отлив, с полдюжины катеров выстроились в ряд поперек входа в гавань и принялись постепенно загонять стадо на мелководье в дальнем конце бухты... Но киты, нырнув, прорывались за линию надвигавшихся лодок; тогда, как и накануне, их встречал ружейный огонь с пирса. Похоже было, что попытки прорыва возглавляла одна из самых крупных гринд — все стадо послушно следовало за ней. Вся эта операция без конца повторялась, и казалось, что травля

зашла в тупик. Но вот, когда грянул очередной залп с пирса, три маленькие гринды оказались отрезанными от стада. Они явно испугались и потеряли голову. Развив максимальную скорость, подгоняемые моторкой, они понеслись по поверхности прямо к мелководью, где отлив уже обнажил дно. Прошла минута, другая — и китята безнадежно застряли на камнях.

Мужчины и подростки, вооруженные топорами и тесаками, с нечеловеческим воем бросились с берега в воду, доходившую им до колен. В волнах закружились потоки крови. Вожак стада, повинаясь импульсу, разгадать который мне не дано, ринулся к трем плененным, изрезанным детенышам. Толпа завопила, кто-то побежал, в воде началась свалка. Но вот и вожак тоже застрял на камнях. Через минуту на мели оказалось все стадо.

Лишь один китенок остался плавать взад и вперед у самой границы рокового мелководья. Поначалу на него не обратили внимания: лодки устремились к стаду, люди с них попрыгали в воду, толкая друг друга, торопясь отхватить свою долю кровавого наслаждения. Взлетел фонтан китовой крови — и алым дождем пролился на головы сеньерцев. Я видел, как несколько мужчин подняли к небу окровавленные лица, утерлись, расхохотались и что-то закричали, охваченные азартом бойни.

Наконец кто-то заметил отставшего детеныша. Залитые кровью руки жадно и требовательно указывали на него, и тогда кто-то вскочил в катер. Взревел мотор. Катер описал небольшой круг, набирая скорость, и ринулся прямо на китенка. Нырнуть он не мог — было слишком мелко. Катер буквально взлетел по его спине. Кит панически изогнулся, яростно забил хвостом — и застрял на мели.

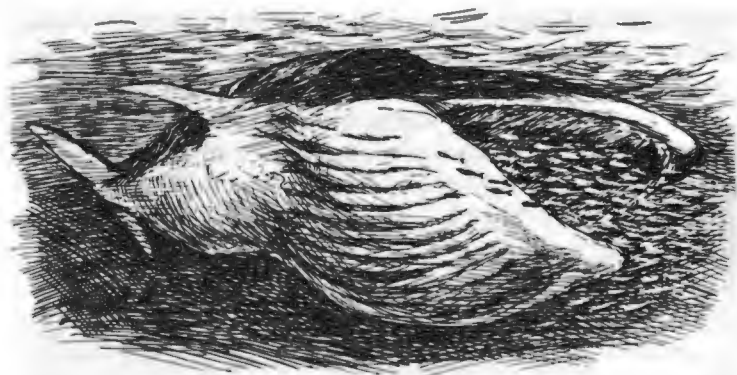
Последний кит давно уже умер от ран, а ножи и топоры на политом кровью берегу еще долго рубили и кромсали остывающие туши. Несколько сот человек, стоя на пристани, с наслаждением любовались зрелищем. Для жителей Сен-Пьера это был настоящий праздник. Народ не расходился до темноты — люди стояли, не сводя глаз с

окровавленных трупов. Мне запомнился маленький мальчик, лет восьми, не больше, который уселся верхом на мертвого китенка и без конца вонзал в него перочинный нож. Отец мальчика стоял рядом и одобрительно жестикулировал.

Далеко не все восторженные зрители были жителями Сен-Пьера. Немало канадских и американских туристов тоже любовались зрелищем и потом поспешили сфотографироваться возле трупов убитых чудовищ. Будет что показать родным и знакомым!

Да, спектакль был грандиозный... Финал его, правда, выглядел довольно скромно. Десятки тонн разлагающейся плоти нельзя было оставить в гавани. Поэтому на следующий день к берегу, на котором лежали трупы двадцати трех гринд, подъехало несколько мощных грузовиков. При помощи передвижного крана туши погрузили в кузова, а те, что не поместились, привязали сзади цепями. Затем трупы китов доставили на другой конец острова и один за другим сбросили с отвесного утеса. Так гринды вернулись в бескрайние просторы океана.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сколько я себя помню, киты всегда интриговали меня. Когда я был маленьким, дед пел мне песенку, которая начиналась так:

Глубоко на дне морском
Жил-был кит с большим хвостом...

Дальше в ней говорилось о том, что кит этот оставался полновластным хозяином моря до тех пор, пока однажды не обнаружил в своих владениях чужака — большую серебристую рыбину, которая ни за что не желала подчиниться киту. Наконец кит разгневался и хлестнул упрямыцу хвостом. Он совершил роковую ошибку: серебристая незнакомка оказалась торпедой.

Мораль песенки — а в ту эпоху все детские песенки имели мораль — заключалась, вероятно, в том, что задире всегда достается по заслугам. Но я понимал эту историю совсем иначе. Меня она неизменно огорчала: мои симпатии были на стороне кита, которого, как мне казалось, подло обманули.

Я становился старше, и мир животных и растений все больше занимал меня; олицетворением неразгаданных тайн этого мира были для меня киты. Я жадно прочитывал

все, что писали о китах, но книги убеждали меня только в одном: человеческая алчность обрекла китов на исчезновение, и тайны свои они унесут с собой в небытие.

До того как мы поселились в Бюржо, я ни разу не видел больших китов своими глазами. Зная, как энергично китов истребляют, я и не рассчитывал их когда-нибудь увидеть. Однако, переехав в Бюржо, я почти тотчас же услышал о небольшом стаде финвалов, зимовавших в этом районе. Мысль о том, что с наступлением зимы они, возможно, появятся вновь, чрезвычайно волновала меня и отчасти повлияла на мое решение обосноваться в поселке Мессерс-Ков.

Едва познакомившись с дядей Артом, я заговорил с ним о китах, и он заверил меня, что к зиме они вернуться. И все же меня мучили сомнения, разрешившиеся лишь накануне Рождества 1962 года.

Был холодный, сумрачный день, солнце смутно светило в затянутом дымкой небе. Мы с Клэр сидели на кухне и читали, и вдруг в дверях неслышно появился Оуни Стиклэнд: он пришел сообщить нам, что возле самого мыса Мессерс-Хэд появились киты.

Схватив бинокли, мы вслед за Оуни поспешили на припорошенный снегом мыс. Всего в какой-нибудь четверти мили от берега в неподвижном воздухе повисли высокие струи пара. Самих морских гигантов почти не было видно — лишь гладкие черные спины двигались в черной, как смоль, воде. Но для меня и этого было достаточно. Я испытывал чрезвычайное волнение. Вот она, великая тайна, — прямо у меня перед глазами, на пороге моего дома.

Семья финвалов, состоявшая из четырех китов, оставалась в районе Бюржо до весны, и лишь в самые ненастные дни их не было видно из наших окон, выходящих на море. Дядя Арт так радовался их возвращению, что я мог бы поклясться: он ставит сети на сельдь не ради улова, а просто чтобы оправдать выходы в море на свидания со своими друзьями-великанами. Возвращаясь на берег, он часами с наслаждением рассказывал мне обо всем, что

узнал о китах за свою долгую жизнь. И постепенно, мало-помалу, я стал проникать в тайны китового племени.

В последующие годы киты возвращались в наши воды в начале декабря и гостили обычно до апреля, когда исчезали косяки сельди. Каждую зиму мы с нетерпением дожидались появления китов, и в своей симпатии к ним мы не были одиноки. Рыбаки Бюржо относились к этим гигантским животным с грубоватой, но дружелюбной почтительностью. Интересы китов и людей не пересекались — киты тщательно обходили рыбацьи сети и даже в качестве конкурентов не были опасны нашим соседям, так как до сельди рыбаки были не особенно охочи: за сезон они засаливали всего несколько бочек для домашнего стола; кроме того, немного сельди использовалось как приманка на другую рыбу. Так что сельди хватало и людям, и китам — в прибрежных водах плавали миллионы, а то и миллиарды рыб.

Между китами и рыбаками установились удивительно непринужденные отношения. Случалось, что киты всплывали всего в нескольких метрах от плоскодонки, ялика или даже двенадцатиметрового баркаса и, сделав мощный вдох, невозмутимо возобновляли рыбную ловлю, а двуногие рыболовы так же невозмутимо продолжали заниматься своими сетями.

Дядя Арт считал, что киты глядят на рыбаков с той снисходительностью, с какой мастера-виртуозы порой относятся к своим старательным, но не слишком способным ученикам. Однако как только у побережья появились сейнеры из Британской Колумбии, этой идиллии пришел конец.

Анатомы и подобные им специалисты по китовым трупам могут немало рассказать об устройстве тела кита и о сути его физиологических механизмов; но о том, как именно они действуют, мало что известно. Еще более поразительное неведение обнаруживает современная наука относительно поведения китов и их удивительной приспособленности к условиям водного мира. Мой друг, один из ведущих китологов нашего времени, недавно

следующим образом резюмировал состояние нынешних знаний о китах: «Того, что нам, биологам, известно о жизни китов, едва ли хватит на контрольную работу для школьников».

Ничего странного в этом нет, поскольку на протяжении тысячелетий интерес человека к китам сводился к вопросу о том, как их лучше всего убивать. Мы живем в век техники, и лишь несколько десятков лет назад стали изучать китообразных; а к тому времени, когда ими наконец всерьез заинтересовались ученые, китов на нашей огромной планете осталось так мало, что даже мельком увидеть их удастся лишь немногим счастливым. Современный ученый, пытающийся проникнуть в тайны жизни китов, находится примерно в таком же положении, в каком оказался бы инопланетянин, пытающийся разобраться во всех тонкостях человеческой жизни, повиснув в стратосфере и наблюдая за человеком сквозь мутноватую толщу воздушного океана. К счастью, кроме тех сведений, которые удалось собрать профессиональным ученым, мы получаем еще и информацию из некоторых других источников.

Благодаря тому, что финвалы питаются сельдью (по крайней мере, в определенное время года и в определенный период своих странствий в океане), а также благодаря тому, что каждую зиму косяки сельди приходят к незамерзающему южному побережью Ньюфаундленда, случается, что гигантские морские млекопитающие месяцами живут буквально у порога нашего мира. И благодаря тому, что у нас есть люди вроде дяди Арта, питающие неугасимый интерес ко всему живому на Земле — интерес, который сразу выдает человека, близкого к природе, — мы все же знаем о китах несколько больше, чем считает мой ученый друг.

Перед дядей Артом и другими рыбаками я в неоплатном долгу; хочу предупредить читателя — если такое предупреждение может ему пригодиться, — что все сведения о финвалах, составляющие суть моего рассказа, я почерпнул из наблюдений и догадок людей, близких к природе. Как, скажите мне, финвал ловит рыбу себе на обед?

Даже на такой, казалось бы, фундаментальный вопрос в научной литературе нет ответа. Проникнуть в эту тайну помог мне дядя Арт, а затем при помощи своих собственных наблюдений, подкрепленных научными данными об открытии китового эхолокатора, я — не без благоговейного ужаса — представил себе во всех подробностях процедуру охоты финвала на сельдь.

Зрелище, которое мы с дядей Артом наблюдали с утеса в тот зимний день 1967 года, — рыболовное состязание между семьей финвалов и сейнером, этим чудом современной техники, — чрезвычайно развеселило дядю Арта. И неспроста.

Что такое сейнер для ловли сельди? Это судно новейшей конструкции: стальной корпус в тридцать с лишним метров длиной, дизельный двигатель, сложнейшее электронное оборудование, разработанное и построенное на основе последних достижений человеческой техники с одной-единственной целью — догнать и изловить рыбешку размером около тридцати сантиметров. Для начала такой сейнер находит косяк сельди при помощи замысловатого эхолокатора, посылающего в воду звуковую волну и принимающего ее отражение от встреченных в воде предметов. Отраженный сигнал — то есть «эхо» — регистрируется на медленно движущейся бумажной ленте, и, если где-то поблизости идет густой косяк сельди, это сразу будет отмечено на ленте. Одновременно отмечается расстояние до косяка и глубина, на которой он плышет. Сейнер «берет» этот электронный след и через какое-то время настигает косяк. Затем в ход идет кошельковый невод — мелкая сеть, которая должна окружить косяк со всех сторон. Сомкнув невод в кольцо, его «подбирают» — сводят вместе нижние края и постепенно стягивают невод по окружности, пока весь улов не соберется возле сейнера в гигантском сачке. Тогда, опустив в этот «сачок» мощную всасывающую трубу, сельдь перекачивают в трюм. Все это довольно сложные операции, и длятся они несколько часов кряду.

Для сравнения с сейнером скажем, что финвал — это тоже гигантский механизм, состоящий из костей, мышц, сухожилий и мозга, — механизм, превратившийся в процессе эволюции в совершенное орудие для преследования и поимки той же сельди — рыбешки длиной около тридцати сантиметров.

Кит обнаруживает косяк сельди либо при помощи зрения — а видит он под водой великолепно, — либо при помощи своей чрезвычайно замысловатой эхолокационной системы: он посылает звуковые сигналы низкой частоты и широкой направленности¹ и принимает отраженный звук, то есть эхо; таким образом кит «просматривает» находящуюся перед ним толщу воды на несколько миль вперед. Заметив косяк сельди — а финвал, очевидно, умеет отличать сельдь от других рыб такого же размера, — кит направляется к нему со своей обычной подводной крейсерской скоростью — около восьми узлов.

Приблизившись к цели, он резко разгоняется — узлов, видимо, до двадцати — и, изменив курс, принимается сужающимися кругами носиться, точно торпеда, вокруг косяка. При этом он поворачивается на бок, обратив к сельди свое брюхо. Spина у финвала серовато-черная, а его огромное брюхо покрыто блестящей белой кожей с высокой отражающей способностью. Окруженная этим сверкающим кольцом света², сельдь сбивается в плотный косяк, как если бы ее сгоняла суживающаяся сеть.

¹ Недавние наблюдения заставляют предложить, что, посылая узкий пучок высокочастотных колебаний, финвалы, подобно многим видам зубатых китов, пользуются эхолокатором и для обнаружения весьма удаленных объектов, а может быть, и для дальней связи. — *Примеч. авт.*

² Этот охотничий прием, очевидно, проливает свет еще на одно непонятное явление — поразительно асимметричную окраску финвала. Правая часть головы и значительная часть правого бока у него белые, как брюхо; левый же бок — темный. Я полагаю, это объясняется тем, что во время охоты финвал носится вокруг сельди по часовой стрелке, то есть обратив правый бок к косяку. Таким образом, заградительный световой эффект начинает действовать еще до того, как финвал поворачивается на бок и начинает сужать круги. — *Примеч. авт.*

Но вот кольцо света стянулось — рыба согнана. Тогда кит, широко разинув свою чудовищную пасть, внезапно бросается в самую гущу сельди.

Даже при внушительных размерах китовой пасти одной скорости было бы недостаточно для того, чтобы в полной мере окупить затраченные на охоту усилия. Поэтому кит пускает в ход еще один весьма необычный прием. Примерно две трети нижней части его туловища, от могучей нижней челюсти и до середины брюха, покрыты складками — получается нечто вроде гигантской гармонии. Складки эти имеются у всех полосатиков; у финвала их около ста. Когда плывущий с большой скоростью финвал резко открывает пасть, складки растягиваются под давлением хлынувшей в пасть воды и вся передняя часть тела кита раздувается до колоссальных размеров. Так что, хотя объем пасти финвала составляет всего несколько сот литров, охотясь, он почти мгновенно зачерпывает несколько тонн морской воды вместе со всем содержимым. Затем кит ловко захлопывает пасть, мускулатура, управляющая брюшными складками, сокращается, выталкивая ненужную воду сквозь щели по сторонам рта. Сельдь же удерживается бахромой китового уса, и, когда вся вода процежена, финвал языком проталкивает сельдь в свой весьма узкий пищевод, откуда она поступает в один из нескольких желудков. Вся операция занимает около десяти минут.

Стальные сейнеры способны ловить сельдь, мойву и прочую мелюзгу, только когда она плавает поблизости от поверхности моря; «сейнер» из плоти и крови не знает таких ограничений — кит умеет погружаться еще глубже, чем преследуемая им добыча. Совершенно очевидно, что финвал с легкостью плывет в течение получаса на глубине по меньшей мере ста метров, а при необходимости ныряет гораздо глубже и остается под водой дольше.

Неизвестно в точности, на какую глубину способны погружаться киты; зарегистрирован случай, когда финвал, которого подбили гарпуном с глубиномером, нырнул на триста пятьдесят с лишним метров.

Я описал обычную охоту финвала в дневное время. Но как он охотится по ночам? В том, что порой финвалы ло-

вят рыбу и в темноте, сомневаться не приходится — это подтверждается наблюдениями. Эхолокаторы финвала работают ночью ничуть не хуже, чем днем, но как он обходится без заградительного светового барьера? Очевидно, темными ночами финвал не носится кругами вокруг своей добычи, а неожиданно, с налета, нападает на косяк. Такая атака, по-видимому, малоэффективна, и, наверное, по ночам регулярно охотятся только самки, вынашивающие или кормящие детенышей и нуждающиеся поэтому в более обильном и почти непрерывном питании.

Как ни поразительно сходство между приемами лова у кита и у человека, вооруженного современной техникой, между ними есть и существенное различие. Проглотив тонну-другую рыбы, кит прекращает ловлю и посвящает свой досуг другим делам — каким, нам неизвестно. У стального сейнера принцип совсем другой: экипаж его продолжает добывать рыбу, пока не загрузит полностью двухсоттонные трюмы.

До того как современный человек начал хищническую эксплуатацию Мирового океана, моря нашей планеты изобиловали сельдью — и китами. Теперь этому пришел конец. Перебив почти всех крупных китов, человек сейчас решительно уничтожает и сельдь. Прославленная некогда добыча сельди в Северном море быстро приходит в упадок. У берегов Норвегии, Англии и других европейских государств ловить сельдь уже не имеет смысла. Несколько лет назад практически прекратился промысел сельди у берегов Британской Колумбии, некогда богатейшего в мире района, и к 1967 году более пятидесяти тамошних мощных современных сейнеров проделали длинный путь через Панамский канал к восточному побережью Канады, где они теперь помогают очистить от сельди воды залива Фанди, залива Святого Лаврентия и районов, лежащих к югу от Ньюфаундленда.

Первые годы промысел был невероятно успешным. В 1969 году только в районе Ньюфаундленда было выловлено больше ста двадцати тысяч тонн сельди, которая почти целиком пошла на... рыбную муку и жир для нужд сель-

ского хозяйства и промышленности. Непосредственно в пищу пошла лишь незначительная часть уловов. В 1970 году промысел вели еще более активно, однако добыча сельди сократилась на треть. Обследование, проведенное биологами в 1971 году, показало, что поголовье сельди не успевает восстанавливаться. Специалисты считают, что к 1980 году лов сельди в восточных канадских водах, а может быть, и во всей Северной Атлантике прекратится, потому что ловить будет просто нечего.

С исчезновением сельди угроза голодной смерти нависнет над такими важными промысловыми видами, как треска, палтус, пикша и даже лосось: все эти рыбы питаются сельдью, ими, в свою очередь, питается безудержно растущее человечество, а ему ведь тоже грозит в будущем голодная смерть.

Это, впрочем, отнюдь не волнует владельцев новых мощных комбинатов по переработке сельди, выросших, как грибы, по всему Атлантическому побережью Канады. Комбинаты эти (один из них построен в Буржо и ожидается, что через пару лет он утроит свою мощность) представляют собой высокомеханизированные предприятия, не требующие ни крупных вложений, ни многочисленного штата. Большинство комбинатов, воздвигнутых на юго-западном побережье, окупилась в течение первых трех лет. Сейчас они приносят огромный доход, причем владельцы рассчитывают получать от них прибыль даже после того, как вся сельдь будет уничтожена: они переключатся на мойву; но мойвой тоже питаются крупные северные промысловые рыбы, которые на протяжении бесчисленных столетий кормили человечество. Мойва — это изящная, прелестная на вид рыбка, обитающая только в северных водах, и вот за ней-то и будут посланы сейнеры, потому что ее сейчас, по-видимому, еще больше, чем было когда-то сельди.

В восточной части Атлантического океана мойву уже ловят норвежцы — им ведь тоже нужно «кормить» свои рыбоперерабатывающие комбинаты. Два ньюфаундлендских комбината сейчас работают на мойве в качестве эксперимента. Служащий одной международной рыбо-

промышленной корпорации с восторгом сообщил мне, что, по его расчетам, мойвы хватит «лет на пять или даже десять». Дальше чем на десять лет вперед рыбопромышленники, очевидно, не заглядывают.

Если через десять лет в Северной Атлантике еще останутся финвалы, то их положение будет весьма незавидным. Нелегко придется и питающимся мойвой тюленям, которых, кстати, все еще энергично истребляют норвежские флотилии, не без помощи канадцев.

Прогнозируемое исчезновение основного поголовья сельди и мойвы используется некоторыми как довод (вот пример человеческой логики) в пользу дальнейшего истребления китов и тюленей. Один человек, вложивший деньги и в китобойный, и в тюлений промысел, объяснял мне это так:

— Глупо даже пытаться спасти тюленей от вымирания, а китов — тем более. Рыбокомбинаты все равно скоро пожрут сельдь, мойву, а может быть, и кальмаров, так что киты и тюлени просто погибнут от голода. Лучше уж забыть их, пока не поздно. По крайней мере польза будет.

Другой довод в пользу уничтожения китообразных привел мне как-то один биолог, занимавшийся проблемами охраны океанской фауны, но, как я подозреваю, пришедший к выводу, что эта задача нам уже не под силу.

— У нас (то есть в отделе по использованию ресурсов океана) многие считают, что затевать кампанию по спасению китов просто нелепо, потому что, скорее всего, они так или иначе погибнут от загрязнения среды. В организмах морских животных, питающихся рыбой, оседают в конечном счете все яды, которые мы сбрасываем в океан, — ДДТ, ртуть и прочие. Нынешнее поколение китообразных либо погибнет от них, либо станет бесплодным... во всяком случае, загрязняющие вещества наверняка пагубно скажутся на них. Конечно, если китов перестанут убивать, им будет легче справиться с остальными бедами, и кто знает — может быть, они и выживут...

Есть и еще одна причина, заставляющая китобоев продолжать промысел крупных и мелких китообразных. Ведь на постройку современных китобойных флотилий и

связанных с ними промышленных предприятий потрачены огромные деньги. Японцы, отлавливающие сейчас больше китов, чем кто бы то ни было, заявили, что они не могут прекратить промысел, пока не окупят своих капиталовложений, но даже и после этого было бы расточительством поставить флотилии на прикол; а приспособить их оборудование для других целей практически невозможно. Того же мнения придерживаются, очевидно, и другие страны, занимающиеся промыслом китов, например Норвегия и Канада.

Однако официально массовый забой китов оправдывают совсем иначе. Апологеты китобойного промысла утверждают, что китов приходится отлавливать, и притом в значительных количествах, ради того, чтобы снабжать голодающее человечество жирами и белками и поставлять промышленности, в том числе и фармацевтической, сырье, без которого современное общество не может обойтись. Эти люди лишь вводят общественность в заблуждение, а то и попросту обманывают ее. Нет ни одного продукта, поставляемого китобойной промышленностью, который нельзя было бы синтезировать за те же деньги, а жиры и белки можно гораздо более экономично производить в сельском хозяйстве, не подвергая при этом землю тем непоправимым опустошениям, которым мы подвергаем океан.

Нет, впрочем, ничего удивительного в том, что политика опустошения морей находит сторонников. Ведь это лишь одно из проявлений отношения современного человека к окружающему миру. Эксплуатируй! потребляй! извергай отходы — и снова потребляй, все больше и быстрее! — вот заповеди нашего времени. Мы ведем себя как несмышленные дети в кондитерской лавке, и если не погибнем от несварения желудка, то помрем с голоду, когда выйдут все сласти. А в Мировом океане сласти кончатся очень скоро. Человечество лелеет надежду, что, когда на разоренной суше есть будет нечего, мы начнем питаться дарами моря, но это не более чем иллюзия. Моря не держивают даже нынешних масштабов рыболовного про-

мысла. Компетентные специалисты по рыболовству с уверенностью рисуют самые мрачные перспективы: в течение ближайших двадцати лет поголовье промысловых пород рыб в океане уменьшится вдвое, в то время как потребность в добыче рыбы возрастет за это же время по меньшей мере в десять раз!

Чудовищное истребление сельди в районе Ньюфаундленда уже сейчас серьезно сказывается на прибрежном лове трески и других родственных ей видов. Между тем флотилии десятка яростно конкурирующих стран вылавливают непомерное количество крупной рыбы на лежащих вдали от берега банках и отмелях; если теперь пропадет еще и мелкая рыба, идущая на приманку, — в основном сельдь и мойва, то в этом районе резко сократятся уловы промысловых рыб. Многим тысячам рыбаков придется менять профессию и образ жизни. Впрочем, некоторые считают, что ничего страшного в этом нет. Премьер-министр Смолвуд, типичный политический деятель современного толка, однажды сказал мне по этому поводу:

— Это было бы неплохо. Да, очень даже неплохо. Это было бы просто великолепно! Ведь тогда рыбакам придется идти в промышленность. А это означает улучшение жизненных условий. Прекрасно! Лучшего и желать не приходится.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хотя мои шансы проникнуть в тайны жизни финвалов были до обидного ничтожны, потому что я наблюдал за китами, только когда они поднимались на поверхность, мне все же иной раз везло. Одним таким счастливым случаем я обязан пилоту Ли Фрэнкхему, который был нашим другом и иногда устраивал нам воздушные прогулки вдоль берега на гидроплане.

Июльским днем 1964 года мы с ним летели в Кейп-ла-Ун, покинутый рыбацкий поселок, где когда-то жил дядя Арт. Погода стояла ясная, и холодная прибрежная вода была особенно чиста и прозрачна. Под нами показался широкий вход в залив Уайт-Бэа-Бей, и вдруг Ли сделал вираж и быстро пошел на снижение. На высоте тридцати метров он выровнял машину, и я увидел в воде шесть финвалов, шедших параллельно нашему курсу.

Киты плыли на глубине всего нескольких футов. Моряк сказал бы, что они идут под всеми парами. Прикинув их скорость, Ли заключил, что они делают не меньше двадцати узлов. Потом он сбросил газ, и мы принялись медленно кружить над финвалами. С высоты птичьего полета мы видели китов с такой отчетливостью, словно

они тоже летели в воздухе — или словно мы тоже плыли под водой. Можно было разглядеть мельчайшие детали их тел, малейшие движения. И все же, только ориентируясь по легкому волнению на поверхности залива, я убедился в том, что киты действительно быстро продвигаются вперед. Глядя на этих финвалов сверху, трудно было поверить, что они вообще куда-то плывут. Их мощные хвосты, которые, в отличие от рыбьих, гребут по вертикали, поднимались и опускались так лениво, словно киты не прилагали для этого ни малейших усилий, а похожие на гигантские весла ласты — видоизмененные передние конечности сухопутных предков китов — вообще почти не двигались: они служат в основном для поддержания устойчивости и изменения направления движения.

Хотя киты плыли со скоростью, доступной лишь немногим подводным лодкам в погруженном состоянии, я не заметил в воде никаких признаков завихрений. Казалось, что эти шесть животных идеально обтекаемой формы парят в толще зеленой морской воды и только очертания их чуть заметно колеблются, словно тела финвалов состоят из какого-то более чуткого и отзывчивого материала, чем живая плоть. Создавалось впечатление, будто киты извиваются в такт неслышной нам музыке океана.

Они были потрясающе красивы.

— Это лучше любого балета, — сказала Клэр. — Какое мастерство, какая гармония! Они же не плывут — они танцуют!

Танцуют? Такое не сразу придет в голову — ведь эти чудища весят по семьдесят—восемьдесят тонн. И все же трудно найти лучшее сравнение.

Человек, будучи существом сухопутным, и притом достаточно косным, представляет себе других животных не иначе как сквозь призму своего сухопутного мышления. Пытаясь передать гигантские размеры некоторых видов китов, их неизбежно сравнивают либо с самыми мощными из вымерших динозавров (киты гораздо крупнее их), либо с современными великанами суши — слонами: «... в шкуре

синего кита можно разместить стадо из двенадцати африканских слонов». Сравнения эти чрезвычайно грубы.

Еще более неверное представление о китах составили те, кто видел их мертвые туши, выброшенные на берег или поднятые на разделочную палубу китобойного судна. Извлеченный из родной стихии (да к тому же мертвый), кит превращается в бесформенную глыбу мяса и жира и лишь весьма отдаленно напоминает то существо, которым был при жизни.

Совсем другое дело — живой кит. Вид стада финвалов, плывущих через залив, был для нас подлинным откровением. Мы с необычайной остротой ощутили бесконечное изящество этих животных, достигших такой совершенной гармонии со своим миром, какой никогда не добиться человеку, будь то в воздухе или на суше, в природе или в искусстве.

Минут через десять киты дружно всплыли, сделали по нескольку вдохов и снова ушли под воду, не замедлив хода и почти не потревожив поверхность. Финвалы отлично видят не только под водой, но и в воздухе, и, наверное, они заметили наш самолет. Во всяком случае, они глубоко нырнули; мы следили за тем, как их мерцающие тела становились все меньше и меньше, пока наконец совсем не исчезли, словно за китами затворились двери подводного царства.

С тех пор как закончилась последняя мировая война, человек проявляет необычайный интерес к способности китов проворно и ловко перемещаться и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости своего трехмерного мира. Интерес этот рожден не восхищением и даже не желанием расширить наши познания, а стремлением воинственных двуногих научиться строить более совершенные подводные лодки, чтобы быстрее и лучше уничтожать себе подобных. Но каковы бы ни были мотивы изучения кита как подводного снаряда, оно привело к поистине поразительным открытиям, которые еще раз подтвердили, что китообразные относятся к наиболее совершенным существам, когда-либо населявшим нашу планету.

Исследователей с самого начала озадачивало умение кита развивать огромную скорость при помощи такого «примитивного» источника энергии, как мышечная ткань, и такого незамысловатого передатчика этой энергии, как пара лопастей хвостового плавника. Отчасти загадка объясняется обтекаемой формой тела кита; но есть, очевидно, и другие причины. Современные подводные лодки чуть ли не рабски копируют форму тела китообразных, и, в общем, им удается приблизиться к скоростям, доступным китам, но при этом даже самые экономичные двигатели подводной лодки затрачивают во много раз больше энергии, чем кит. Дело тут, видимо, в том, что тело кита гибко и эластично — свойство, которым не может похвастать корпус подводной лодки. Судя по результатам опытов с дельфинами, волнообразные движения тел танцующих финвалов, которые Клэр, Ли и я сочли оптической иллюзией, на самом деле были явлением вполне материальным.

По-видимому, наружные покровы тела китообразных: кожа, подкожный жир и подстилающая его соединительная ткань — обладают способностью имитировать текущую жидкость, то есть приближаться к жидкости по своим динамическим свойствам. Это приводит к удивительному явлению: турбулентный поток, который обычно возникает в пограничном слое между водой и быстро движущимся в ней телом, вызывая при этом сильное трение, превращается в поток ламинарный, спокойно обтекающий тело животных. Иными словами, ламинарный поток играет, если можно так выразиться, роль идеальной смазки. Я вовсе не уверен, что сегодняшняя наука до конца понимает механизм этого явления, но в эффективности его она уже убедилась. Специалисты подсчитали, например, что дельфин, обладающий такой же массой и размерами, как современная торпеда, мог бы развить скорость торпеды, затрачивая в десять раз меньше энергии.

Классический пример эффективности кита как механизма приводит Ивэн Сандерсон в своей замечательной книге «Вслед за китом». Развивая скорость до восьми уз-

лов, двадцатичетырехметровый синий кит пятьдесят миль тащил за собой загарпунившее его китобойное судно, хотя двигатель китобойца мощностью 800 лошадиных сил все время работал «полный назад»! Нет, одной грубой силой совершить такое невозможно. Тут дело в удивительной слаженности всех частей организма этого животного, в его идеальной приспособленности к водной среде.

Какова предельная скорость, развиваемая китом, нам неизвестно. Эксперименты, проведенные с некоторыми видами мелких китообразных, дают цифру двадцать семь узлов. На коротких отрезках пути представители вида, несправедливо названного китом-убийцей, достигают тридцати узлов и выше, между тем известны случаи, когда финвалы обгоняли китов-убийц! Однако в отличие от человека финвалы, по-видимому, не преклоняются перед скоростью как таковой. Обычно они вполне удовлетворяются экономичной скоростью в шесть-семь узлов.

Хотя о механике китового организма мы понемногу кое-что узнаем, об устройстве китового общества нам пока неизвестно почти ничего.

Зубатые киты как будто предпочитают держаться расширенными семейными группами, как бабуины и многие другие виды обезьян. Группы эти иногда насчитывают более сотни индивидуумов. По-видимому, зубатые китообразные полигамны; во всяком случае, спаривание у них никак не упорядочено. Поведение всех китов в стаде одинаково — все они исполняют одни и те же обязанности. Взрослые самцы, а в некоторых случаях самки иногда играют роль вожака, но все «рядовые» члены племени проявляют одинаковую заботу о молодняке. Когда один из членов сообщества ранен или подвергается опасности, все взрослые киты, находящиеся в пределах досягаемости, бросаются ему на помощь. Имеется множество достоверных сообщений о том, как зубатые киты поддерживали больного товарища на поверхности, чтобы он не захлебнулся. Зубатые киты резко отличаются от по-

давляющего большинства животных тем, что иногда приходят на помощь особям других видов.

Общественная структура у усатых китов базируется, по-видимому, на закрытых семейных ячейках. Я убежден, что все стада финвалов — это семьи, состоящие из взрослых самца и самки и их младшего детеныша, а часто также и нескольких отпрысков постарше, еще не нашедших себе пары. Финвалы не просто моногамны: брачные узы у них пожизненные, и притом необычайно прочные.

Хотя семья играет в жизни финвалов такую важную роль, они обнаруживают также и «общественные» тенденции. С тех времен, когда киты в океане были еще многочисленны, сохранились рассказы очевидцев о массовых скоплениях финвалов — вплоть до трехсот особей. Это были объединения семей, а не отдельных индивидуумов. Некоторые китобой считают, что подобные сборища происходили два-три раза в год и были своего рода празднествами, на которых кит-одиночка находил себе пару.

В районе островов Бюржо больше всего финвалов было зимой 1964/65 года: пять семей, в общей сложности — около тридцати китов. Иногда некоторые семьи день-другой держались вместе; однако в конце концов они непременно снова расходились, каждая в свой излюбленный район лова. Состав семей не менялся.

Зимний сезон 1964/65 года был самым благоприятным и для других видов китов-полосатиков, вновь вернувшихся в воды южного Ньюфаундленда. Но после 1965 года их поголовье пошло на убыль: слухи о появлении китов распространялись быстро и в конце концов дошли до норвежских китобоев.

Дело в том, что некто Карл Карлсен, состоятельный норвежский эмигрант, вскоре после войны поселившийся в Новой Шотландии, основал там компанию по промыслу тюленей, которые каждую весну рожают детенышей на паковых льдах в заливе Святого Лаврентия и у северного побережья Ньюфаундленда. Карлсен приобрел

подходящие для промысла суда и построил в Блэндфорде, близ Галифакса, жироваренный завод. В 1964 году Карлсен расширил свое предприятие с тем, чтобы перерабатывать также и китовые туши, и, пользуясь услугами норвежских китобойцев с норвежскими же экипажами, принялся бить китов-полосатиков, вновь появившихся в районе между Новой Шотландией и южным Ньюфаундлендом. Его мощные китобойцы — такие, например, как шестидесятиметровый «Тораринн» — уходили от блэндфордской базы на пятьсот миль и даже дальше; откуда ясно, сколь бессмысленным был очередной жест Международной комиссии по китобойному промыслу; Комиссия запретила использование плавучих китобаз в Северной Атлантике, заявив, что делается это с целью создания в центральной части Атлантического океана заповедной зоны. О том, что подавляющее большинство видов крупных китов не посещает центральной части Атлантического океана, а предпочитает кормиться вблизи материковых отмелей, где больше пищи, Комиссия не упоминала. Запрет этот был лишен смысла уже потому, что современные китобойцы, обладая огромным радиусом действия, могут даже с береговых баз в Норвегии, Исландии и восточной Канаде охватить почти все районы Северной Атлантики, где встречаются крупные киты.

Суда Карлсена заходили на восток до самых отмелей Гранд-Банкс и за первый год охоты добыли 56 финвалов. За следующий сезон они забили 108 китов, но в 1966 году наконец взялись за дело всерьез и выловили 263 финвала, а в 1967 году — 318. Всего к концу 1971 года фирма Карлсена уничтожила 1458 финвалов¹ и сверх того 654 сейвала, 64 кашалота и какое-то количество малых полосатиков и горбачей. Основную часть мяса двух с лишним тысяч крупных китов, переработанных в Блэндфорде, продали

¹ В 1964 году общее поголовье финвалов в западной части Атлантического океана составляло 7000. С тех пор китобойцы трех баз на восточном побережье Канады — в Вильямспорте, Дильдо и Блэндфорде — забили 3598 финвалов. Всего за последние восемь лет ими уничтожено 5717 китов разных видов. — *Примеч. авт.*

на корм собакам и кошкам. Жир, вытопленный из туш этих китов, в основном пошел на нужды парфюмерной промышленности. Лишь небольшая доля мяса и жира была отправлена в Японию в качестве пищевого продукта.

Так карлсеновские предприятия позаботились о том, чтобы воды южнее Ньюфаундленда перестали служить убежищем для крупных видов китов.

Зимой 1965/66 года в Бюржо вернулись всего только две семьи финвалов. Одна из них состояла из четырех, а другая только из трех китов; кроме них появился еще и взрослый кит-одиночка. Семью его, видимо, уничтожили китобои.

Мы так и называли его — Одиночка; иногда он приставал к какой-нибудь из двух уцелевших семей, но чаще плавал сам по себе. Как ни странно, его излюбленным местом охоты стал тесный залив Мессерс-Ков. Не замечая ни домов, ни людей, ни лодок, он подолгу ловил сельдь, беспечно заплывавшую в этот тупик. Возвращаясь домой зимними вечерами, я часто слышал его дыхание. Из наблюдений за Одиночкой я узнал о китовом племени много нового, но больше всего я удивился, когда однажды обнаружил, что у Одиночки есть голос, доступный человеческому слуху, и притом в воздухе.

Как-то холодным вечером я стоял на мессерском мостике и разговаривал с Симом Спенсером; внезапно оба мы услышали или, скорее, почувствовали в воздухе низкий прерывистый гул. Удивленно обернувшись к заливу, мы увидели столб пара, повисший над ледяной водой.

— Это что, кит? — недоверчиво спросил я.

Серьезное лицо Сима озадаченно сморщилось.

— В жизни не слышал, чтобы кит гудел. Но вроде больше некому, а?

Мы прислушались, глядя на воду, и через пару минут над заливом снова раздался тот же низкий вибрирующий звук. Однако на этот раз ничто не потревожило гладкую поверхность воды. Лишь четыре или пять минут спустя кит всплыл и с обычным свистящим шумом выдохнул воздух. Мы с Симом битый час стояли на мосту и замерзли до полусмерти, но больше в тот вечер потусторонних голосов не

слыхали. Только год спустя я снова услышал такой же звук и теперь определенно знаю, что это был голос финвала.

Во время нашего с Клэр отсутствия зимой 1966/67 года рыбаки Бюржо с тревогой ожидали появления своих друзей-китов. Все знали, что сезон 1966 года был удачным для китобоев Карлсена. За всю осень местные траулеры не встретили в прибрежных водах ни одного крупного кита. Однако в начале декабря дядя Арт с восторгом обнаружил, что финвалы все же вернулись.

Вернулась, как это ни печально, всего одна семья из пяти китов.

Почти весь декабрь финвалы по обыкновению безмятежно паслись в проливах между островами, но ближе к Рождеству появление нескольких мощных сейнеров из Британской Колумбии обеспокоило китов. Огромные стальные твари принялись с такой решительностью всасывать в свои трюмы сельдь, что на это было страшно смотреть. Они промышляли у самых берегов и несколько раз портили местным рыбакам сети, чем вызвали возмущение жителей Бюржо. Но пришельцам были одинаково безразличны и сети, и гнев рыбаков, и киты. Дядя Арт говорил, что видел, как сейнер намеренно взял курс прямо на всплывшего возле него финвала. Если столкновение с китом действительно входило в намерения рулевого, то это была ужасная глупость, потому что оно могло оказаться роковым не только для финвала, но и для сейнера.

Китам гости не понравились. По словам Оуни и дяди Арта, в присутствии сейнеров финвалы чувствовали себя явно не в своей тарелке. Это вполне понятно: на сейнерах, как и на китобойцах, установлены дизельные двигатели, шум которых, должно быть, кажется китам злоеющим.

Выждав несколько дней, семья финвалов покинула проливы и ушла на восток в небольшой фиорд под названием Га-Га, куда ненасытные сейнеры заходить не отваживаются, боясь порвать дорогостоящие сети о тамошние рифы. Однако время от времени сейнеры отправлялись сдавать улов на перерабатывающий комбинат в Хар-

бор-Бретон, и тогда киты покидали залив Га-Га и вход в близлежащий залив Бей-де-Лу. В один из таких дней, когда в наших водах остался всего один сейнер, мы с дядей Артом и убедились в «техническом» превосходстве финвала-рыболова над рыбаками на сейнере.

В заливе Га-Га киты были не одни. Они делили его с несколькими рыбаками из Бюржо, которые ходили туда ставить сети на треску. Появление китов поначалу вызвало у рыбаков тревогу: они боялись за свои снасти. Двое из них, братья Дуглас и Кеннет Ганн — тихие, востроносые мужички — даже хотели было перебраться в более безопасное место.

— Мы знали, конечно, что нарочно они рвать нам сети не станут, — вспоминал потом Дуглас Ганн. — Но Га-Га — залив небольшой, воды там — кот наплакал, а у нас шесть штук сетей. Ну мы и думали, что как их ни ставь, а рано или поздно какой-нибудь из китов обязательно наткнется на сеть... Но ничуть не бывало! Иной раз берем мы рыбу, а киты прямо под лодкой проходят, багром можно дотянуться. Сперва мы начинали бить веслами о борт и орать, чтобы отпугнуть их, но потом видим — они и сами соображают что к чему, ну и перестали обращать на них внимание. И все-таки порой страшновато делалось. Однажды у нас заглох мотор. Мы были на большом ялике и не взяли уключин; пришлось галанить¹.

Дело шло уже к вечеру, в заливе, кроме нас, ни души, а тут киты начали всплывать прямо под яликом. Там воды всего десять метров, а они за сельдью носятся, точно огромные торпеды. Так и шарахали мимо нас! А как раскроют пасть, чтоб сельдь заглотить, так вода кругом пеной идет. Я уже не чаял добраться когда-нибудь до своей кухни, но этим китам — им никакой лоцман не нужен: ни разу даже не коснулись нашей лодки! До протоки, что ведет в Олдриджскую заводь, мы выгребали больше часа, и киты все время крутились рядом. Под конец они перестали ловить сельдь и просто плыли подле нас, будто чувствовали, что у нас что-то неладно. Кен еще ска-

¹ Г а л а н и т ь — грести кормовым веслом. — *Примеч. пер.*

зал, что они вроде предлагают взять нас на буксир, но это уж он, конечно, загнул.

Рассказ братьев Ганн напомнил мне историю, которую я давно слышал от одного старика из бухты Хермитидж, что лежит на много миль восточнее Бюржо. В молодости старик этот работал на китобойной базе в Голтуа, на северном берегу бухты. Дом же его стоял на противоположном берегу. По выходным дням он на небольшой гребной лодке пересекал бухту — а ширина ее миль пять, — чтобы повидаться со своей семьей.

Однажды субботним вечером, направляясь к дому, он повстречал в бухте стадо финвалов. Китов было три, и вели себя они очень странно.

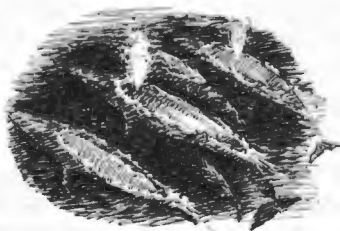
Вместо того чтобы ненадолго всплывать и снова погружаться, они все время шли по поверхности. Скоро лодка и киты сблизилась (курсы их пересекались), и рыбак увидел, что финвалы плывут, как он выразился, «плечом к плечу». Кит, шедший в середине, дышал чаще своих товарищей, и фонтан у него был розовый.

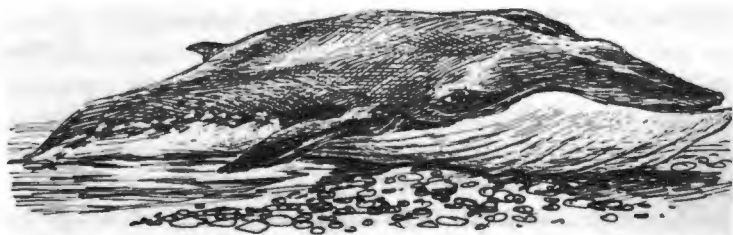
— Я сразу понял, в чем дело, — вспоминал старик. — В среднего кита, видно, стреляли. Но гарпун вошел неглубоко и вырвался, однако граната успела взорваться. Я затабил, чтобы отстать и не мозолить им глаза, но они на мою лодку и внимания не обратили, проплыли прямо у меня под носом и пошли себе дальше, вон из бухты. Я видел их совсем близко и могу поклясться, что два крайних кита поддерживали среднего своими плавниками. Как только они прошли, я погреб к дому и забыл про китов. А через несколько дней в Голтуа пришла одна шхуна, и шкипер мне рассказал, что возле острова Грин-Айленд он наткнулся на трех китов, которые потихоньку шли на восток и все время оставались на поверхности. Он вел свою шхуну прямо на них, но понял, что они нырять не намерены, и свернул. Проходя мимо, он увидел в спине у среднего кита огромную рану. Это были, конечно, те самые киты, которых я встретил в бухте, а на базе у нас говорили, что в субботу утром наш китобоец подбил кита, да он сорвался и ушел: значит, все сходилось. Те два крайних, видно, куда-то его везли, некоторые говорили, что на китово клад-

бище... Насчет этого я не знаю. Но что они пять дней держали его на поверхности и проплыли почти шестьдесят миль, так это точно.

Олдриджская заводь — это соленый водоем примерно в полмили длиной и почти такой же ширины; она лежит в центре каменистого полуострова, отделяющего залив Га-Га от залива Шорт-Рич. Узкая и мелкая протока, по которой можно пройти только на небольшой лодке, да и то лишь во время прилива, соединяет Олдриджскую заводь с заливом Га-Га. Есть, однако, и еще один вход в заводь — довольно широкий и глубокий пролив, выходящий в небольшую бухту в заливе Шорт-Рич. Рыбаки, ставившие сети в Га-Га, обыкновенно шли туда из залива Шорт-Рич через Олдриджскую заводь и протоку, срезая таким образом долгий и в ненастье опасный путь вокруг полуострова. На рассвете они входили в заводь со стороны залива Шорт-Рич, пересекали ее и через протоку выходили в Га-Га, где и принимались за работу. Во второй половине дня они в нагруженных рыбой лодках возвращались в закрытую от ветров заводь и приставали к берегу, чтобы выпотрошить свой улов.

За предыдущие годы мы с Клэр всего раз побывали в заводи. Но в ту зиму не прошло и двух недель со дня нашего возвращения в Бюржо, как Олдриджская заводь сделалась центром событий, которым суждено было изменить всю нашу жизнь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На пятницу 20 января метеослужба предсказывала сильный зюйд-ост. На островах Бюржо это означает весьма неприятный шторм, и братья Ганн торопились поскорее убраться из залива Га-Га. Небо низко нависло над морем, налетали порывы ветра со снегом; к полудню братья выбрали последнюю сеть. Отряхнув лед с вязаных рукавиц, они завели свой пятисильный «Атлантик» и, тарахтя, направились к протоке, ведущей в Олдриджскую заводь. Китов они в тот день не видели, и, когда лодка вошла в узкую протоку и братья, заглушив мотор, принялись отталкиваться шестью, Кеннет заметил, что киты, должно быть, тоже слышали прогноз.

— Поняли, что непогода загонит сейнеры в гавань, и теперь спокойно пасутся за островами.

— Пусть себе пасутся на здоровье, — отозвался Дуглас, озабоченно глядя на грозно потемневшее небо.

Пока ветер гнал лодку через заводь, братья торопливо потрошили свой небогатый улов. Они справились за час. В проливе, который ведет из заводи в залив Шорт-Рич, их встретили мощные валы прибойя. Лодку бросало то к одному берегу пролива, то к другому, и Кеннету приходи-

лось веслом отпихивать ее от камней. При этом он заметил, что вода в проливе кишит сельдью.

— В жизни такого не видел, — вспоминал Кеннет. — Там было столько рыбы, что она нас чуть обратно в заводь не унесла. Сельдь шла сплошным потоком, словно за ней сам дьявол гнался. Может, тем сельдям и вправду казалось, что они от черта бегут; во всяком случае, выйдя в Шорт-Рич, мы сразу увидели два фонтана возле самого острова Фиш-Рок. Похоже было, что киты охотятся вовсю.

Еще несколькими днями раньше братья Ганн заметили, что, хотя Олдриджская заводь почти отрезана от моря, ее явно облюбовали косяки сельди. Братья объясняли это тем, что сельдь пытается найти убежище в таких местах, куда рыболовные суда не могут за ней последовать. Так или иначе, во время прилива Олдриджская заводь кишела сельдью, часть которой с отливом уходила в море.

Вопреки зловещему прогнозу ветер в ту ночь был умеренный: анемометр у нас на крыше показывал сорок узлов, и, ложась спать, мы с Клэр слышали, как волны с гулом бьются о скалы в соседней бухте Маст-Ков. Еще до наступления утра ветер зашел к северу, небо прояснилось, и волнение начало успокаиваться.

Братья Ганн, усердные рыбаки, кормильцы большой семьи, с рассветом отправились проверять свои сети. В самой Олдриджской заводи они не заметили ничего необычного, но, выходя из протоки в залив Га-Га, наткнулись на нескольких китов, которые плавали у самого берега. Кеннет мельком подумал, что они, вероятно, ждут отлива в надежде перехватить выходящую из заводи сельдь. Однако в тот момент он был занят своим собственным уловом и тут же забыл о китах.

Братья с радостью обнаружили, что сети их целы, больше того, полны трески. Несколько часов они вытаскивали рыбу и снова ставили сети, а когда, тяжело нагрузив лодку, пустились в обратный путь, то у входа в протоку снова увидели нескольких китов. Не обратив на них особого внимания, они прошли в Олдриджскую заводь, привязали лодку к большому камню в северном конце заводи и принялись потрошить свой улов.

Не прошло и нескольких минут, как они, вздрогнув от неожиданности, услышали звук, который был бы вполне естествен в заливе, но казался совершенно неуместным в закрытом водоеме: тишину над Олдриджской заводью разорвало мощное шипение — это выдохнул финвал, всплывший почти у самого борта лодки! Рассказывая об этом впоследствии, Кеннет, человек словоохотливый и живой, не переставал изумляться:

— Ну и удивились же мы! Глядим, метрах в пятидесяти здоровенный плавник показался — и в воду. А пар так и висит в воздухе, так и висит. Мы глазам своим не поверили: чтобы такая махина в заводь вошла? Да никогда в жизни! В протоке-то ей и брюхо не смочить, да и в проливе тоже никогда больше четырех с половиной метров воды не бывало. А эта зверюга была размером с линкор, не меньше!¹

Мы стали дальше потрошить свою рыбу, но все время оглядывались. И вот эта громадина всплывает — и несется прямо к проливу. Я закричал: «Смотри, Дуг, она сейчас вылетит на берег!» Потом видим — перед самым входом в пролив, когда я уже не сомневался, что ее вынесет на камни, она передумала и развернулась. Вода в проливе стеной поднялась. Будь там в это время лодка, ее бы как щепку перевернуло. И надо же так резко свернуть! Китиху прямо на бок опрокинуло, тут мы ее всю и увидали. Метров двадцать в ней было, а то и все тридцать.

В течение часа братья потрошили рыбу, а китиха продолжала стремительно, безрезультатно атаковать пролив, словно набиралась смелости, чтобы наконец рискнуть войти в него. Снова и снова она всплывала в центре заводи, разгонялась и шла ко входу в пролив. Но каждый раз в последний момент сворачивала в сторону. По-видимому, она понимала, что даже ее колоссальной инерции

¹ Братья Ганн не знали того, что действительно видели самку финвала, но с самого начала говорили о ней в женском роде, очевидно, потому, что гигантские размеры кита вызывали у них ассоциации с кораблем, а корабль по-английски женского рода. — *Примеч. авт.*

недостаточно для того, чтобы преодолеть мелководный пролив.

— Я еще подумал, — вспоминал Дуг Гани, — что она, наверное, ждет прилива и пробует глубину. Время шло к «спринджам»¹, и мы решили, что, может, вечером ей и впрямь удастся выбраться.

Братья оказались в затруднительном положении. Они кончили потрошить свой улов и могли теперь возвращаться домой, но оказаться в проливе во время одной из китовых атак им вовсе не улыбалось. Не хотелось им и гнать тяжело нагруженную лодку обратно в Га-Га и потом против высокой волны, еще не улегшейся после ночного шторма, идти вокруг Олдриджского полуострова. Наконец они решили потихоньку двинуться к проливу, держась поближе к берегу, и посмотреть, что из этого получится.

Пока они огибали заводь, китиха не обращала на лодку ни малейшего внимания. И вот до пролива осталась какая-нибудь сотня метров. Не зная, что делать дальше, братья благоразумно пристали к берегу. Китиха всплыла в центре заводи и обернулась в их сторону.

— Тут мы такое увидели, что я до смерти не забуду, — рассказывал Кеннет. — Уж кто-кто, а я знаю, как всплывает финвал — сначала затылок показывается, потом хребет, потом спинной плавник. Но эта зверюга!.. Сперва она потихоньку двинулась к нам. Нырнула. И вдруг вся так и поднялась в воздух, головой вперед, как скала. И глядит на нас своим огромным глазом. У меня душа в пятки ушла. Хоть эта красotka пасть и не раскрывала, но все равно видно было, что ей ничего не стоит проглотить нас целиком — с мотором и веслами. Потом она нырнула. Минут двадцать мы ждали, и вот она снова появилась — на другом конце заводи, где мы рыбу потрошили. Я говорю: «Дуг, заводь мотор! Она нам уступает дорогу». Тут уж мы времени терять не стали — так и сиганули из пролива! Потом, идя через Шорт-Рич, мы все удивлялись — как ее

¹ То есть к сизигийным приливам — самым высоким приливам лунного месяца. — *Примеч. авт.*

угораздило в заводь попасть? Дуг сказал, что она туда, видно, за сельдью полезла. «Что ж, — говорю я, — скоро у нас в Олдриджской заводи китов будет, что сельдей в бочке».

При своих крошечных размерах бухточка, в которую выходит ведущий из Олдриджской заводи пролив, удивительно глубока: даже во время отлива воды в ней в среднем никак не меньше девяти метров. Однако уже у самого входа в пролив дно резко повышается, и глубина там при отливе — всего полтора метра. Ширина собственно пролива — около десяти метров, длина — около сорока; у выхода из пролива в заводь дно усеяно довольно крупными камнями, и при отливе воды над ними не больше чем метр двадцать.

Вечером, в пятницу 20 января, прибывь воды, по расчетам, составляла чуть меньше полутора метров, но фактически из-за сильного волнения, поднятого непродолжительным зюйд-остом, вода поднялась на метр и восемьдесят сантиметров. Значит, в тот вечер при полном приливе глубина в бухте составила около двенадцати метров, а в проливе — несколько больше трех метров.

В пятницу, сразу после полудня, шесть сейнеров, промышлявших в районе островов Бюржо, вытащили сети на палубы и направились в порт, спасаясь от приближавшегося шторма. Последний сейнер отбыл около трех часов дня, и гул дизельных двигателей, далеко разносившийся по подводному царству, наконец затих.

С наступлением тишины семья финвалов из залива Га-Га решила переменить район лова. Возможно, сельдь уже начала обходить стороной патрулируемый китами залив, а может быть, пятерка здоровенных прожорливых финвалов просто поела почти всю рыбу в заливе Га-Га. Так или иначе, киты обогнули Олдриджский полуостров и вошли в залив Шорт-Рич, где их и видели в тот вечер братья Ганн.

Ну а в заливе Шорт-Рич сельди было видимо-невидимо, и до наступления темноты киты успели хорошо по-

охотиться. Сумерки сгустились рано: небо затянули низкие тучи, обещавшие шторм.

В темноте финвалы не могли пользоваться своим любимым методом охоты; для того чтобы сгонять сельдь, им нужен был свет. Однако к этому времени почти все киты уже наелись.

Отец семейства, громадный, гладкий детина, не намного уступавший в размерах своей супруге, а также молодые, но уже внушительные на вид отпрыски могли себе позволить отдохнуть в глубине, ожидая наступления дня. Другое дело самка: она все еще была голодна — и не без причины: в недрах ее гигантского чрева зрела новая жизнь — плод, росший с такой чудовищной быстротой, что организм будущей матери непрерывно требовал пищи. Поэтому, пока семья ее наслаждалась отдыхом и покоем, самка продолжала охотиться в темноте, бросаясь с раскрытой пастью на те косяки сельди, что были погуще.

Найти сельдь ей было нетрудно: локатор сообщал ей все необходимые данные о косяках — местоположение, плотность, глубину. Поскольку сгонять сельдь по своему усмотрению китиха в темноте не могла, она, естественно, останавливала свой выбор на косяках, которым близкий берег мешал ускользнуть при ее приближении. Многочисленные бухточки и затоны, изрезавшие крутые берега полуострова Ричардс-Хэд, были как будто нарочно созданы для этого; скоро китиха обнаружила, что один из этих миниатюрных заливчиков — бухта, что ведет в пролив к Олдриджской заводи, — кишмя кишит сельдью.

В темноте локатор полностью заменяет киту зрение. Но локатор не идеален. Пользуясь им, китиха, конечно, определила размеры и форму бухты, но узкого и мелкого пролива, ведущего в Олдриджскую заводь, она, возможно, и не заметила. Не зная, что у заполнившего бухту косяка имеется путь к отступлению, она огромной черной тенью ворвалась в бухту, неумолимая, как судьба... но сельдь ускользала от нее, ускользала неизвестно куда — ведь китиха, по-видимому, не знала, что рыба, точно живая река, течет в Олдриджскую заводь.

Бухта была глубока, но опасно мала. Признай китиха, что атака не удалась, она бы еще могла остановить свой бег, погасив инерцию. Для этого ей достаточно было разинуть пасть, и давление воды растянуло бы складки у нее на брюхе, а резко возросшее сопротивление среды подействовало бы как гигантский тормозной парашют. Однако голодная самка опоздала применить этот тормоз: инерция уже втянула ее в горло пролива, и китиха с ужасом ощутила, что брюхо ее коснулось каменистого дна. Она бешено забилась, пытаясь развернуться, — задний ход китам недоступен, — но из-за быстрого приливного течения удары ласт и хвоста лишь еще дальше затягивали ее в пролив.

Должно быть, она испугалась, ибо кит, выброшенный прибоем на мель, обречен: начинается отлив, и огромное животное, привыкшее к тому, что его держит вода, погибает от собственного веса — грудная клетка не выдерживает нагрузки, и кит задыхается.

Продолжавшийся прилив и бешеные удары хвоста продвигали китиху в единственном возможном для нее направлении — вперед; извиваясь брюхом между усеявшими дно камнями, она ползла по проливу, и вдруг будто чудо пришло ей на помощь — внезапно дно опустилось, и китиха погрузилась в воду.

Средняя глубина большей части Олдриджской заводи — девять метров, а центральной ее части — все шестнадцать. Китиха, должно быть, испытала огромное облегчение, очутившись на свободе. Но радость ее, по-видимому, была недолгой. Через минуту-другую она, обследовав локатором берега, поняла, что оказалась в западне. Единственный выход из западни вел через мелководный пролив, который она только что преодолела.

Это был страшный момент, требовалось срочно принять решение! Остаться в заводи — и в конце концов умереть с голоду? Рвануться назад во время отлива — и задохнуться на камнях еще до наступления утра?

Конечно, за отливом снова последует прилив. Уж это-то она, конечно, знала. Но тут мало было просто прилива: требовался непременно сизигийный прилив, а

его предстояло ждать еще целый мѣсяц, да и тогда воды могло оказаться недостаточно, если не будет штормового ветра с моря. Возможно, китихе было известно и это.

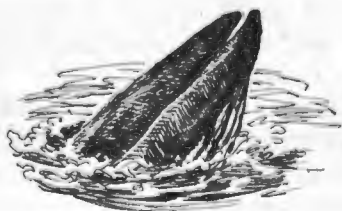
В неумолимом ритме приливов и отливов скрывалась ее единственная надежда на спасение. Всю ночь китиха ждала следующего подъема воды. В субботу утром вода снова поднялась. Но уровень ее оказался на тридцать сантиметров ниже, чем накануне. Этого было мало. И все же пленница снова и снова атаковала пролив — единственный путь к свободе.

В половине пятого пополудни братья Ганн подошли к рыбозаводу, и, пока они, рассказывая о том, что видели, выгружали свой улов на причал, послушать их собралась немалая толпа. Все-таки развлечение — день на консервном заводе проходит уныло и скучно.

— Так ты думаешь, она еще там? — спросил Кеннета один из бригадиров, крупный, непомерно толстый мужчина лет за пятьдесят.

— Скорее всего. До следующего прилива ей никак не выбраться, — ответил Кеннет. Рассказывая мне впоследствии об этом разговоре, он добавил: — Если б я знал, что у них на уме, я бы им сказал, что ее уже и след простыл.

Наверное, он так бы и сделал, потому что братья Ганн не желали китихе дурного. Но не все в Бюржо разделяли их позицию.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Едва братья Ганн выгрузили улов и отправились к себе домой в Мади-Хоул, как от заводского причала отошла еще одна лодка. На борту ее был Джордж — толстяк бригадир, который так заинтересовался китом, — и еще четверо мужчин помоложе. Все эти люди служили на рыбозаводе, но управляющий разрешил им уйти пораньше, чтобы «посмотреть» кита. Путь их действительно лежал в Олдриджскую заводь, но, отойдя от завода, они причалили к берегу и разбежались по домам — за ружьями и патронами. Когда лодка снова вышла в залив, ее арсенал составляли два спортивных малокалиберных карабина, американская армейская винтовка и две боевые крупнокалиберные винтовки Ли-Энфилда.

Хотя все пятеро родились на юго-западном побережье, каждый из них провел несколько лет в США или Канаде; возвратившись по той или иной причине домой, они отказались от потомственной профессии рыбака и предпочли работать за жалованье на рыбозаводе — кто механиком, кто техником, кто бригадиром. Это были представители ньюфаундлендцев нового типа, о которых мечтал Джозеф Смолвуд, — «прогрессивные» люди XX века, стеснявшиеся своего происхождения и поспешно приобщившиеся к манерам и нравам современного индустриального общества.

Уже сгущались сумерки, когда моторка обогнула мыс Ричардс-Хэд и вошла в бухточку, из которой открывался пролив в Олдриджскую заводь. Внезапно раздался крик, и стоявший на носу схватил свою винтовку и указал ею на воду. У самого входа в бухту всплыл кит.

Бригадир сбросил газ, и лодка пошла по инерции.

— Ах, стерва, видно, ушла уже! — раздраженно воскликнул один из рабочих.

Все же, прежде чем кит успел погрузиться, три-четыре пули ударили по воде и рикошетом с воем ушли в темноту. Экипаж моторки с надеждой ждал нового появления гигантского животного, но кит исчез. Считая, что это и была китиха, о которой рассказывали братья Ганн, и понимая, что теперь им ее не догнать, разочарованные охотники решили возвращаться домой. Джордж уже начал разворачивать лодку, когда один из людей, немолодой мужчина, проработавший десять лет на красильной фабрике в Торонто и лишь недавно вернувшийся в Бюржо, сказал:

— Помнится, я бывал в заводи мальчишкой. Может, заглянем, сделаем круг? Если повезет, пару уток подстрелим или тюленя.

Джордж охотно развернул моторку и направил ее ко входу в пролив. В ту же секунду все пятеро вздрогнули от неожиданности: над бухтой раздался гулкий низкий рев. Как говорили они потом, «точно корова мыкнула в пустую железную бочку». Одновременно в дальнем конце пролива поднялась мощная волна, и моторку окатило брызгами. Люди в изумлении уставились друг на друга.

— Господи Иисусе! Да она еще там!

Они вытащили лодку на отлогий галечный берег, взбежали на холм, отделявший бухту от заводи. Один из них потом рассказывал, что у самого пролива они увидели «здоровенную, как черт, рыбину, которая наполовину высунулась из воды и так била хвостом, что брызги взлетали до самой вершины холма. А хвост у нее был, как самолет!»

Пятерка молодцов времени терять не стала. Одни, вгоняя патроны в стволы, опустили на колено, другие стреляли стоя. Эхо ружейных выстрелов огласило холмы, окружавшие Олдриджскую заводь; ему отвечало приятное чмоканье пуль, вонзавшихся в живую плоть.

— Промахнуться было невозможно, — восторженно рассказывал один из стрелков. — Я целил в глаз, здоровенный, как тарелка. Другие целили в ноздрю. Но только наши пули ей были все равно что комариные укусы. Она перевалилась на бок, развернулась, отплыла на глубину и нырнула. Все же пуль двадцать мы в нее всадили.

Китиха ретировалась в северный конец заводи, но через несколько минут, которых стрелкам вполне хватило на то, чтобы торопливо перезарядить оружие и приготовиться, она снова показалась на поверхности и опять направилась к проливу. Подпустив животное поближе, стоявшие на холме люди встретили его сосредоточенным огнем. Китиха снова нырнула и на этот раз не показывалась минут двадцать.

— Кто-то из наших сказал, что мы ее, верно, прикончили, но куда там! На такую громадину не с ружьем надо было идти. А Джордж сказал, что если стрелять каждый раз, как китиха подплывет к проливу, то она в конце концов плюнет и останется на ночь в заводи. А следующий-то день был выходной! Стреляй хоть с рассвета до заката!

Патронов они привезли немного, и через час стрельбу пришлось прекратить. «Охотники» нехотя вернулись в моторку и пошли в Бюржо, где остаток вечера провели, путешествуя из дома в дом, подкрепляясь спиртным и рассказывая о своем подвиге.

Настало воскресенье. В безоблачном небе засверкало яркое солнце, осветившее одетые белым берега и черную гладь штилевого моря. Ничего не зная о том, что произошло в Олдриджской заводи, мы с Клэр и Альбертом отправились на изогнутый, как сабля, песчаный мыс, отделяющий заводь Литл-Бэрэсвей от океана. Это был редкостный день: нам посчастливилось увидеть семнадцать орланов — почти невероятная удача в наши дни, когда эта птица тоже уже близка к видовому вымиранию. Бог знает сколько сотен миль пролетели орланы, чтобы полакомиться выброшенной на песчаные пляжи дохлой сельдью — десятками тысяч рыб, ставших жертвами сейнеров.

Над Бюржо разносился звон колоколов англиканской и объединенной церковей; по обледеневшим улицам го-

рожане шли к утренней службе. Возвращаясь домой, к воскресному обеду, мужчины то и дело останавливались и собирались группами поболтать о том о сем. Говорили главным образом о попавшей в западню китихе. Не говорить о ней было трудно — с раннего утра за восточной окраиной городка гремели ружейные залпы.

Вскоре после восхода солнца по берегам заводи расположились стрелки, человек двадцать—двадцать пять. На этот раз патронов у них было достаточно. Городские торговцы услужливо открыли магазины в неурочный час и быстро распродали почти все запасы патронов. Кое-кто из торговцев присоединился к своим покупателям и тоже явился в заводь: пришли и несколько служащих с рыбозавода; собрались в Олдриджской заводи и развязные молодые люди из тех, что с весны до осени работают на грузовых судах на Великих озерах, а зимой сидят в Бюржо и получают пособие по безработице. Представлена была и первая в Бюржо ассоциация бизнесменов — недавно созданный Юго-западный клуб, совмещавший функции благотворительной организации и совета по экономическому развитию города. Целью Юго-западного клуба было как можно скорее превратить Бюржо в истинно современный город.

С прибытием стрелков китиха стала держаться в центре заводи, стараясь как можно дольше оставаться под водой.

Приспособленность китов — млекопитающих, дышащих воздухом, — к длительным и глубоководным погружениям не может не вызывать восхищения. В отличие от человека кит, ныряя, располагает не только запасом воздуха, который умещается у него в легких; если бы кит погружался с полными легкими, он, грубо говоря, был бы подвержен кессонной болезни, которая имеет опасные, а иногда и роковые последствия. Поэтому кит запасает большую часть необходимого кислорода в гемоглобине крови, а также в миоглобине мышц. Кроме того, при глубоком или продолжительном нырянии система кровообращения кита перестраивается таким образом, что драгоценный кислород расходуется в первую очередь на снабжение органов, наиболее чувствительных к кислородному голоданию.

Появляясь на поверхности после длительного пребывания под водой (известны случаи погружений на сорок минут и более), финвал освобождается от скопившихся в его организме отработанных газов и замещает их огромным количеством свежего воздуха. Сделать это он должен очень быстро, потому что именно в такой момент кит наиболее уязвим. Для обеспечения подобного скоростного дыхательного акта у китообразных развились чрезвычайно интересные физиологические механизмы.

Дыхала кита — это перекочевавшие с морды на темя ноздри его предков. Дыхала снабжены мощными клапанами и соединяются с легкими обширными воздухоносными путями, вмещающими огромное количество воздуха. Легкие финвала представляют собой настолько мощные мехи, что, всплыв на поверхность, он может опорожнить и вновь до отказа наполнить их буквально за одну секунду! Для того чтобы полностью восстановить запасы кислорода после длительного погружения, дыхательный акт должен быть повторен несколько раз, причем с паузами, так как кровь не в состоянии мгновенно поглотить кислород, наполнивший легкие. Поэтому после каждого выдоха-вдоха финвал на две-три минуты снова погружается в воду и, лишь как следует «зарядившись» кислородом, может идти в глубину.

Всплывая, финвал первым делом показывает горб с дыхалами; как только он поднимается на поверхность, открываются дыхательные клапаны, и кит делает мощный выдох, за которым мгновенно следует столь же мощный вдох; затем клапаны смыкаются, и кит начинает погружаться. Точно громадное колесо катится в воде: вслед за дыхалами над водой проходит длинный изогнутый хребет, а за ним высокий спинной плавник, посаженный ближе к хвосту. Лопастей хвоста обычно не видны, но в ту секунду, когда кит окончательно исчезает из виду, на поверхности воды вздуваются два одинаковых вала, посланные мощным движением хвоста.

Всплывая, китиха оставалась на поверхности очень недолго, и стрелки, расположившиеся по берегам Олдриджской заводи, поначалу не успевали как следует пристре-

ляться. Однако они скоро заметили, что в появлениях животного есть определенный ритм, и стали действовать умнее: когда китиха показывалась на поверхности и пускала первый торопливый фонтан, они не стреляли, чтобы не спугнуть ее, но зато, когда через пару минут пленница снова всплывала подышать, «охотники» были уже наготове и мгновенно открывали огонь. Хлопали винтовочные выстрелы, и эхо носилось взад и вперед от холмов на полуострове Ричардс-Хэд до горы Гринхилл-Пик.

Солнце поднималось все выше, лодки прибывали, и постепенно в заводи установилась веселая, праздничная атмосфера. Прибрежные скалы образовывали нечто вроде амфитеатра, и большинство вновь прибывших довольствовались ролью зрителей. Над заводью раздавался непрерывный треск выстрелов, сопровождавшихся мягким чмоканием, которое означало, что охотники наконец пристрелялись. Нарядно одетые мужчины, женщины и дети с увлечением смотрели, как встревоженное животное пыталось уйти на мелководе, касалось дна, испуганно разворачивалось, молотя хвостом, и снова уходило в глубину.

Далеко не все зрители одобряли этот спектакль. Пожилой рыбак из Мади-Хоул, привезший дочь и внуков поглядеть на живого кита, был очень расстроен.

— Дурость одна, и больше ничего, — говорил он потом. — Какой им был прок от этой стрельбы? Патроны ведь тоже денег стоят. Эти пули сберечь бы да пойти с ними за дичью... но у тех парней, видать, денег куры не клюют. Да и зачем попусту мучить животину? Ну на что им кит? Положим, убьют они его, так что? Мороженых филе из него не нарубишь. Нет, сынок, от дурости все это и ни к чему.

Один мой приятель, помощник капитана небольшого траулера, тоже был в Олдриджской заводи в тот день. Сам он не стрелял и не скрывал своего презрения к тем, кто этим занимался; надо сказать, что для Бюржо это особенно показательно, потому что обычно там воздерживаются от критических замечаний.

— Трех парней, что там были, я знал, — рассказывал он. — Гнусные убийцы, иначе их не назовешь. Прошлый год в марте, когда олени вышли на залив Коннэгр, они

тоже забаву устроили вроде теперешней. Делать-то все равно нечего, вот и развлекаются. Мы на «Пеннилаке» стояли в заливе, двигатель чинили. Раз утром — Господи, думаю, немцы напали: бах, бах, бах! До самого вечера, без передышки. На другой день пошли мы на берег, так там битых оленей было, что ворон в небе, и половина — самки. Знаю я этих подонков, ни с кем не спутаю. Кто такие? Поди, спроси у них, кто они такие. Гнусные поганцы, вот кто такие, а уж фамилии сам узнавай.

Чтобы сменить тему, я спросил, как вела себя китиха под обстрелом.

— Как вела? Да так она себя вела, что больно было смотреть на нее. Уйти-то ей было некуда, только вглубь, но сколько она на дне просидит? Всплывала. Я думал — озверееет, как-никак сотни две пуль в ней засело, но нет, ничуть не бывало. Она будто понимала, что это все равно бесполезно. Может, пару раз и вскидывалась на дыбы, а так все смиренная была. И еще вот что — она, видно, пришла не одна. Я стоял высоко — и заводь видел, и море за косой. И вот гляжу: с наружной стороны — тоже кит. Сначала возле Фиш-Рока фонтаны пускал. Потом, когда лодки от бухты отошли, он ближе подплыл, почти в самый пролив. И ведь что странно: как китиха в заводи всплывет, так сразу же и тот всплывает. Я их обоих видел, но они друг друга видеть не могли. И все ж таки этот, который снаружи, чувствовал, что в заводи неладное творится... И ведь глупость-то какая — они же стреляли свинцовыми пулями! Такая пуля, когда натывается на препятствие, разлетается, как клякса. У этой китихи жиру, наверное, было с фут толщиной, так все их пули, поди, в жире застряли. Ну, может, и не все, но, конечно, всерьез ранить китиху они не могли. По такой громаде — свинцовыми пулями! Бросали бы уж тогда камнями!

«Тир» на Олдриджской заводи закрылся вскоре после полудня, когда у стрелков вышли патроны. Глядеть стало не на что, и зрители быстро разошлись. Мой приятель ушел одним из последних.

— Перед уходом я еще раз как следует посмотрел на китиху. Она плавала как ни в чем не бывало. Фонтан пус-

кала чистый, без крови, но пониже, чем раньше, и всплывала почаще. Может, просто устала.

Он задумчиво помолчал и добавил с явным смущением:

— Неприятно было потом вспоминать этот день. Опозорили они нас, весь город опозорили...

Вернувшись с далекой прогулки и ничего не зная о событиях в Олдриджской заводи, мы с Клэр наслаждались приятной усталостью. Исчезло нервное напряжение, не покидавшее нас в течение нескольких месяцев странствий. Внешний мир с его катастрофами и суетой остался где-то далеко позади и словно перестал существовать. Укладываясь спать в тот вечер, я подумал, что редко в моей жизни бывали дни такого полного душевного покоя. Вот тогдашняя запись из дневника Клэр:

«Как хорошо снова вернуться к людям, живущим простой и здоровой жизнью. Мы по ним очень соскучились. Хочется думать, что их никогда не затронет эгоизм и жестокость, завладевшие уже почти всем цивилизованным миром и поглотившие его, точно туман... »

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ночью из скованных морозом бэрренсов задул пронзительный норд-ост, и к утру небо над Бюржо закрыли низкие, быстро летящие тучи. В такую погоду лучше всего сидеть на кухне у плиты, что и делали все, кто мог себе это позволить. Немногие рыбаки вышли в тот день в море. Но заводские рабочие — мужчины, женщины и даже четырнадцатилетние дети, — сгибаясь под порывами ледяного ветра и пряча покрасневшие от мороза лица, отправились на свои рабочие места, где долгими часами, стоя на холодном цементном полу, они онемевшими руками потрошат рыбу, которая сплошным потоком идет по конвейеру из брюха океанского траулера, ошвартованного у заводского причала.

О китихе из Олдриджской заводи в тот день почти не упоминали. Тем, кто лично наблюдал воскресные события, обсуждать их не хотелось. Сдержанность эту отчасти объясняет письмо, которое год спустя я получил от священника из Бюржо.

«Не думайте, что люди, бывшие в то воскресенье в Олдриджской заводи, ведут себя так всегда. Многие из них потом очень раскаивались. Ведь стреляли всего не-

сколько человек, а остальные вовсе не имели намерения причинять киту боль. Они только наблюдали за стрельбой, и это зрелище их взбудоражило. А потом многие из них раскаивались. На следующий день им было очень неприятно, хотя они, может быть, и сами не понимали почему... »

Вокруг китихи действительно возник своего рода заговор молчания. Только этим и можно объяснить тот странный факт, что, хотя мы с Клэр жили всего в трех милях от Олдриджской заводи, никто не сказал нам ни слова о случившемся. Оуни Стикленд, Симеон Спенсер, дядя Арт и остальные наши друзья и соседи, которые всегда с готовностью — чтобы не сказать с удовольствием — информировали нас обо всем, что происходило в Буржо, на этот раз даже не обмолвились о китихе.

Не знали мы о ней и в понедельник утром, когда братья Ганн с опаской входили в Олдриджскую заводу на своей лодке.

— Конечно, она могла уже и сдохнуть от пуль, — рассказывал потом Кеннет, — но мы думали, что, скорее всего, она просто сильно изранена. Потому-то мы и боялись! Даже от подбитого оленя никогда не знаешь чего ожидать, а тут этакая громада, в которую, может, тысячу пуль всадили. Разве угадаешь, что ей в голову придет? Ей только хвостом махнуть — и мы уже на том свете.

Они нерешительно вошли в пролив, а дойдя до заводи, заглушили мотор, чтобы сперва разведать обстановку. Ничто, кроме ветра, не нарушало спокойной поверхности Олдриджской заводи. Братья прождали с четверть часа, но китиха не появилась. Они снова завели мотор и двинулись через заводу, но не прошли и ста метров, как китиха всплыла неподалеку. Вдохнув, она начала погружаться, направляясь в сторону лодки. Рыбаки резко свернули к берегу и налегли на весла, понимая, что дорога каждая секунда и одним мотором тут не обойтись. Они гребли изо всех сил и вдруг с ужасом увидели, как прямо под днищем лодки появилась громадная голова китихи. Кеннет решил, что пришел его смертный час.

— Стал я прощаться с жизнью, — рассказывал он. — У меня и сомнения не было, что она отомстит нам за все свои мучения. Испугался, говоришь? Да я трясся, как последняя дворняга!

Но Кеннет ошибался. Величественно проплыв под лодкой, китиха ушла в глубину и вынырнула в противоположном конце заводи. Все еще не оправившись от испуга, братья Ганн поспешили убраться в залив Га-Га, где в течение нескольких часов сражались с ледяным ветром, волнами и тяжелыми сетями. С облегчением вернулись они в спокойные воды заводи. Однако китиха все еще внушала им опасения, и поэтому, едва выйдя из протоки, братья пристали к берегу и принялись потрошить свой улов.

Пока они работали, китиха кружила по центральной, наиболее глубокой части заводи, всплывая через каждые десять минут. Войти в пролив в южном конце заводи она больше не пыталась. Пару раз рыбаки видели, как на воде вздуваются серпообразные валы; они решили, что китиха ловит сельдь.

Поведение пленницы несколько успокоило рыбаков. Держась поближе к берегу, они направились в сторону пролива, и Дуглас, увидев, что китиха погрузилась недалеко от лодки, вывалил за борт кадку сельди.

— Я не знал, станет ли она есть нашу сельдь, — объяснял он потом, — но подумал, что вреда не будет. По правде сказать, нам было ее жаль... Ведь после всего, что ей пришлось вытерпеть от людей, она нас даже не тронула.

Насколько мне известно, в понедельник никто, кроме братьев Ганн, китиху не навещал. Но во вторник...

Во вторник уже к полудню погода разгулялась, и давшние стрелки, прослышав, что китиха еще жива, решили не упустить случая еще раз позабавиться. Плохо было одно — кончились патроны. Однако охотники нашли превосходное решение этой проблемы. Как и многие другие провинциальные канадские городишки, Бюржо имеет так называемых рейнджеров — полувоенную организацию добровольцев, одному из которых временно присваивается чин офицера канадских вооруженных сил; он и командует

городским подразделением. Каждому рейнджеру выдается боевая винтовка Ли-Энфилда. Ящики с патронами хранятся в штабе подразделения; часть их регулярно выдается бойцам для «учебной» стрельбы, а остальное хранится на случай объявления «чрезвычайного положения». Все патроны, отведенные на учебную стрельбу, в Бюржо давно израсходовали главным образом на карибу, лосей и тюленей.

Случилось так, что среди «китобоев» было несколько рейнджеров. Во вторник утром один из них явился к заместителю командира подразделения, который, между прочим, был одним из старших служащих рыбозавода, и попросил выдать рейнджерам патроны. Он не утверждал, будто в Бюржо сложилось чрезвычайное положение. Он просто указал на то, что стрельба по движущейся мишени никому еще не вредила, а о лучшей мишени, чем «этот кит в Олдриджской заводи», и мечтать не приходится.

Патроны были выданы. Сколько именно, мне не удалось установить, но на берегах Олдриджской заводи я насчитал более четырехсот пустых гильз с отличительным знаком арсеналов канадских вооруженных сил.

Рейнджеры, по-видимому, чувствовали себя немного неловко. Возможно, они знали, что не все в городе одобряют стрельбу по китихе. А может быть, бойцов смущала незаконность их действий, поскольку в это время года не то что пользоваться огнестрельным оружием, а даже носить его за пределами города запрещается — таков закон, принятый для защиты карибу и лосей от браконьеров.

Во всяком случае, во вторник лодки с вооруженными людьми вошли в Олдриджскую заводь лишь вечером, после того как все рыбаки покинули заводь. Рейнджеры действовали так осторожно, что никто даже не видел, как они отошли от причала. И если бы неожиданно в заводи не появилась плоскодонка с мужчиной и мальчиком, которые везли домой бочку родниковой воды из источника на берегу залива Га-Га, имена и подвиги рейнджеров остались бы неизвестными. Восемь из одиннадцати присутствовавших принимали участие в воскресном дебоше; остальные трое были весьма уважаемые горожане, кото-

рые не сумели позабавиться с китихой в воскресенье из-за своих общественных обязанностей.

Человек, ходивший с сыном на плоскодонке за водой, не скрыл от соседей того, что он увидел в заводи.

— Мы слышали выстрелы еще у ручья, но не обращали на них внимания, пока не вошли в протоку. Парнишка мой стоял на носу, и не успели мы выйти в заводь, как прямо у него над головой просвистела пуля, так близко, что ему даже дунуло в лицо. Мы сразу причалили и спрятались за камень. Потом я потихоньку высунулся. Поглядели бы вы, что там творилось! Я в жизни ничего такого не видал. Они были как бесноватые, эти парни из Шорт-Рича! Устроились на камнях кругом всей заводи, пьют прямо из бутылок, стреляют, орут, хохочут! Пули так и свищут! Просто чудо, что эти дурни друг друга не поубивали!

Забава, которую он наблюдал в Олдриджской заводи во вторник, была всего лишь повторением воскресного обстрела.

Весьма существенная для китихи разница заключалась только в том, что во вторник по ней стреляли пулями в стальных оболочках, имеющими гораздо большую пробивную способность, чем мягкие свинцовые пули, какие продают охотникам. Если свинцовые пули разлетались на куски, оставляя в подкожном жире китихи сравнительно неглубокие раны, то стальные пробивали жир и проникали глубоко в тело.

— А китиха совсем ума лишилась, — рассказывал все тот же очевидец, — вылезла на мелководе в восточном конце заводи, подальше от парней, а там воды-то кот наплакал! Как она билась! Хвост прямо в небо взлетал! Страшно было смотреть. А пули так и чмокали в нее: шмяк! шмяк! Потом вырвалась туда, где поглубже, развернулась — и прямо на нас! Ну, думаю, сейчас от нас только мокрое место останется. Вот долетела она до протоки и вдруг пасть разинула — а пасть у нее, как те воздушные шары, что в войну против немецких самолетов запускали, — и остановилась как вкопанная. Нет, говорю я сыну, пошли-ка отсюда подобру-поздорову. Выгребли мы обратно в Га-Га и кругом мыса завернули. Я бы ско-

рее через океан в плоскодонке пуетился, чем пошел в тот вечер через Олдриджскую заводь.

Этот человек сообщил и еще об одной подробности. Обогнув Олдриджский полуостров и войдя в залив Шорт-Рич, он увидел там четырех китов.

— Три плавали, где поглубже, этак метрах в трехстах от берега, а четвертый крутился прямо в бухте, которая в пролив ведет. Куролесил он еще почище, чем китиха в заводи! Сперва фонтан пустит вышиной с колокольню, потом как разгонится — и в пролив, до самого мелководья шпарит. Волна от него весь берег заливала. Мы с парнишкой отгребли за Фиш-Рок и пошли вдоль островов. Длиннее вышло, конечно, но уж лучше было держаться от этого молодца подальше. Не дай Бог такому поперек дороги стать!

Братья Ганн были в тот вечер у себя дома в Мади-Хол и о новой атаке на китиху ничего не знали. Проведя утром несколько часов в ее обществе, они отчасти уже считали китиху своей подопечной и проникались все большим сочувствием к ее безвыходному положению.

— Видно было, что ей тяжело приходится, — вспоминал Кеннет. — Такому зверю нет ничего хуже, чем в клетке сидеть. Ведь киты — животные компанейские. Иной раз мы с Дугом думали, что, может, она оттого и тянется к нам, что ей тоскливо одной. Пока мы потрошили треску, она то и дело к нам подплывала. Другой раз оглянешься — а она прямо под лодкой идет, тихонько-тихонько, ни одного пузырька не видать. Башку повернет и одним глазом прямо на нас смотрит. Мы стали откладывать сельдь, которую у трески из брюха доставали, и как китиха подплывет — за борт вываливали. Я, правда, не видел, чтоб она эту сельдь ела. А когда мы потроха выкидывали, она так и шарахалась в сторону. И пока все потроха не уносило водой, она к нам даже близко не подходила.

Вернувшись в заводь в среду, братья заметили, что вид и поведение китихи изменились.

— Она дышала гораздо чаще, — рассказывали они потом, — и фонтан у нее стал пониже. Уйдет в глубину, а через пару минут уже возвращается. Когда она проплывала возле нас, видно было, что спина у нее вся в пятнах, раз-

мером с долларovou монету. Дуг сказал — наверное, от пуль, а я ему говорю — не может быть, чтобы в ней столько пуль сидело. Это, говорю, наверное, рачки к ней цеплялись, а она их содрала. Но недолго мы гадали, потому что, когда мы уже входили в протоку, из залива Шорт-Рич пришли две моторки и из них на берег высочило шестеро мужиков с армейскими винтовками. В одной лодке был Джордж Олфорд, и он как соскочил на камни, так сразу стал стрелять. Мы их окликнули и велели им подождать, пока мы выйдем из заводи, а Джордж нам крикнул, что у него приказ китиху добить. Мол, чтобы понапрасну не страдала. Я им сказал, что это глупость и что они только друг друга перебьют. Но они нам не ответили, а как только мы вошли в протоку, принялись палить. Дуг мне говорит — надо, чтоб кто-нибудь прекратил это безобразие. Но только полиция ведь все равно вмешиваться не станет, пока начальство не прикажет, а начальство-то и само было не прочь позабавиться... Нам за рыбой надо ходить, да люди воду тоже через заводь возят, а попробуй сунься туда — пристрелят!

Непрекращавшиеся атаки на китиху, о которых я все еще ничего не знал, не были тайной для большинства жителей Буржо. Стрельба отчетливо слышалась в восточной части города, и наконец у тех, кто пользовался водным путем через Олдриджскую заводь, лопнуло терпение. Несколько рыбаков из поселка Мади-Хоул решили предпринять кое-какие шаги.

За несколько лет, прожитых мною в Буржо, меня не раз просили выступить в защиту отдельных жителей городка или целых коллективов, которые чувствовали, что самим им до властей не докричатся. Наши соседи не очень ясно представляли себе, в чем заключается работа писателя, но им казалось, что «там, в верхах» я пользуюсь авторитетом.

В четверг после ужина двое рыбаков с острова Смолс принесли нам в подарок тресковые языки и огромный кусок палтуса. Сидя на диване, гости некоторое время обсуждали с нами уловы, погоду и другие злободневные

проблемы. Настоящая причина визита выяснилась, лишь когда они собрались уходить.

— Вы, наверное, слышали про кита, шкипер?

— Кита? По-моему, их несколько — в заливе Га-Га.

— Нет, про другого кита. Про того, что в Олдриджской заводи. Здоровый такой. Он там уже давно.

— Откуда в Олдриджской заводи мог взяться кит? — недоверчиво спросил я. — Как он выглядит?

— Да я точно не знаю, — уклончиво ответил один из гостей. — Вроде бы черный. С большим плавником на спине. Говорят, ему никак не выбраться... В общем, до свидания, миссис. До свидания, шкипер.

И они ушли.

— О чем это он говорил, как ты думаешь? — спросил я Клэр.

— Откуда я знаю? Может, какая-нибудь гринда случайно застряла в заводи.

— Может быть. Но если уж они шли в такую даль, чтобы сказать нам об этом, то почему исчезли, как только я начал задавать вопросы? Нет, тут что-то не так. Я, пожалуй, загляну к Симу, авось он что-нибудь знает.

Я, как и Клэр, склонен был думать, что кит в Олдриджской заводи (если он вообще существует), скорее всего, гринда; но, кто знает, думал я, может, там косатка — кит-убийца. На эту мысль навело меня упоминание о большом плавнике. Кроме того, местные траулеры в последнее время встречали стада косаток недалеко от острова Бюржо. У меня разыгралось любопытство.

Я застал Сима Спенсера одного; он сидел у себя в лавочке и старательно писал что-то в своем грессбухе. Довольно неохотно, как мне показалось, он признался, что действительно слышал о китихе, застрявшей в Олдриджской заводи. Я спросил, почему он, зная, как меня интересуют киты, ничего не сказал мне о ней. Он смутился.

— Да тут такое дело, — начал он, подбирая слова. — Глупость всякая... стыдно даже сказать, что там творилось в заводи... не хотелось вас беспокоить из-за таких людей... Но раз уж вы все равно узнали, то это, пожалуй, даже к лучшему.

Я тогда не понял, что он имел в виду, но довольно скоро все разъяснилось. Соседи не говорили мне о событиях в Олдриджской заводи, потому что им было стыдно за своих сограждан и особенно стыдно перед посторонним — даже по исходе пяти лет меня все еще считали новоселом.

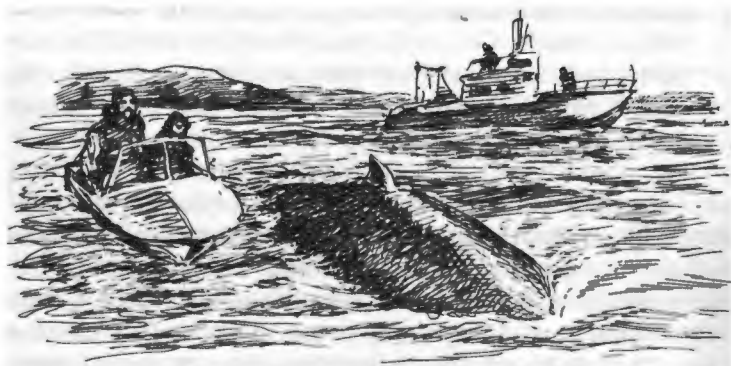
Сим повел меня к Ганнам. Поначалу братья рассказывали о ките неохотно; они мялись и отнекивались, однако в конце концов все же описали мне внешний вид животного во всех подробностях, и я понял, что как это ни невероятно, но в Олдриджскую заводь, очевидно, попал один из крупных китов-полосатиков. Я бывал в заводи и знал, что она представляет собой почти идеальный естественный океанариум, достаточно большой для того, чтобы с удобством разместить там даже синего кита.

Насколько мне было известно, возможность установить тесный контакт с великим и загадочным левиафаном представлялась человеку впервые в истории; меня эта возможность чрезвычайно взволновала. Я так торопился домой, мечтая рассказать обо всем Клэр, что пропустил мимо ушей последнее замечание Кеннета Ганна:

— Поговаривают, будто в кита стреляли, шкипер, и, может, даже ранили. Да и сейчас еще стреляют.

Верно, какой-то идиот палил по киту из дробовика, подумал я, и тут же забыл об этом. В сгушавшихся сумерках, с волнением думая о завтрашнем дне, я торопливо шел в Мессерс, и воображение рисовало мне неслыханные перспективы, которые откроются перед исследователями, если пленник Олдриджской заводи действительно окажется одним из морских гигантов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Рано утром я позвонил Дэнни Грину, сухошавому, саркастичному и чрезвычайно умному человеку лет тридцати пяти, который раньше ходил стивидором на траулере, но недавно сменил профессию и был теперь командиром и единственным членом экипажа полицейского катера. Дэнни был в курсе всего, что происходило на юго-западном побережье, и охотно комментировал события, а главное — он знал китов и очень ими интересовался. В ответ на мой вопрос об Олдриджском ките он сообщил мне совершенно поразительную новость:

— Уверен, что это один из самых крупных видов, Фарли. Точнее сказать не могу — я его еще не видел. Но возможно, горбач, финвал или даже синий кит. — Дэнни помолчал, потом добавил: — Если от него хоть что-нибудь осталось. По нему там всю неделю палили из винтовок.

И Дэнни подробно описал события. Сначала я был просто ошарашен, потом пришел в ярость:

— Да что они, с ума посходили? Это же потрясающая удача! Если кит выживет, Бюржо прославится на весь мир. Палить по киту из винтовок! А куда, собственно, смотрит констебль?

Дэнни объяснил, что единственный, имеющийся в наличии полицейский — человек новый и лишь замещает нашего постоянного констебля, ушедшего в отпуск. Этот новичок, констебль Мэрдок, был родом из Нью-Брансуика и мало что знал о Ньюфаундленде, а о Буржо — и вовсе ничего. Официальной жалобы насчет кита никто не подавал, и констебль не чувствовал себя вправе вмешиваться в жизнь чужого города по собственному почину.

Я попросил Дэнни позвать его к телефону.

— Между прочим, сейчас даже ношение огнестрельного оружия за пределами города является нарушением закона, — сказал я констеблю. — Неужели вы не можете прекратить стрельбу?

Мэрдок обещал принять меры. Он сказал, что лично отправится в Олдриджскую заводь, и предложил меня подвезти. Но мы с Клэр уже договорились идти в заводь с Куртом Бангеем и Уошем Пинком — рыбаками из Мессерса, которые вместе ходили в море на новом баркасе Курта. Странное зрелище представляла эта пара. Курт, недавно женившийся юноша, был наделен круглыми голубыми глазами, носом пуговкой и пухлым кругленьким ротиком на круглом пунцовом лице. Даже тело у него было округлое, точно цилиндр, посаженный на крепкие и круглые, точно бревна, ноги. А Уош Пинк выглядел его полной противоположностью — угловатый и сухощавый, он был много старше Курта и прожил трудную молодость в отдаленном аутопорте. Курт был болтуном и прирожденным рассказчиком, а Уош почти не раскрывал рта — разве что в минуты величайшего душевного напряжения.

Я повесил трубку, и скоро мы уже мчались в баркасе Курта. От волнения меня била дрожь; я с надеждой внушал себе, что мы найдем гигантского кита живым и невредимым, но уже мгновение спустя думал, что он, наверное, ушел в море, потом начинал опасаться, что он погиб от ран. Судя по записям в дневнике Клэр, она, как обычно, сохраняла спокойствие:

«Дул северо-западный ветер, причем около сорока миль в час, так что я подумала, может, мне лучше остаться дома. Но Фарли сказал, что я потом всю жизнь буду

раскаиваться. А я сказала, что Бюржо есть Бюржо, и я не удивлюсь, если этот «огромный кит» окажется обыкновенным дельфином. Пока мы шли через Шорт-Рич, нас ужасно качало и было холодно, но наконец мы благополучно добрались до бухты и осторожно вошли в нее. Отлив начался еще несколько часов назад, воды в проливе было всего полтора метра, и Курт беспокоился за свой новый баркас.

Когда мы вышли из пролива, светило тусклое, зимнее солнце и заводь была очаровательна. Это отлично защищенная от ветра естественная гавань, окруженная каменистыми холмами, самый высокий из которых расположен на полуострове Ричардс-Хэд и возвышается почти на сто метров над уровнем моря. В расщелинах скал кое-где виднелись кустики чахлой ели.

В заводи не было никого, кроме нескольких чаек, паривших в вышине. Мы жадно оглядывались в поисках хоть каких-нибудь признаков кита и готовились к тому, что он сейчас выскочит неизвестно откуда и бросится на нас. Но кита мы не нашли, и я лично решила, что он уплыл, — а может, его и не было там никогда.

Я уже хотела спускаться в каюту и попытаться немного согреться, как вдруг кто-то из наших вскрикнул. Мы все обернулись и увидели длинную черную тень, гигантскую, точно сказочный морской дракон. Сначала из воды бесшумно поднялась голова, потом спина и наконец высокий плавник, который тут же исчез. Мы глядели на это огромное чудовище, не в силах вымолвить ни слова и едва веря своим глазам. Потом раздались возбужденные возгласы: «Вот так кит! Ну и ну... Метров пятнадцать, а то и двадцать!.. Нет, какая там гринда!..»

Действительно, это был невероятно огромный, одинокий и несчастный кит, бог весть как угодивший в эту каменную клетку.

Мы завели мотор и вышли на середину заводи как раз в тот момент, когда из пролива показался полицейский катер, направлявшийся к нам. Фарли крикнул Дэнни Грину, что надо поставить оба катера на якорь в глубоком месте возле южного конца заводи и заглушить моторы.

И началась наша долгая, долгая вахта.

Часы пролетали, как минуты. Было бесконечно увлекательно следить за плавным, можно даже сказать грациозным, движением этого гигантского животного. Оно все кружило и кружило по заводи, всплывая через каждые четыре-пять минут и сначала проходя довольно далеко от нас, но, так как мы сидели совершенно неподвижно, круги стали постепенно сужаться, и кит проплывал все ближе к нашим лодкам.

Два раза из воды поднималась гигантская голова кита. Она была размером с небольшой коттедж, сверху черная и блестящая, а снизу белая, как рыбе брюхо. Когда морда скрывалась в волнах, на поверхности показывались дышала, потом длинная, широкая спина, похожая на днище перевернутого корабля. Под конец появлялся спинной плавник метра в полтора высотой, а затем вода вздувалась над невидимыми лопастями хвоста, и кит исчезал в глубине.

Фарли определил, что это финвал — второе по величине животное из всех когда-либо живших на Земле. Мы видели следы пуль — полосы и отверстия, усеявшие спину кита от дышала до самого плавника. Я безуспешно пыталась представить себе людей, которым может доставлять удовольствие стрельба по такому великолепному животному. Чего ради они старались его убить? Поблизости нет ни одной зверофермы, так что использовать мясо кита просто невозможно. Люди его есть не станут. Нет, не расчет и не голод побудили наших сограждан стрелять в кита: им просто хотелось его убить. В сущности, тут, наверное, та самая жажда убийства, которая заставляет охотников-любителей на материке выезжать на своих роскошных машинах за город, чтобы стрелять кроликов и сурков. Ведь это только кажется, что лишить жизни огромного кита — куда более чудовищный поступок.

Даже когда кит плыл под водой, мы следили за его курсом по гладкой дорожке, появлявшейся на поверхности от движения его невидимого хвоста. Кит держался на глубине не больше двух метров и постепенно прибли-

жался к нам, так что мы скоро начали различать в темной воде зеленовато-белое мерцание его боков.

Наконец он стал проплывать всего метрах в десяти—двенадцати от нас. Иногда он как будто внимательно поглядывал на нас, словно пытаюсь определить, опасны мы или нет. Как ни странно, мне ни разу не пришло в голову, что он может быть опасен. Позже я спрашивала у остальных, испытывали ли они страх перед этим гигантом — самым могучим из когда-либо виденных нами животных. Все говорили, что они ничуть не боялись. Мы были слишком очарованы китом, чтобы испугаться его.

По-видимому, кит решил, что мы неопасны. И вот наконец, когда он завершил очередной круг по заводу, голова его прошла прямо под полицейским катером. Дэнни замахал рукой, указывая в воду, и мы посмотрели в сторону катера и увидели, что кит приближается к нам. Он был похож на подводную лодку, но гораздо красивее. Голова его прошла меньше чем в двух метрах от нас, и в этот момент Дэнни закричал: «Хвост под нами! Прямо под нами!» Между тем голова кита была под нашим баркасом, а расстояние между обоими катерами составляло больше двадцати метров! Потом мы увидели в воде отливавшие зеленым ласты кита, каждый размером с рыбацью плоскодонку. Затем все его невероятно громадное тело беззвучно и без малейшего плеска поплыло под нами — только от хвоста на поверхности оставалась гладкая струистая дорожка. Мы едва верили своим глазам: колоссальное животное, которое, по мнению Фарли, весило, может быть, все восемьдесят тонн, скользило под нашей лодкой с легкостью и изяществом какого-нибудь лосося!

Дэнни потом сказал мне, что киту ничего не стоило разнести в щепки оба наших катера. Почему же он не стал мстить нам за те страдания, которые ему причинили люди? Или на мечь способен только человек?»

Удостоверившись в том, что мы не хотим ей зла, китиха стала проявлять какой-то странный интерес к нашим двенадцатиметровым моторкам, днища которых по форме, возможно, напоминали китов. Казалось, мы чем-то

притягивали китиху, и несколько раз она проплывала прямо под нами; больше того, иногда она проходила между нашими катерами, старательно избегая соприкосновения с якорными канатами. У всех нас было отчетливое ощущение, что она остро переживает свое одиночество. Такое же впечатление произвела китиха и на братьев Ганн, когда снова и снова приближалась к их небольшой лодке. Клэр даже предположила, что китиха просит о помощи. Но как это можно было проверить?

Меня очень беспокоили последствия обстрела, но, несмотря на огромное количество пулевых ран, ни одна из которых как будто не кровоточила, китиха выглядела вполне здоровой. Двигалась она уверенно и мощно, и воздух, который она выдыхала, не был окрашен кровью. Хотелось верить, что пули действительно не причинили морскому гиганту большого вреда и перенесенные им мучения не приведут к серьезным последствиям.

С наступлением сумерек мы неохотно покинули заводь. Общение с китихой погрузило нас в полугипнотическое состояние. В молчании возвращались мы домой; наконец полицейский катер подошел поближе, и констебль Мэрдок прокричал нам:

— Стрельбы больше не будет. Это я гарантирую. Мы с Дэнни станем патрулировать заводь каждый день. А если понадобится, то и дважды в день.

Именно в этот момент я впервые осознал решение, которое, сам того не подозревая, принял, видимо, еще в заводи: я отчетливо понял, что должен положить все свои силы на спасение китихи. Позже я подобрал множество разумных оснований для своего решения, но тогда, на пути из Олдриджской заводи в Мессерс, я не размышлял, я был во власти сильнейшего чувства. Если бы я верил в сверхъестественные силы, то мог бы сказать, что услышал «зов свыше», и, пожалуй, это не такое уж нелепое объяснение. В свете дальнейших событий я даже готов предположить, что каким-то непостижимым образом действительно «услышал» донесшуюся из чуждого мне мира мольбу о помощи — и ответить на нее отказом было невозможно.

Всю дорогу домой в моей голове роились самые беспорядочные мысли: то я прикидывал план действий, то предавался мечтам, то пугался, что все сорвется. Ясно было одно: без посторонней помощи мне китиху не спасти. Нам с ней нужны были союзники.

Вернувшись домой, я позвонил «боссу» — управляющему рыбозаводом, который благодаря своему служебному положению был одним из самых влиятельных людей в городе. Я долго и сбивчиво объяснял ему, как важно для Бюржо и для всего мира, чтобы мы сохранили жизнь доставшегося нам животного — ценного представителя одного из крупных видов китообразных. Управляющий был человеком замкнутым и необщительным и смотрел на жизнь с точки зрения непосредственной выгоды; он явно не верил, что жизнь какого-то кита может иметь такое значение. Наконец он согласился развесить на заводе объявления с просьбой оставить китиху в покое.

Сам того не подозревая, «босс» оказал мне ценную услугу: столкнувшись с его равнодушием, я понял, что мне необходимо найти несколько простых и убедительных доводов в пользу спасения китихи. Самый очевидный из них заключался в том, что, насколько мне было известно, никогда прежде человеку не удавалось непосредственно наблюдать крупного кита-полосатика в естественных условиях. Теперь такая возможность представилась. Я был уверен, что ученых-китологов она обрадует не меньше, чем меня, и они немедленно придут нам на помощь. Следовательно, решил я, надо поднять на ноги ученых.

Однако сделать это было не так-то просто. Телефонная связь Бюржо с внешним миром состояла в то время из сложной системы радиопередатчиков и микроволновых трансляционных установок, причем многочисленные звенья этой цепи были далеко не совершенны. Для того чтобы дозвониться до нужного абонента в «большом» мире, требовались многочасовые героические усилия, но и это еще не гарантировало даже мало-мальски приемлемой слышимости. Я не любил черный аппарат, висевший у нас на стене, не доверял ему и считал, что он

существует только на случай крайней необходимости. Но как раз такой случай теперь и настал.

Прежде всего я бросился звонить в Федеральное бюро рыболовства, находящееся в столице Ньюфаундленда Сент-Джонсе. Ценой величайшего напряжения голосовых связок мне удалось изложить суть дела, и тогда тамошний старший биолог терпеливо, точно он говорил с любознательным, но несведущим ребенком, объяснил мне, что его отдел занимается только рыбами, а киты, видите ли, млекопитающие.

Проклиная этого бюрократа, я три часа подряд пытался дозвониться в Центральную станцию по рыбоводству, расположенную под Монреалем. Директор, с которым мне наконец удалось связаться, выразил мне сочувствие, но помог не больше, чем его сент-джонский коллега. Оказалось, что их специалист по китам послан в командировку в США — изучать скелеты в музеях. Не могло быть и речи о том, чтобы оторвать его от этого занятия ради наблюдений за живым китом-полосатиком в Бюржо.

Стояла глубокая ночь. Мною начало овладевать сознание моей беспомощности и, кроме того, ощущение некоторой нереальности происходящего. Трудно было поверить, что мир науки может равнодушно пройти мимо уникальной возможности хотя бы отчасти проникнуть в тайны одного из самых удивительных существ, когда-либо живших на земле.

Чувствуя, как подступает отчаяние, я стал звонить Джеку Мак-Клеланду, моему издателю и старому, испытанному другу, жившему в Торонто. Джек безропотно встал с постели и несколько часов подряд провел у телефона, пытаясь заинтересовать зоологов в разных уголках Канады. Чаще всего поднятые среди ночи ученые не скрывали своего раздражения: никому из них не было дела до финвала, пойманного в Бюржо. Один видный китолог из Британской Колумбии вежливо выслушал Джека, а потом прочел ему небольшую лекцию.

Финвалы, сказал он, не едят сельдь. Они питаются исключительно планктоном. Поэтому, даже если я действительно поймал финвала, я не сумею его прокормить.

Однако кормить подобного пленника совершенно ни к чему, так как финвал может прожить полгода, питаясь запасами подкожного жира. Далее: здоровый финвал никогда не приближается к берегу, и следовательно, если кит в Бюржо в самом деле финвал, то он болен или умирает. Поскольку китологи исследовали уже довольно значительное количество мертвых финвалов, то еще одна туша не представляет большого научного интереса. Он посоветовал Джеку выбросить мою затею из головы.

В субботу рано утром, когда я завтракал, Джек позвонил и сообщил мне о малоутешительных результатах своих попыток. Однако сдаваться он пока не собирался.

— Раз ты говоришь, что у тебя на руках восьмидесяти-тонный кит, я тебе верю. Боюсь только, что немногие поверят *мне*. Но ты не волнуйся. Занимайся проблемой кормежки, а я буду терзать этих идиотов до тех пор, пока кто-нибудь из них не соизволит заняться твоим китом.

В субботу снова поднялась пурга. Поход в Олдриджскую заводь пришлось отложить до наступления более сносной погоды, и я весь день ходил из угла в угол, составляя разные планы спасения китихи. Надо было обдумать и мои конечные цели. Допустим, я найду способ кормить китиху в заводи. Но ведь тогда свободы ей уже не видать: скорее всего, китиху станут использовать просто как приманку для туристов, и кто-то наживет на ней громадные деньги. Спасти животное только для того, чтобы отдать его на потеху цивилизованным дикарям, — что может быть отвратительнее! Однако голос подавали и чисто эгоистические соображения, и они заставляли меня колебаться. В конце концов, не каждому выпадает честь быть номинальным владельцем такого потрясающего зверя. Кто еще на земле имел когда-нибудь «ручного» финвала? И все же... и все же я понимал, что держать китиху в неволе не намного благороднее, чем использовать ее в качестве мишени.

В конце концов я решил, что не имею права ставить интересы человека (в том числе и свои собственные) выше интересов попавшего в беду животного. Единствен-

ное, что я мог сделать для своей китихи, — это постараться отпустить ее на свободу. Только так ее можно было спасти.

Приняв решение, я стал искать способ его осуществить. Исходя из картографических данных, моих дневниковых записей о погоде и кое-каких сведений, почерпнутых от братьев Ганн и других рыбаков, я заключил, что, когда китиха вошла в Олдриджскую заводь, преодолев пролив в южной его части, воды в проливе было три метра и тридцать сантиметров. В учебнике по китологии говорилось (правда, без ссылок на точные измерения), что примерно столько и составляет осадка взрослого финвала, плывущего по поверхности.

Судя по таблицам приливов, подобной глубины можно было ожидать в проливе только через месяц. Следовательно, у меня было чуть меньше месяца на подготовку операции по извлечению китихи из заводя. Учитывая трудности, с которыми мне, очевидно, предстояло столкнуться при попытке вывести этакую громадину через узкий пролив, месяца могло и не хватить. Сейчас, однако, надо было срочно заняться более насущной проблемой: как сохранить пленнице жизнь?

Основной трудностью оставалась, конечно, кормежка. Я наблюдал за финвалами в Буржо уже несколько лет и знал, что, сказав Джеку, будто финвалы не едят сельдь, китолог из Британской Колумбии сморозил глупость. Далеким от истины было, по-видимому, и его утверждение, что финвал может преспокойно прожить полгода на одних только запасах своего подкожного жира.

Обеспечение запаса питательных веществ — вовсе не основная функция подкожного жирового слоя кита. Слой этот развился у китообразных прежде всего потому, что они живут в ледяной воде и нуждаются поэтому в хорошей теплоизоляции. Голодающий кит действительно начинает потреблять свой собственный жир в качестве горючего, но в холодных северных водах это прямым путем ведет его к гибели. Чем тоньше становится слой подкожного жира, тем больше «горючего» требуется киту для поддержания посто-

янной температуры тела, и, если другого источника питания нет, кит погибает от голода и холода¹.

В феврале средняя температура моря в районе Бюржо — чуть ниже нуля по Цельсию. Было совершенно очевидно, что если не обеспечить китихе регулярного и обильного кормления, то месяца она не проживет.

Чтобы кормить китиху, нужна была сельдь. Братья Ганн сказали мне, что рыбы в Олдриджской заводи становится все меньше и меньше. Либо пленница уже съела всю сельдь, либо косяки ушли, напуганные ее гигантским аппетитом. Поскольку сельдь обычно не склонна к самоубийству, я не рассчитывал, что новые косяки пойдут в заводь по доброй воле. Предстояло найти способ загнать их в заводь и удержать там. Как это сделать, я не имел ни малейшего понятия.

Не менее важно было и защитить китиху от «охотников». Запрещение пользоваться огнестрельным оружием еще не гарантировало безопасности животного. Напротив, Дэнни дал мне понять, что, если я лишу стрелков живой мишени, они найдут другой способ расправиться с китихой, хотя бы для того, чтобы отомстить мне. Между прочим, в Бюржо имелись немалые запасы динамита, и он был буквально под рукой. Я надеялся, что о нем не вспомнят, но никакой уверенности у меня не было.

Итак, для спасения своей подопечной я должен был решить три проблемы: питание, охрана и освобождение, причем последнее — не позже, чем в ближайший сизигийный прилив. Стало совершенно ясно, что одному мне со всем этим не справиться. Надо было найти союзников в «большом» мире.

¹ Жировая прослойка кита имеет и еще одно назначение. Китобразные живут в воде, но это морская, соленая вода, и в процессе обмена веществ она не участвует. Непосредственного доступа к источникам пресной воды киты не имеют. Поэтому воду они в основном получают из пищи, а кроме того, некоторым дополнительным источником пресной воды служит химический распад жиров, при котором вода образуется в качестве побочного продукта. Следовательно, если голодающий кит живет исключительно водой, поступающей из его жировых запасов, главным образом из запасов подкожного жира, то ему грозит смерть не только голода и холода, но еще и от жажды. — *Примеч. авт.*

В субботу утром я вновь обратился к услугам своего черного «джинна». На этот раз я послал его в самые что ни на есть высокие сферы, и после двухчасовой битвы с враждебными демонами эфира «джинн» свершил чудо — связал меня с министром рыболовства Ньюфаундленда, в чьи прямые обязанности и входила, собственно говоря, забота о дальнейшей судьбе китихи из Олдриджской заводи. Убеждая и умоляя его, я не жалел своих голосовых связок, но единственным ощутимым результатом моих воплей была хрипота, которая потом усиливалась с каждым днем. Министр объяснил мне, что у правительства Ньюфаундленда есть заботы посерьезнее, чем жизнь какого-то финвала.

Столь же безрезультатными оказались и переговоры с другими чиновниками ньюфаундлендских и федеральных ведомств. Было очевидно, что власти не имеют ни малейшего желания брать на себя ответственность за китиху или помогать мне в исполнении моих добровольных обязательств. Я подозреваю, что многие из тех, с кем я говорил, считали меня немного сумасшедшим.

Потерпев поражение на всех фронтах, я был вынужден обратиться к мэру Бюржо, хотя мой прошлый опыт не давал мне никаких оснований ожидать поддержки от местных властей. Оказалось, что мэр уехал в Сент-Джонс. Тогда я связался с его помощником, одним из двух врачей местной больницы. Это был человек мягкий душой и стройный телом, внешне чем-то похожий на иву и так же, как ива, неспособный противиться натиску ветра. В силу своего характера он обычно старался сохранять нейтралитет, но мою просьбу о помощи встретил с явной враждебностью. Он заявил, что, во-первых, ни он лично, ни муниципалитет никакой ответственности за китиху не нес, а во-вторых, я вообще лезу не в свое дело. Жена его, также врач и член муниципалитета, поддержала его точку зрения и добавила, что жители Бюржо имеют полное право убить китиху любым доступным им способом. Тем более, сказала она, что мясо можно прекрасно использовать на корм собакам. Возможно, это всего лишь случайное

совпадение, но врачи держали двух ньюфаундлендов — собак огромных и прожорливых.

Уже давно стемнело, дом сотрясало от порывов штормового ветра. Червь сомнения закрался в мою душу. Наверное, я и вправду немного не в себе, если думаю, что могу спасти плененную китиху. Видимо, она обречена... Может быть, я и вправду лезу не в свое дело, пытаюсь предотвратить трагедию, предрешенную самой природой? Но тут я вспомнил, как в зеленоватой глубине китиха скользила прямо под лодкой Курта Бангея, и все мои сомнения исчезли. Ведь этот несчастный кит — один из последних представителей вымирающего рода! Я должен был спасти пленницу. Кто знает — а вдруг за несколько недолгих недель, проведенных в тесном общении, нам удастся преодолеть психологический барьер, разделяющий кита и человека? Может быть, тогда человечество хотя бы отчасти изменит вековое представление о ките, как о животном враждебном и страшном? Хорошо, если бы в конечном счете мне удалось вызвать у людей сочувствие к загадочным обитателям океана и тем самым приостановить их безжалостное истребление!

После отказов, которые я получил, мысль эта привела меня в воинственное настроение. Если ни власти, ни ученые не желают заняться олдриджкой китихой добровольно, я их заставлю. Уж я найду способ!

— Клэр, — сказал я, — давай сообщим обо всем в прессу. Обо всем, включая стрельбу. Найдутся люди, которых это заинтересует. Поднимется шумиха, разразится скандал, и тогда кто-нибудь начнет наконец действовать. Буржо придется туго, конечно. И нам тут будет очень неуютно. Что ты на это скажешь?

Клэр очень любила Буржо. В нашем домике в Мессерсе она впервые после замужества почувствовала себя хозяйкой. Она понимала, что коренные жители городка относятся к нам очень непросто, и женским чутьем угадывала возможные последствия моего предложения.

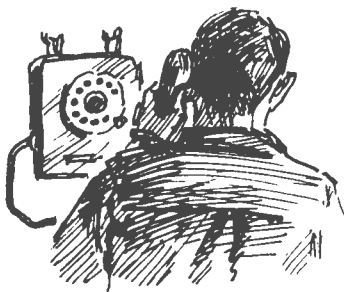
— Ну, если иначе нельзя, Фарли, — неуверенно сказала она, — но только... Пойми, я тоже хочу спасти китиху, но... это такая обида для всего города. Даже самые симпа-

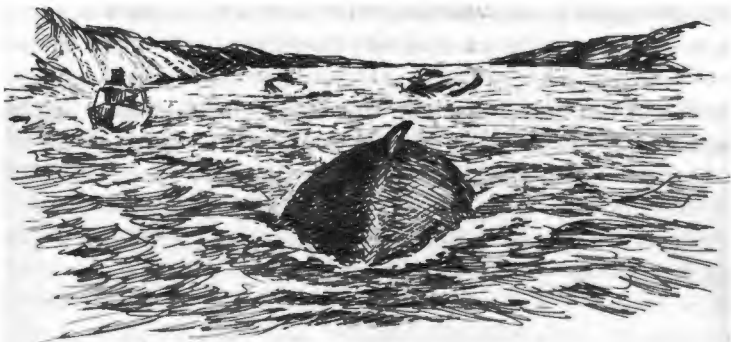
тичные люди могут понять тебя неверно... И все же... Наверное, у нас просто нет другого выхода.

Зазвонил телефон. Я снял трубку, и то, что я услышал, на время отсрочило принятие нелегкого решения. С трудом перекрывая атмосферные помехи, радистка из Хермитиджа медленно прочла мне телеграмму. Прислал ее доктор Дэвид Серджент, биолог из Федерального бюро рыболовства, человек независимый, наделенный широким умом и любознательностью истинного ученого. Он взял на себя труд растормозить своих ученых коллег: «Связался несколькими видными биологами Новой Англии которые очень заинтересовались вашим китом тчк просят немедленно начать систематические наблюдения ожидании их скорейшего прибытия тчк дозвониться Бюрожо невозможно буду пытаться завтра желаю удачи».

Это уже был просвет — очень слабый, конечно, но в ту мрачную ночь он заставил меня поверить, что помощь не за горами. Обрадовал нас с Клэр и прогноз погоды, который передавали, когда мы уже укладывались спать: шторму конец, в воскресенье будет ясно.

Если бы мы могли предвидеть, что принесет это воскресенье, я бы, наверное, молил богов послать на Бюрожо ураган.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Зимние штормы в Бюржо бушуют дней по шесть подряд, но зато потом погода стоит такая, что за нее можно простить любое ненастье; и этот седьмой день — почти всегда воскресенье. Я как-то попытался обсудить это занятное явление со священником англиканской церкви, полагая, что сие, может быть, его заслуга, но он поскромничал и со мной не согласился.

Воскресенье 29 января было одним из таких дней. Казалось, пришла весна. В безоблачном небе польхало солнце, стоял полный штиль, море было недвижно, температура лезла вверх.

На рассвете Оуни Стикленд повез меня на своей плоскодонке в Олдриджскую заводь. Мы взяли с собой еды и чайник, так как я намеревался провести весь день, наблюдая за китихой и делая записи. Я надеялся, что мы будем одни, но у входа в пролив уже стояли привязанные к камням лодки, а на гребне холма расположились их владельцы, человек тридцать. Я с облегчением увидел, что ни у кого из них не было оружия.

Когда мы поднялись на скалу, они миролюбиво следили за равномерным и неторопливым кружением китихи по заводу. Заметив нескольких знакомых мне рыбаков,

я воспользовался случаем и заговорил о том, что эта зверюга — если только не дать ей помереть — большая удача для Бюржо, потому что она заставит правительство обратить наконец внимание на город, нуждами которого уже много лет бессовестно пренебрегают.

Слушали меня вежливо, но недоверчиво. Этим людям трудно было представить себе, что кит действительно может заинтересовать кого-то, кроме местных жителей. Однако чувствовалось, что они против истязания китихи.

— Ни к чему это, ни к чему, — сказал Харви Ингрэм, долговязый, востроносый рыбак родом с острова Рэд. — Пусть себе плавает — кому она мешает?

Другие закивали, соглашаясь, и я подумал, что, может быть, если внешний мир откажет мне в помощи, нам все-таки удастся пробудить в горожанах интерес и сочувствие к китихе и спасти ее своими силами.

— Ей, бедняге, и так забот хватает, — сказал рыбак из залива Га-Га. — В первый день в заводи было полно сельди, а теперь ни рыбешки не видать. Небось голодно китихе приходится. То-то отошала вся. А поначалу была жирная, гладкая.

Разговор оборвался: сопровождаемый тучей брызг и мощным воем, появился катер, каких не делают на острове Ньюфаундленд; один из тех парней, что летом отправляются на заработки на Великие озера, приобрел его по объявлению в каталоге фирмы. Вместе с хозяином катера в заводь прибыли его приятели, одетые в яркие нейлоновые куртки, которые сейчас стали чуть ли не форменной одеждой завсегдаев тотализаторов в провинциальных городишках на материке. Молодые люди сошли на берег и стали поодаль от скромно одетых рыбаков, но заговорили намеренно громкими голосами.

— Мы бы его давно прикончили, — заявил один узколицый юнец, искоса поглядев в мою сторону, — если бы на нас не натравили полицию.

— Это как пить дать, — подтвердил другой. — Приезжают тут всякие, суют нос. Кто их звал-то сюда?

Для подкрепления своих слов он сплюнул на снег.

— Да что мы стоим? — громко спросил третий. — Кита, что ли, испугались? Свистать всех наверх — может, еще повеселимся!

Они гурьбой повалили вниз, к катеру, и тогда один из рыбаков, стоявших возле меня, тихо сказал:

— Не принимай близко к сердцу, шкипер. Дерьмо, оно всегда на поверхности плавает. Смердит, конечно, но ты не обращай внимания.

Слова его были продиктованы сочувствием, и мне стало немного легче.

Между тем к заводу шел непрерывный поток лодок с запада, из поселков Харбор и Шорт-Рич. Тут были плоскодонки с подвесными моторами, ялики, баркасы и даже несколько гребных шлюпок. Жители Бюржо пользовались ясным днем, чтобы поглядеть на своего кита.

Большинство из них швартовались подле растущей армады у входа в пролив и дальше шли пешком, но несколько плоскодонок последовали за привозной моторкой в заводь. Войдя, они поначалу оставались у берега, уступая водное пространство китихе. Владельцы лодок явно побаивались гигантского животного и предпочитали держаться от него подальше. Но к полудню, когда в заводи скопилось уже десятка три лодок, то есть около сотни человек, настроение у людей начало заметно меняться.

На южном и юго-западном берегах собралась порядочная толпа, и вот, чувствуя на себе взгляды стольких зрителей и подкрепившись к тому же изрядным количеством пива, несколько молодых людей (а также и несколько не слишком молодых) решили показать, на что они способны. Мощный катер, первым вошедший в пролив, резко разогнался до максимальной скорости и с ревом пронесся через заводь всего в двух метрах позади нырнувшей китихи. Кое-где на берегу раздались одобрителльные выкрики. Прошло каких-нибудь пять минут, и атмосфера кардинально переменилась. Мне стало страшно.

Люди начали заводить моторы и входить в пролив, а из тех моторок, что уже были в заводи, штук шесть самых быстроходных решились покинуть прибрежное мелководье. Рокот моторов сливался теперь в непрерывный

рев, пугающий и зловещий, гулким эхом отдававшийся в скалах. У молодых людей в ярких куртках прибавилось смелости — они разогнали свой катер и, красуясь петушиным хвостом брызг за кормой, принялись носиться взад и вперед неподалеку от китихи.

Если прежде китиха неторопливо кружила по заводи, всплывая, чтобы набрать воздуха, через каждые пять—десять минут, то теперь, стараясь ускользнуть от гнавшихся за ней моторных лодок, она плыла гораздо быстрее и то и дело меняла направление. На поворотах хвост ее вздымал высокие буруны. Раньше при каждом всплытии китиха продувала легкие, пуская два или три фонтана: сейчас она едва успевала сделать шумный вдох, как преследователи снова загоняли ее под воду. В результате животному приходилось всплывать все чаще, а охотники, видя, что китиха вовсе не склонна прибегнуть к обороне, смелели на глазах. Две моторки непрестанно носились вокруг нее на полной скорости, точно пара озлобленных водяных жуков.

Между тем со зрителями, разместившимися на берегах заводи, происходила весьма неприятная метаморфоза: их пассивное любопытство сменилось явным нетерпением. Вглядываясь в окружавших меня людей, я различал в выражениях их лиц то всепоглощающее предвкушение развязки, которое на боксерских матчах так уродует лица зрителей, превращая их в примитивные маски.

Но вот в проливе показался голубой корпус полицейского катера. Мы с Оуни вскочили в плоскодонку и бросились ему наперерез. Я стал умолять Мэрдока спасти китиху.

— Посмотрите на них, констебль, они же потеряли голову. Они загонят китиху на берег или вообще утопят ее. Вы должны их остановить... Прикажете им освободить заводь.

Констебль с сожалением покачал головой:

— Виноват. Не могу. Закона ведь они не нарушают. Без приказа городских властей ничего не могу сделать. Но мы войдем в заводь и станем на якорь посредине. Может, это их немного охладит.

Мэрдок был славный парень, но, чувствуя себя в Бюржо чужаком, он не решался отступать от инструкции и был

по-своему прав; не прав был я, когда, вне себя от отчаяния, заявил, что он просто трусит. Он ничего мне не ответил и только негромко приказал Дэнни вести катер в заводь.

Мы с Оуни вслед за ним свернули в пролив и вошли в заводь, держась у юго-западного берега. Я окликнул нескольких мужчин в лодках, умоляя их оставить животное в покое. Они молчали. Один из них, владелец магазина, человек уже в летах, оскорбительно ухмыльнулся и прибавил газу, чтобы заглушить мой голос. Даже рыбаки старшего поколения, стоявшие на берегу, глядели на меня скорее смущенно, чем одобрительно. Только позже я понял, что люди, собравшиеся в тот день в Олдриджской заводи, уже просто не владели собой: они были захвачены ощущением острой драматичности происходящего — ну а где драма, там и трагедия.

Убедившись в том, что ни полиции, ни китихи можно не бояться, хозяева быстроходных моторок начали сообщать загонять пленницу на мелководье в восточной части заводи, и скоро трем лодкам удалось прижать ее к небольшой бухте; круто развернувшись, китиха внезапно почти целиком оказалась на выступе подводной скалы.

Гигантские лопасти хвостового плавника вырвались на поверхность и бешено молотили по воде, вздымая мощные фонтаны пены. Китиха изогнулась дугой, задрала к небу могучую голову, затем повернулась на бок, так что один из ее громадных ласт забился в воздухе. Я смотрел в бинокль, и, когда на несколько секунд брюхо несчастного животного поднялось из воды, я увидел неопровержимое свидетельство того, что это — самка. Потом китиха медленно, с видимым усилием сползла со скалы в воду.

Глядя, как она уходит, толпа на берегу издала единый вопль, похожий на звериный рев; в нем звучала нечеловеческая ярость, по-видимому еще больше подстегнувшая охотников. Моторки со злобным воем кинулись вслед за перепуганным животным.

Даже не пытаясь нырнуть, китиха неслась к противоположному берегу, к мелководью, где в тот момент не было ни людей, ни лодок. Моторки летели почти рядом, не давая ей свернуть. Казалось, китиха напрягает все свои

силы, чтобы оторваться от них, и вдруг — до ужаса внезапно — она наткнулась на мель и, всем телом скользнув по дну, остановилась.

Что тут началось! Люди с криком бежали по берегу, прыгали в лодки, торопясь добраться до застрявшей китихи. Я заметил чету врачей городской больницы и крикнул Оуни, чтобы он подошел к их лодке. Перебравшись к ним на палубу и от бешенства плохо соображая, что говорю, я приказал врачу, бывшему также заместителем мэра, отдать констеблю распоряжение очистить заводь.

Врач не отличался высоко развитым чувством собственного достоинства. Но самолюбие у него имелось, и я его задел. Обиженно надув полные, красные губы, он возразил:

— Какой смысл? Кит все равно подохнет. Зачем я буду вмешиваться?

Отвернувшись, он достал дорогую кинокамеру и принялся сосредоточенно снимать «подыхающего» кита.

Лодки вокруг нас стояли так тесно, что люди перебирались с одной на другую, стараясь получше разглядеть происходящее.

Наш разговор был услышан. Ответ врача встретили одобрительными восклицаниями, и кто-то в упоении крикнул:

— Сейчас мы прикончим эту рыбину! Гони ее на берег! Давно бы так!

Теперь и мне казалось, что китиха обречена. На отмели, где она застряла, глубина не превышала трех с половиной метров. Над водой возвышалось почти все огромное тело несчастной, от хвоста и до морды. Было время отлива; пролежи китиха на дне еще полчаса, и она уже не выберется никогда. Но она и не пыталась! Лодки пока не подошли к ней, и, избавившись от своих мучителей, китиха словно не замечала толпу людей на берегу, в каких-нибудь десяти метрах от нее. Меня мучило от мысли, что она, может быть, сдалась, решив, что дальнейшая борьба ей не по силам.

Нервы мои были так напряжены, что, когда трое мужчин вошли в воду и принялись швырять камнями, целя в возвышавшуюся над водой голову китихи, я потерял вся-

кий контроль над собой. Изрыгая проклятия, я вскарабкался повыше, увидел обернувшиеся ко мне лица; внимание толпы на время сосредоточилось на мне, и я разразился гневной речью.

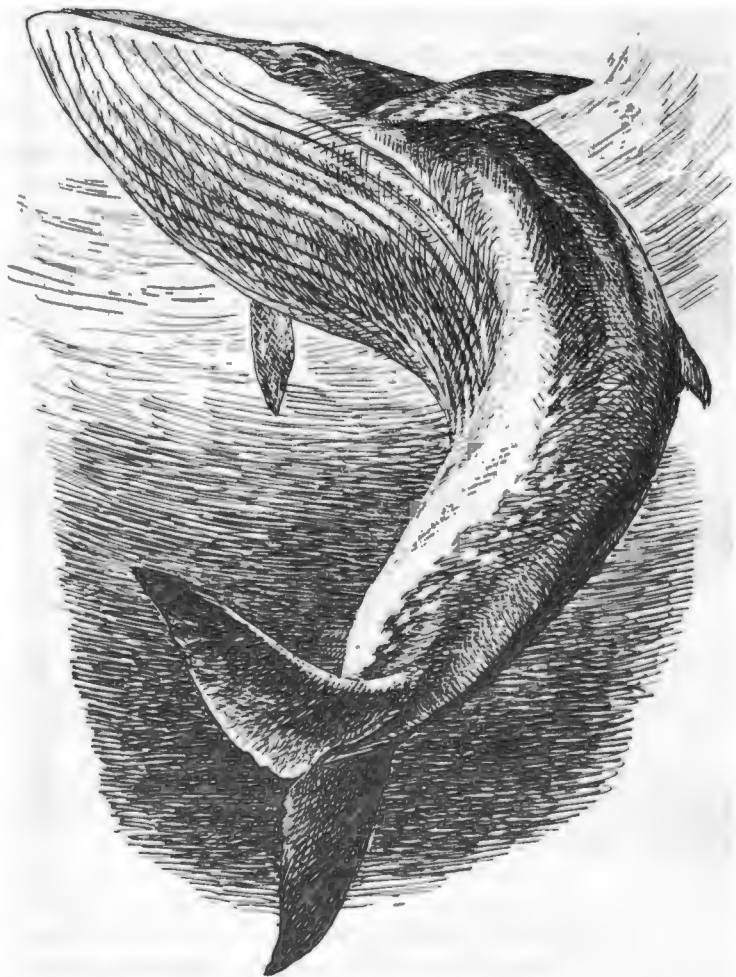
Это самка, кричал я. Вполне возможно, и даже, скорее всего, она беременна. Нападать на нее — отвратительная, чудовищная жестокость. Я даже пригрозил, что, если люди немедленно не оставят ее в покое, если все они сию минуту не уберутся из Олдриджской заводи к чертовой матери, вся Канада узнает о том, что здесь произошло.

Немного остыв, я пообещал им, что китиха прославит Бюржо, если только выживет. «Будет вам ваше шоссе, — орал я, — и телевидение, и все прочее...» Я наговорил бы еще Бог знает чего, если бы китиха не прервала меня: в толпе кто-то ахнул, и мы все обернулись. Китиха... ползла.

Она медленно, едва заметно поворачивалась, подгребая лапами и слегка поводя хвостом. Потрясенные этим зрелищем, чувствуя себя жалкими лилипутами, мы в молчании смотрели, как гигантское животное развернулось хвостом к берегу, потом сползло с отмели и исчезло в пронизанной солнцем воде.

Теперь я понимаю, что ей тогда вовсе не грозила опасность застрять на мелководье. Более того, она сознательно избрала единственно возможный путь бегства и воспользовалась отмелью, чтобы в буквальном смысле слова перевести дух. Все это я понял потом; тогда же, глядя, как китиха почти без усилий уходит от охотников, считавших, что она у них в руках, мы восприняли это как чудо. И одно чудо породило другое: настроение толпы переменилось как по мановению волшебной палочки. Лихорадочного возбуждения как не бывало. Люди тихо возвращались в свои лодки и уходили в пролив. Не прошло и двадцати минут, как в Олдриджской заводи не осталось никого, кроме нас с Оуни.

Это была удивительная процессия: никто не проронил ни слова, никто не обратился ко мне. Проходя мимо нашей плоскодонки, некоторые отворачивались. Многие

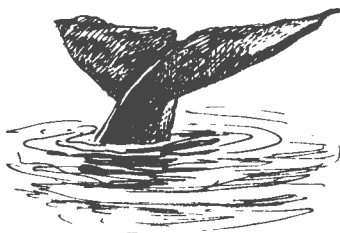

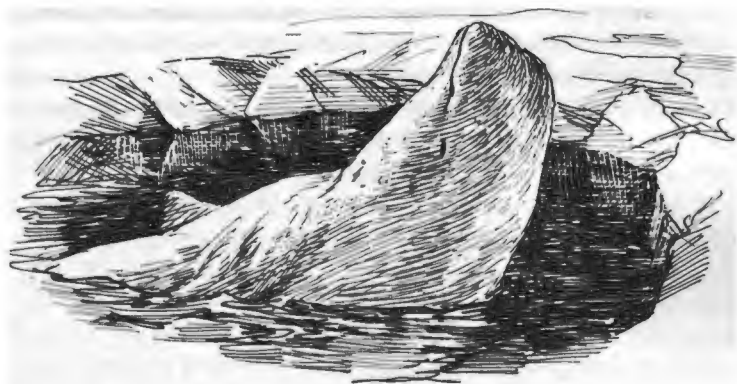
из них, по-видимому, чувствовали себя виноватыми, но на меня они не глядели, потому что я противопоставил себя им всем — всему коллективу, всему городу.. мало того, позволил себе публично стыдить их. Я, приезжий, не скрыл своих чувств, своего гнева, своего презрения. Теперь бессмысленно было бы притворяться, что мы понимаем друг друга. Я и Бюржо стали чужими.

Запись у меня в дневнике, сделанная в ночь на понедельник, свидетельствует о моем тогдашнем замешательстве и остром чувстве утраты:

«... они добры по натуре. Я в этом уверен, но как мне отвратительно это неумение подавить в себе дикарские порывы... Оказывается, эти люди могут быть так же мерзки, как городские хлыщи с их крупнокалиберными винтовками и телескопическими прицелами, — негодяи, умеющие лишь бессмысленно губить все живое, от белки до слона... Раньше я восхищался ньюфаундлендцами, потому что видел в них людей природы, народ, живущий хоть в каком-то контакте с естественным миром. А сейчас меня тошнит от их готовности отвернуться от него и очертя голову броситься в трясины современного общества, которое развратило и погубило все естественное в себе самом и теперь поспешно уничтожает окружающую его природу. Как можно быть такими глупцами? И каким же слепцом был я сам!»

Горькие слова... горькие и несправедливые; но я тогда потерял способность мыслить объективно, я был во власти страстей. Я больше не стремился — или был уже не в состоянии — понять жителей Бюржо, принять их такими, какие они есть: обыкновенные люди, ставшие жертвами сил и обстоятельств, о действии которых они даже не догадываются. Ослепленный своей обидой, я отказал им в сочувствии и без остатка отдал его плененному животному.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как и многие другие аспекты жизни финвалов, ее интимная сторона нам почти неизвестна. Человеку не доводилось наблюдать, как спариваются финвалы, не был он и свидетелем их рождения. Мы не знаем даже, как долго самка финвала вынашивает детеныша или как часто она рождает; не знаем, в каком возрасте она достигает половой зрелости и каким образом ей удастся кормить свое дитя под водой.

Судя по недоношенным плодам, извлеченным из туш убитых самок, финвалята рождаются ранней весной, в марте или апреле. Таково, по крайней мере, мнение науки относительно сроков размножения финвалов Северной Атлантики. Даже в конце беременности плод имеет лишь очень тонкий слой подкожного жира, поэтому некоторые биологи считают местом рождения финвалов теплые южные воды, возможно — загадочный район Саргассова моря. Однако другие китологи столь же уверенно утверждают, что количество и жирность материнского молока (оно вдесятеро жирнее самого жирного коровьего молока) обеспечивают финваленка достаточным количеством калорий даже для жизни в холодных северных морях; так что, может быть, потомство финвалов по-

является на свет у границы арктических паковых льдов. Но как это обстоит на самом деле, неизвестно никому.

Опять-таки на основании обследований эмбрионов биологи полагают, что беременность у самки финвала длится от десяти до двенадцати месяцев, а рождается дитя примерно шести метров длиной и двух тонн весом! Не менее фантастична скорость, с которой это дитя начинает расти. Энергично поглощая материнское молоко, китенок за шесть—восемь месяцев прибавляет в длину примерно восемь метров, а в весе — восемнадцать тонн. Затем рост его замедляется. Молодые финвалы достигают половой зрелости, по-видимому, в возрасте шести, а может быть, и восьми лет, когда длина самцов (они всегда несколько меньше самок) составляет около восемнадцати метров, а самок — около девятнадцати с половиной. Половая зрелость наступает у них сравнительно рано, но, судя по недавно полученным данным, финвал перестает расти лишь в возрасте тридцати лет: взрослая самка к этому времени может достигать в длину двадцати трех метров и весить девяносто тонн.

До недавнего времени ученые считали, что финвалы живут сравнительно недолго — от двадцати до тридцати лет. Но за последние годы был разработан новый метод определения возраста усатых китов по количеству концентрических наслоений ушных пробок, и теперь уже вполне очевидно, что при благоприятных условиях финвал, как и синий кит, вполне может прожить семьдесят лет и больше. Не исключено, что по замыслу природы усатые киты должны были жить дольше всех остальных млекопитающих нашей планеты, включая человека¹.

¹ Мы, вероятно, так никогда и не узнаем, какова «естественная» продолжительность жизни крупных видов китов. Чем старше кит, тем он больше: и понятно, что с появлением гарпунных пушек киты-старички стали мишенями номер один. Били стариков так успешно, что начиная с 1950 года почти не зарегистрировано случаев добычи взрослых китов-полосатиков. Может быть, в Мировой океане их сейчас просто нет. Но, исследовав недавно один музейный экспонат — ушную пробку крупного финвала, убитого полвека назад, — ученые пришли к выводу, что ему было лет восемьдесят-девяносто, когда гарпун оборвал его жизнь. — *Примеч. авт.*

И поскольку, кроме нас с вами, врагов у взрослого усатого кита нет и опасными болезнями он, по-видимому, не болеет, то весьма возможно, что кит стал бы одним из немногих животных, доживающих до глубокой старости, — если бы не вмешался человек.

Я убежден, что молодые финвалы остаются в семье со своими родителями вплоть до наступления половой зрелости. К сожалению, именно в этот период неопытное подрастающее поколение представляет собой легкую добычу для китобоев: судя по промысловым отчетам, по крайней мере, пятьдесят процентов финвалов, забитых за последние годы, просто не успели найти себе пару и принять участие в продолжении рода. Сейчас, в условиях беспощадного уничтожения финвалов как вида, их семейные группы обычно невелики; однако в прежние времена китобои встречали и большие семьи финвалов — по восьми в каждой.

Об ухаживании молодых самцов за своими избранницами нам ничего не известно; не знаем мы, ни как они находят друг друга, ни где это происходит. По-видимому, в прежние времена молодые киты «знакомились» во время регулярных великих встреч всех семейных стад того или иного района океана. В старых судовых журналах мы находим множество рассказов о таких встречах, но за последние сорок лет в Северной Атлантике ни разу ничего подобного не наблюдалось.

До наших дней дожили лишь немногие семьи финвалов, и разбросаны они по столь обширным акваториям, что проходит, вероятно, много лет, прежде чем молодой кит находит себе пару. Это особенно трагично ввиду многогамности финвалов: не было отмечено случая, чтобы в семейном стаде была беременная дочь; кроме того, есть основания полагать, что овдовевшая самка спаривается лишь с одиноким самцом. Кашалотам отчасти помогает справляться с нашими опустошительными атаками их полигамия; финвалы же позволяют себе роскошь единобрачия, которое для их истерзанного племени, вероятно, окажется роковым.

Любовные ласки финвалов, скорее всего, так и останутся под покровом тайны, и об этом я не жалею; не будем совать нос в их интимную жизнь. Зато нам известно другое: брачные узы финвалов отличаются поистине легендарной прочностью — это ли не любовь? Преданность финвалов-супругов давно известна китобоям, которые конечно же пользуются ею в своих кровавых целях: загарпунь самку, и самец от тебя не уйдет! Пренебрегая опасностью, он будет плавать поблизости и в конце концов разделит с подругой ее печальную участь.

Обратное справедливо не всегда. Беременная или охраняющая детеныша самка покидает попавшего в беду самца. Но если забота о потомстве не гонит китиху, она чаще всего остается со своим умирающим супругом; и рано или поздно в недрах ее тела тоже взрывается граната китобоя.

Я знал одного шотландского гарпунера, который за свою жизнь подстрелил больше двух тысяч китов, но так и не привык убивать самок — всегда испытывал величайшее смущение.

— Мы предпочитали знать о них как можно меньше, — объяснял он. — И так-то промысел сильно отдавал убийством. Умей я читать чужие мысли, я бы, наверное, только разок поглядел на китов, да и отправился бы себе на берег и больше в море не ходил. В таких вещах лишнее знание человеку только мешает.

После трагических воскресных событий, когда окончательно выяснилось, что Олдриджский кит — самка и, возможно, беременная, я решил не откладывая прибегнуть к услугам радио и газет. В понедельник, в десять часов утра, я послал в агентство Кэнэдиен Пресс в Торонто следующую телеграмму:

«Начиная двадцать первого января в заводи близ Бюржо находится кит семидесяти футов длиной восьмидесяти тонн весом тчк заводь диаметром полмили позволяет киту свободно двигаться тчк течение первых пяти дней местные охотники любители использовали кита в качестве живой мишени стреляя по нему крупнокалиберными пулями зпт сейчас продолжают преследовать кита моторках тчк

убедил полицию прекратить стрельбу но опасаясь жизнь кита тчк впервые истории имеется возможность наблюдать крупного кита столь благоприятных условиях тчк срочно необходима помощь для охраны животного также организации питания тчк кит быстро теряет вес зпт остальном состояние удовлетворительное тчк несмотря преследования враждебности людям не проявляет тчк подбностями звоните мне Бюржо».

Я вовсе не думал, что мое краткое сообщение произведет сенсацию; я просто надеялся, что оно заинтересует репортеров и они запросят у меня дополнительную информацию, состряпают из нее газетный репортаж или радиосводку, и тогда кто-нибудь из внешнего мира наконец придет мне на помощь. Мы с Клэр были просто ошарашены, когда в двенадцатичасовом выпуске новостей Канадская радиовещательная корпорация передала мое сообщение.

Если прежде фортуна была как будто настроена против китихи, то теперь боги явно переметнулись на нашу сторону. Причина такого поворота событий явилась для нас с Клэр полной неожиданностью.

Вернувшись в Канаду совсем недавно, мы ничего не знали про многонедельную серию газетных репортажей о стаде белух (сравнительно мелких китообразных из подотряда зубатых), попавших в естественную западную возле поселка Инувик на арктическом побережье Канады, в районе устья реки Маккензи: киты заплывли в длинную и узкую бухту и, когда ударил неожиданно ранний мороз, оказались отрезанными от открытой воды пятьюдесятью милями льдов — а это больше, чем они могут проплыть, не поднимаясь на поверхность. Надо было не дать замерзнуть полынье, в которой всплывали киты, и поначалу стадо из семнадцати голов успешно справлялось с этой задачей; но мороз крепчал, полынья стягивалась, и положение животных стало критическим.

Жители Инувика прониклись сочувствием к попавшим в беду белухам и учредили специальный спасательный комитет. К началу января открытой оставалась лишь полынья длиной двенадцать метров и шириной шесть.

Инувикскому комитету доставили самолетом электрические пилы, и с их помощью люди не давали полынья затянуться льдом. Сражение за жизнь стада белух привлекло внимание всей страны.

В то самое воскресенье, когда, пользуясь прекрасной погодой, охотники из Бюржо гоняли по заводи несчастную китиху, на северо-западе поднялась пурга, температура воздуха упала до сорока градусов ниже нуля, и инувикцы не сумели добраться до бухты, пленившей белух. В понедельник, одновременно с моей телеграммой, агентство Кэнэдиен Пресс в Торонто получило сообщение из Инувика о том, что за ночь полынья замерзла и киты погибли.

Репортажи о печальной развязке инувикской истории и драматической завязке истории в Бюржо легли на редакторские столы и были незамедлительно «увязаны». В понедельник днем телефонные каналы, связывающие Бюржо с внешним миром, уже не справлялись с заказами радиостанций, газет и телеграфных агентств, пытавшихся выяснить подробности событий, о которых так кратко сообщила Канадская радиовещательная корпорация. Девушка-оператор на телефонной станции в Хермитидже совершала героические усилия; я так и не выяснил, как ее звали, но позже, после особенно трудной ночи, вконец измучившись ради олдриджской китихи, она в нарушение служебных инструкций заговорила со мной и, чуть не плача от усталости, обещала, что делает все от нее зависящее для бесперебойной связи, потому что «надо же спасти это несчастное животное».

Из-за переговоров с репортерами я не сумел навесить китиху в понедельник, но Дэнни Грин позвонил мне, чтобы доложить обстановку.

— Плавает как ни в чем не бывало, — сообщил он. — Ведет себя тихо, дышит увереннее, чем вчера. Странные штуки вытворяет второй кит. Все время, пока мы были в заводи, он вертелся возле самой бухты. Ганны говорят, он там днюет и ночует — они его видят каждый раз, как идут через пролив. Мы с констеблем долго следили за обоими китами, и вот что мы заметили: они и всплыва-

ют, и погружаются одновременно, хотя расстояние между ними — полмили и друг друга они не видят. Может, это и глупо звучит, но, по-моему, они — супруги и как-то умеют переговариваться. Ты говоришь, тот, который в заводи, — самка? В таком случае, тот, который в бухте, — ее супруг!

Звуки, которые издают мелкие зубатые киты, обследуя окружающее пространство, сейчас изучены уже довольно подробно, однако наука пока почти не занималась тем, как китообразные используют звуковые сигналы для связи друг с другом. Сам факт связи не подлежит сомнению. Некоторым наиболее ортодоксальным специалистам исследования доктора Джона Лилли кажутся недостаточно убедительными, и все же, по-моему, на них можно полагаться¹.

Доктор Лилли и его сотрудники доказали, что ум дельфинов хотя и не похож на человеческий (что совершенно естественно), но вполне с ним сопоставим. Эти китообразные умеют обмениваться сложной информацией и, как ни одно другое известное нам животное, способны сообщать друг другу также и о сильных эмоциональных ощущениях.

Сегодня мы строим предположения о коммуникативных способностях полосатиков и других крупных китов. А всего двадцать лет назад в науке считалось, что все или почти все усатые киты совершенно немые. За многие века охоты за ними никто, по-видимому, не слышал, чтобы они разговаривали. Но недавно исследователи вооружились чувствительными гидрофонами (созданными для слежения за вражескими подводными лодками) и с удивлением обнаружили, что полосатики — чуть ли не самые «разговорчивые» из всех обитателей планеты. Диапазон, сложность и продолжительность их «высказываний» поставили в тупик тех немногих ученых, кто занимался языком полосатиков: ни смысл, ни назначение издаваемых

¹ Русский перевод книги Джона Лилли «Человек и дельфин» опубликован издательством «Мир» в 1965 году. — *Примеч. пер.*

ими звуков пока не поддаются расшифровке или объяснению. Некоторые из удивительно мелодичных звучаний, издаваемых китами, кажутся музыкой в самом возвышенном смысле этого слова. Другие — чрезвычайно сложные комбинации щелчков и свистов — напоминают скоростные кодированные радиограммы. Нескоро, видно, удастся нам разобраться в этих кодах — а может быть, и никогда не удастся. Но, даже просто послушав записи голоса горбача например, любой непредвзятый человек наверняка придет к выводу, что полосатики владеют и пользуются средствами связи, совершенству которых можно лишь позавидовать. Нам остается лишь гадать, о чем именно они разговаривают по своим каналам связи. Несомненно одно: кит говорит не потому, что ему нравится себя слушать — для этого он слишком умен.

Голоса китообразных преодолевают огромные расстояния без помощи электронного оборудования. Ведь вода проводит звук несравненно лучше, чем воздух, и даже человек с его сравнительно несовершенным слуховым аппаратом может на расстоянии тридцати пяти миль подслушивать финвалов, переговаривающихся на низких частотах! Есть серьезные основания полагать, что сами киты общаются на расстоянии во много сотен миль, а, по мнению одного моего знакомого специалиста, «высказывания» китов могут транслироваться через весь океан по особым волноводам, пролегающим в толще океанских вод. Люди совсем недавно обнаружили поразительные свойства этих волноводов, и, поскольку их используют для военных целей, широкой публике о них мало что известно. Но киты, по убеждению моего знакомого (иногда выполняющего заказы для военно-морского флота США), знают об этих глобальных каналах связи и, возможно, пользуются ими для «междугородных» переговоров, причем совершенно бесплатно.

Когда во вторник утром, не побоявшись снеговых шквалов, я бежал от спущенного мною с цепи журналистского чудища к милому и тихому чудищу олдриджскому, Опекун (так мы нарекли второго кита) был на своем

посту. Меня привез Оуни, и, еще не дойдя до бухты, мы увидели взлетевший высоко к сумрачному небу столб водяной пыли — фонтан верного Опекуна.

Мы заглушили мотор, и в наступившей тишине лодка стала по инерции приближаться к киту, который вел себя очень странно. Он был почти в самой бухте и быстро носился по кругу диаметром не больше двухсот метров, всплывая, чтобы набрать воздуха, через одну-две минуты. На нас он не обратил никакого внимания и продолжал по-прежнему ненадолго всплывать, даже когда наша лодка была от него на расстоянии каких-нибудь пятнадцати метров. Тут-то я и услышал опять тот гул, который в свое время счел голосом финвала. На сей раз у меня не было никаких сомнений относительно его источника.

Как и в первый раз, мы не услышали, а скорее почувствовали низкий дрожащий звук — нечто вроде басовой органной ноты, донесшейся откуда-то издалека, сквозь туманный воздух. Звук этот вызывал душевное волнение, он был чужд нашему миру и казался явлением почти сверхъестественным.

Надеясь, что он повторится, мы с Оуни молча сидели в лодке, пока ее не отнесло далеко за пределы бухты. Но Опекун нырнул и больше голоса не подавал. Я попросил Оуни завести мотор, и мы двинулись в пролив.

Едва войдя в заводь, мы увидели, как китиха всплыла совсем рядом с нами, набрала воздуха и тут же снова исчезла — прямо на нее ринулся большой белый катер, летевший с такой скоростью, что четверо сидевших в нем мужчин даже не заметили нас, и волна от катера чуть не опрокинула плоскодонку. Затем катер описал круг и сбавил ход. Я узнал своих воскресных противников.

— Убирайтесь отсюда вон! — в ярости заорал я, вскакивая на ноги. — Чтоб духу вашего тут не было!

Рулевой катера приглушил мотор и нагло ухмыльнулся.

— А что, если мы не уберемся? Кто это, интересно, может нас заставить? — крикнул он мне.

Я решил идти напролом.

— Полиция, вот кто, — ответил я. — Джо Смолвуд объявил кита государственной собственностью.

В 1967 году Ньюфаундленд признавал только одного бога, и Смолвуд был его пророком.

Хотя на самом деле Смолвуд еще не проявлял к китихе никакого интереса, я без колебаний воспользовался его именем: это была единственная угроза, которая могла подействовать на пассажиров белого катера. Поворчав немного, они отбыли восвояси.

Мы с Оуни сошли на берег и расположились под прикрытием выступа скалы. С наступлением тишины китиха возобновила свой круговой маршрут, но поначалу всплывала только в дальнем от нас конце заводи. Лишь через час она решилась приблизиться, и мы с ужасом увидели у нее на спине, перед самым плавником, громадный порез длиной больше метра. Белый подкожный жир был рассечен на глубину нескольких сантиметров. Позже мы узнали, что, когда белый катер вернулся в тот день в город, его пассажиры рассказывали своим друзьям, как бесстрашно они переехали погружавшуюся китиху.

— На полной скорости! — похвалялся один из них. — У нас даже шпонку сорвало, но зато резанули мы ее — будь здоров!

Несмотря на чудовищный вид раны, пленнице она как будто не причиняла особых неудобств. В тот день китиха даже продемонстрировала нам нечто такое, о чем я знал только понаслышке от дяди Арта и других рыбаков. Незадолго до момента полного прилива она вдруг прервала свое неторопливое патрулирование и быстро и решительно направилась в центр заводи, где принялась носиться кругами так близко от поверхности, что буруны, вздувавшиеся от ударов ее хвоста, образовали на воде замкнутую окружность. Затем китиха снова резко изменила курс: блеснуло зеленовато-белое брюхо, и мы увидели водоворот и поднимавшиеся на поверхность пузыри воздуха — признак того, что китиха открыла свою огромную пасть.

— Сельдь почуяла! — обрадованно закричал Оуни. — Прилив ведь, вот, видно, и занесло в заводь стайку сельди. Ишь как проголодалась!

По-видимому, это действительно была всего лишь маленькая стайка. Со своего поста мы просматривали пролив до самого дна, и, если бы в заводь вошел даже небольшой косяк сельди, мы бы его заметили. Больше в тот день китиха охотиться не пыталась.

— Нет, той сельди, что сама в заводь заходит, ей мало, — сказал Оуни. — Представляю, как она голодна. Жаль, что она не проглотила тех молодчиков в катере. Им бы только на пользу пошло.

Мы пробыли с китихой до темноты и ужасно замерзли. Не считая инцидента с катером, день в Олдриджской заводи прошел тихо.

Совсем иначе обстояло дело в Мессерсе. Я посеял ветер, а бурю пожинать пришлось Клэр: она приняла больше тридцати телеграмм и телефонограмм из редакций радио и газет, из телеграфных агентств и даже одну от самого премьер-министра Ньюфаундленда:

«Рад сообщить что мои коллеги одобрили мое предложение выплатить рыбакам Бюржо тысячу долларов на отлов сельди для вашего кита тчк прошу организовать кормление и уход тчк приветом Дж Р Смолвуд».

Увидев, что я читаю телеграмму, Клэр заметила:

— Один репортер из Сент-Джонса сказал мне, что наша китиха в центре внимания не только канадской, но и мировой печати и что Смолвуд постарается теперь ее использовать. И еще он сказал, чтобы ты не тратил ни одного доллара из этой тысячи, пока не получишь деньги наличными.

В тот день у нас появился Боб Брукс, фотограф из газеты «Торонто стар». Специально арендованный самолет на лыжах высадил его на лед небольшого озера в двух милях от Бюржо, и оттуда Брукс пробирался к нам пешком, по колено в снегу. Ему еще повезло: когда он, полузамёрзший, вышел на берег залива Шорт-Рич, какой-то рыбак заметил его и доставил в город на своей лодке.

Войдя в дом, я застал Боба у кухонной плиты: он постепенно оттаивал, но не переставал возмущаться удаленностью Бюржо от центров цивилизации.

— Чертова дыра! — яростно повторял он. — На Баффинову Землю и то легче добраться, чем к вам. Нашли где поселиться!

Среди многочисленных абонентов, которым отвечала в тот день Клэр, был и один местный — женщина-врач из больницы в Бюржо. Узнав, что я «разгласил» историю олдридджской китихи, эта дама пришла в ярость — она, по-видимому, считала меня кем-то вроде доносчика. Впрочем, ярость ее была несколько запоздалой, потому что о телеграмме Смолвуда уже стало известно, и теперь городские бизнесмены и даже политиканы начали понимать, что настоящий живой кит — это великолепная реклама. В их отношении к китихе наметилась существенная перемена: из гигантской игрушки, пригодной только для того, чтобы служить мишенью местным стрелкам-любителям, китиха превращалась в нечто совсем иное — в деньги.

Перемену эту я ощутил уже во вторник вечером. Мы с Клэр прикидывали, как лучше всего реализовать деньги, которые, по словам нескольких репортеров, уже начали поступать в фонд питания олдридджского кита.

— Пусть этим займутся члены Юго-западного клуба, — сказала Клэр. — Это как раз по их части. Предложи им — я уверена, что они будут только рады.

Я не разделял уверенности Клэр, но все же позвонил одному из руководителей клуба. К моему удивлению, он выслушал меня внимательно и отнесся к предложению с большим энтузиазмом.

— Зря вы им написали про стрельбу, — начал он. — Но это не важно. Зато Бюржо прогремел на весь мир. Говорят, даже Джо заинтересовался. Пожалуй, это самая крупная удача за всю историю города. Ну, конечно, мы с удовольствием распорядимся деньгами. Если нужно будет что-нибудь еще — звоните прямо нам.

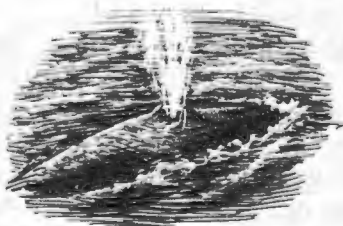
Я с облегчением повесил трубку. Выходит, наши опасения не подтвердились — видимо, у горожан мой «донос» особого негодования не вызвал.

Затем я отправился к братьям Ганн — меня интересовало их мнение насчет того, попадают ли в заводь крупные

косяки сельди. Братья считали, что сельдь в заводь не идет, а если и заходит небольшой косяк, то, обнаружив китиху, сельдь торопится вернуться в море. Поэтому мы договорились, что вечером братья отправятся в заводь и перед самым началом отлива перекроют выход из нее густой сетью, чтобы задержать рыбу, вошедшую в заводь с приливом. Конечно, это была всего лишь временная мера. Я понимал, что нужно как можно скорее найти более эффективный способ кормить пленницу — и кормить досыта.

Вернувшись, я застал Клэр с кистью в руке: она готовила большой плакат, который мы решили установить у входа в пролив. Возможно, текст плаката был слишком смел. Но ведь в конце концов Джо Смолвуд действительно публично объявил себя покровителем нашей китихи, а что такое правительство Ньюфаундленда, если не Джо Смолвуд? Вот что написала Клэр:

«Внимание! Мучить кита запрещается. Вход в Олдриджскую заводь только по специальному разрешению. Основание: распоряжение правительства Ньюфаундленда».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Первое утро февраля было ясным и обещало превосходный день, безветренный и морозный; взошедшее солнце высветлило бескрайнее бледно-голубое небо. Мы еще завтракали, когда появился Оуни Стикленд, которому так же, как и мне, не терпелось проведать китиху.

Оуни был холостяк, жил в доме своего племянника и на судьбу как будто не жаловался. Все его любили, и сам он был со всеми приветлив; и тем не менее в натуре его чувствовалась какая-то неуловимая странность, что-то не поддающееся объяснению. Черты его удлиненного, всегда печального лица словно хранили некую тайну. Вообще же он был человек неприметный, и в толпе его худощавая серая фигура тотчас терялась.

Его единственным близким другом был черный пес по кличке Ровер — водолаз, принадлежавший племяннику Оуни. Бывало, Оуни дни напролет проводил наедине с собакой. Однажды, осматривая горизонт в поисках китов, я ненароком навел свой бинокль на отдаленный участок берега и увидел у воды Оуни, сидевшего на выброшенном волнами бревне; положив руку на густой загривок пса, он напряженно подался вперед, всматриваясь или вслушиваясь во что-то известное ему одному.

К событиям, происходившим в Бюржо, Оуни был равнодушен, пока не началась история с китихой. Я сразу заметил, что он испытывает к ней какое-то особое влечение. Когда бы мне ни понадобилась помощь для поездки в Олдриджскую заводь, Оуни и его плоскодонка были всегда тут как тут, и ни разу он не попросил платы за свои услуги. Сидя в лодке или на прибрежных камнях, Оуни следил за величественными движениями китихи, кружившей по заводи. Он буквально не сводил с нее глаз. Насколько глубоко его волнует судьба китихи, я почувствовал однажды вечером, когда мы выходили из заводи: впереди по курсу всплыл и выдохнул Опекун, в ответ ему, точно эхо, раздалось шипение китихи в заводи, и Оуни, подняв из воды шест, негромко, но яростно проговорил:

— Все живое на свете должно быть свободно!

И тотчас же, словно он сказал лишнее, Оуни повернулся ко мне спиной и склонился к старенькому двигателю своей плоскодонки.

Слова его запомнились мне, и позже я стал расспрашивать соседей о жизни Оуни, с виду такой благополучной. Лишь тогда я узнал, что всю свою молодость он помогал больным родителям, а после их смерти делил свои доходы с сестрой и ухаживал за ней — она была калеккой. Мое романтическое воображение рисовало мне Оуни гордым и независимым рыбаком-одиночкой, нашедшим надежное убежище от мира в далеком аутпорте. Горькая же действительность заключалась, оказывается, в том, что он всю жизнь прожил в неволе и о свободе и независимости только мечтал: заветным желанием Оуни Стикленда было уйти в открытое море — не тралить рыбу в прибрежных водах, а бороздить великие океаны планеты.

Знай я об этом раньше, меня, конечно, не удивило бы, что он принял близко к сердцу несчастье нашей китихи. Ему ли было не понять ее, рожденную свободной и внезапно очутившуюся в неволе!

Когда в сопровождении Боба Брукса, увешанного фотокамерами и прочей аппаратурой, мы вошли в Олдриджскую заводь, она была безлюдна. Первым делом мы

установили у входа в пролив привезенный плакат и привязали на место сеть, которой братья Ганн перекрыли накануне пролив: она каким-то образом сорвалась. Потом мы пешком поднялись на холм, отделявший бухту от заводи.

Вода лежала покойно, как зеркало, и хранила четкие отражения прибрежных скал и холмов. Пейзаж был, пожалуй, мрачноват, но и каменистые берега, и гладкая вода радовали глаз тончайшими нюансами цвета, а в глубине заводи словно горело ровное синее пламя.

Китиха появилась почти тотчас же — всплыла возле островка в северном конце заводи. Я устроился на берегу с биноклем, блокнотом и хронометром и приготовился наблюдать за ее поведением, а Брукс запрыгал по камням в поисках наилучших ракурсов. Утро стояло восхитительно нежное, мечтательное. Движения китихи подчинялись безукоризненному ритму. Она кружила по часовой стрелке — по солнцу, как говорят моряки, — и подолгу оставалась под водой, всплывая лишь для того, чтобы разок-другой продуть легкие и затем снова медленно исчезнуть в глубине. Ледяная вода была настолько неподвижна и прозрачна, что иногда я видел, как в глубине ее мерцает гигантское тело пленницы.

Китиха не охотилась — ловить, наверное, было нечего. Но все же она ни разу не прервала своего плавного, ритмичного кружения по заводи. Я следил за ней не отрываясь, и вдруг неожиданное воспоминание как рукой сняло ощущение безмятежности, навеянное этим тихим утром: я снова увидел волка, кружащего по клетке с неизменной, страшной, завораживающей ритмичностью, — пленника, бессмысленно и бесконечно меряющего шагами свою тюрьму.

Через несколько часов в заводь осторожно вошел полицейский катер. Он стал на якорь неподалеку, и я, желая поговорить с Дэнни и констеблем, попросил Оуни подойти к ним.

Поднявшись на катер, мы уселись на теплой палубе, и, не переставая наблюдать за китихой, Дэнни рассказал мне о переполохе, поднявшемся в городе.

— Все началось с радиопередачи. Ну и взъелись же на тебя наши! С удовольствием утопили бы тебя вместе с

твоей китихой. Больше всего они злятся, что ты вмешался, хотя тебя не просили. Но некоторые, между прочим, думают, что ты правильно сделал. Беда только, что как раз они-то помалкивают.

— А сам ты как считаешь, Дэнни? — спросил я.

— Сам я считаю, что ты, конечно, полный идиот, — ухмыльнулся Дэнни. — И все же этому хулиганью давно уже пора было дать по рукам. Раньше человек брался за ружье, когда ему не хватало мяса на обед. А эти, видно, и в сортир ходят с карабином — на случай, если по дороге подвернется соседская кошка.

Он помолчал, задумчиво глядя на кружившую по заводи китиху.

— Самое удивительное — это что Юго-западный клуб переметнулся на нашу сторону. Собираются кормить китиху, холить и лелеять. А впрочем, ничего странного. Бизнес прежде всего. Надеются, что теперь правительство вспомнит о нас и проведет в Бюржо шоссе. Но ты только подумай, Фарли, — ведь еще и недели не прошло, как этот самый Юго-западный клуб чуть ли не в полном составе начинал несчастную китиху горячим свинцом.

Затем катер ушел, и мы снова остались наедине с китихой. Впрочем, одиночество наше продолжалось недолго: где-то в заливе Шорт-Рич опустился пролетевший высоко над заводью гидросамолет, и скоро из пролива показался ялик, и из него на берег высадилась съемочная группа из телестудии, принадлежащей Канадской радиовещательной корпорации. Почти все в группе были мои знакомые, и эта неожиданная встреча меня обрадовала.

— Эй, Фарли, где тут у тебя кит сидит? — крикнул, взбираясь ко мне по камням, долговязый оператор. — Или он тебе привиделся с пьяных глаз? Ну и заварил ты кашу! «Коламбиа бродкастинг систем» шлет из Нью-Йорка съемочную группу... Торонто требует, чтобы мы сегодня же прислали отснятую ленту, а не то, мол... в общем, подавай нам кита сию же минуту!

— Пожалуйста, — сказал я, указывая на китиху, которая как раз начала всплывать.

Четверо одетых по-городскому мужчин разом обернулись. Кто-то из них громко охнул.

Всплыла она всего в тридцати метрах от нас и метрах в пятнадцати от Оуни, сидевшего в лодке, которую немного отнесло от берега. Зеленоватая громада медленно поднималась из глубины и из-за преломления света в воде казалась просто необъятной. Над невидимым хвостом китихи образовались водовороты размером с пару плавательных бассейнов. Наконец на поверхности появилась блестящая черная голова, и в воздух на шесть метров взметнулось облако пара, повисшего медленно тающей дымкой, а в воде заскользил бесконечный хребет гигантского животного. Зрители долго молчали; наконец оператор обернулся ко мне, и я увидел, что его обычную насмешливую гримасу сменило выражение какой-то странной торжественности.

— Боже мой! — прошептал он. — Ну и кит!

После этого на меня уже не обращали ни малейшего внимания. Гости забегали по берегу, устанавливая съемочную аппаратуру, и, лишь когда был отснят последний метр пленки, ко мне подошел режиссер и, достав фляжку, предложил выпить.

— Ты знаешь, Фарли, — сказал он, глядя, как его товарищи убирают треножки, — у нас ведь эту историю воспринимают как забавный анекдот. Мол, наконец-то капитан Ахав приручил своего Моби Дика! Газеты полны карикатур. Макс Фергюсон инсценировал сегодня по канадскому радио уморительную полемику между премьер-министром Персоном и Смолвудом о том, считать ли твоего кита общегосударственным достоянием или собственностью провинции Ньюфаундленд. Мы думали, все это газетная утка. Теперь-то я убедился. Господи, я и не думал, что бывают такие громадины. Бедная зверюга! Надеюсь, тебе удастся как-нибудь вызволить ее отсюда.

В тот день я собирался выяснить, насколько серьезные раны нанесли китихе «охотники». Проводив съемочную группу, мы с Оуни сели в лодку, отгребли от берега метров на пятьдесят и замерли. Вода была такая прозрачная, что, когда китиха проплывала поблизости, мне удавалось хорошо разглядеть ее спину и даже бока. Один раз она всплыла в нескольких метрах от лодки, и я с трепетом ощутил на

себе взгляд ее огромного глаза — он был размером с человеческую голову. Китиха, конечно, осмотрела нас так же подробно, как и мы ее; снова и снова проплывала она прямо под нашей лодкой или в одном-двух метрах от нее, словно упорно добивалась нашего внимания.

Рана у основания спинного плавника была шириной в ладонь, а глубиной сантиметров в пятнадцать, и на дне ее, под желтоватым слоем рассеченного жира виднелась темно-красная подстилающая мышечная ткань, тоже сильно поврежденная. По сравнению с этим гигантским порезом остальные раны, при всей их многочисленности, казались пустячными. Я насчитал примерно полторы сотни небольших белых метин — следов пуль; на огромной черной спине китихи они походили на следы комариных укусов. Ни одна из ран не кровоточила, и я снова уверил себя, что обстрел не причинил животному большого вреда. Я с радостью говорил себе, что ружейные пули, застрявшие где-то в толще мышц, скрытых под слоем жира, не более опасны китихе, чем, скажем, быку — заряд дроби, едва пробившей его толстую шкуру.

Сделав столь оптимистические выводы и видя к тому же, как спокойно ведет себя китиха, я проникся убеждением, что худшее позади. Да и помощь была не за горами! Я уже не сомневался, что скоро мы освободим пленницу и жизнь ее будет спасена.

Однако прежде предстояло найти способ накормить китиху. Я отлично видел, что она сильно похудела. Хребет ее заострился, все отчетливее выступали на нем гигантские позвонки. Поскольку все детеныши в ее семейном стаде были уже довольно большие, я подозревал, что китиха собирается рожать в этом году; резкая потеря веса подтверждала мою догадку. Конечно, знать наверняка я не мог, но в дальнейшем надо было исходить из предположения, что наша подопечная готовится стать матерью, причем назначенный природой срок истекает не позднее чем через два месяца.

Положение, в общем, было не так уж безнадежно. Сельди требовалось немало, но она плавала тут же, неподалеку. Проблема заключалась лишь в том, как загнать

сельдь в Олдриджскую заводь и не дать ей тут же удрать обратно в море. Можно было бы, допустим, ловить сельдь неводом, в заливе Шорт-Рич и на лодках доставлять ее в заводь, но я вовсе не был убежден, что китиха захочет есть мертвую рыбу. Предположим даже, что финвал ест мертвечину; но ведь челюсти его устроены таким образом, чтобы выхватывать косяки рыбы или скопления планктона прямо из воды, а не подбирать пищу со дна.

Появление в заводи братьев Ганн с грузом трески из залива Га-Га навело меня на мысль поставить эксперимент. Мы подгребли к берегу, где братья потрошили свой улов, и я попросил их не выбрасывать сельдь, которой были полны желудки трески. Через некоторое время мы с Оуни осторожно поставили на нос нашей плоскодонки большой ящик — в нем было килограммов восемьдесят дохлой сельди — и, отойдя к островку возле северного берега, где китиха всплывала чаще всего, дали ей трижды спокойно проплыть по заводи. Когда на четвертом круге зеленовато-белая нижняя челюсть стала подниматься к нам из глубины, Оуни ударом весла поставил лодку прямо на пути китихи, и я вывалил за борт содержимое ящика.

Сверкая в прозрачной воде, точно серебристое конфетти, сельдь медленно тонула кверху брюхом. Китихе достаточно было открыть пасть и слегка прибавить ходу — и наше угощение целиком оказалось бы у нее в желудке. Но она этого не сделала. Едва заметным движением ласт она изменила курс и, уклонившись от оседающей на дно мертвой сельди, всплыла метрах в ста от нас. Повторять эксперимент не требовалось: было ясно, что китихе нужна живая рыба, которую она могла бы ловить без посторонней помощи.

Мы с сожалением покинули заводь (зная, что ясная погода простоят недолго, я понимал, что упускаю редкую возможность наблюдать за китихой) и взяли курс на рыбозавод, где управляющий обещал мне устроить совещание с моими новыми союзниками — членами Юго-западного клуба.

Мне было несколько не по себе: судя по рассказам Дэнни, китолобов на заводе ожидал враждебный прием.

Оставив Оуни в лодке, я направился к конторе. По пути мне пришлось пройти мимо нескольких мужчин, принимавших участие в охоте на китиху. Никто из них ко мне не обратился, но своей неприязни они не скрывали. Совсем другая атмосфера царила в конторе. Встретив меня дружеским приветствием, управляющий тут же собрал группу старших служащих завода, членов Юго-западного клуба, и мы стали обсуждать проблему кормления китихи. Управляющий предложил для начала оборудовать на заводе открытую баржу для перевозки живой сельди. Идея заключалась в том, чтобы, отбуксировав баржу с рыбой в заводь, выгружать живую сельдь прямо в воду через специальный створчатый люк. Управляющий считал, что подготовить такую баржу можно уже к следующему утру.

Идея была неплохая — оставалось только придумать, каким образом сельдь будет попадать в нашу баржу. И тут один из мужчин спросил, слышал ли я утреннее выступление Смолвуда по радио. Оказалось, что он не только признал олдридджского кита собственностью провинции Ньюфаундленд, но и заявил, что сделает все необходимое для спасения жизни плененного животного.

Когда мне рассказали об этой передаче, которую я не слышал, так как в то время был в заводи, я вдруг вспомнил о телеграмме, полученной накануне от моего знакомого матроса с сейнера «Хармон-II». Сейнер этот принадлежал правительству Ньюфаундленда и обычно использовался как учебное судно, но сейчас стоял без дела в Корнер-Бруке, на западном побережье острова, и вполне мог бы заняться ловом сельди для нашей китихи. Сообщив собранию о телеграмме, я добавил:

— Если Смолвуд действительно хочет помочь, ему ничего не стоит прислать нам «Хармон». От Корнер-Брука до нас всего день-два ходу. «Хармон» берет до ста тонн сельди в день. Этого хватит, чтобы наполнить Олдридджскую заводь до краев!

— Скоро сказка сказывается, — осторожно заметил управляющий. — Когда имеешь дело с правительством, не обойтись без волокиты.

— Согласен. Но пока можно связаться с сейнерами из Британской Колумбии. У нас в Хермитидже базируется не меньше дюжины судов, и некоторые из них ведут лов прямо тут, вокруг островов. Попросим у них несколько тонн живой сельди, чтобы перебиться в ожидании «Хармона».

Я тут же снял трубку и, покипевшись, как водится, по поводу всегдашних телефонных неполадок и задержек, связался с базой в Хермитидже. Изложив свою просьбу, я несколько секунд терпеливо молчал, пока на другом конце провода обдумывали ответ.

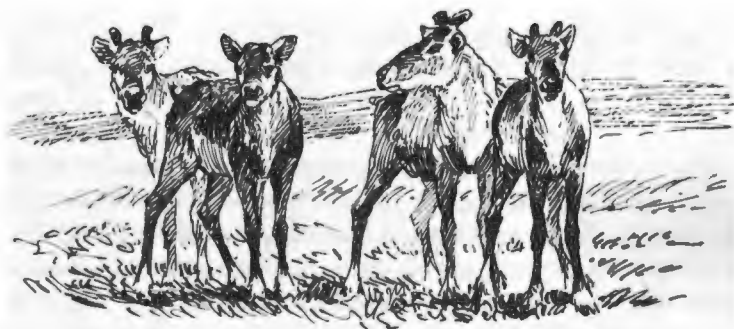
— К сожалению, — услышал я наконец, — у нас нет лишней сельди. Весь улов идет в переработку, иначе были бы простои. Сочувствуем вам, но...

И, не дожидаясь, пока я начну ругаться, мой собеседник повесил трубку. Управляющий рыбозаводом стал меня успокаивать.

— Есть выход, — сказал он. — У кого-нибудь в городе наверняка найдется старый невод. Это нетрудно выяснить. Тогда можно нанять людей и сегодня вечером, во время прилива, выйти на лодках и неводом собрать всю сельдь из бухты и проташить ее в пролив. Потом перекроем выход из заводи — и обед готов.

На том и порешили, поскольку никаких других реальных предложений не поступило.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дома меня ждала вконец измученная Клэр.

— Господи! Наконец-то! — облегченно воскликнула она, увидев меня в дверях. — Слышишь? Опять звонят! Ну теперь уж ты сам с ними разговаривай.

Звонили Бобу Бруксу. Сгоравший от нетерпения редактор требовал, чтобы он немедленно возвращался.

— Идиот, — пробормотал Брукс, повесив трубку. — Он, видно, думает, что мне стоит только вызвать такси и оно отвезет меня прямо к кассе турбореактивной авиалинии. Интересно, как они там представляют себе Бюржо?

Вопрос этот был более чем уместен. Почти всем, кто звонил в тот день Клэр, казалось, по-видимому, что Бюржо — нечто вроде пригородного поселка в окрестностях Галифакса или, скажем, Бостона. Например, один энергичный режиссер крупной американской телестудии сообщил моей жене, что он и его люди вылетают в Бюржо первым же рейсом и к утру будут у нас.

— Передайте мистеру Моэту, — сказал он, — что нам понадобится напряжение сто десять вольт для освещения, два грузовика и пикап для перевозки оборудования из аэропорта к вашему киту.

Клэр не могла упустить такой случай позабавиться. Призвав на помощь всю свою выдержку, она любезно ответила:

— Мы постараемся достать для вас несколько бензиновых фонарей. К сожалению, регулярного авиарейса Нью-Йорк— Буржо пока нет, да и аэропорт у нас еще даже не начали строить, но если вам удастся зафрахтовать самолет на лыжах и он высадит вас в Галл-Понд, то мы, вероятно, могли бы прислать за вами собачью упряжку. Но на всякий случай захватите с собой лыжи.

Торопливо орудуя вилкой, я просмотрел почту. Была там среди прочего очередная телеграмма от нашего премьер-министра:

«Спешу исполнить свой приятный долг и сообщить вам что вы официально назначены хранителем олдридджского кита тчк ждите письменного подтверждения ближайшее время тчк приветом Дж Р Смолвуд».

— Что за чертовщина? — удивился я.

— Канадское радио сегодня передавало интервью с ним, — объяснила Клэр. — Он сказал, что в качестве рекламы Ньюфаундленда наш кит оценивается в миллион долларов. А агентство Кэнэдиен Пресс сообщило, что... Впрочем, читай сам, — и Клэр протянула мне телеграмму:

«Сент-Джонс, Ньюфаундленд, Кэнэдиен Пресс.

Премьер-министр Джозеф Смолвуд объявил сегодня законодательной палате, что писатель Фарли Моуэт официально назначается хранителем олдридджского кита.

«Вопрос о соответствующем мундире хранителя пока не решен, — сказал Дж. Р. Смолвуд. — Обычно Моуэт носит шотландскую юбку, но мы считаем, что для ухода за восьмидесятитонным китом юбка не подходит».

По рядам пронесся смех, и в ответ премьер-министр заметил, что «граждане старейшей из британских колоний не должны относиться легкомысленно к великим традициям». Он напомнил собравшимся о почетных постах Хранителя королевского кошелька и Хранителя королевской совести и добавил: «Теперь, впервые в истории, подобный пост существует и в Ньюфаундленде».

— Китихе дали имя, — сказала Клэр. — Ты ни за что не угадаешь какое! Моби Джо — в честь самого Джо Смолвуда!

— Не знаю, что скажет этот великий остряк, когда узнает, что его тезка — дама, да к тому же беременная, — ответил я. — Впрочем, Бог с ним. Пусть себе острит на здоровье. Главное, что он официально обещал китихе свое покровительство. Я ему пошлю телеграмму с просьбой откомандировать к нам «Хармон».

Использовать китиху пытались в тот день не только Смолвуд с газетчиками. Пришла, к примеру, телеграмма от монреальского антрепренера, который обещал заплатить мне сто тысяч долларов, если я доставлю кита живым и невредимым в павильон международной ярмарки «Экспо-67». А владелец цирка в Луизиане сообщал, что с удовольствием «купит у меня чучело кита».

Проснувшись наконец и канадская наука. Какой-то зоолог — человек слишком занятой, чтобы приехать в Бюржо и поглядеть на китиху своими глазами, — прислал мне такую телеграмму:

«Желательно чтобы за китом следил объективный наблюдатель вроде вас тчк в частности нужна таблица интервалов между дыхательными актами течение суток зпт соотношение поведения и частоты дыхания зпт подробное описание процесса питания и охоты включая скорость и радиус поворотов зпт обход препятствий зпт игровое поведение зпт количество экскреций в сутки... «

Но попадались и вполне разумные телеграммы. Некоторые из них были посланы людьми, мне совершенно неизвестными, а смысл их сводился к тому, что есть еще на земле бескорыстные души, которые попросту сочувствуют животному, попавшему в беду. Эти телеграммы отчасти помогли мне подавить неприятное ощущение, что все происходящее — грандиозный цирковой балаган. Кроме того, они помогали мне справляться с чувством вины перед жителями Бюржо — ведь это из-за меня город подвергся злобным и не вполне справедливым нападкам прессы.

Почти в каждом сообщении об олдридджском ките по радио или в газетах главный упор делался на самый факт обстрела, причем тексты составлялись таким образом, что создавалось впечатление, будто в кровопролитии принимало участие все население Бюржо без исключения. Авторы статей и репортажей не скрывали своего отвращения к «варварским обычаям мерзких дикарей с юго-западного побережья Ньюфаундленда».

Многие годы я публично восхвалял добродетели людей, живущих на самой границе «цивилизации» — в ледяных иглу и в кубриках океанских судов, на фермах в прериях и на побережьях Ньюфаундленда. Я восхищался их прямоотой и честностью и противопоставлял этих людей высокомерному и глупому читателю ежедневных газет. Я всегда старался защищать их от «цивилизованного» мира, а теперь из-за моего сочувствия к китихе получалось, что я отвернулся от рыбаков аутпортов и вместе со всеми презираю и унижаю их.

К вечеру мне позвонили из Юго-западного клуба и сообщили, что невод найден и бригада собрана: на лов сельди вызвались пойти братья Андерсон — угрюмые мужички, хозяева единственного в Бюржо подходящего невода, — и с ними Кеннет и Дуглас Ганн, Курт Бангей и Уош Пинк. Братья Андерсон и братья Ганн согласились предоставить для лова свои лодки. Хотя полный прилив должен был наступить лишь после полуночи, я считал, что недурно будет с наступлением темноты выйти к проливу и посмотреть, что и как. Курт согласился со мной, и мы пошли на его лодке.

Черное, неподвижное море, гладкое, точно натянутый шелк, буквально кишело сельдью. И по левому, и по правому борту мы то и дело замечали громадные косяки рыбы. Сельдь плавала возле самой поверхности и при нашем приближении бросалась в стороны, отчего черное зеркало моря вдруг вспыхивало золотистыми бликами. Иногда косяки сталкивались, тысячи рыбок выскакивали из воды, сверкая в лучах наших ходовых огней, точно бесчисленные осколки зеркала. Я посветил в воду: по-

всюду, куда проникал луч фонаря, мелькали серебристые рыбки.

Лишь однажды мне довелось наблюдать такое поразительное скопление живых существ: в 1947 году в тундре, на северо-востоке Канады, я стал свидетелем массовой миграции десятков тысяч карibu. Глядя на них, я ни за что бы не поверил, что когда-нибудь это великое множество животных исчезнет с лица земли; но всего десять лет спустя выяснилось, что на значительной части бескрайней тундры карibu уже уничтожены.

В ту зимнюю ночь 1967 года казалось невероятным, что и многомиллионные популяции сельди могут серьезно пострадать от великого хищника — человека, но к 1972 году сельди осталось так мало, что сведущие специалисты-биологи предсказывают уже в нынешнем десятилетии крах сельдяного промысла во всей Северной Атлантике.

Бухта перед входом в пролив также кишела сельдью.

— Рыбы-то, рыбы-то сколько! — воскликнул Курт с восторгом настоящего рыбака-профессионала. — Вы только поглядите! Пешком можно по морю идти!

Опасаясь распугать рыбу, мы не стали входить в бухту, а прошли чуть дальше и высадились на берег. Светя фонариками, по камням пробрались к выходу из пролива, чтобы убрать заградительную сеть, которую ставили братья Ганн. Но нас опередили. Кто-то аккуратно перерезал веревку и вытащил сеть на берег.

Я потребовал объяснения у братьев Ганн, но они уклонились от разговора. Лишь позже, когда мы вдвоем с Куртом сидели у него на кухне и ждали прибытия Андерсонов с неводом, я узнал о причине происшествия.

— Скорее всего, кто-нибудь из Шорт-Рич не согласен, что вы перегородили пролив, — осторожно сказал Курт. — Говорят, что, мол, никто не имеет права запрещать лодкам заходить в заводь. Ни вы, ни полиция, ни сам Джо Смолвуд.

— Но Ганны натянули сеть так, что ее можно было поднять с одного конца и свободно пройти в заводь, —

возразил я. — Мы же не вход перекрыли, а просто поставили сеть, чтобы рыба не выходила в пролив. Рыбакам-то это известно.

— Не в том дело, Фарли. Вы ведь там плакат повесили, что завод закрыта. А раньше у нас... то есть у них, была свобода — плыви, куда тебе надо. Загородите вы пролив стальной цепью, и то кто-нибудь ее перережет.

— Но это же глупо, — сердился я. — Ведь другого-то способа нет, чтобы удержать сельдь в заводе! Да и не навечно мы перегораживаем пролив — всего на месяц или даже меньше... В общем, пока китиха в заводе, пролив должен быть перекрыт, и точка.

Курт не ответил. Его круглое красное лицо хранило бесстрастное выражение. Я встал.

— Пора собирать людей, — сказал я. — Уже полночь, а мы еще и не принимались за дело.

Когда наша маленькая флотилия достигла бухты у входа в завод, уже взошла луна. Курт стал медленно грести вдоль берега. С кормы неслышно стравливали за борт стометровый невод. Братья Андерсон остались на своей лодке и держали свободный конец невода, а когда весь невод оказался в воде, Ганны взяли к себе на лодку его второй конец. Затем обе лодки двинулись к проливу.

Мы с Куртом молча наблюдали за тем, как невод, изогнувшись дугой, медленно пополз к берегу. Внезапно под нами что-то словно взорвалось — на воде вскипел бурн, лодка отчаянно накренилась. Я инстинктивно ухватился за борт и в ту же секунду услышал громкое шипение, раздавшееся, как мне показалось, прямо у меня под ногами. В воздухе повисло облако пара. Мы ошеломленно уставились на воду: за кормой, всего метрах в двух от лодки, изгибался хребет уходившего в глубину Опекуна. Первым пришел в себя Курт.

— Господи помилуй! — воскликнул он. — Прямо под нами всплыл! Радар у него, что ли, сломался? Что это ему в голову взбрело?

Но тут обычно невозмутимый Уош Пинк перебил Курта:

— Смотрите, смотрите! Сельдь идет!

Обернувшись, мы увидели, что вода между нами и входом в пролив — а до пролива было метров пятнадцать — кишмя кишит сельдью, в панике спасающейся от кита. В свете фонаря это больше всего напоминало прибой, разбивающийся о берег; только «сельдяной» прибой разбивался о край невода и катился дальше между лодкой Андерсонов и берегом.

Мы с Куртом переглянулись.

— Неужели он... — неуверенно начал я, — неужели он это нарочно?..

— Нарочно, Фарли, или не нарочно, а он загнал в бухту пару тонн сельди.

Братья Ганн потом говорили, что у них лодка качалась от ударов спящей кругом рыбы. Кеннет описывал случившееся без тени сомнения.

— Этот Опекун, как вы его называете, давно уже кормит свою подругу, — утверждал он. — Мы и раньше видали, что он загоняет в заводь сельдь.

Нервы наши были напряжены, но остаток ночи прошел спокойно: Опекун исчез и больше не появлялся. Скоро оба конца невода достигли мелководья, и четверо рыбаков, надев высокие, по бедра, сапоги, вошли в воду и принялись стягивать невод ко входу в пролив. По нашим подсчетам, в неводе к этому времени было около пяти тонн рыбы.

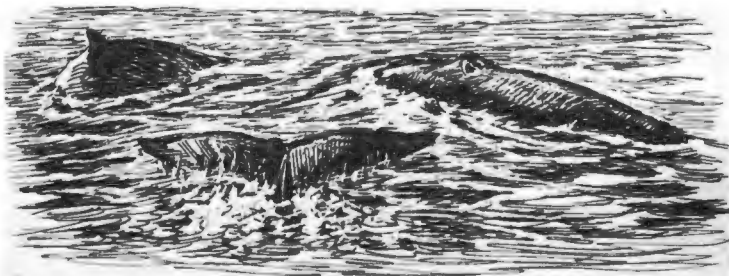
Подтащив пойманный косяк к самому проливу, рыбаки стали ходить вдоль невода, колотя по воде, крича и пугая сельдь. Наконец от кишашей массы отделился тонкий ручеек рыбы, направившейся в пролив, и скоро весь косяк устремился в заводь.

Так что первая попытка оказалась очень удачной. Хуже получилось у нас во второй раз: невод зацепился за подводный камень и большая часть сельди ушла. Однако в неповрежденной части невода все же осталось сколько-то рыбы, и, стянув концы сети, рыбаки решили отбуксировать «мешок» с сельдью в заводь. Вот как рассказывал об этом Кеннет Ганн:

— Мы зашли в заводь метра на три, не больше, и выпустили сельдь из невода. Я нагнулся, чтобы посмотреть, вся ли рыба вышла, и вдруг слышу, Дуг мне кричит: «Берегись!» Я обернулся и вижу — китиха несется прямо на меня, а пасть у нее разинута, точно шлюз в сухом доке. И волну гонит, как океанский лайнер. Нас так и подкинуло — удивительно, как мы вообще не перевернулись. Ну а когда я пришел в себя, ее уже и след простыл. Да и мы тоже задерживаться не стали. Сомневаюсь, чтобы от нашей сельди хоть одна рыбешка уцелела. Нас-то китиха не съела только потому, что мы ей не понравились. И слава Богу! Не скажу, чтобы мне очень хотелось повторить приключения Ионы.

В общем, я был доволен проведенным днем. По крайней мере на время проблема кормежки была решена. Кроме того, мы убедились, что аппетит у нашей подопечной хороший — ест она охотно и с удовольствием.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На следующее утро я проснулся поздно и сразу услышал, как за окном знакомо завывает зюйд-вест, а в стены злобно колотит снег. На острова обрушивались огромные серые валы разыгравшегося океана. Было ясно, что от визита к китихе на сегодня придется отказаться. Шторм и огорчал меня, и радовал. Пока зюйд-вест не уляжется, мы, конечно, не сможем ловить сельдь, но зато в такую погоду никто не станет досажать китихе, и она сумеет спокойно доесть рыбу, которой мы ее снабдили накануне.

Нам, однако, не суждено было провести день в покое. Не прошло и десяти минут, как раздался первый звонок, за которым последовал почти непрерывный телефонный обстрел, длившийся до самого вечера.

Звонили, в основном, раздраженные репортеры и фотографы, застрявшие из-за непогоды в аэропортах между Галифаксом (Новая Шотландия) и Сент-Джонсом (Ньюфаундленд). Многие из них воспринимали шторм и удаленность Буржо почти как личное оскорбление. «Я за одну неделю взял интервью в Хельсинки, Токио и Чили, — с обидой пожаловался мне один телерепортер, —

а в своей собственной стране никак не могу добраться до какого-то захолустного поселка!»

Я несколько раздраженно ответил, что он вполне может воспользоваться тем же транспортом, каким пользуемся мы, жители Бюржо, то есть доехать до Порт-о-Баска, откуда каждую неделю к нам отправляется каботажное судно. Кажется, мое предложение не слишком его утешило.

Трудно было утешить и Боба Брукса, которому не терпелось доставить во внешний мир свои — пока что уникальные — снимки китихи. Хотя каботажка, идущая на запад, должна была вот-вот прибыть в Бюржо, мне никак не удавалось уговорить Брукса воспользоваться ею. Судя по всему, современный репортер без самолета так же беспомощен, как лодка без руля и ветрил. Но, увы, в штормовом небе над Бюржо самолетов не было видно — летали одни только чайки.

Если репортерам я не особенно сочувствовал, то, когда из Вудс-Хола (Массачусетс) позвонил доктор Уильям Шевилл, я заволновался. Я знал доктора Шевилла как одного из ведущих китологов мира. Он сказал, что слышал о нашем ките и готов немедленно отправиться в Бюржо. Единственная трудность заключалась в том, чтобы до нас добраться. Я посоветовал ему связаться с авиабазой в Ардженшии, принадлежавшей американскому военному флоту. Он последовал моему совету, причем с такой энергией, что вечером того же дня позвонил уже из Ардженшии (юго-западный Ньюфаундленд) и сообщил, что в его распоряжении американский военный самолет-амфибия, который доставит его в Бюржо, как только прояснится.

— Нелетная погода может продержаться еще несколько дней. Если хотите бить наверняка, идите морем, — сказал я, добавив полушутя, что американцы могли бы одолжить ему эсминец.

К сожалению, американцы отказались. Шторм усилился, и командующий военно-морской базой в Ардженшии решил, что атакуемые ревушим прибоем острова и рифы

юго-западного побережья — неподходящее место для американского судна.

Гостившее у нас семейство китов тоже решило, что в такой день им не место в прибрежных водах.

Рано утром к Бюржо подошел «Монтгомери» — судно, принадлежащее канадскому правительству и обслуживающее береговые маяки и навигационные знаки. Капитан «Монтгомери» хотел переждать шторм в заливе Шорт-Рич и поставил свое судно на якорь всего в нескольких сотнях метров от входа в Олдриджскую заводь. Океанограф с «Монтгомери» не упустил представившейся ему возможности понаблюдать за китами.

Едва «Монтгомери» бросил якоря в заливе, как моряки заметили четверку финвалов. Киты без устали охотились, словно знали, что им предстоит несколько дней голодать. Снова и снова гнали они косяки сельди по направлению к острову Гринхилл, и каждый раз, когда кит настигал добычу, с борта «Монтгомери» было видно, как стайки рыбок выскакивают из воды.

Около полудня, когда море уже бушевало вовсю, три кита дружно проплыли у борта корабля и решительно направились в открытое море. Последний раз их фонтаны видели на расстоянии примерно одной мили от берега.

— Я сразу понял, в чем дело, — рассказывал мне потом океанограф. — Мы к этому времени уже получили метеосводку и знали, что штормить будет не на шутку. Нам приходилось выбирать — или срочно уходить как можно дальше в море, или оставаться под прикрытием берега. В конце концов наш капитан решил стоять в заливе. Ну а киты, я думаю, и без метеосводки знали, чего ждать от погоды. Только они поступили иначе, чем мы. И между прочим, правильно сделали. На мелководье шла настолько сильная волна, что наш «Монтгомери» дергался, точно сбесившийся жеребец. При таком волнении на дне не отлежишься. Зато, уйдя в море, киты спокойно пересидели непогоду на глубине, лишь время от времени поднимаясь на поверхность подышать. Подводные лодки в шторм тоже стараются отлежаться где-нибудь на глубине.

Но так поступили только три кита из стада; четвертый остался «на вахте», как выразился мой собеседник, и держался на расстоянии не больше четверти мили от входа в Олдриджскую заводь.

— Это, верно, был кит, которого вы тут называете Опекуном, — сказал океанограф. — Парень он стойкий. Не знаю, дежурил ли он ночью и в густой снегопад, но, когда хоть чуть-чуть прояснялось, я неизменно замечал его возле бухты. Между прочим, всплывал он очень часто. Когда киты охотились всем стадом, они вылезали подышать примерно раз в десять минут; этот же поднимался каждые две-три минуты, а иногда и вообще плавал на поверхности, прямо в бухте. Мне несколько раз казалось, что он тоже хочет проникнуть в заводь, только не решается попробовать.

Китиху все это время не беспокоили, но Дэнни и Мэрдок, посетившие заводь перед самым разгаром шторма, сообщили, что поставленную нами заградительную сеть снова кто-то перерезал и на этот раз сильно изорвал.

— Китиха ведет себя спокойно, — докладывал Дэнни. — Мы пробыли в заводи с полчаса, и она подплывала прямо к катеру, как будто узнала нас и была рада гостям. Пару раз мне даже показалось, что она собирается почесаться о корпус катера, знаешь, как котенок трется о ногу хозяина. Но китиха, слава Богу, сдержалась, а не то купаться бы нам в ледяной воде.

Привез Дэнни и неприятную новость:

— Помнишь, когда мы ее видели в первый раз, спина у нее была гладкая, точно ребячья попка? А теперь она вся в буграх, от носа до хвоста. В чем дело, не знаю.

Я не стал особенно ломать над этим голову, решив, что «бугристость» китихи объясняется сильной потерей веса; тем серьезнее вставала проблема кормления пленницы. Трудно было сказать, когда именно срезали заградительную сеть и сколько сельди успело уйти из заводи.

Так и не получив от Смолвуда ответа на мою просьбу насчет «Хармона», я в четверг днем послал ему еще одну

телеграмму, составленную в более решительных выражениях и содержащую также просьбу уполномочить полицию Бюржо охранять заградительную сеть и ограничить движение лодок в заводе.

Хотя ответа от премьер-министра не было, из Сент-Джонса стали доходить слухи, что «Хармон» то ли готовится выйти в море, то ли уже идет в Бюржо и что в воскресенье сам Джо Смолвуд собирается нанести своей подопечной официальный визит.

К вечеру шторм разыгрался пуще прежнего, а у меня прибавилась новая забота: весь в снегу, с пылающими от ветра щеками, явился Курт Бангей, известивший меня о том, что братья Ганн и Андерсон требуют немедленной оплаты своего труда.

— Мы-то с Уошем подождем. — смущенно оправдывался Курт, — а они говорят, что, мол, раз Джо прислал ему на кита тысячу долларов, пусть сразу и платит.

— Но денег пока нет. Джо еще только обещал прислать их.

— Я знаю, но они мне не верят. Говорят, деньги у вас в кармане.

— А сколько они просят?

— Сколько просят?.. За работу по двадцать пять долларов, да еще по десять за лодки, и двадцать за невод.

— Двести долларов за один вечер?! — возмутился я.

Курт кивнул.

— Дороговато, конечно... да только многие в Бюржо недовольны. Говорят, пустая забава кормить кита на государственные деньги. Некоторые говорят... — Он запнулся.

— Ну что они говорят, эти «некоторые»? — угрюмо спросил я.

— Да говорят, что вы снюхались с юго-западными и собираетесь нагреть на этом деле руки. Потому что глядеть противно, как они сперва стреляли в китиху, а теперь бросились ее спасать. У нас считают, что вам бы только деньги прикарманить.

— Еще что скажешь? — бросил я.

Курт был так расстроен, что, казалось, с трудом говорил. Но и он тоже начал сердиться.

— Скажу, раз спрашиваете. Рыбаки недовольны, что вы закрыли завод. Они скорее сами китиху прикончат, чем вам подчинятся. Люди не любят, когда у них отнимают законные права.

Вызывающий тон Курта охладил мой гнев.

— Ладно, Курт, — сказал я. — Не сердись. Никто ни у кого прав не отнимает. И скажи ребятам, что я заплачу, сколько они просят, пусть только подождут, пока деньги придут.

— Мы-то с Уошем подождем, и за лодку нам можно не платить... а насчет остальных не знаю.

Курт поднялся и начал застегивать штормовку. Потом, поколебавшись, сунул руку в карман, достал какую-то мокрую бумажку и положил ее на стол.

— Не знаю, может, вы еще не видели... — сказал он. — Сегодня на рыбозаводе расклеивали.

И, торопливо попрощавшись, он ступил за порог и исчез в снежных вихрях, а я стал читать отпечатанную на ротаторе листовку, гласившую:

«ГРАЖДАНАМ БЮРЖО

Дорогие соседи! Вы, конечно, знаете, что в последнее время Бюржо привлекает к себе неослабное внимание мировой общественности. Сейчас, когда граждане нашего города и избранные ими представители делают все от них зависящее, чтобы добиться от властей постройки необходимых городу сооружений — водопровода, канализации, дорог, — внимание мировой общественности может сослужить нам добрую службу.

Моби Джо сейчас — самый знаменитый «житель» нашего города. Постараемся же использовать его известность!

Узнав, что в Бюржо имеется настоящий живой кит, люди станут приезжать к нам, чтобы на него поглядеть, чтобы его изучать. Чем больше гостей будет у нашего города, тем скорее он превратится в значительный центр и

тем скорее мы получим необходимые нам городские сооружения.

Давайте же общими усилиями сохраним жизнь Моби Джо! Вы внесете свой вклад в это доброе дело, если на время воздержитесь от водных прогулок по Олдриджской заводи. Наша просьба не относится к рыбакам и к тем, кто ходит через заводь за пресной водой, — кит обычно не боится их. Его пугают быстроходные катера, а от страха он может выброститься на берег.

Мы, ваши соседи и сограждане, полагаемся на вашу сознательность и надеемся, что вы нам поможете.

Никто не запрещает вам любоваться нашим китом. Дойдите до Ричардс-Хоул, поднимитесь на холм, и вы сможете с удобством наблюдать за Моби Джо, ничуть его при этом не беспокоя.

Искренне преданные вам
члены Юго-западного клуба»

Листовка эта (позже ее размножили и разослали по почте всем жителям Бюржо) меня разозлила: я отлично понимал, что она восстанавит весь город против моих неожиданных союзников из Юго-западного клуба.

От мрачных размышлений по этому поводу меня отвлек телефон. Звонила Мэри Пенни, или, как ее любовно называли у нас, королева Рамеа, — вдова, женщина устрашающей энергии и еще более устрашающей внешности, жившая в пятнадцати милях от Бюржо на острове Рамеа, где у нее был крошечный комбинат по переработке рыбы. Мы были с ней в давней дружбе.

— Я слышала, ты завел себе китенка, Фарли? Говорят, он у тебя голодает, это верно? Тут только что по радио передавали, будто ты ждешь, чтобы Джо тебе сейнер прислал. Хочешь знать мое мнение? Не видать тебе «Хармона» как своих ушей. Уж ты-то мог бы понимать, что этим политиканам нельзя верить ни на грош. В общем, у нас тут есть ловушка на мойву. Почти новенькая. Когда-то мы платили за нее пять тысяч долларов. Ловит сельдь не хуже, чем мойву. Как только придет «Пенни-

лак» — он сейчас в Хермитидже шторм переживает, — я тебе эту ловушку отгружу. Найди толкового человека, который умеет с ней управляться, и твой кит просто лопнет от обжорства. Да брось ты, какое там к черту спасибо. Главное, смотри, не утопи ловушку в море.

Мэри была последней, кто звонил нам в тот день: телефон наконец угомонился, и мы отправились спать. Но мысли о китихе не давали мне заснуть.

Мощно гудели разбушевавшиеся волны, дом сотрясался от порывов ветра. Я представлял себе Олдриджскую заводь, непроглядную тьму штормовой ночи. Что делает сейчас китиха в своей тюрьме? Какие чувства заполняют долгие часы ее плена?

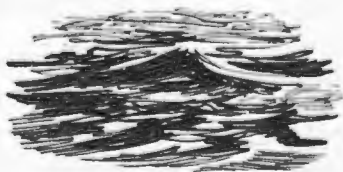
Боль, конечно. И страх. Изведала ли она отчаяние? Или все же надеется выбраться на волю? Бесконечно кружа по «камере», представляет ли она себе, сколь ужасна ожидающая ее судьба? О чем «беседует» она с Опекуном? И как относится к двуногим тварям, которые сперва пытались ее убить, а теперь загоняют к ней косяки сельди?

Ни на один из этих вопросов у меня не было ответа. Ее жизнь оставалась так же непонятна мне, как ей — моя. Я был для нее чужаком... да и все мы чужие друг другу. Даже существа, облеченные природой в одну и ту же внешнюю форму, по сути остаются чужими. Ну что знаю я о сокровенных чувствах моих соседей, граждан города Буржо? Что знают они обо мне? А люди за пределами Буржо? Что знают они о страстях, разыгравшихся тут вокруг плененного кита? Да и кому до этого дело? Даже те, кто непосредственно вовлечен в эту диковинную драму, не слишком понимают друг друга. Чем больше я думал об этом, тем яснее мне становилось, что из-за этого непонимания разлад в городе в ближайшее же время станет еще острее. Дело может принять самый неприятный оборот. Ах, если бы мне поскорее выпустить китиху на свободу! Теперь от этого зависело не только ее благополучие, но и мое тоже. Чтобы конфликт между гражда-

нами Бюржо не разрешился трагедией, город нужно было срочно избавить от китихи.

Я задремал, и мне приснилась китиха, превратившаяся в морское чудовище, которое преследовало меня, тонущего в чуждой стихии... Я проснулся в поту и понял, что именно меня мучает.

В западне оказалась не только китиха. Вместе с ней в западню попали и мы. Случайность нарушила привычный ход жизни морского гиганта. Но ведь то же самое случилось и с нами. Пугающее в своей таинственности существо вторглось в тесный круг нашего бытия. Проникнуть в его тайны нам, сухопутным двуногим, не дано, и потому нашей естественной реакцией стал страх, ненависть, желание напасть и уничтожить. Неразгаданные тайны, принесенные китихой из океанских глубин, напомнили людям об их неистребимом невежестве. Словно кто-то поднес зеркало к нашим лицам, и мы увидели в нем свое уродство.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

В пятницу ветер достиг ураганной силы. Скорость его, судя по показаниям анемометра, временами доходила до восьмидесяти миль в час. Не то что идти в Олдриджскую заводь — даже из дому выйти было рискованно. И в тот день мы с китихой не виделись; она сидела в своей клетке, я — в своей.

Все утро я составлял разные проекты ее освобождения. Потом в полдень связался с друзьями из канадского военно-морского порта в Галифаксе. Сообща мы разработали план. Мне предстояло добиться разрешения военных властей в Оттаве, и тогда, как мне сказали, из Галифакса к нам с удовольствием пришлют аквалангистов, которые вручную очистят пролив от камней и, насколько возможно, углубят его (использовать взрывчатку было бы слишком рискованно). К ближайшему сизигийному приливу, то есть не позднее чем через три недели, мы установим поперек заводи стальную противолодочную сеть, подвешенную на стальных буюх, и с помощью этого гигантского невода в нужный момент загоним китиху в пролив. Я решил, что, если она побоится лезть в пролив по собственной воле, мы применим транквилизаторы,

парализующие двигательные центры, и вытаскиваем ее из заводи силой.

Я понимал, что усыплять пленницу чрезвычайно опасно — стоит неверно рассчитать дозу, и китиха потеряет сознание и может утонуть. Я позвонил одному калифорнийскому специалисту по китообразным, которому уже доводилось усыплять крупных дельфинов. Масштабы предстоящего эксперимента привели его в ужас.

— Точную дозу определить невозможно, — сказал он. — Я вам назову транквилизаторы, которые годятся вашей китихе, и помогу быстро достать и переслать их, но дозу придется определять почти наугад. Риск, конечно, огромный. Но уж лучше рискнуть, чем оставить ее помирать в заводи.

Тогда я наконец позвонил в Торонто Джеку Мак-Клелланду и, изложив ему свой план, попросил заручиться содействием военных властей. Вздохнув, Джек пообещал сделать все от него зависящее.

Позвонил я и в Юго-западный клуб: я хотел, чтобы они совместно с муниципалитетом поторопили ньюфаундлендские власти с присылкой «Хармона». Я слышал по радио сообщение (впоследствии оказавшееся ложным) о том, что сейнер был уже отправлен в Буржо, но вернулся в гавань из-за шторма. Поскольку метеорологи обещали на субботу ясную погоду, я считал, что к субботнему вечеру «Хармон» вполне мог бы быть у нас. Представитель Юго-западного клуба согласился обратиться в муниципалитет, но, когда я заговорил о своем плане освободить китиху, тон моего собеседника сделался гораздо менее дружелюбным.

— Зачем нам ее отпускать? — спросил он. — Ей и в заводи не плохо. С «Хармоном» сельди у нас будет более чем достаточно. Нет-нет, пусть она сидит и не рыпается. Во всем мире ни у кого, кроме нас, нет ручного финвала. Было бы просто грешно отпускать ее — она же может принести Буржо огромную пользу.

Я понемногу учился сдерживать свои порывы: пробормотав что-то нечленораздельное, я повесил трубку. Не было никакого смысла лить масло в огонь.

Я решил забыть на время о том, что происходит в городе, и заняться исключительно кормлением и охраной китихи и подготовкой к спасательной операции.

Наступила ночь, а от Смолвуда все еще не было ответа насчет «Хармона», и я начал терять надежду когда-либо увидеть сейнер в Бюржо. Однако я рассчитывал, что в субботу вечером мы снова выйдем в бухту с неводом, а в воскресенье пустим в ход ловушку Мэри Пенни.

Что же касается охраны животного, то, поскольку констебль так и не получил никаких конкретных инструкций, мне оставалось только самому исполнять его обязанности. По-видимому, для обеспечения полной безопасности китихи мне надо было поселиться на берегу заводи. Юго-западный клуб взялся установить для меня небольшую палатку с печкой и привезти горючее. Палатка могла также служить опорным пунктом для научных наблюдателей, если бы таковые прибыли когда-нибудь в Олдриджскую заводь. Шевилл все еще не терял надежды добраться до нас. Последний раз он звонил в час ночи и сказал, что прилетит в субботу утром.

Во внешнем мире интерес к киту превзошел все мои ожидания и уже начинал меня раздражать. Радиорепортеры из такой дали, как Техас и Колорадо, звонили мне и пытались сквозь шум и треск записать интервью для передачи в эфир. Телеграммы из швейцарского газетного синдиката и из редакции какого-то австралийского журнала требовали от меня дополнительной информации.

В ночь с пятницы на субботу буря улеглась. Тишина разлилась такая, что ее, казалось, можно было потрогать. Утро стояло ясное и отчаянно морозное, градусов двадцать ниже нуля. Одним словом, для летчиков погода была идеальная — на лучшие условия в Бюржо рассчитывать не приходится. А ведь в аэропортах, расположенных широкой дугой к северу от Бюржо, давно уже стояли на-

готовые самолеты на лыжах и поплавках, ожидавшие летной погоды, чтобы доставить к нам ученых, репортеров и, может быть, даже самого Джо Смолвуда.

Один из этих самолетов был зафрахтован редактором Боба Брукса, поручившим Бобу перед возвращением сделать несколько снимков китихи с воздуха. Я поставил условие, чтобы самолет летел на высоте не меньше шестисот метров и сделал максимум два-три захода над заводью.

Брукс согласился, и по пути в Олдриджскую заводь мы с Оуни высадили его возле тропинки на Галл-Понд.

В защищенных от ветра проливах между островами вода была покрыта ледяной коркой, и мне пришло в голову, что заводь тоже могла замерзнуть. Ничего страшного в этом пока не было: при массе восемьдесят тонн китиха могла без особого труда пробить довольно толстый слой льда.

У входа в залив Шорт-Рич мы заметили двух китов (возможно, там был и третий) и решили, что это семья нашей китихи, вернувшаяся из своего глубоководного убежища. Опекун, как мы и ожидали, оставался на своем посту — патрулировал между островом Фиш-Рок и бухтой у входа в заводь. Мы привыкли к Опекуну, а он привык к нашим визитам, и, когда кит всплыл прямо перед лодкой, Оуни даже не сбавил газ — и кит вовремя нырнул.

— Правила соблюдает, — сказал Оуни с обычной смущенной улыбкой. — Идущий левым галсом уступает до рогу.

— Да, пока что соблюдает, — сказал я. — Но ты все-таки будь осторожнее. Меня сегодня не особенно тянет купаться.

Заводь была безлюдна. Китиха кружила против часовой стрелки, и я скоро понял, что с ней что-то неладно. Двигалась она вяло, ее прежней мощи и грации как не бывало. Да и дышала она учащенно, причем фонтан пара

едва поднимался над водой. Когда китиха сонно проплыла мимо нашего поста на одной из береговых скал, мы увидели, что она сильно отошала — по всему хребту отчетливо проступали позвонки.

Обеспокоили меня и крупные вздутия, которыми покрылась вся ее черная блестящая спина. Оуни предположил, что это следы ушибов о подводные камни, полученных китихой, когда она спасалась от моторок и пыталась пробиться в пролив. Мне такое объяснение казалось сомнительным, но лучшего я предложить не мог. Я был настолько встревожен, что решил обязательно осмотреть китиху вблизи, и мы вернулись в лодку и отошли от берега, оказавшись у китихи прямо по курсу и ничуть не опасаясь, что она может — случайно или намеренно — причинить нам какие-то неприятности.

Подплывая к нам в первый раз, она слегка отклонилась от прежнего курса и прошла метрах в пятидесяти от лодки, но уже на втором круге направилась прямо к нам. Когда до лодки оставалось около тридцати метров, она повторила трюк, который мы видели всего несколько раз и всегда издали: всплывая, выставила из воды не горб с дыхалом, а всю свою огромную голову. Покрытое глубокими складками белое горло китихи и ее длинная изогнутая челюсть принадлежали, казалось, чудовищу втрое крупнее нашей пленницы — таково соотношение между размерами головы финвала и его тела.

Когда гигантская голова нависла над нами, точно живая скала, мы должны были, наверное, перепугаться до смерти; но мы вовсе не испытывали страха. Даже когда из воды показались глаза китихи и, слегка повернув голову, она уставилась на нас своим исполинским оком, мне было вовсе не страшно. Переступив границу своего мира, насколько позволяли ее физические возможности, китиха наблюдала нас в нашей стихии, и, как ни загадочен был ее поступок, я чувствовал, что в нем нет ни капли враждебности.

Голова китихи подалась вперед, потом ушла в воду, а на поверхности показался горб. Китиха набрала воздуха и погрузилась, и несколько секунд спустя я увидел ее прямо под нашей лодкой. Мы долго следили за движением ее бесконечно длинного тела — так, стоя на шоссе перед шлагбаумом, ждешь, пока пройдет поезд. Движение ее было столь плавным, что мы его совершенно не ощущали, и, лишь когда под нами прошли гигантские лопасти хвоста, лодку немного качнуло.

И вот тут я в третий раз услышал голос финвала — долгий низкий стон, окрашенный более высокими обертонами, придававшими ему оттенок чего-то сверхъестественного. Звук был жуткий, не похожий ни на что слышанное мною прежде. Голос из неведомого нам мира.

Когда китиха двинулась дальше по кругу, я заметил, что Оуни словно окаменел; наконец он постепенно пришел в себя и, удивленно глядя на меня, с волнением произнес:

— Она... она нам что-то сказала! Честное слово, она нам что-то сказала!

Я кивнул. Я по сей день верю, что китиха сознательно пыталась преодолеть пропасть, разделяющую нас. Задача эта оказалась ей не под силу, и все же нельзя сказать, что попытка ее потерпела полную неудачу, ибо до конца моих дней я сохраню в памяти ее голос, и он всегда будет напоминать мне, что величайшее чудо на земле — не человек, а жизнь — жизнь во всех ее формах и проявлениях. И если наступит день, когда в оскверненном океане не останется ни одного сородича моей китихи и навеки смолкнут на планете голоса китов, — даже тогда стон олдридджской пленницы будет звучать у меня в ушах.

Странная идиллия царила в заводи в то утро. Мы были одни, и ничто не нарушало нашего покоя. Не замечая жестокого мороза, мы с Оуни как замороженные, не шевелясь, сидели в свободно дрейфовавшей лодке. В неподвижной воде неторопливо и величаво вальсировала китиха, всякий раз проходя совсем рядом с нами. Мне не дано было про-

никнуть в ее чувства, но сам я чувствовал себя наверху блаженства. Я с надеждой ждал, что, прервав кружение по заводу, Китиха бросится в погоню за каким-нибудь небольшим косяком сельди, но этого так и не произошло.

Около полудня я решил пойти на рыбозавод, чтобы узнать, нет ли новостей насчет «Хармона» или ловушки с острова Рамеа, а заодно начать приготовления к вечернему лову сельди. Оуни уже готовился запустить мотор, когда над нашими головами раздался гнусавый вой. Это был самолет на лыжах, прилетевший за Бобом Бруксом. Приземлившись в заливе Галл-Понд и приняв на борт фотографа, он теперь поднялся и стал описывать круги над Олдриджской заводью. Брукс снимал с высоты птичьего полета.

Я встревоженно поглядел на Китиху, но она как будто сохраняла спокойствие. Самолет сделал пять-шесть кругов на сравнительно безопасной высоте, но затем, вместо того чтобы убраться восвояси, стал снижаться и наконец пролетел над заводью на высоте не больше девяноста метров. Вскочив на ноги, я грозил пилоту кулаком и выкрикивал беспомощные проклятия. На него это не произвело впечатления, и самолет продолжал снова и снова проходить над заводью, сотрясая воздух оглушительным ревом мотора, отдававшимся в прибрежных скалах.

Китиха страшно испугалась. С быстротой, достигавшей, очевидно, предела ее возможностей, она устремилась через всю заводь к проливу и лишь в самый последний момент свернула в сторону, подняв стену брызг и пены. Затем она кинулась к мелководью в восточной части заводи.

Оуни вскочил на ноги и тоже кричал, чего я от него никак не ожидал.

— Она выскочит на мель! Господи помилуй! Прямо на мель! — кричал он дрожащим от страха голосом.

Будь у меня ружье, я, наверное, стал бы стрелять по самолету. Ярость моя не имела границ. Только сорок минут спустя Брукс решил, очевидно, что отснял достаточно пленки, и самолет набрал высоту и исчез в небе.

Сейчас, по прошествии нескольких лет, я не слишком виню Боба Брукса. Наверное, любой фоторепортер сделал бы на его месте то же самое — ведь в этом, собственно, и

заключается их работа: главное — заснять материал, а там хоть трава не расти. Но тогда меня буквально трясло от злобы. В таком состоянии я и явился в контору управляющего. Ничего хорошего сообщить мне он не мог. Связаться с «Хармоном» по радио ему не удалось, но, установив связь с другим сейнером, находящимся в заливе Бей-оф-Айлендс, он узнал, что «Хармон» по-прежнему стоит у своего причала и никаких приказов, по-видимому, не получал.

От премьер-министра Смолвуда известий не поступало. Зато в аэропорту Гандер три самолета с репортерами и фотографами уже стояли на взлетных дорожках, ожидая лишь сведений о толщине льда в заливе Галл-Понд.

Единственной обнадеживающей новостью было сообщение с острова Рамеа: ловушку уже переправили на пристань, и в воскресенье рефрижераторное судно «Карибу рифер» доставит ее в Бюржо. Однако из этого следовало, что воспользоваться ею мы сумеем не раньше понедельника, а первый улов получим, видимо, только во вторник. Я не был уверен, что китиха может ждать до вторника. Юго-западный клуб не возражал против того, чтобы вечером повторить ловлю неводом, но руководство клуба было обеспокоено отсутствием денег. Я заверил их, что, если понадобится, я заплачу из своего кармана.

Вернувшись в заводь, мы с Оуни застали там толпу любителей. Большинство из них оставили свои лодки — штук десять—пятнадцать — за пределами заводи, но один довольно большой баркас стоял прямо в центре пролива, безнадежно парализованный намотавшейся на винт заградительной сетью, которую утром мы снова, уже в третий раз, натянули поперек пролива.

Хозяина баркаса звали Роуз. Он немного рыбачил, но, в общем, предпочитал наниматься в проводники к охотникам с материка, иногда приезжавшим в Бюржо бить лосей. Был случай, когда по просьбе Роуза я помог ему отстоять отобранное у него удостоверение профессионального проводника, и теперь я никак не ожидал от него такой неблагодарности. Указывая на плакат у входа в пролив, я спросил Роуза, читал ли он распоряжение властей. Он обернулся, и я увидел его покрасневшее лицо.

— Я не умею читать, — злобно крикнул он в ответ.

И я тут же устыдился своего вопроса, вспомнив, что Роуз, подобно большинству своих сверстников из аут-портов, не получил практически никакого образования.

— Да если бы и умел, — с вызовом добавил он, — все равно бы не послушался ваших распоряжений. Каждый человек имеет право плыть куда ему надо.

К счастью, в этот момент появился полицейский катер. Баркас высвободили из сети, а Роуза попросили не идти через центральную часть заводи. Применить что-либо по сильнее просьб Мэрдок не был уполномочен, а одних только просьб скоро оказалось недостаточно. С десятков молодых людей вошли в заводь на моторных лодках и — явно назло констеблю и мне — понеслись по заводи. Гоняться за китихой в нашем присутствии у них не хватило смелости, и все же обеспокоенное животное, стараясь держаться от них подальше, заплыло в мелководную часть заводи.

Утренней безмятежности как не бывало: в заводи установилась неприятная, напряженная атмосфера. Хотя большинство зрителей были настроены вполне миролюбиво, явная враждебность юнцов на катерах повисла над Олдриджской заводью, точно ядовитый туман. Я опасался, что даже присутствие констебля не остановит этих воинственных молодых людей, и со страхом думал о возможном повторении воскресных событий.

Обстановку немного разрядило прибытие группы офицеров с «Монтгомери», пожелавших взглянуть на китиху. С ними был и океанограф, оказавшийся моим горячим сторонником. Он сообщил мне, что Опекун по-прежнему несет вахту недалеко от бухты, уходя в глубину, только когда поблизости появляется слишком много лодок.

Мне нужно было вернуться в Мессерс для подготовки к вечернему лову, но Дэнни и Мэрдок обещали не покидать заводи, пока из нее не уйдут все моторные лодки. Никакой уверенности в том, что их присутствие обеспечит китихе безопасность, у меня не было, и, когда Оуни развернул свою плоскодонку и направил ее к дому, я погрузился в самые мрачные размышления. Оуни почувствовал это и, высадив меня у причала Сима Спенсера, негромко сказал:

— Не расстраивайтесь, шкипер. Есть ведь и такие, кто не желает китихе зла. Они на вашей стороне. Бюржо теперь будто лодка без руля. Люди-то со всего побережья к нам съехались, теснота, неразбериха, вот у некоторых и помутилось в голове — сами не соображают, что делают.

В тот вечер попытка загнать сельдь в заводь окончилась неудачей. По совету одного дельфинолога из Флориды, я решил применить яркий свет для привлечения косяков мелкой рыбы в бухту; мы рассчитывали, что со светом каждый заход невода будет более успешным, чем в темноте. Взяв на рыбозаводе небольшой генератор и пару прожекторов, я установил их у входа в пролив.

Генератор работал исправно, и прожекторы светили вовсю, но в первый же заход невод зацепился за дно и был изодран в клочья. Я перешел на одну из лодок, чтобы взглянуть на остатки сети, и обнаружил, что она расползлась, точно гнилая солома. Между тем в прошлый раз невод был в отличном состоянии. Никто из присутствующих не мог членораздельно объяснить, каким образом за два дня он совершенно сгнил. Курт вообще молчал и старался на меня не глядеть, а братья Андерсон, чувствуя, что я подозреваю их в подмене невода, держались вызывающе.

— Невод тут ни при чем, — утверждали они. — Невод был в полном порядке. Это все камни. По такому дну нельзя ловить неводом. Мы согласились рискнуть, чтоб только вас ублажить, вот и погубили свой невод. Кто нам теперь за него заплатит?

Я с отвращением отослал их домой. Мы остались, надеясь, что свет привлечет в заводь хоть немного сельди. Небольшой косяк действительно показался в проливе, но в заводь не пошел. Причина этого была вполне ясна.

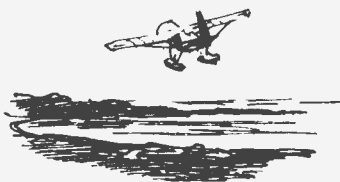
Не страшась ослепительного света прожекторов, китиха все время плавала в южном конце заводи, стараясь держаться как можно ближе к проливу. Она то и дело оказывалась на мелководье и, чтобы не застрять, вынуждена была плыть на поверхности. Сердце разрывалось, глядя на нее. Было совершенно очевидно, что она отчаянно голодна и прекрасно понимает, чем мы занимаемся.

В два часа ночи мы наконец признали бесплодность своих попыток и, собрав снаряжение, покинули заводь. «Может быть, в наше отсутствие Опекуну удастся то, что не удалось нам», — думал я. На этот случай мы оставили пролив открытым.

Единственное, что могло бы нас хоть немного утешить после долгого и утомительного дня, — это прибытие подкрепления — скажем, Шевилла и его спутников. Но их не было: командование американской военной базы решило, что атмосферные условия все еще недостаточно благоприятны для полета в Бюржо. Устало поднявшись на крыльцо и войдя в кухню, я застал Клэр сидящей у стола, заваленного нашей корреспонденцией. Еще днем в Бюржо пришел наконец «Бакаль», каботажное судно, задержавшееся из-за непогоды, и, узнав об этом, Клэр отправилась на почту. Домой она вернулась, сгибаясь под тяжестью мешка, полного писем.

Я был так измучен, что лишь бегло проглядел их. Там были письма из всех уголков Северной Америки. Во многих конвертах лежали чеки на небольшие суммы и даже монеты — пожертвования от самых разных людей: школьников, управляющего чикагским автозаводом, животновода из Калгари, конферансье из Нью-Йорка, домашней хозяйки из Лабрадор-Сити. Содержание писем было примерно одно и то же: все эти люди просили меня, иногда в весьма высокопарных выражениях, спасти китиху, выпустить ее на волю. Некоторые письма казались сентиментальными. Но для меня важны были не слова. Меня тронуло сострадание, которое испытывали авторы писем к гигантскому и таинственному животному, бесконечно кружившему по своей тесной клетке — небольшой заводи у берегов далекого Ньюфаундленда.

Эти письма снова вдохнули в меня надежду.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В воскресенье утром Шевилл позвонил из Ардженшии и сказал, что, несмотря на плохую погоду, он и трое его коллег готовятся лететь в Бюржо на гидросамолете. На вопрос, могут ли возникнуть трудности при посадке, я ответил:

— Едва ли. Скажите своему пилоту, чтобы он садился возле поселка Шорт-Рич и шел к заводскому причалу.

— А как там китиха?

— Сегодня я ее еще не видел, но вообще она сильно отошала и ослабла. К тому же вчера нам не удалось ее накормить.

— Ну что ж, будем надеяться на лучшее. Спешим вам на помощь!

Наконец-то я смогу опереться на настоящих специалистов! Усталость и подавленность как рукой сняло. Я торопливо проглотил завтрак, чуть не забыв поздравить Клэр с днем рождения.

И вот на востоке послышался глухой рев мотора. Обрадованные, мы выбежали на крыльцо и увидели в небе быстро приближавшийся самолет. Достигнув Бюржо, он принялся кружить над городом.

Еще круг. И еще один.

— Что же он не садится? — воскликнул я, не выдержав нервного напряжения.

Пилот словно услышал мой вопль: самолет грузно накренился и начал снижаться, держа курс на Шорт-Рич. Когда он скрылся за холмом, я уже бежал к Оуни за лодкой. Но добежать не успел: вновь мощно взревел мотор, и гидроплан опять появился в облачном небе.

Не веря своим глазам, я смотрел, как он уходит в сторону бэрренсов. И вот самолет исчез из виду. Поняв, что он уже не вернется, я мрачно отправился на кухню пить чай. Передали прогноз погоды: в середине дня ожидался сильный зюйд-вест, скоростью до сорока узлов, туман, снег и нулевая видимость. Было ясно, что идет шторм и на ближайшие два-три дня о летной погоде нечего и мечтать.

Часа через два Шевилл позвонил из Стивенвилла, «временной» американской военной базы на западном побережье Ньюфаундленда. Оказалось, что пилот раздумал садиться в Буржо, побоявшись застрять там из-за надвигающегося шторма. Благоустроенная база в Стивенвилле казалась ему гораздо более приятным местом. Шевилл был так же раздосадован, как я, но не терял надежды.

— Ничего страшного, — говорил он. — Может, мне еще удастся уговорить здешнее начальство дать нам вертолет. Ждите около полудня.

Мы ждали, и ждали с нетерпением, но вертолет так и не прилетел. Зато прилетел самолет на лыжах, приземлившийся в Галл-Понд. Как выяснилось впоследствии, он привез телеоператоров, но, узнав, что им придется идти до Олдриджской заводи пешком, они забрались обратно в самолет и улетели восвояси. В конце концов, кит — это всего только кит. Свои ноги дороже.

К полудню зюйд-вест набрал силу. Ждать гостей было бессмысленно; мы с Оуни сели в лодку и, с опаской поглядывая на стремительно несущиеся облака и клочья тумана, отправились в Олдриджскую заводь.

Погода была ужасная. Над почерневшим морем с воем кружили снежные вихри. Вершина холма на мысе Ричардс-Хэд скрылась в низко летящих облаках. Даже очертания близких и знакомых скал и островов едва проступа-

ли сквозь снег. Холод пробирал нас до костей. Увидев, какое волнение поднялось в бухте, я понял, что придется как можно скорее возвращаться домой.

Видимость снизилась настолько, что, войдя в бухту, мы чуть не столкнулись с китом, плававшим у самого входа в пролив, где ему даже развернуться было трудно, а уйти под воду и вовсе невозможно. Увидев, как голова его блеснула всего в каких-нибудь шести метрах от лодки, я испуганно заорал, и Оуни резко переложил руль и заглушил мотор. Лодка свернула, кит метнулся в противоположную сторону, причем волна от удара его хвоста чуть не опрокинула нас. Тут налетел снежный вихрь, а когда снег рассеялся, кита уже не было.

У меня вдруг мелькнула безумная мысль: а что, если зюйд-вест нагнал в пролив столько воды, что пленница воспользовалась приливом и вырвалась из заводи?

Вне себя от радости, я велел Оуни заводить мотор:

— Это она, Оуни! По-моему, она выбралась! Скорей, друг, скорей! Пошли в заводу.

Мотор чихнул и загудел, мы влетели в пролив, подгоняемые не столько стареньким двигателем, сколько ветром и волнами. Уровень воды в проливе был выше чем когда-либо. Оглядевшись, я не увидел китихи и уже почти уверился в том, что она спаслась.

— Обойдем кругом заводи! — прокричал я.

Оуни положил руль на борт, и мы пошли вдоль берега, вглядываясь в снег и туман. Стоя на носу, я начал чувствовать, что ликование мое сменяется мучительным, тоскливым беспокойством. Впрочем, разобраться в своих ощущениях я не успел — мы увидели китиху.

Она медленно плыла по поверхности. Почти все тело китихи оставалось на виду, и сквозь снежную пелену ее легко было принять за одно из тех фантастических чудовищ, какими в старину украшали морские карты.

Едва ли мне удастся в точности передать или объяснить свои ощущения. Нет, я не испытывал горького разочарования. Пожалуй, даже напротив — убедившись, что китиха по-прежнему в заводи, я обрадовался. Я почувствовал облегчение. Единственное объяснение этому (и оно вовсе не

делает мне чести) я вижу в том, что, сумеи китиха выбраться из заводи без моей помощи, я выглядел бы просто идиотом. Или, может быть, пленница сейчас нужна была мне для того, чтобы оправдать мою ненависть к ее мучителям? Неужели мое место в обществе теперь зависит от присутствия китихи в Олдриджской заводи? Неужто я нуждаюсь в пленнице больше, чем она во мне?

Я не нашел ответа на свои вопросы и, кажется, не очень их искал.

Что-то слишком уж долго она оставалась на поверхности... Оуни все время вел плоскодонку рядом с китихой, чтобы не потерять ее из виду. Я ужаснулся переменам, происшедшим во внешнем виде животного всего за один день. Спина китихи заострилась, под кожей с пугающей отчетливостью проступал хребет; загадочные вздутия на спине и боках значительно увеличились. В первые дни китиха производила впечатление почти сверхъестественной мощи. Это чувствовали все, даже ее враги. А теперь она скорее походила на бесформенную грудку обломков кораблекрушения, плавающих на поверхности.

Китиха ничем не показала, что заметила нас: но вот она выдохнула легкое облачко пара, мгновенно унесенное ветром, и до нас донеслось отчаянное зловоние ее дыхания. Это был очень тревожный симптом.

Наконец пленница медленно, словно преодолевая себя, ушла под воду. Снег скрыл от наших глаз последние завихрения на поверхности.

Шторм набирал силу с каждой минутой, и нам уже нельзя было оставаться в заводи. Стянув потуже капюшоны, мы двинулись навстречу холодным и яростным волнам залива. Я искал глазами Опекуна — ведь это его, конечно, мы встретили в бухте, — но кита нигде не было видно. Пряча лицо от каскадов ледяных брызг, я мельком вспомнил, как мы чуть не столкнулись у самого входа в пролив, но мне не пришло в голову, что Опекун неспроста держится в такой опасной близости к земле. «Наверное, он пытается загнать в заводь побольше сельди», — решил я. Возможно, так оно и было. Однако я по-

дозреваю, что не только голод подруги заставлял Опекуна рисковать собой: видимо, он знал, насколько ухудшилось ее состояние.

В тот штормовой вечер мы с Клэр попытались отпраздновать день ее рождения, но настроение у нас было для этого самое неподходящее. Пришел наконец долгожданный ответ на нашу телеграмму Смолвуду. В несколько надменных выражениях меня извещали о том, что, хотя Финвал может прожить полгода, питаюсь собственными жировыми запасами, все же премьер-министр откомандировал в Бюржо некоего капитана Гансена, который нам покажет, как привлекать сельдь в заводь при помощи прожекторов. У Смолвуда не хватило честности сказать об этом прямо, но я понял, что сейнер он нам не пришлет.

Одному Богу было известно, доберется ли до нас когда-нибудь Шевилл со своими коллегами. Между тем рыбаки говорили, что косяки сельди уже начали — раньше обычного — покидать район юго-западного побережья.

Мрачные предчувствия, охватившие меня еще днем, в заводи, не давали мне покоя и за праздничным столом; вечеринка получилась, мягко говоря, невеселая. Почти беспрестанно звонил телефон, и незнакомые люди требовали от меня новых сведений об олдридджской китихе. Наконец я не выдержал и, сняв трубку, оставил ее висеть на шнуре. Мы отправились спать.

Проснувшись в понедельник утром и поглядев на часы, я с удивлением обнаружил, что уже десять. «Странно, что злосчастное дитя мистера Белла¹ не подняло меня с постели на рассвете», — подумал я, приходя в себя. И тотчас вспомнил о снятой трубке. Машинально поглядев на анемометр, я увидел, что зюйд-вест сменился норд-остом. Уныло поплелся в холодную кухню и положил трубку на рычаг. Не успел я разжечь плиту, как телефон ожил. Звонил рыбак с острова Смолс. Когда-то я оказал этому человеку небольшую услугу.

¹ Белл Александр (1847—1922) — американский ученый, изобретатель телефона. — *Примеч. пер.*

— Шкипер Моуэт? Это вы? Я вас вызываю уже часа два. Мы сегодня были в Га-Га. Утром, когда ветер стал заходить. Хотели посмотреть, не унесло ли штормом наши сети. Так там китиха на берег выбросилась. Да, прямо на берег, возле самого пролива. И кровь из нее течет... похоже, ее кто-то сильно порезал...

Страх, точно внезапный порыв ледяного ветра, пронзил меня до костей. Я кинулся к окну и с первого взгляда понял, что нечего и думать идти в такой день в море на плоскодонке. Тогда я позвонил Курту Бангею, и этот славный человек согласился рискнуть: он брался отвезти меня в заводь на своем новом баркасе.

Море было сплошь покрыто бурунами, но Курта даже это не остановило. Он запустил двигатель на полную мощность. Временами мне казалось, что нас вот-вот захлестнет. Налегая на штурвал, Курт кричал что-то мне в самое ухо, и, когда я понял, о чем он говорит, страх мой сменился беспредельной яростью.

— Я так и знал!.. — кричал Курт. — Не зря они говорили... что загонят китиху на берег... если только случай повернется. Видно, сегодня утром... когда ветер зашел...

Я был в таком состоянии, что, наверное, мог бы убить человека. Курт подвел лодку к берегу. Я спрыгнул на скользкие камни, не удержал равновесия и плашмя свалился в воду, но тут же вскочил на ноги и не разбирая дороги бросился на холм, заслонявший от меня заводь. Взбежав на вершину, я сразу увидел китиху. Она лежала прямо подо мной. Ее широченная белая нижняя челюсть покоилась на берегу, но огромное тело оставалось на плаву — к счастью, дно здесь у самого берега резко понижалось.

Я кинулся вниз. В воздухе стояло зловоние, тотчас напомнившее мне о давешней встрече с китихой. Весь берег вокруг головы китихи был покрыт кашицей из частично переваренной сельди. Однако в тот момент я лишь механически отметил увиденное: я был всецело поглощен необходимостью согнать китиху с берега прежде, чем начнется отлив и она погибнет от собственной тяжести.

Сам я помню дальнейшее довольно смутно, но Курт, бжевший следом, рассказал мне потом, как было дело:

— Когда я поднялся на холм, вы были уже внизу. Сперва я вас не увидел, а только услышал, как вы кричите не своим голосом: «Убирайся отсюда вон, идиотка проклятая!» Потом гляжу — вы ее кулаками молотите, прямо по голове. Вы были как пьяный. Я еще подумал — это же все равно что пытаться в одиночку спустить на воду корабль. Потому что китиха была в точности как корабль, выскочивший носом на берег.

Мое безрассудное поведение так поразило и расстроило Курта, что он остался на холме и оттуда глядел, как я ругаю китиху последними словами и приказываю ей идти в глубину. Наконец, вне себя от отчаяния, я уперся спиной в выступ скалы, а ногами — в гигантскую, упругую, как твердая резина, губу китихи и принялся, надрываясь, спихивать животное с берега.

Это было безумие, конечно, — несколько десятков килограммов немощной человеческой плоти против восьмидесятитонного животного! И все же я пинал китиху каблуками, упирался в гранит, орал и, кажется, даже плакал от бессилия.

И вдруг китиха зашевелилась! Я увидел, как в воде засветились ее громадные ласты, похожие на пару гигантских рук, и понемногу, почти неприметно, пленница отошла от берега и, развернувшись, двинулась по поверхности к центру заводи.

Курт скатился с холма и стал рядом со мной.

— Отлично, шкипер! Вы ее спасли! — воскликнул он.

Но Курт ошибался. Успокоившись и обретя способность рассуждать трезво, я понял, что не злосчастная случайность и не жестокие преследователи загнали китиху на берег. Она сама вылезла на камни, потому что была слишком слаба, чтобы плавать. Да, мне все стало ясно. Беловатое месиво на берегу — это же рвота. Нашлось объяснение и для отравлявшего воздух зловония. Я вспомнил: точно такой же тошнотворный запах я слышал в 1943 году в Сицилии. Он исходил от гниющих ран солдат, умирающих от гангрены.

Это было еще не все. По обе стороны от медленно удалявшейся китихи в воде оставались тонкие темные

полосы. Начинались они возле огромных вздутий на ее боках и спине. Я сам видел, как из одного такого вздутия толчками изливалась кровь. Это, конечно, были нарывы, гигантские резервуары гноя, которые уже начали вскрываться, извергая скопившуюся в них смердящую массу в холодные воды заводи.

Полуживой от ужаса, я смотрел, как китиха медленно плывет через заводь, оставаясь все время на поверхности. Вероятно, измученное животное было просто не в силах уйти в глубину. Наконец пленница достигла противоположного берега (казалось, ее отнесло туда ветром) и снова положила свою могучую голову на прибрежные камни.

— Черт возьми, ее снова вынесло на берег! — встревоженно воскликнул Курт.

— Ее не вынесло, Курт, — уныло объяснил я. — Она больна. Ей так плохо, что она даже плавать не может. Она тонет. И знает, что ей надо держаться на мелководье, иначе она захлебнется.

Курт недоверчиво покачал головой. Ему трудно было представить себе, что животное, рожденное в океане, может захлебнуться.

Я и сам никак не мог собраться с мыслями. Уж очень неожиданно обнаружились мои заблуждения. Я проявил чудовищное легкомыслие, поверив, будто сотни пуль, засевших в теле китихи, не причинили ей большого вреда. Мне просто в голову не пришло, что могучий кит станет жертвой невидимых глазу микробов. Между тем именно это и произошло. «Что теперь делать? — думал я. — Проклинать собственную глупость? Или еще не поздно что-нибудь предпринять?..»

Но что можно предпринять, я не знал, и нерешительность парализовала меня. Больше всего мне хотелось срочно связаться с Шевиллом или с кем-нибудь, кто умеет лечить китов и научит меня, что делать. Однако оставлять китиху одну на берегу было опасно. Я уже понял, что рыба с острова Смолс ошибся и никто китиху не резал; но ведь она теперь совершенно беспомощна, и, как только в городе узнают об этом, кое-кто наверняка решит, что настал самый подходящий момент прикончить пленницу.

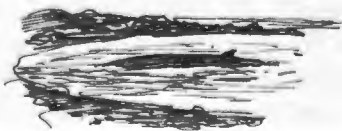
Поэтому оставить свою подопечную без охраны я боялся. Мог ли я объективно оценить, насколько глубоко проникли вирусы злобы и подозрительности в умы горожан, когда и сам я, как видно, не избежал этой заразы.

От дальнейших колебаний меня избавило появление в проливе полицейского катера. Дэнни Грин услышал, что китиха снова подверглась нападению, и, не побоявшись сильного волнения в заливе Шорт-Рич, пришел ее проведать. Дэнни бросил якорь, спустил ялик, и они с Мэрдоком подошли к берегу, где стояли мы с Куртом. Пока я объяснял ситуацию, Мэрдок глядел в бинокль на громадный неподвижный силуэт у противоположного берега. Когда я кончил, он опустил бинокль, обернулся, и я увидел выражение боли и гнева на его лице.

— Мы по-прежнему не имеем полномочий запретить лодкам входить в заводь, — сухо сказал он. — Но пока я здесь, ни один человек не приблизится к китихе!

Я поблагодарил его и сделал шаг в сторону нашего баркаса. И в эту секунду до меня снова — в четвертый, и в последний раз — донесся голос финвала. Это был все тот же глухой и загадочный гул, родившийся словно где-то далеко от нас — в глубине моря, или в толще скал, или в самом воздухе. Низкий, дрожащий стон раздался над Олдриджской заводью, и все мы отчетливо услышали его, несмотря на вой ветра в холмах полуострова Ричардс-Хэд.

Никогда в жизни я не слышал крика, полного такой безысходной тоски.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Возвращаясь в Мессерс, мы причалили в бухте Фирби-Ков, и я забрал с почты еще один мешок писем — в основном это были письма от людей, сочувствующих нашей китихе. Я закинул мешок на спину и торопливо зашагал к причалу, но по дороге встретил знакомого. Человека этого я знал с тех пор, как мы поселились в Бюржо, и всегда относился к нему с величайшим уважением. Я вспомнил, что всего несколько дней назад мы с ним говорили о китихе: он жалел ее и одобрял мои попытки спасти животное. Однако теперь в ответ на мое приветствие он сплюнул на снег, всего в нескольких сантиметрах от моего башмака.

— Что это значит, Матт? — поразился я.

— А то и значит, что являются тут всякие, порочат честных людей! Всему городу житья не дают!

Он был крупный мужчина, и в голосе его звучала такая злоба, что я невольно сделал шаг назад, но тут же понял, что Матт не собирается пускать в ход кулаки. Он, видимо, считал, что на первый раз можно обойтись словами.

— Чтоб вы провалились со своей китихой! Ну да с ней теперь покончено. Да и с вами тоже. В Бюржо вам боль-

ше нечего делать. Так и знайте! — И, отвернувшись, он зашагал прочь.

Потрясенный этим выпадом, я пошел к берегу, где меня ждал баркас и, как оказалось, еще один сюрприз: выйдя со своим мешком к причалу, я обнаружил, что Курт разговаривает с четой врачей из городской больницы. Когда я приблизился, они обернулись ко мне.

— Курт рассказал нам, что китиха больна, — дружелюбно и даже озабоченно обратился ко мне врач-мужчина, заместитель мэра Бюржо. — По описанию похоже на сепсис. Чем мы могли бы вам помочь?

Я был поражен. Еще недавно супруги откровенно высказывались за убийство китихи, и вдруг — полный поворот кругом... в точности, как Матт, только в противоположном направлении. Вот и поди разберись, что происходит! Те, кого я считал своими «кровными» братьями, обернулись против меня, а «кровные» враги предлагают мне свою помощь. Впрочем, в тогдашней ситуации я принял бы помощь от самого дьявола.

— Помочь?.. Надо подумать. А что, если применить антибиотики? Это возможно?

Ответила мне супруга заместителя мэра — женщина порывистая и агрессивная.

— Все возможно, — сказала она. — Только для такой громадины у нас в больнице не наберется антибиотиков даже на одну инъекцию. Достаньте лекарства, тогда посмотрим.

— Отлично, — сказал я. — Постараюсь что-нибудь раздобыть.

Войдя в дом, я сел писать бюллетень для прессы, и через двадцать минут я его закончил. Получилось резкое, обличительное сообщение, из которого было ясно, что гнев взял надо мной верх. В первой же фразе объявив, что огнестрельные раны привели к заражению крови и что китиха находится в весьма критическом состоянии, я в самых образных выражениях описал ее невыносимые мучения, длящиеся уже несколько дней, и заключил просьбой прислать в Бюржо антибиотики, шприц и иглы,

чтобы мы могли «попытаться загладить свою вину за чудовищный поступок некоторых наших сограждан, причинивших плененному животному безмерные страдания».

Прежде чем передать по телефону этот текст, я показал его Клэр. Она пришла в ужас.

— Фарли, это нельзя посылать в прессу. Ты озлоблен, ты... просто мстишь! Такое выступление в печати — не меньшая жестокость, чем стрельба по киту. Одумайся, прошу тебя!

Я не передал составленного бюллетеня. Когда около семи часов вечера мне удалось наконец дозвониться до агентства Кэнэдиен Пресс, я продиктовал абсолютно бесстрастное сообщение, которое было тут же передано по телеграфу в редакцию Канадского радио и по международным каналам послано в другие страны. Принимал мой текст один из руководителей агентства в Торонто, и, когда я кончил, он поблагодарил меня и сказал:

— Информация о Моби Джо идет на первых страницах во всех газетах. Шумиха вокруг вашей китихи просто невообразимая. Надеюсь, вы не наделаете глупостей, Фарли.

Я не очень понял его намек, но переспрашивать не стал. По правде говоря, я вовсе не был уверен, что поступаю правильно. Может быть, я уже наделал массу глупостей? К счастью, размышлять было просто некогда. Не прошло и часа, как из нашего приемника донеслось:

«Хранитель оддриджского кита сообщил, что Моби Джо нужны антибиотики — срочно и в больших количествах. Как выяснилось, пулевые ранения привели к заражению крови. По словам Фарли Моуэта, кит очень и очень болен. Врачи городской больницы в Бюржо вызвались провести курс инъекций, однако у них пока нет необходимых для этого средств. Для каждой инъекции требуется 160 граммов сильнодействующего антибиотика, причем для полного курса лечения понадобится не меньше восьми уколов. Нужны также шприц емкостью полтора литра и стальная игла длиной около метра... »

Реакция на это сообщение была почти мгновенной. Из Монреаля позвонил владелец фармацевтической фабрики и сказал, что зафрахтует самолет и утром, если позволит погода, вышлет нам из Сент-Джонса 800 граммов необходимого препарата, а в дальнейшем будет высылать лекарство из Монреаля через Гандер.

Я повесил трубку, и телефон тут же зазвонил опять — нам сообщили, что подходящие шприцы есть только в зоопарке в Бронксе (Нью-Йорк) и ванкуверском океанариуме (Британская Колумбия); туда уже обратились с просьбой немедленно выслать шприц самолетом в Гандер, откуда утром их заберет другой, специально зафрахтованный самолет.

Шевилл, все еще сидевший в Стивенвилле, услышал мое обращение по радио и провел несколько часов у телефона, консультируясь со специалистами в самых разных уголках континента — вплоть до Пуэрто-Рико. Получив рекомендации насчет лечения китихи, он заказал в Соединенных Штатах необходимые препараты и затем позвонил мне.

— Прогноз на завтра хороший, — сказал он. — Утром прилетим на вертолете, на этот раз — наверняка.

Хирург-ветеринар из Сент-Джонса телеграфировал, что он вылетает в Бюржо за свой счет и окажет нам сильную помощь. Десятки людей спешили предложить нам свою поддержку советом или деньгами, и, как ни старалась несчастная телефонистка в Хермитидже, она была просто не в состоянии справиться со всеми вызовами. В конце концов мы попросили одного нашего друга в Сент-Джонсе принять часть переговоров на себя.

Странное действие произвел на меня этот массовый и практически мгновенный отклик на мою просьбу о помощи. Гнев и обиду как рукой сняло. Настроение у меня было самое приподнятое. Непрестанные телефонные звонки, радиосводки о реакции публики на переданное по радио и телевидению обращение — все это действовало на меня как мощное возбуждающее средство.

Наверное, так должен чувствовать себя человек, внезапно обнаруживший, что он умеет творить чудеса. Китиха будет спасена — я уже не сомневался в победе. Целую ночь замерзший Бюржо оставался в центре внимания огромного континента, и это ослепило меня: я уже плохо отдавал себе отчет в реальном положении дел.

Около полуночи мне позвонил один из членов Юго-западного клуба. Он был вне себя от счастья.

— У вас радио включено? — возбужденно кричал он. — Это же что-то потрясающее! Наконец-то о нас заговорили! Еще пара недель — и Джо прикажет проложить в Бюржо шоссе. Да, видно, не зря Бог послал нам эту китиху! Уж она-то превратит Бюржо в стопроцентный современный город! — Он на секунду замолчал, потом спросил встревоженно: — А она не подойдет?

— Она очень больна, — ответил я, — и пока что на улучшение рассчитывать не приходится. Мне надо все время сидеть у телефона, потому что к утру прибудет, по крайней мере, пять самолетов с лекарствами и врачами. Нельзя ли на рассвете послать кого-нибудь в завод присмотреть за китихой? Констебль не может торчать там круглые сутки, и я боюсь, как бы кое-кто из подонков, которые в нее стреляли, не воспользовался случаем... И пусть утром кто-нибудь позвонит мне и сообщит, как дела.

— Конечно, Фарли. Мы все устроим. Я лично пойду в завод. Не дай Бог с ней сейчас что-нибудь случится, не дай Бог!..

Поспать в ту ночь мне опять не удалось. Резкий переход от озлобления к экзальтации привел меня в такое состояние, что я не мог прилечь даже на несколько минут. Всю ночь я пил чай и смотрел на часы.

Лишь только забрезжил зеленоватый рассвет, я вышел из дому. В воздухе не было ни ветерка. Когда небо посветлело, я увидел, что оно совершенно безоблачно. Густая пелена тумана, всегда висевшая над морем в нескольких милях от берега в ожидании подходящего момента, чтобы надвинуться на Бюржо и поглотить его, в то утро

отступила далеко к горизонту. Одним словом, погода на юго-западном побережье была летняя.

Когда я вернулся в дом, Клэр уже готовила завтрак. За едой мы молчали. Время от времени Клэр озабоченно поглядывала на меня и наконец сказала:

— Почему бы тебе не прилечь на пару часов? Самолеты прибудут еще очень скоро, а тебе необходимо отдохнуть. Раньше ты один отвечал за китиху, но ведь теперь за ней будут присматривать специалисты. Ляг поспи хоть немного.

Слова Клэр разом сняли мое нервное напряжение. Плотный завтрак, чистый солнечный свет, заливавший кухню, тоже действовали благотворно. Я зевнул и с трудом поднялся из-за стола. «Самое худшее уже позади, — сказал я себе. — Кончилась моя долгая одинокая вахта: вот-вот прибудет подкрепление».

Я лег в постель и мгновенно погрузился в глубокий сон без сновидений. Однако спал я чутко и, когда раздался телефонный звонок, сразу очнулся. Клэр сняла трубку и, послушав немного, подошла к моей кровати.

— Поди поговори с ними, — сказала она напряженным, бесцветным голосом. — Это с рыбозавода. Китихи нет в заводи. Она куда-то исчезла.

Когда я взял трубку, было десять минут десятого. Я очень хорошо это помню, потому что, войдя в кухню, я машинально поглядел на часы, соображая, скоро ли начнут прибывать самолеты.

— Это вы, Фарли? Я только что вернулся из заводи. Мы пошли туда на рассвете и искали китиху целых два часа, но ее нигде нет. Видно, ночью она ушла в море. Сбежала. Теперь уж ее не найдешь.

— Сбежала? — тупо повторил я.

И тут я все понял. Понял, что произошло, и сразу безоговорочно поверил в это.

— Она не сбежала... Она умерла.

Всего несколько секунд понадобилось моему собеседнику — члену муниципального совета и Юго-западного клуба — на то, чтобы оценить последствия этого собы-

тия. Возможно, он все обдумал еще в заводи. И все же в голосе его звучал неподдельный страх:

— Не может быть, Фарли, не может быть! Она просто уплыла в море! Если газетчики пронюхают, что она умерла у нас в заводи, они нас прикончат на месте!

«Умерла... китиха умерла», — повторял я про себя и вдруг почувствовал прилив холодной злобы.

— Вот именно, — сказал я. — Вот именно. Они вас прикончат. Точно так же, как вы прикончили китиху. По-моему, это будет только справедливо, а?

— Фарли, но ведь можно сказать репортерам, что китиха сбежала! Пусть все останется между нами. Сейчас такой холод, что если она умерла, то туша всплывет не раньше чем через неделю. За это время шумиха уляжется, о Бюржо позабудут... Фарли! Вы прожили у нас пять лет. Ведь мы с вами соседи!

— Нет, — сказал я. — Мы больше не соседи. Да мы, пожалуй, никогда и не были соседями.

Он продолжал меня уговаривать, но я повесил трубку. Вызвав Хермитидж, я попросил телефонистку соединить меня с репортером, взявшим на себя роль моего связного. После обычных задержек и неполадок просьба моя была исполнена, и я попросил его связаться со всеми, кто собирается лететь в Бюржо или уже находится в пути.

— Скажите им, что все кончено. Извинитесь за меня перед ними. Пусть возвращаются к себе домой.

— Фарли, а вы совершенно уверены, что она умерла?

— Уверен. Уйти она не могла. Вчера вечером ей было так плохо, что она с трудом держалась на поверхности, — ответил я и внезапно ощутил такую горькую обиду, что не сдержался и крикнул этому ни в чем не повинному человеку: — Она сдохла, понимаете вы это или нет? Сдохла! Может, хотите поглядеть на ее гниющую тушу?!

Репортер был нашим старым другом, и он простил мне эту выходку.

В мире чудес техники слухи расходятся быстро. Не успел я надеть свою куртку с капюшоном, как музыкальную радиопередачу, которую мы обычно слушали по ут-

рам, прервало сообщение о том, что Моби Джо, кит, попавший в западню близ города Бюржо, исчез — по видимому, умер.

В аутпортах слухи тоже расходятся довольно быстро. Еще не отзвучал голос диктора, как отворилась дверь и в кухню вошел Оуни.

— Я подумал, что вам, наверное, нужна будет лодка, — сказал он негромко. — В общем, если вы готовы, можно идти прямо сейчас.

Мимо нас скользили яркие, беспорядочно разбросанные по берегу домики Бюржо, покрытые льдом острова, сверкающие на солнце проливы и бухты, прекрасные, как никогда. И я вдруг понял, что снова, как несколько лет назад, смотрю на город глазами постороннего.

У залива Шорт-Рич мы встретили баркас, направлявшийся в море. Все трое рыбаков, стоявших в баркасе, были мне знакомы, но ни один из них не помахал мне рукой, и я тоже не поздоровался с ними.

Приблизившись к заводу, мы увидели фонтан белого пара, на мгновение повисшего в воздухе, и длинный черный хребет Опекуна, уходящего в глубину.

Присутствие Опекуна лишний раз доказывало, что китиха — или, точнее, ее тело — все еще в заводе. Долго не поднимался Опекун, а когда вынырнул, то некоторое время оставался на поверхности, причем почти не шевелился. Мне показалось, что он прислушивается... Никогда больше не услышать ему голоса своей подруги.

Мы вошли в заводь. Полицейский катер был уже там, и мы взялись за поиски вместе. Вода была прозрачная, спокойная, и дно легко просматривалось даже на глубине семи метров; ниже, однако, все было погружено в темноту, скрывавшую от нас тело китихи.

Хотел бы я знать, почему она не умерла, лежа у берега. Видно, в последнюю минуту уставший мозг почему-то заставил ее искать убежище в сокрытых вечным мраком морских глубинах.

Наконец мы прекратили бессмысленные поиски. Плоскодонка и полицейский катер борт о борт застыли посреди притихшей заводи.

— Может, она все же ушла в море, 'а? — спросил Мэрдок.

Я готов был ответить ему резкостью, но сдержался, понимая, что констебль действительно простодушно надеется на чудо. Ответил за меня Дэнни:

— Не говори ерунды. Она лежит на дне, в пятнадцати метрах от нас. Через три-четыре дня ее раздует, и она всплывет на поверхность. Нашим героям будет чем похвалиться! Восемьдесят тонн тухлого китового мяса — чем не охотничий трофей!

Затем Дэнни обернулся ко мне. Его худощавое лицо, как всегда, хранило насмешливое и в то же время бесстрастное выражение. Но когда он заговорил, в голосе его уже не было прежней язвительности. Впрочем, может быть, мне это только показалось...

— Все вы наделали глупостей, — сказал он. — И эти парни со своей стрельбой, и ты, Фарли... И неизвестно еще, кто из вас оказался дурнее. Если хочешь знать мое мнение, так ни китихе, ни Бюржо пользы ты не принес. Самому себе тоже только навредил.

Дэнни посмотрел мне прямо в глаза, но ответить мне было нечего. Он покачал головой и закончил:

— Да ладно, чего уж теперь. К черту!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Джо Смолвуд скорбит по злосчастному финвалу Моби Джо.

Сент-Джонс, Ньюфаундленд, Кэнэдиен Пресс.

В законодательной палате сегодня было объявлено о предполагаемой кончине Моби Джо.

Ранее поступило сообщение о том, что финвал, случайно попавший в западню близ рыбацкого городка Буржо на юго-западном побережье, исчез из заводи — по-видимому, умер и утонул.

Открывая сегодняшнее заседание палаты, премьер-министр Джозеф Смолвуд, «опекун» восьмидесяти-тонного животного, сообщил собранию эту печальную весть.

«Я уверен, — сказал он, — что весь Ньюфаундленд, вся Канада и даже вся Северная Америка будут сожалеть о смерти гигантского финвала.

Таким образом, битва за жизнь кита окончилась поражением. По мнению специалистов, кит погиб от заражения крови, развившегося в результате огнестрельных ран, полученных китом десять дней назад. По-видимому, кит скончался сегодня ночью, и тело его

покоится на дне заводи на глубине около пятнадцати метров».

В Бюржо утро восьмого февраля мало чем отличалось от любого другого зимнего утра. На рассвете дул ураганный зюйд-вест. Облака проносились так низко над морем, что черные прибрежные острова почти исчезли из виду. Пурга, словно бич, жестоко хлестала одинокие молчаливые домики Мессерса. Потом буря внезапно улеглась. Ветер стих, мир сиял чистотой, с неба светило бледное зимнее солнце. Клэр записала в своем дневнике:

«Как грустно нам в этот ясный, дивный день. Бюржо сегодня так очарователен, а мне теперь все равно. Китиха наша умерла. Мы слушали радиосводку, и я все думала о том, как эти дикари стояли вокруг заводи с винтовками в руках и стреляли в большое и совершенно безобидное животное. Звери, настоящие звери — иначе их не назовешь. А вот китихе это слово вовсе не подходит.

Теперь все кончено. Мы с Фарли остались одни и поневоле думаем о том, что нас ждет, если мы не уедем отсюда... »

Да, день был дивный, но при этом ужасно тоскливый... другого такого не припомню. Между нами и Бюржо будто выросла стена. Никто не шел к нам в гости. Даже ближайшие соседи не ступали на свежий, нехоженный снег вокруг нашего дома. Соседские ребяташки вернулись из школы, но против обыкновения не пришли посидеть у нас на кухне. Мне чудилось, что мы одни на холодной скале, посреди безжизненного мира. С человечеством нас теперь связывали только бесплотные голоса незнакомых людей, доносившиеся сквозь металлическое потрескивание в телефонной трубке. Но китиха умерла, и я знал, что скоро даже телефон перестанет звонить.

Наконец я не выдержал одиночества и, позвав Альберта, нашего водолаза, отправился на прогулку. Темнело. Я намеренно выбрал тропу, которая вела на восток, в центральную часть города. Навстречу нам шли люди, но, хотя они вежливо отвечали на мои приветствия, ощущение

ние одиночества от этого не рассеялось. Я чувствовал, что вежливость моих соседей — всего лишь маска. Окончательно я убедился в этом, когда мы разминулись с группой парней и девушек с рыбозавода. Они возвращались с работы и, увидев меня, расступились, но никто не обратился ко мне; а отойдя на несколько шагов, я услышал, как девушки негромко и нестройно запели:

Моби Джо в дороге дальней,
Не задержится и Фарли...

Мы с Альбертом свернули с тропы и пошли по направлению к мысу Мессерс-Хэд, где всего за несколько недель до смерти китихи я стоял на одинокой скале и смотрел, как охотятся финвалы.

Было темно и почти ничего не видно. Я с трудом отыскал каменный маяк на острове Эклипс. Почти три столетия назад капитан Джеймс Кук наблюдал с этого острова за прохождением планеты Венера.

Я долго сидел на вершине холма, ничего не видя и не слыша, погружившись в мрачные размышления и заново переживая горечь своего поражения. Но постепенно до моего слуха снова стал доноситься шум прибоя; я забыл о себе, и от мира людей мысли мои обратились к океану и его обитателям — китам.

Впервые после исчезновения пленницы мною овладело чувство невозвратимой утраты. Кругом было темно, и никто не заметил бы, что я плачу... плачу не только по умершей китихе, но еще и оттого, что прервалась непрочная нить, ненадолго связавшая ее племя и моих двуногих собратьев.

Я плакал, потому что знал — эту уникальную возможность хотя бы отчасти преодолеть пропасть, все больше отделяющую человека от породившей его природы, мы упустили из-за своего невежества и глупости.

Я знал, что отныне люди, которых мы с Клэр успели полюбить, будут нам чужими. И все же оплакивал я не наше неминуемое одиночество, а несравненно более страшное одиночество Человека, ставшего чужим на своей соб-

ственной планете и обреченного нести это бремя до самого смертного часа.

Лишь поздно вечером мы с Альбертом вернулись домой. Снег перед эркером в гостиной горел ярким оранжевым светом. Я толкнул дверь... и увидел, что кухня наша полна гостей! Вот ухмыляющийся во всю ширь своего обветренного лица дядя Джоб со стаканом в руке, вот Сим, вот Оуни и многие другие рыбаки... Клэр, казавшаяся усталой и озабоченной, но уже не такой мрачной, как в последние дни, носила из столовой стулья для молодых людей и девушек, среди которых я заметил и Дороти Спенсер.

Дядя Джоб поднял стакан и произнес тост:

— За ясную погоду, шкипер! Хотя не очень-то я в нее верю. По-моему, шторм идет.

Гости пробыли у нас недолго и по обыкновению говорили мало. О чем они говорили — не важно; важно, что никто из них ни разу не упомянул о китихе.

Последним ушел Сим. Уже в дверях он обернулся и, потоптавшись немного, преодолевая смущение, высказал наконец то, ради чего он и пришел к нам:

— Вы только... главное... не беспокойтесь понапрасну. Бюржо ведь тоже не без добрых людей... Одним словом, мы вас считаем своими друзьями.

Сим был не горазд говорить, но мы поняли, что слова его идут от чистого сердца, и до сих пор бесконечно признательны ему за это. Скупая реплика Сима подействовала на меня так благотворно, что, когда на следующее утро, в четверг, ко мне явились рыбаки, ловившие для китихи сельдь, и угрюмо потребовали денег, это не вызвало у меня никакого раздражения.

Они сами назначили плату за свои услуги и настаивали на немедленном погашении долга. Сумма составляла больше пятисот долларов, и я сказал, что придется подождать, пока придут деньги от Смолвуда (они так и не пришли, но тогда я еще рассчитывал на эти деньги).

— Что-то тут нечисто, — недоверчиво ответил мне один из рыбаков. — Имейте в виду, мы послали Смолвуду телеграмму. Пусть знает, что вы хотите прикарманить его денежки.

— Вот именно, — добавил другой рыбак. — К тому же нам известно, что вы собираетесь продать китиху, а она стоит целое состояние.

Тут уж я не выдержал:

— Да вы что, спятили? Китиха лежит на дне Олдриджской заводи. Как это мы можем ее продать?! Да и какой идиот ее теперь купит?

Рыбаки смущенно переглянулись, и один из них сказал:

— Да нет, она не на дне. Она уже всплыла. И говорят, Юго-западный клуб продал ее жироваренному заводу за десять тысяч долларов!

Помолчав немного, он с неожиданной запальчивостью добавил:

— Пусть отдают деньги рыбакам! Почему это они должны достаться клубникам?! Тем более... приедем!

Бессмысленно было даже пытаться опровергнуть этот дурацкий слух, да мне и не хотелось спорить с рыбаками. Китиха всплыла, и необходимо было что-то срочно предпринять. Я нашел свою чековую книжку и выписал каждому из рыбаков сумму, которую тот считал справедливой, а когда все они ушли, позвонил управляющему рыбозаводом. О том, что туша поднялась на поверхность, он еще не слышал.

— Черт побери! Да если бы я знал, я давно уже приказал бы оттащить ее в море, пока об этом не пронюхали газетчики! Немедленно пошлю буксир с людьми. Не хватает, чтобы опять поднялся скандал!

— Сперва подумайте хорошенько, — предостерег я. — Китиха весит около восьмидесяти тонн. Если оставить ее в море, она создаст угрозу для навигации. В случае столкновения туша может потопить даже довольно большое судно. А отвечать за это будете вы.

— Так что же делать? Вы хранитель этой проклятой китихи — вот и решайте!

— Ну это вы бросьте, — сказал я. — Я был хранителем китихи, когда она была жива. За труп я никакой ответственности не несу. Труп является собственностью граждан города Бюржо, в частности тех, кто принимал участие в охоте. Вот пусть они им и распоряжаются.

Радиосводки о «воскресении» олдриджского кита не заставили себя долго ждать; а за ними последовал телефонный звонок из городской больницы. Супруга нашего врача, она же — санитарный врач Бюржо, считала, что разлагающийся труп чрезвычайно опасен для населения. Из ее объяснений выходило, что, если кого-нибудь из горожан угораздит подхватить от китихи заразу, результат может оказаться самым плачевным. Мне, стало быть, следовало объявить об этом по радио.

Наверное, надо было отказаться: пусть сама объявляет — в конце концов, это входит в прямые обязанности санитарного врача. Но я исполнил ее просьбу. Скандал разразился ужасный. Не прошло и нескольких минут, как мне позвонил управляющий рыбозаводом и, задыхаясь от злобы, потребовал, чтобы я немедленно обнародовал опровержение. Он напомнил мне, что часть воды для обработки рыбы на заводе поступает прямо из залива Шорт-Рич, откуда меньше мили до плавающего в заводи трупа. Управляющий, конечно, боялся, как бы федеральная санитарная инспекция не закрыла завод.

Сочувствовать ему я не мог.

— Надо было думать об этом три недели назад, когда ваши люди выдавали охотникам боевые патроны, чтобы они, не дай Бог, не упустили случая поразвлечься.

Я знаю, что мною руководили не лучшие побуждения, и все же не сожалею о своих словах. В тот день я записал у себя в дневнике:

«По сравнению с Бюржо Старый Мореход¹ был невинной овечкой. У него на шее висел всего лишь мерт-

¹ Старый Мореход — герой поэмы английского поэта С. Т. Кольриджа (1772 — 1834) — убил альбатроса и тем навлек на себя гнев стихии. Спутники Старого Морехода повесили мертвую птицу ему на шею. — *Примеч. пер.*

вый альбатрос. У Бюржо сейчас на шее восемьдесят тонн яда — гниющее мясо, жир и внутренности. Может быть, теперь жители этого славного городка начнут хоть что-нибудь понимать».

Жители поняли. Но не то, чего мне хотелось. Под огнем новой атаки радио и газет, которую возглавил Боб Брукс, опубликовавший в еженедельнике «Стар Уикли» статью, полную оскорблений, жители Бюржо сплотили свои ряды: даже те, кто сочувствовал китихе и не принимал участия в трагических событиях, стали теперь заодно с «охотниками». Пресса и радио обвиняли всех без разбора, и поэтому естественно, что оскорбленные и озлобленные горожане, не имеющие возможности ни защититься, ни оправдаться, выступили единым фронтом. Атмосфера в городе переменилась как по волшебству. Расстрелявшие китиху вдруг оказались невинными жертвами несправедливых обвинений: общественное мнение пришло к выводу, что они правильно поступили.

В такой ситуации Юго-западный клуб, состоявший в основном из городских дельцов и заправил, конечно, снова переменил позицию.

Мне позвонили из клуба в тот же вечер, в четверг. Говорили вежливо, но недвусмысленно дали понять, что Юго-западный клуб считает нужным нарушить наш союз и отныне будет стараться восстановить доброе имя Бюржо.

Я от всего сердца пожелал им успеха.

В пятницу погода прояснилась лишь к полудню, и мы с Клэр решили не откладывая нанести прощальный визит в Олдриджскую заводь. Снова, как несколько дней назад, стоял сильный мороз, от воды шел пар, а в проливах плоскодонка Оуни с треском ломала тонкий беловатый ледок. Китов мы не заметили, хотя видимость была прекрасная, и мы жадно вглядывались в горизонт, надеясь, что над темной поверхностью моря взлетит и повиснет на мгновение фонтан пара — этаким восклицательный знак на фоне ясного неба. Даже в заливе Шорт-Рич

вода лежала неподвижно, как зеркало: Опекун не встретил нас у входа в бухту. Исчезла вся оставшаяся в живых родня нашей китихи. Насколько мне известно, ни они, ни другие финвалы так до сих пор и не вернулись в район Бюржо, когда-то служивший им убежищем от китобоев.

Море кругом нас было безжизненно; лишь высоко над тихими водами заводи и холмами полуострова Ричардс-Хэд парили три гигантских орлана. В бескрайней пустоте неба они казались безмолвными плакальщиками, повисшими над опустевшим морем. Следя за их неторопливым, величественным полетом, я подумал, что лучших плакальщиков для китихи не сыскать — ведь владыки неба и сами обречены на вымирание... А опустив взгляд, я увидел, что мы уже в заводи и перед нами громятся останки одного из океанских владык. Зрелище это показалось мне предвестником неминуемого уничтожения всего великого племени левиафанов.

Даже теперь, по прошествии нескольких лет, мне больно описывать китиху, какой она предстала нашим взорам. Огромная при жизни, она после смерти увеличилась вдвое. Туша плавала на спине, обратив к небу раздутое, неприятно белое брюхо. Она напоминала опрокинувшийся корабль. Куда девалась сверхъестественная грация и красота нашей пленницы? То, что мы увидели в заводи, было бесформенно, уродливо и отвратительно. Я уж не говорю о запахе! Вонь стояла такая, что мы с трудом справлялись с приступами тошноты.

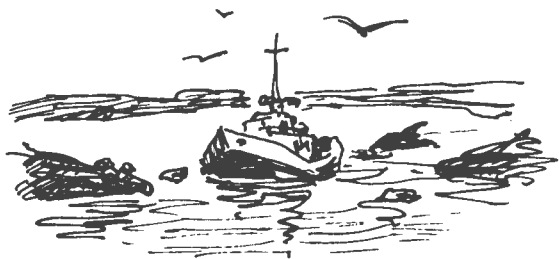
Но страшнее всего было еще раз увидеть подтверждение того, что это самка, которая — судя по состоянию ее млечных желез — могла бы скоро родить.

Легкий ветерок неторопливо гнал нашу плоскодонку вдоль туши. Не знаю, что чувствовал Оуни. Помню только, что Клэр тихонько глотала слезы. Пожалуй, все мы обрадовались, услышав рокот мотора, возвестивший о прибытии гостей.

Это был буксир с тремя рабочими рыбозавода. Буксир деловито вошел в заводь и направился прямо к туше. Пассажиры его не обращали на нас никакого внимания.

Я увидел, что головы у них обвязаны платками, закрывавшими носы и рты и придававшими мужчинам злое вид. Они торопливо обмотали хвост китихи стальным тросом, потом буксир, казавшийся крошечной скорлупкой рядом с гигантской тушей, дернулся вперед, остановился, и под его осевшей кормой вскипела белая пена. Скоро туша медленно и неуклюже двинулась по заводи. Причудливый кортеж миновал нашу лодку и вошел в пролив.

И если для живого финвала мелководный пролив был непреодолимым препятствием, то теперь, расставшись с жизнью и отправляясь в свой последний путь, пленница Олдриджской заводи без труда вернулась в породившее ее лоно океана...

СОДЕРЖАНИЕ

НЕ КРИЧИ: «ВОЛКИ!»	5
КИТ НА ЗАКЛАНЕ	171

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
127018, Москва, ул. Суцевский вал, д. 49
Издательство «Армада-пресс»
Телефон редакции: (095) 795-05-43*

*Оптовое-розничную продажу книг производит
Торговый дом «Школьник» по адресу:
Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А (м. «Таганская», радиальная)
Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76*

Моуэт Ф.

М 74 Не кричи: «Волки!»; Не кричи: «Волки!»; Кит на закла-
ние / Пер. с англ. Г. Н. Топоркова, В. А. Паперно; Худож.
Е. В. Шелкун. — М.: Армада-пресс, 2001. — 384 с.: ил. —
(Зеленая серия).

ISBN 5-309-00280-4

В повести «Не кричи: «Волки!» известный канадский натуралист и писатель Ф. Моуэт рассказывает о своей экспедиции в тундру, где он в одиночку, бок о бок с волками, изучал повадки, биологию, взаимоотношения с другими видами этих грозных хищников.

Второе произведение сборника — история о попытке спасти кита-полосатика, брошенного прибоем в закрытую бухту в районе Ньюфаундленда.

Драматическая фабула повествования дополняется обширными сведениями о природе Северной Атлантики.

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(7Кан)-44я5

РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Фарли Моуэт

**НЕ КРИЧИ: «ВОЛКИ!»
КИТ НА ЗАКЛАНIE**

Заведующая редакцией

М. Л. Жданова

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

А. В. Ермаков

Техническое редактирование

С. А. Толмачева

Компьютерная верстка

В. И. Салюк

Корректор

Т. С. Дмитриева

Подписано в печать 20.09.01. Формат 84x108^{1/32}.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,18. Тираж 7000 экз. Заказ № 4110175.

ООО «Армада-пресс»

109428, Москва, 1-й Вязовский пр., д. 5, стр. 1

Изд. лицензия ИД № 01276 от 22.03.00

Издание осуществлено при участии издательства «Дрофа»

ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98

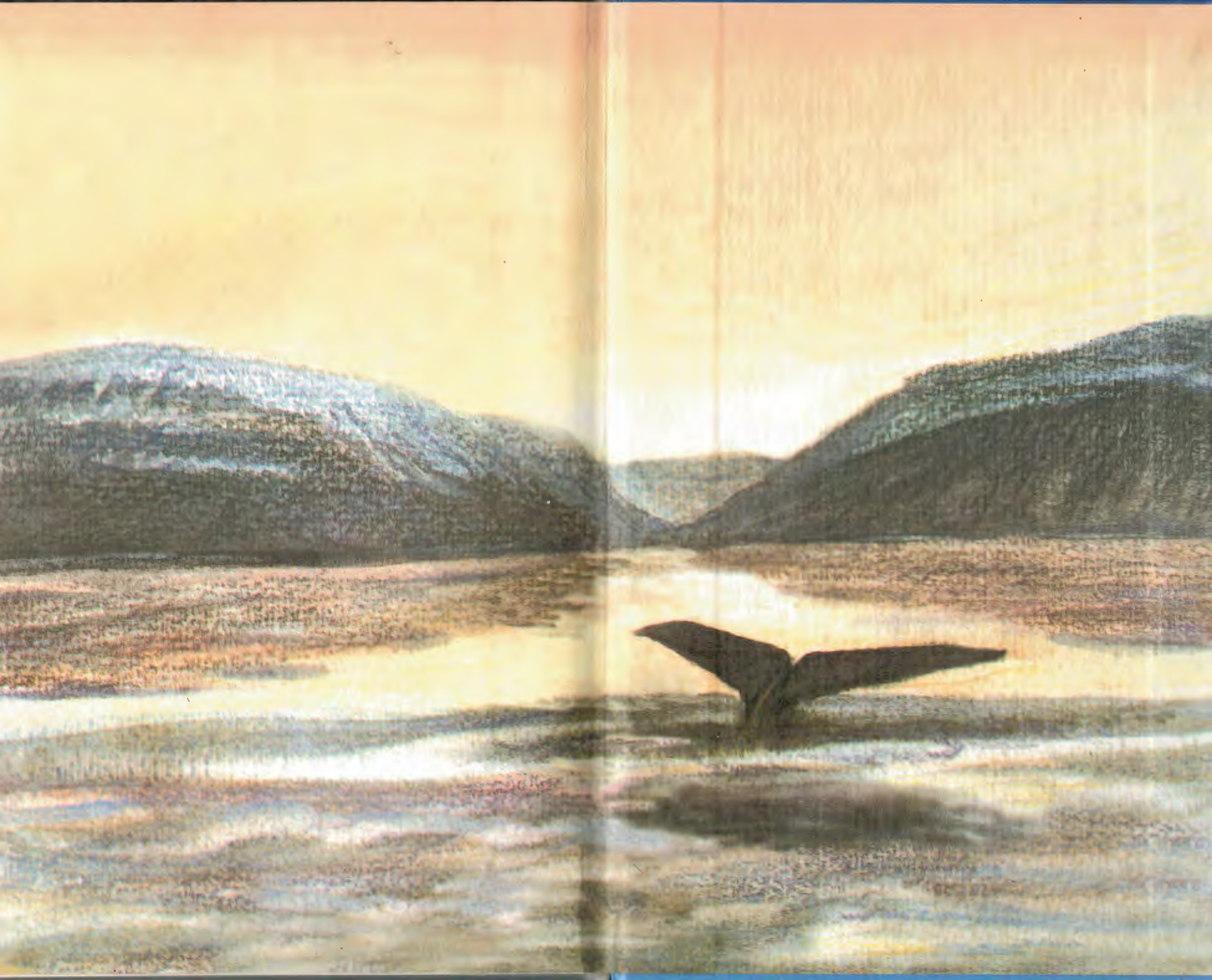
**По вопросам приобретения продукции
издательства «Армада-пресс» обращаться по адресу:**

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Нижеполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

39 P

Да, это было зрелище! Когда я наконец остановился и смог оглянуться, то увидел на валу трех взрослых волков, чинно восседавших в ряд, словно в королевской ложе. Они внимательно смотрели на меня с выражением восхищения, смешанного с иронией. И тут, признаюсь, я потерял самообладание. С учеными это случается нечасто, но я ничего не мог с собой поделать!

Фарли Моуэт

ISBN 5-309-00280-4

9 785309 002801